

ВЕСТНИК
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE
D'HISTOIRE
ANCIENNE

1 (2)

ОГИЗ СОЦЭКГИЗ 1938

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

1(2)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1938

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. В. МИШУЛИН

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, Красная площадь, здание
Верховного Совета СССР, 3-й этаж

Тираж 20.000 экз. 17^{1/2} печ. л.
70 × 108^{1/16}. В 1 п. л. 57024 знака.
Сдано в набор 25/II 1938 г. Под-
писано к печати 19/IV 1938 г.
Соцэкиз № 20.
Заказ типографии № 326

Технический редактор
С. Т о л о з

Уполномоч. Главлита № Б-44011
Отпечатано в 16-й типографии
Огиза РСФСР треста «Полиграф-
книга», Москва, Трехпрудный пер.,
д. 9

Henker

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ЗАДАЧИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

I

Великая Октябрьская социалистическая революция произвела гигантский культурный переворот в нашей стране. Наука и искусство, творческая деятельность в области техники, литературы, театра, музыки, развитие культуры труда и быта каждого гражданина—все это получило невиданный в истории человечества подъем, возможный только в социалистической стране.

Ленин в начале революции, говоря о великой задаче строительства культуры, писал: «только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить» (Соч., т. XXV, стр. 387).

Прошло 18 лет с тех пор, как Ленин на съезде комсомола в 1920 г. сказал эти слова, и теперь мы можем заявить, что нами достигнуты колоссальные результаты во всех областях знания.

Одним из важнейших участков по строительству новой, социалистической культуры является развитие в нашей стране научного исследования, в частности, в области исторической науки. Великая страна, вступившая в октябре 1917 г. на путь великой стройки, должна была начать создавать и великую, достойную своей страны, марксистскую историческую науку.

«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» (Л е н и н, там же, стр. 388). Это указание Ленина имеет непосредственное отношение и к фронту исторической науки, к борьбе за овладение знаниями о прошлом человеческой истории. «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений,—самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это—не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (Л е н и н, Лекция о государстве, Избр. произв., стр. 293). Известно, какое колоссальное количество исторического материала проработали, исследовали и осветили основоположники марксизма, раскрывшие социальные закономерности в прогрессивном

развитии человечества. В частности, они немало внимания уделяли изучению человеческой культуры на заре истории, исследованию духовных богатств древнего мира в области науки и искусства, литературы и философии.

После Октябрьской социалистической революции, в ходе гигантской созидательной работы по строительству нового, социалистического общества растет жажда знания, возрастает интерес к истории, к прошлому человечества.

Ведь путем изучения прошлого только и можно понять, как в результате многовековой героической борьбы, как в итоге поступательного развития человечества и прогресса общей культуры могли создаться предпосылки для того исторического переворота, с которого начинается подлинная история человечества, без эксплуатации человека человеком, счастливая жизнь социалистической эпохи.

Именно эта новая страница человеческой истории создает новый угол зрения на прошлое, заставляет «писать историю сызнова» (Энгельс) и предъявляет к советскому историку, к каждому историческому исследованию новые, более повышенные требования. Вместе с этим и широкая масса трудящихся требует знаний, жаждет узнать о прошлых судьбах человечества, узнать прошлое своей родины, чтобы по достоинству оценить новую, социалистическую страницу истории.

Двадцать лет работы на историческом фронте в СССР прошли под знаком борьбы за развитие марксистской исторической науки. Значительные успехи достигнуты и в деле изучения древней истории. Следует, однако, сказать, что как ни много сделано в области разработки древней истории, это нас не может удовлетворить ни в какой степени.

Возьмем изучение так называемого «классического Востока» в советской науке. Как оно протекало за 20 лет и какие выводы и новые задачи выдвигаются перед историками-марксистами?

В первые годы советской власти историки весьма медленно шли на сдвиг в своей работе. Старая тематика, старые установки, отсутствие коллективной работы и кустарщина чувствуются и в изучении древнего Востока. Советские ориенталисты до самого 1924 г. занимаются, главным образом, разработкой наследия умершего в 1920 г. египтолога Б. А. Тураева, подготовкой к печати его работ.

Только позднее намечается переход к самостоятельной тематике, к овладению новейшими материалами по Востоку, открытыми за границей, и к популяризации их в широком кругу советских специалистов. Археологические открытия в Месопотамии, Индии, Китае, Египте, а также обработка древневосточных текстов и их публикация начинают поднимать советское востоковедение на уровень мировой науки, и советские ученые — Шилейко, Рифтин, Струве и др., становятся известными на Западе.

Подлинный перелом в развитии советского востоковедения наступает тогда, когда акад. Н. Я. Марр и его ближайшие ученики, акад. И. И. Мещанинов, И. А. Орбели и др., становятся на путь марксистского исследования вопросов языка и культуры древнего Востока. Следует особо подчеркнуть заслуги акад. Мещанинова, сумевшего учение Н. Я. Марра о языке широко и успешно применить к той области исторического исследования, которая в значительной степени и создана работами акад. Мещанинова, именно к области халдоведения. Тем самым востоковедение из «академической» стало актуальной дисциплиной в советской науке. Вни-

мание советских ученых было обращено на исследование древнейших восточных культур как на территории СССР, так и в соседних странах. Древняя история народов Средней Азии, Ирана, халдов (Урарту), Армении получила разработку в специальных монографических трудах и в публикациях древних надписей советскими учеными. Такие труды, как «Халдоведение» и «Язык Ванской клинописи» акад. Мещанинова, несомненно, явились вкладом в мировую науку. Некоторый сдвиг в смысле перехода исследовательской работы на марксистско-ленинские рельсы характеризует и работы акад. В. В. Струве, который в ряде специальных статей обратил внимание на изучение социальных движений («Речения Ипувера»), рабства и его форм на Востоке. Выступая против буржуазной теории цикличности исторического процесса, против феодального универсализма в приложении к странам древнего Востока, акад. Струве попытался дать общую синтетическую марксистскую работу по древнему Востоку (в первом томе «Истории древнего мира», изд. ГАИМК). Работа акад. Струве вызвала широкое движение среди советских историков-востоковедов, причем многие из них, как акад. Н. М. Никольский и ряд молодых исследователей, выступили против самого построения акад. Струве истории Востока. Ему было указано на отсутствие у него еще четкой марксистской постановки некоторых основных вопросов (например о характере рабства или о роли общины на Востоке). Действительно, акад. Струве не сумел дать ни истории древней Индии и Китая, замкнувшись в старом традиционном кругу «классического Востока», ни анализа форм восточного рабства, которое у автора мало чем отличается от античного, ни роли свободной восточной общины, которая или игнорируется им или в его освещении необычайно упрощается. Данная его работа по истории древнего Востока — уже пройденный этап советской исторической науки. Однако это никому не дает права недооценивать работу В. В. Струве, который свои исследования основывает на большом материале первоисточников, разрабатываемых впервые в советской науке, и стремится строить историю древнего Востока в соответствии с указаниями классиков марксизма-ленинизма. Дальнейшее исследование спорных вопросов советского востоковедения поднимет работу на еще большую высоту, на подлинный марксистско-ленинский уровень.

Наряду с этими достижениями в области советского востоковедения имеется и ряд недостатков, ликвидация которых является неотложной задачей сегодняшнего дня. Неправильно было бы думать, что антимарксистские тенденции «исторической школы» Покровского не повлияли на направление работ по советскому востоковедению. Бесконечные дискуссии в период 1929—1933 гг. «об азиатском способе производства», ставившие себе задачей рассуждениями о социально-экономических формациях подменить изучение всей сложности хозяйственных отношений в странах древнего Востока и конкретно-историческое исследование исторических проблем отражали в области востоковедения влияние «школы» Покровского, ликвидаторскую, антиленинскую тенденцию ее. И в этой области подвизались авантюристы от науки, не знавшие ни языков, ни древней истории народов Востока. Немало здесь подвизалось и троцкистско-бухаринских агентов фашизма, использовавших фронт востоковедной науки для своей подлой предательской работы.

Ликвидация вредительства в этой области науки, мобилизация и выдвижение молодых ученых-востоковедов и, наконец, подготовка молодой смены на исторических факультетах университетов должны явиться пер-

востепенной задачей советской науки и научных учреждений страны, от Академии наук СССР и до университетов в национальных республиках включительно. Наряду с организационной перестройкой необходима дальнейшая борьба за овладение марксистским методом, что должно сочетаться с большой работой по освоению фактического материала источников, количество которого непрерывно возрастает. Историк-марксисту надо усвоить лучшие достижения буржуазных ученых, «к которым он обязан отнестись критически» (Л е н и н).

Без всех этих мероприятий нельзя будет добиться решительного сдвига на востоковедном участке исторического фронта.

II

В области античной истории характер исследовательской работы был несколько иной, чем по древнему Востоку. Если по древнему Востоку советские ученые в основном оставались на почве кропотливой работы над текстами, над публикациями источников, над отдельными деталями, чтобы потом уже подняться к общему построению истории Востока, то по древней Греции и Риму работа шла иными путями.

В первый период, 1917—1924 гг., по истории Греции и Рима работа протекала еще по линии издания старых по установкам, идеалистических по характеру, по направлению своему не только не марксистских, но иногда и антимарксистских работ. Переиздание работ Эд. Мейера («Экономическое развитие древнего мира», «Рабство в древности»), К. Бюхера, М. Вебера, из русских—Зелинского, Фармаковского, Бузескула и т. д.— все это говорило о том, что на этом участке исторического фронта еще не было марксистов, а имевшиеся силы исследователей-марксистов были отвлечены на гражданскую войну против белых генералов и империалистических интервентов, на защиту страны Советов. Характер работ этого периода свидетельствует, что на этом участке исследовательской работы большинство ученых еще не овладело марксизмом. Древняя история в основном оставалась уделом старых историков буржуазной формации, которые в изучении древнего мира не только не хотели усвоить марксистскую методологию, но открыто чурались даже самих имен Маркса, Энгельса в своих трудах. Молодой марксистской исторической науке предстояло расчистить авгиевы конюшни буржуазной истории, собрать силы и начать борьбу за применение марксистского метода в исследованиях по древней истории.

Первый среди историков, кто полным и открытым голосом заговорил о марксистской истории древности, был ставший ныне академиком А. И. Тюменев, заслуга которого перед советской наукой должна быть отмечена хотя бы и в самом беглом обзоре советской историографии по древней истории за 20 лет.

В период 1920—1923 гг. А. И. Тюменев выпустил три тома своих «Очерков социально-экономической истории древней Греции», в которых он объявил поход против буржуазной методологии, буржуазной модернизации древности, излагая в ходе своего исследования специфические закономерности исторического и культурного развития античного мира в соответствии с высказываниями на этот счет классиков марксизма. А в своей работе «Существовал ли капитализм в древней Греции» (1923) автор еще более подчеркивает марксистское понимание характера рабовладельческой

экономики Греции и все отличие судьбы ее от капиталистической Европы, признаки распада которой в последнее время давали не раз повод буржуазным историкам проводить параллели с падением античной цивилизации.

Дуновение марксистской мысли не могло не отложить своего следа в некоторой степени на последующих работах В. С. Сергеева — «История Рима», «Гражданские войны» (1923—1927), С. И. Ковалева — «Курс всеобщей истории» (1925). Но эти работы отражали в основном еще влияние установок таких буржуазных ученых, как Ферреро, Вебер, Белох и др., сочетание которых с марксизмом лишь извращало марксизм.

Вышедшая в 1929 г. работа С. Я. Лурье по истории античной общественной мысли свидетельствовала также о том, как неуклюже еще некоторые ученые применяли метод Маркса — Энгельса к исследованию древней истории. В данной работе автор пытался каким-то образом сочетать марксистскую постановку отдельных вопросов с биомеханистической теорией об определяющем влиянии рудиментарных надстроек на историю древней Греции. Не приходится говорить, что это могло привести только к извращению марксистской методологии и к эклектическому построению труда С. Я. Лурье. Неточность методологии проявилась также у М. Рейснера («История политической мысли», т. I, его же «Идеология Востока», 1927), у В. К. Сережникова в его курсе истории философии (1929). Отсутствие последовательного применения марксистского метода в изучении исторических явлений прошлого сквозит и в работах Фриче по античной литературе и искусству («Социология искусства», 1929) и Дератани («История римской литературы», 1929), которые, однако, делают, по крайней мере, попытку трактовать искусство и литературу, как социальное явление, тогда как в выходивших в этот период работах Грифцова, Вальдгауэра и др. господствовала буржуазно-эстетствующая трактовка искусства.

Дальнейший переломный момент борьбы за марксистское исследование античного общества и его культуры намечается с 1930 г. Этому способствовало опубликование впервые в 1929 г. работы В. И. Ленина «Лекция о государстве», четко формулировавшей схему развития классового общества (рабовладельчество, крепостничество, капитализм). Проводившиеся в это время дискуссии о социально-экономических формациях, ставившие задачей подытожить для исследовательской работы выводы из высказываний классиков марксизма-ленинизма об античном обществе, сочетаются, однако, с проникновением антиленинских социологизаторских тенденций «школы» Покровского в изучение древней истории. Выступления, главным образом, ленинградских историков (Струве, Ковалев) на дискуссиях, отдельные статьи и работы их (Ковалев, Богаевский, Тюменев) отвлекали общими рассуждениями о формациях и о противоречиях в них от конкретно-исторического исследования всего многообразия исторических явлений греко-римского мира. Эти выступления были тем более вредны, что эти историки пользуются авторитетом не только в Ленинграде, но и далеко за пределами его.

Подлинный сдвиг в деле марксистского изучения греко-римского мира наступает позднее. Он связан с правительственными постановлениями о преподавании истории в школах СССР (в особенности от 16 мая 1934 г.), с выступлениями товарища Сталина и его высказываниями о революции рабов (на съезде колхозников-ударников в 1933 г.), об обстоятельствах падения Рима (на XVII партсъезде) и замечаниями на конспекты учебников по истории.

Среди историков древности начинается оживление. Начинается подготовка учебника для средней школы, составляются хрестоматии источников по древней истории (Струве), выпускаются наглядные пособия (карты, альбомы и т. д.), издаются для высшей школы пособия по истории Греции (Сергеев, Ковалев, коллектив работников ГАИМК), по истории Рима (Ковалев).

Указания товарища Сталина о революции рабов в древности кладутся в основу монографических работ акад. Жебелева («Последний Перисад и восстание на Боспоре»), Крюгера, Ковалева (отдельные статьи), Мишулина («Спартакосское восстание» и «Революция рабов и падение Римской республики»), Машкина (статья «Движение агонистиков»).

Большая проделана работа по публикации произведений античных авторов; благодаря этому ряд лучших представителей античной культуры стали доступны широкому кругу читателей. В частности, изданы историки Аппиан, Ксенофонт и Светоний, «Афинская политика» Аристотеля, гениальная поэма Лукреция, трактат Витрувия «Об архитектуре» и т. д.

Подъем работы специалистов по древней истории не может, однако, скрыть тех недостатков, которые имеются на этом участке исторического фронта. Прежде всего засоренность кадров историков разными проходимцами и здесь всегда место. И сюда проникли вредители, троцкистско-бухаринские агенты фашизма, разлагавшие фронт исторической науки. Социологизаторы «школы» Покровского дезориентировали историков древности и отвлекали от конкретной исследовательской работы.

Кроме того, историками не выполнен ряд актуальных заданий. Наши историки еще не создали учебников для средней школы, еще не написан учебник по древней истории. Мало еще пишется монографических исследований по наиболее интересным актуальным вопросам греко-римской истории. Такие темы, как Солон и его реформы, расцвет рабовладельческой демократии при Перикле, страницы аграрной борьбы при Агисе и Клеомене в Спарте, движение Гракхов в Риме, героические эпизоды борьбы рабов древности, блестящий расцвет литературы в Риме при Августе, вся полная социального драматизма гибель державного Рима в результате революции рабов—все это такие вопросы, которые должны стать предметом разработки в больших трудах и популяризации их для широких масс, с жадностью ждущих каждого марксистского исследования в этой области.

Особую ответственность на историков древности накладывает задача развития в стране научной антирелигиозной пропаганды. Недооценка научной работы в этой области совершенно недопустима. Работа, протекавшая в этой области, до сих пор носила кустарный характер и дальше издания переводов западноевропейских ученых (Древс, Робертсон) не шла. Пока редким еще фактом в нашей научно поставленной антирелигиозной литературе является издание таких работ, как публикация источников, монографических исследований по отдельным вопросам истории религий. Примером таких работ могли бы стать исследования и публикации т. А. Рановича («Первоисточники по истории раннего христианства», 1933, «Античные критики христианства», 1935, «Очерк истории древнееврейской религии», с вводной статьей акад. Никольского, 1937) и акад. Н. М. Никольского («Політэізм і монотэізм у яўрэйскай рэлігіі», 1932). Современный учащийся вузов, советский интеллигент, колхозный и

рабочий актив предъявляют серьезные требования на высокого качества академическую литературу по антирелигиозным вопросам, от которых советский историк не имеет права уйти. Такие вопросы должны быть в обязательном плане работы советских историков.

III

Советская историография за 20 лет в области древней истории народов СССР обогатилась большим количеством исследований, проводившихся в разное время и в различных местах археологами, этнографами и по литературным материалам древности—историками. Старая историческая наука дореволюционной России интересовалась историей славянства, притом, главным образом, великороссами или же греческими колониями юга СССР, как культурными очагами древности. Исследование же древнейшей истории различных угнетенных народов, населявших Российскую империю, не было и не могло быть предметом исторического изучения в тюрьме народов, какой была царская Россия. А между тем, народы СССР у истоков своего развития, т. е. в самой глубокой древности, когда они еще только вступили в век металла, при господстве общинного строя, создали своеобразную и самобытную культуру, а потом образовали свои национально-племенные и государственные объединения. Древние скифы, сарматы, славяне (анты, по Прокопию), древние народы Кавказа, Средней Азии и Сибири входили в соприкосновение с древнейшими цивилизациями Запада и Востока, влияли на их развитие и вместе с тем стали создателями богатых самобытных культур. Не приходится говорить, что изучение прошлого этих народов, ныне возродившихся в великом объединении Советского Союза, стало актуальной задачей после Октябрьской революции. Большая археологическая, этнографическая и чисто историческая литература, вышедшая за 20 лет после Октябрьской революции, охватывает исследования древней истории в самых различных республиках и автономных областях Советского Союза. Мы не будем говорить об исследованиях стоянок палеолитической и неолитической эпох на территории СССР и об изучении их памятников; это должно стать предметом специального обзора. Здесь только уместно было бы назвать имена старых русских археологов, отдавших много сил изучению доисторического прошлого нашей родины, как, например, Тимоновской палеолитической стоянки (проф. Городцов) и Костенковской (проф. Ефименко), а также многих других, которые разрабатываются теперь молодыми советскими археологами.

Что касается вскрытия и изучения древнейших пластов культур в национальных республиках, то здесь достигнуты большие результаты. В УССР археологами по изучению так называемой Трипольской культуры добыт интересный материал о материально-техническом базисе и социальном строе носителей этой древнейшей культуры на территории Украины (работы Пассек, Богаевского и др.).

В изучении народов Кавказа много было сделано покойным акад. Марром и продолжается исследование его учениками. Новые факты в области изучения древнейшего населения Кавказа устанавливают автохтонность местных национальных культур и опровергают теорию миграций, постоянных переселений, как решающего фактора происхождения этих культур (работы И. И. Мещанинова).

Для изучения Белоруссии местными силами историков вскрыт в археологических раскопках ряд интересных памятников первобытной истории (городища, курганы), от которой исходит дальнейшее развитие культуры белоруссов.

Археологическое обследование бытовых памятников, этнографическое изучение народов Средней Азии рисуют нам мир внутренних и внешних отношений и связей, сложных культурных переплетений у предков нынешних таджиков, туркменов, узбеков, которые не только отразили на себе влияние великих древних цивилизаций, но и сами были некогда носителями этих цивилизаций.

Интереснейший материал открыт для исследования древней Карелии (Равдоникас, Брюсов и др.), народов Сибири (Киселев, Сосновский и др.), Поволжья (Смирнов), восточных славян (Арциховский, Третьяков), народов Крыма (Ю. Марти, Репников и др.). На смену старому кустарничеству в исторической науке идет планомерное, подлинно-научное изучение всех памятников народов СССР, и при разработке исторических проблем учитывается вся совокупность материалов: археологических, этнографических, литературных и т. д. Публикации археологических отчетов, летописей, древних памятников русской письменности («Русская Правда») идут параллельно исследованию сложных исторических вопросов (например общественный строй Киевской Руси в работах акад. Грекова). Специальные монографии посвящены истории отдельных народов СССР (якуты, таджики, буряты и т. д.).

В самых отдаленных точках великой и обширной страны Советов ученые историки, специалисты-исследователи прошлого открывают материалы, публикуют документы, статьи и монографии. Археологические и этнографические музеи, краеведческие собрания памятников старины пополняются все новыми и новыми данными. Навстречу подъему исторической науки в СССР растет жажда знаний, пополняются наши исторические факультеты университетов и пединститутов молодежью, готовящейся к почетной роли будущих политических воспитателей советских граждан. Эта жажда знания истории своей замечательной родины связана неразрывно с советским патриотизмом, с чувством горячей любви к своей стране, которая, как маяк, светит всему миру трудящихся. Это лучше всего можно продемонстрировать на живом интересе молодежи к вышедшему «Краткому курсу истории СССР» под ред. Шестакова. Несмотря на некоторые свои недостатки, отмеченные в постановлении жюри конкурса, «Краткий курс» явился для исторической науки ценным вкладом, а для учащейся молодежи поистине дорогим подарком.

IV

Советская историография за 20 лет необычайно выросла. В области древней истории Востока, Греции, Рима и древнего периода истории СССР выпущено много таких исследований, которые намечают подъем наших знаний о прошлом на уровень мировой науки. Этим мы обязаны, во-первых, тому, что советская наука владеет самым совершенным методом исследования — испытанным методом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина; во-вторых, той планомерной, коллективной работе историков и исторических учреждений, которой партия и правительство создают все условия для развития и роста в стране. Но положение участка древней истории на исто-

рическом фронте нас ни в какой степени удовлетворить не может. Фронт исторической науки еще не очищен от разных проходимцев и псевдоученых. Еще не ликвидированы последствия вредительства со стороны троцкистско-бухаринских бандитов и шпионов, пробравшихся и на исторический фронт и использовавших его для своей гнусной предательской работы. Продолжают еще кое-где действовать социологизаторы «школы» Покровского с их установками на ликвидацию истории.

Одной из главнейших задач советских историков является написание учебников и выпуск специальных исследований по древней истории. Исторические кафедры университетов, пединститутов, исследовательские учреждения по истории как в системе Всесоюзной Академии наук, так и в национальных республиках еще не развернули работы по изданию как капитальных трудов, так и массовой литературы о прошлом человечества, об истории нашей страны.

Необходимо усилить дело подготовки кадров молодых историков, на которых сейчас чувствуется большой спрос в национальных республиках, автономных областях, на периферии.

Неудовлетворительно поставлена в вузах подготовка по специальным историческим дисциплинам—палеографии, дипломатике, эпиграфике, нумизматике и др. А ведь без этих специальных знаний и навыков советский ученый лишен возможности критически отнестись к буржуазным публикациям исторических источников.

В деле разработки исторических проблем некоторые историки находятся во власти старой тематики. Между тем, страна выдвигает ряд новых задач; в отношении, скажем, Востока — изучение не только «классического Востока», но и стран Восточной Азии и стран, сопредельных с СССР; в отношении Греции — не только Афин, но и богатых своей культурой греческих колоний юга СССР; в отношении Рима — не только Италии, но и римских провинций. Упущением надо считать свертызание работ по изучению истории Византии, оказавшей огромное влияние на культуру древней Руси. Академия наук СССР не считает нужным выпускать журнал по истории Византии вместо закрытого в 1930 г. «Византийского Временника» и, повидимому, работы в этой области не ведет. В отношении истории СССР особенно требуется перестройка, и в основу ее должен быть положен тот тезис товарищей Сталина, Жданова и Кирова, который гласит: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великобритании не отрывалась от истории других народов СССР, — это, во-первых, — и где бы история СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории — это, во-вторых». Конкретных исследований всего многообразия этих вопросов, на основе единственно научного метода Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, ждут колхозный и рабочий интеллигент, советский учащийся, преподаватель школы и широкие массы советских граждан.

Партия и правительство оказывают историкам всестороннюю помощь своими указаниями, организацией новых институтов, факультетов, отпуском больших средств на развитие исторического образования в стране. Поэтому страна вправе потребовать от историков не только закрепления и умножения их достижений, но и подлинного расцвета марксистской исторической науки в СССР.

Можно выразить уверенность, что историки нашей страны сумеют с честью выполнить поставленные перед ними задачи в связи с написанием «Всемирной истории» и «Истории народов СССР».

Для осуществления этого ответственного издания, предпринимаемого Академией наук СССР, необходима сплоченность историков вокруг этого дела, тщательная подготовка его и подлинное большевистское руководство этим большим и сложным делом наших историков-марксистов.

«Партия, ее Центральный Комитет, товарищ Сталин требуют от историков, чтобы, преодолев мешающие им традиции, чуждые влияния, крохоборство, они взялись за работу с той энергией, с тем размахом, с которым мы строим нашу социалистическую промышленность, колхозы, Красную Армию.

Великая социалистическая страна требует великой социалистической науки» («Правда», 27 января 1937 г.).

А. Мишулин

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА В СССР ЗА ПЕРИОД 1917—1937 гг.

Акад. В. В. Струве

После двадцатой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции необходимо и исследователю, изучающему историю древних классовых обществ, а именно историку древнего Востока, вспомнить весь путь, пройденный им за 20 лет существования советской власти. Он должен уяснить себе все то, что сделано советскими учеными на данном отрезке исторического фронта, полностью осознать все допущенные ошибки и определить те задачи, которые ставит перед ним наша великая эпоха. Он должен дать себе отчет в том, чего удалось достигнуть в деле создания подлинной марксистской истории древнего Востока.

В работе над этой основной задачей, стоящей перед всяким советским историком, специалисту по истории древнего Востока приходилось преодолевать большие трудности. Он должен был самостоятельно проработать на основе марксистской методологии весь тот огромный материал, который нам доступен на данном этапе накопленных знаний. Он должен был не только овладеть первоисточниками, но и критически изучить многочисленные труды крупных буржуазных специалистов, которые осветили и исследовали немало источников, сделав их тем самым доступными широкому кругу историков. Среди буржуазных специалистов в науке о древнем Востоке было много крупнейших ученых, как, например, Г. Масперо, Эд. Мейер, Д. Брэстед и др.—в истории, египтологи В. Голенищев, А. Эрман, К. Зете и др., ассириологи Г. Делич, М. Никольский, Ф. Тюро-Данжен и др.—в филологии.

Исключительные знания этих ученых создали им авторитет, от влияния которого трудно было освободиться советскому историку древнего Востока, продолжавшему и после Октябрьской социалистической революции работать на основе не только материалов, добытых буржуазными учеными, но и буржуазной методологии.

В первые годы нашей советской эпохи пришлось положить немало трудов, чтобы освоить те достижения науки, которые были накоплены учеными капиталистических стран за годы империалистической и гражданской войны. Необходимо и теперь проделывать большую работу, чтобы освоить все данные заграничной литературы. Попутно с изучением большого числа зарубежных изданий было необходимо и опубликование того, что оставалось из научного наследия скончавшегося в 1920 г. акад. Б. А. Тураева, создателя русской школы историков древнего Востока

и египтологов. В год его смерти был издан первый том его истории египетской литературы¹. В нем мы имеем полный, исчерпывающий обзор древнеегипетских памятников письменности религиозного, литературного и научного характера, начиная с древнейших времен вплоть до гибели древней культуры долины Нила в эпоху становления феодализма. Подобной всеобъемлющей истории египетской литературы зарубежная наука не имеет. Второй том, содержащий переводы важнейших письменных памятников древнего Египта, не напечатан.

Издательство «Огни» выпустило в 1922 г. «Древний Египет» Б. А. Тураева. Значительно позже было напечатано подготовленное Б. А. Тураевым в 1917 г. новое, дополненное издание его труда «История древнего Востока», обнимающего пять тысячелетий истории культуры человечества. В 1924 г. в издательстве Брокгауз-Ефрон появился первый том этого издания под названием «Классический Восток», обнимающий введение и историю Вавилонии до XVI в. Лишь в 1935 г. была издана «История древнего Востока» Б. А. Тураева в двух томах под редакцией И. Л. Снегирева и В. В. Струве². Тем самым был дан в руки советских историков труд с большим охватом материала по истории древневосточных обществ, нежели «Древняя история народов классического Востока» Г. Масперо и даже соответствующие части грандиозного труда Эд. Мейера «История древнего мира». «История древнего Востока» является пока единственным трудом, написанным одним автором, который довел историю Вавилонии, Сирии, Палестины, Аравии, Ирана, Кавказа, Египта, Карфагена, Нубии, Аксума вплоть до позднейшего эллинизма. Оставшиеся неопубликованными труды Тураева, посвященные изданию памятников Московского музея изобразительных искусств, напечатала Гос. Академия истории материальной культуры в своих «Известиях». Она же издала отдельной монографией исследование Тураева о большом папирусе хозяйственной отчетности поздней эпохи из собрания Прахова, хранящемся ныне в Гос. Эрмитаже. Работа по изданию египтологических памятников союзных собраний продолжается советскими учеными³. Египтологический кружок, организовавшийся при Ленинградском гос. университете, стал выпускать с 1928 г. «Сборник», в котором был издан ряд памятников⁴. Из крупных памятников был за это время издан Московский математический папирус с переводом и обстоятельным комментарием⁵, чрезвычайно важный текст, над которым работал в свое время Б. А. Тураев совместно со специалистом по истории математики проф. Д. А. Цинзерлингом⁶. Была закончена работа

¹ «Египетская литература», Москва, изд. М. и С. Сабашниковых.

² Она была издана Ленинградским отделением Соцэкза. За это время успели появиться уже три издания.

³ См. статьи Т. Н. Бороздиной, Ф. Ф. Гесса, В. В. Струве, Н. Д. Флитнер, А. Б. Шмидта, М. Э. Матна, И. Г. Лившиц, И. М. Лурье, Ю. Я. Перепелкина, Ю. П. Францова, Н. А. Шолло, И. Л. Снегирева, Б. Б. Пиотровского в «Докладах Академии наук», «Записках коллегии востоковедов», «Известиях ГАИМК», «Ежегоднике Института искусств», «Сборнике Гос. Эрмитажа», «Ancient Egypt», «Aegyptische Zeitschrift», «Memoires de l'Institut français de l'Archéol.», «Orient» и др.

⁴ «Сборник египтологического кружка при Ленинградском гос. университете». Впоследствии он стал издаваться при Гос. Эрмитаже. Свое существование он прекратил в 1936 г. Его основным недостатком было то, что он был обращен почти исключительно в сторону тех древневосточных обществ, которые сложились вне пределов нашего Союза.

⁵ В. В. Струве, *Der Moskauer Mathematische Papyrus unter Benutzung einer von V. A. Turajeff hinterlassenen hieroglyphischen Transcription*, Berlin, 1930.

⁶ См. статью Б. А. Тураева о задаче папируса, посвященной объему усеченной пирамиды, в «Ancient Egypt» 1917 г., и статью Цинзерлинга о геометрических задачах папируса — в «Известиях Академии наук», 1925 г.

Б. А. Тураева над магическим папирусом Salt Британского музея определением его мистериального характера⁷. Подготавливается к печати большое издание, посвященное ценному собранию египетских саркофагов эпохи перехода от Древнего к Среднему Царству, хранящихся в Московском музее изящных искусств⁸. В ближайшее время будет подготовлено также издание египетских памятников Музея письменности при Историческом институте Академии наук⁹. Столетний юбилей прочтения гениальным французским ученым Ф. Шамполионом иероглифических надписей нашел в 1922 г. свой живейший отклик и в Союзе. Он был ознаменован торжественным заседанием в Академии наук с докладами специалистов, посвященными истории египтологии¹⁰, и египтологическим съездом, устроенным в Москве¹¹. Появились статьи, дающие оценку изумительному открытию Шамполиона¹². Была издана переписка Ф. Шамполиона с известным А. Н. Олениным, хранящаяся в архиве Гос. Академии истории материальной культуры¹³.

Советская наука в лице П. В. Эрнштедта продолжала работу по изданию коптских текстов наших собраний. Наряду с более мелкими изданиями¹⁴ им был подготовлен уже в 1935 г. и большой труд, посвященный изданию коптских текстов Музея письменности при Историческом институте Академии наук. Не были забыты памятники и той алфавитной письменности Южной Финикии, Сирии и Аравии, которая своими корнями выходит к иероглифам Египта¹⁵. Акад. И. Ю. Крачковским, В. К. Шилейко и А. Н. Борисовым, учеником акад. П. К. Кокорцова, был издан ряд арамейских, южноарабских и пунических надписей наших собраний¹⁶.

В области издания неалфавитных клинописных памятников продолжалась работа В. С. Голенищева, Н. Я. Марра и М. В. Никольского. Безвременно умерший В. К. Шилейко издал ряд шумерийских и вавилонских текстов наших собраний¹⁷. После смерти Шилейко его ученик А. П. Рифгин¹⁸ продолжал издание шумерийских и вавилонских текстов

⁷ В. И. Е в г е н о в а, Магический папирус Salt 825 Британского музея («Известия Академии наук», 1933 г.).

⁸ Это издание, подготавливаемое И. Г. Лившицем, будет иметь большое значение для истории египетской религии и иероглифического письма.

⁹ Это издание, подготавливаемое Ю. Я. Перепелкиным, ознакомит широкие круги египтологов и историков с собранием, на которое обратил внимание Эд. Мейер, когда он посетил в 1925 г. Ленинград во время празднования двухсотлетнего юбилея Академии наук.

¹⁰ Докладчиками были В. В. Струве, Н. Д. Флиттнер, И. Г. Франк-Каменецкий, А. В. Шмидт.

¹¹ См. отчеты о съезде во II т. «Нового Востока» и в «Oriental. Literaturzeitung», 1922.

¹² Статьи Т. Н. Бороздиной, В. В. Струве, Н. Д. Флиттнер, И. Г. Франк-Каменецкого в «Анналах» и «Новом Востоке».

¹³ Статья в «Проблемах истории докапиталистических обществ», 1934, № 4, стр. 72—89. Переписка обнимает одно письмо Оленина и 4 письма Шамполиона.

¹⁴ См. работы его в «Raccolta di scritti in onore G. Lumbroso» (Милан, 1925), «Докладах Академии наук», 1924, «Сборнике египтологического кружка при ЛГУ», 1930, № 6 и «Aegyptus», 1929.

¹⁵ См. В. В. Струве, Происхождение алфавита, изд. «Время», 1923.

¹⁶ См. ст. «Известия ГАИМК» 1922, «Известия Академии наук», 1932—1936.

¹⁷ См. его статьи в «Докладах Академии наук», «Известиях ГАИМК», «Archiv für Orientforschung».

¹⁸ См. статьи А. П. Рифгина в «Сборнике египтологического кружка» (№ 1 и 4), сборнике в честь С. П. Ольденбурга (1934), сборнике в честь Н. Я. Марра (1935), сборнике Ленинградского отделения Исторического института Академии наук.

союзных собраний. Им же были изданы полностью древневавилонские частнопрововые и хозяйственные документы Музея письменности при Историческом институте Академии наук и Московского музея изобразительных искусств¹⁹. В. К. Шилейко принадлежит заслуга издания хеттских клинописных текстов, хранящихся в Музее письменности Академии наук²⁰. Он же издал царскую Ахеменидскую печать с древнеперсидской клинописной надписью²¹.

Тем самым В. К. Шилейко обратил внимание советских специалистов по истории древнего Востока на общества, территория которых примыкала к границам нашего Союза. Такая географическая близость обусловила тесные культурные взаимоотношения между государствами Хеттским и Иранским и между обществами, сложившимися в нашем Закавказье и Средней Азии. Для советской же историографии представляют наибольший интерес история древних обществ востока СССР и культурные связи и взаимоотношения с соседними государствами. Ведь указания товарищей Сталина, Жданова и Кирова поставили перед историками нашей страны в качестве самой актуальной задачи создание подлинной истории народов СССР. Поэтому вполне понятно, что изучение Халдского государства, сложившегося в первой половине первого тысячелетия в непосредственном соседстве с нашим Закавказьем, является сейчас одним из самых ответственных участков советского исторического фронта. Очень ценный исторический материал сохранили клинописные надписи халдских царей. Акад. Н. Я. Марр продолжал начатые им еще в дореволюционное время исследования в области халдской эпиграфики. В 1922 г. была издана им большая надпись царя Сардура II, найденная И. А. Орбели в 1916 г. в Ване. Издание было снабжено важнейшими лингвистическими, филологическими и историческими комментариями²². Н. Я. Марр доказывал и здесь и в ряде других своих трудов, что халдский язык является неотъемлемой собственностью Кавказа, а следовательно и СССР²³. Ученик Н. Я. Марра акад. И. И. Мещанинов в своих многочисленных халдоведных исследованиях обосновывает все новыми и новыми аргументами непосредственную близость языка халдских надписей с языками Кавказа²⁴.

Национальная политика СССР создала все предпосылки для бурного роста в наших союзных республиках научной работы. В области изучения халдского языка и эпиграфики должны быть отмечены большие успехи в ССР Грузии и в ССР Армении. Интерес к халдским клинописным надписям, находимым и в пределах нашего Закавказья, стал возрастать

¹⁹ «Старовавилонские документы в собрании СССР». Издание Института истории Академии наук, 1937. Публикация документов снабжена введением и обстоятельным комментарием.

²⁰ См. его статью в «Известиях ГАИМК», 1926.

²¹ См. «Сборник Московского музея изобразительных искусств», 1924.

²² «Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван (раскопки двух ниш на Ванской скале и надписи Сардура II из раскопок западной ниши)». Доклад Н. Марра и И. Орбели, Петербург, 1922.

²³ И. И. Мещанинов, Н. Я. Марр как халдовед, «Язык и мышление», VIII, стр. 101 сл.

²⁴ См. его работы: «Выдвигаемые яфетическим языкознанием вопросы в области изучения Ванской клинописи» («Сборник Яфет. института», V, стр. 72 сл.); «Халдоведение» («Труды Общества обследования и изучения Азербайджана», № 10, 1927); «Die neuen Ergebnisse der chaldischen Forschungen» («Archiv für Orientforschung», VI, 1931); «Язык Ванской клинописи»; «Die Vansprache» (Академия наук СССР, 1935). Последний из названных трудов И. И. Мещанинова является основой для всех будущих исследований в области халдоведения.

и в среде самих работников на местах²⁵. Это привело к тому, что в последние годы в ССР Армении были открыты три новые халдские надписи. В 1927 г. была найдена в крепости у Нор-Боязеда, на озере Севан, надпись Русы, сына Сардура. В ней Руса повествует о постройке цитадели, захвате в плен местного царька и замене его новым правителем²⁶. Две другие надписи не являются в историческом отношении столь интересными. Одна из них, сильно фрагментированная, с именем Русы, сына Аргишти, была найдена в крепости Чарбах на р. Занге, около г. Еревана²⁷. Другая надпись была открыта у сел. Джанфида, неподалеку от Армавирского холма²⁸. К армавирским надписям относится и опубликованная И. И. Мещаниновым надпись из сел. Талиш, известная до того лишь по осведомительной заметке Н. Я. Марра²⁹. Некоторые надписи заново переиздавались с уточнением чтения³⁰.

Так, экспедицией Комитета охраны древностей Армении в 1926 г. был снят эстампаж с известной Колагранской надписи, давший возможность нового чтения³¹.

Привлекали внимание исследователей также и памятники материальной культуры древнего Кавказа. Изучению их был посвящен ряд археологических экспедиций³². Весьма тщательно были изучены строительные памятники халдского периода в пределах Закавказья³³. Была составлена археологическая карта Нор-Боязедского района, называемого в халдских надписях страной Иеликухи³⁴. В особенности много ценного надо ожидать в результате раскопок Армавирского холма, вблизи которого было найдено 7 халдских клинописных надписей. Можно предположить, что под Армавирским холмом покоится столица халдского наместника, управлявшего северными владениями Урартийского царства. Уже в 1925 г. на Батумском краеведческом съезде была подана записка «О необходимости систематического исследования развалин Армавира». В начале 1927 г. разведочные работы были осуществлены Кавказским истори-

²⁵ Так, в Тбилиси работает над халдским языком и эпиграфикой Н. П. Ушаков и др.

²⁶ Надпись издана в «Известиях Института науки и искусств ССР Армении», № 2, 1927, стр. 203 сл. (на армянском яз.); в «Дневнике Ком. охр. древностей Армении», № 3 (на армянском яз.); И. И. Мещаниновым в «Докладах Академии наук», 1928, стр. 168; в «Известиях Института науки и искусств ССР Армении», № 4, 1930, стр. 75 (на армянском яз.); И. Мещаниновым, «Archiv für Orientforschung», VI, 1931, стр. 273 сл.

²⁷ Эта надпись еще не опубликована. Известно о ней, как и о многом другом в области халдоведения, я обязан неизменной любезности Б. Б. Пиотровского.

²⁸ Она была издана в «Новом пути», 1929, вып. 2—3, стр. 298 (на армянском яз.) и в «Дневнике Ком. охр. древностей Армении», № 4 (на армянском яз., с русским и немецким резюме).

²⁹ См. статью И. И. Мещанинова, Новая халдская надпись из сел. Талиш, «Известия Академии наук», 1932.

³⁰ См. статьи И. И. Мещанинова и др. в периодических органах, перечисленных в предшествующих примечаниях.

³¹ В 1932 и 1934 гг. работу над Колагранской надписью производил по поручению Гос. Эрмитажа Б. Б. Пиотровский.

³² См. статью И. И. Мещанинова, История материальной культуры за 15 лет. Наука в АзССР за 15 лет, «Труды Азербайджанского филиала Академии наук СССР», XXX, Баку, 1935, стр. 133 сл.

³³ И. И. Мещанинов, Циклопические сооружения Закавказья, «Известия ГАИМК», XIII, вып. 4—7, 1932. См. также, «Циклопические крепости Закавказья», «Сообщения ГАИМК», 1932, стр. 61 сл.

³⁴ В 1930—1932 гг. произведена разведка и составлена карта.

ко-археологическим институтом совместно с Комитетом охраны древности³⁵.

Работы по халдоведению и материальной культуре Закавказья весьма близко соприкасаются с трудами Н. Я. Марра, одного из пионеров в области изучения древнего Кавказа. Вместе с тем советские историки древнего Востока вовлекались и в орбиту материалистической языковедной теории, творцом которой был Н. Я. Марр. Уже около 1921 г. наука о древнем Востоке включается в работу Яфетического института, в котором начинает складываться это новое учение о языке, нанесшее первый удар по мощной и, казалось, несокрушимой историко-лингвистической концепции буржуазной науки³⁶. Использование достижений яфетидологии в области древневосточной этнографии давало положительные результаты. Яфетидология помогла разрешить загадочные этнические термины Передней Азии³⁷ и Эгейского мира³⁸. В особенности много ясности она внесла в этнографию Кавказа и Малой Азии, столь богатой темными и сложными проблемами. Здесь, наряду с трудами самого Н. Я. Марра³⁹, надо указать на ряд исследований И. И. Мещанинова⁴⁰.

Безвременно умерший И. Г. Франк-Каменецкий, один из вернейших учеников Н. Я. Марра, использовал палеонтологический анализ в многочисленных своих исследованиях, посвященных древневосточному фольклору и мифологии⁴¹. Он расширил материал, использованный Н. Я. Марром в своих лингвистических и историко-литературных исследованиях, привлечением древнеиндийских мифов и эпоса⁴². И. Г. Франк-Каменецкий сумел также организовать группу исследователей для коллективного исследования мифов об Иштари⁴³ и умирающем и воскресающем боге⁴⁴.

Яфетидологическую увязку данных языкознания с данными истории материальной культуры мы находим в некоторых египтологических исследованиях⁴⁵. В особенности ценные результаты дала эта увязка при исследованиях в области египетского письма, сохранившего на протяжении всей своей истории архаичную пиктографичность⁴⁶.

³⁵ См. «Бюллетень Кавказского историко-археологического института», № 1—3, 1926 и № 4, 1928; Отчет Академии наук за 1927 г., II, стр. 240.

³⁶ См. оценку значения яфетической теории для истории древнего Востока на этапе развития 1923 г. в «Классическом Востоке», I, стр. 82.

³⁷ В. Струве, Страна Магал в египетских текстах, Яфет. сб., III.

³⁸ Е. Струве, Das Volk Takara, Яфет. сб., VI.

³⁹ См. Собрание трудов Н. Я. Марра, т. II.

⁴⁰ См. Шураа и Урурдан в клинописных памятниках Ванского бассейна. «Доклады Академии наук», 1924, и др.

⁴¹ См. его статьи в сборниках Яфетического института и Института языка и мышления.

⁴² См. его большое исследование в трудах ЛИФЛИ.

⁴³ «Тристан и Изольда» («Труды Института языка и мышления», т. II).

⁴⁴ Труд готовится к печати.

⁴⁵ Ю. П. Францов, К палеонтологическому анализу древнеегипетских земледельческих терминов, «Доклады Академии наук», 1930; Б. Б. Пиотровский, Семантический пучок в памятниках материальной культуры, «Известия ГАИМК», VI, вып. 10; И. Л. Снегирев, Магический жест «Ка» и название «души» и «быка» в древнеегипетском, «Доклады Академии наук», 1930; «К семантике руки», «Доклады Академии наук», 1931, и ряд других статей того же автора.

⁴⁶ И. Л. Снегирев, Иероглифическое письмо и палеонтология семантики, «Известия Академии наук», 1933; И. Г. Лившиц, Детерминатив к древнеегипетским словам «мертвец» и «враг», Яфет. сб., VI. И. Г. Лившицем готовится большой труд, посвященный детерминативам в древнеегипетском письме.

С помощью нового учения о языке было объяснено своеобразие египетского глагола⁴⁷, была определена стадия древнеегипетского языка⁴⁸, было установлено число классовых показателей в Зулу⁴⁹, был решен вопрос о происхождении местоимений в языке Зулу⁵⁰, был дан анализ системы шумерийских числительных⁵¹ и числительных в языке Зулу⁵².

Необходимость использования древневосточного материала языковедами, стоящими на основе нового учения о языке, привела к тому, что специалисты по истории и культуре древнего Востока в Союзе отказались от транскрипций, господствовавших в буржуазной науке, и проработали транскрипцию своих алфавитов на основании принципов аналитического алфавита, созданного Н. Я. Марром⁵³. В области халдоведения успели появиться несколько общих трудов И. И. Мещанинова, продолжающего после смерти Николая Яковлевича разработку нового учения о языке.

Применение специалистами по истории и культуре древнего Востока нового учения о языке должно было иметь результатом в конечном итоге пересмотр всей концепции буржуазной науки о древневосточном обществе, столь долго властвовавшей над умами даже советских исследователей. Н. Я. Марр боролся со всей страстностью против расовой теории, которая уже давно играла крупную роль в буржуазной науке. Уже в одном из своих исследований 1927 г. Н. Я. Марр заявил, что «чистота племени и нации есть идеалистическая фикция, продукт тысячелетнего господства желавших быть изолированными классов, захватчиков власти». Исследователь, стоящий на позициях расовой теории, подчеркивает всегда мессианческую роль индоевропейских народов и преуменьшает значение для истории человечества культур народов неиндоевропейской расы. Опираясь на достижения материалистического учения о языке Н. Я. Марра, В. В. Струве попытался подвергнуть переоценке наследие тех историков, уроженцев Востока, которые писали в эллинистическую эпоху о прошлом своей родины. В буржуазной западноевропейской науке, относящейся с пренебрежением к достоинствам народов неиндоевропейской расы, господствовала отрицательная характеристика историков, вышедших из недр древневосточных обществ. обстоятельный и всесторонний анализ наследия одного из этих историков, Манефона, доказал, однако, ценность его труда и даже в тех частях, которые, казалось, были наиболее уязвимыми⁵⁴. Сложная библейская историография нашла также своего исследователя⁵⁵. В ряде работ было доказано большое значение

⁴⁷ См. статью В. В. Струве в «Сборнике Акад. наук в честь Н. Я. Марра», 1935.

⁴⁸ И. Л. Снегирев, Сборник «Язык и мышление», I, стр. 15 сл.

⁴⁹ И. Л. Снегирев, Сборник «Язык и мышление», I, стр. 29 сл.

⁵⁰ Его же, «Известия Академии наук», 1933.

⁵¹ Статья А. П. Рифтина в сборнике «Языковедные проблемы по числительным».

⁵² И. Л. Снегирев, «Сборник Академии наук в честь Н. Я. Марра», 1935, стр. 337 сл.

⁵³ См. В. В. Струве, Яфетидологическое письмо и египетский алфавит. Яфет. сб., VII; И. Л. Снегирев, «Доклады Академии наук», 1931, № 1; Б. Б. Пиотровский, «Сборник египтологического кружка», вып. VII.

⁵⁴ См. статьи в «Записках коллегии востоковедов», «Сборнике Института языка и мышления», сборнике «Вспомогательные дисциплины» Ист. института Академии наук, сборнике I Ленинградского гос. университета.

⁵⁵ И. Г. Бендер, К вопросу о делении источников кн. Бытия. «Записки коллегии востоковедов», III, 1928.

древневосточной науки⁵⁶ и техники⁵⁷ для культуры всего Средиземноморья. Н. Д. Флиттнер в многочисленных своих исследованиях установила действительность древневосточного искусства в истории мирового искусства⁵⁸.

Дальнейшая критика концепции буржуазной науки долго упиралась в трудности преодоления при определении формации древневосточных обществ той концепции исторического процесса народов Востока, которая была создана крупными буржуазными историками эпохи империализма—Эд. Мейером, Г. Масперо, Д. Брэстедом и др. Исходя в конечном итоге из предпосылок расовой теории, эти историки учили, что все восточные общества пребывали с древнейших времен вплоть до современности на стадии феодализма—крепостничества. Восток не знал прогресса, перехода на более высокую ступень развития общества. Он не знал, в противоположность Греции и Риму, рабства, которое буржуазные историки рассматривали, как соответствующее современному промышленному наемному труду. Они противопоставляли Восток в его абсолютной застойности мятущемуся Западу, не знающему покоя в своем вечном и неутомимом стремлении к дальнейшему прогрессу. Творцы этой легенды видели причину застойности в том, что широкие народные массы восточных обществ с древнейших времен являлись теми забытыми и подневольными крестьянами и ремесленниками, которыми сделала их феодальная эпоха. Закрепощенность народных масс Востока стала для буржуазной историографии вечной категорией и могла служить гарантией для вечной колониальной эксплуатации его. На Западе же, по мнению ее, закрепощенность народных масс имела место лишь в средние века. Поэтому и народы Европы, наследники достижений греческой и римской культур, могли сбросить с себя ярмо средневекового крепостничества, чего не было в состоянии сделать народные массы Востока⁵⁹.

Фашистская историография довела до абсурда расовую теорию старой буржуазной науки, «доказывая», что все культурные достижения были созданы гением «нордической расы», к которой принадлежали и греки и германцы⁶⁰. И для нее преобладание народов «нордической расы» было обусловлено наличием среди них свободного крестьянства, которого никогда не знал крепостнический Восток.

Советские исследователи, утверждавшие вечное крепостничество в странах Востока, лили, того не замечая, воду на мельницу буржуазной историографии. Они эклектически пытались примирить марксист-

⁵⁶ См. В. В. Струве, Издание Московского математического папируса; Ю. Я. Перепелкин, К вопросу о возникновении энциклопедии на древнем Востоке, «Труды Института книги, документа и письма», П.; Н. А. Шолпо, Два фрагмента египетских водяных часов, изд. Гос. Эрмитажа.

⁵⁷ И. М. Лурье, Техника древнего Египта (Очерки истории техники докапиталистических формаций, 1936); Н. А. Шолпо, Ткачество в древнем Египте, «Архив ИИНИТ», вып. 5; е го же, Подъем тяжестей в строительной технике древнего Египта, «Архив ИИНИТ», вып. 8, и другие статьи того же автора.

⁵⁸ См. ее монографии—«Искусство древнейших культур», Ленинград, 1929, и статьи ее в сборниках Института истории и Гос. Эрмитажа. См. также монографию о египетском искусстве В. Павлова, Москва, 1937, и другие работы того же автора; И. Л. Снегирев, Атлас по истории древнего Востока (введение, таблицы и объяснительный текст), Ленинград, 1932.

⁵⁹ Ср. Эд. Мейер, Экономическое развитие древнего мира, 1898, и е го же, Рабство в древности, 1923.

⁶⁰ Ср. А. Зворыкин, Фашистская фальсификация истории материальной культуры («Правда», 14 мая 1937 г., стр. 3).

ско-ленинскую концепцию с определением исторического развития древневосточных обществ, созданным буржуазными историками. Древнеазиатский, античный и т. д. способы производства, которые Маркс устанавливал «как прогрессивные эпохи экономической формации общества», стали для них голыми социологическими схемами, которые представлялись ими механически, не диалектически, вне связи с конкретным историческим процессом. Ввиду этого они и могли выступить с неправильным утверждением, что древнейшие общества Египта и Вавилонии переросли из доклассового бытия в феодализм, минуя рабовладельческий этап развития. Эта методологическая ошибка поставила под знак вопроса ценность многих работ, которые сравнительно недавно пытались решить тот или другой вопрос по истории древнего Востока. Поспешное определение древневосточных обществ как феодальных должно было привести исследователей к модернистскому построению истории древнего Востока с установлением здесь абсолютной монархии, сословного государства и даже банкового капитала⁶¹.

Последние годы, наконец, принесли с собой перелом на отрезке исторического фронта, посвященном изучению древневосточных обществ. Интенсивная работа по освоению марксизма-ленинизма, с одной стороны, а с другой стороны—конкретное изучение хозяйственных, правовых и других документов, сохранившихся от древневосточных архивов, привели к тому, что большинство советских специалистов по истории древнего Востока определили способ производства общества древнего Египта, Вавилонии, Малой Азии, Финикии и т. д. рабовладельческим, господствовавшим когда-то и в Западном Средиземноморье—в Греции и в Риме⁶². Способ производства классической древности и формацию древневосточных обществ сблизил со всей определенностью, не допускающей никакого иного

⁶¹ См. С. И. Ковалев, Курс всеобщей истории, т. I и II; Н. М. Никольский, статьи по истории Израиля и Иуды в «Записках РАНИОН» и статья «Вавилония» в Б. С. Э. См. также статью В. В. Струве «Египет» в Б. С. Э. Исключения являются диссертации Ю. П. Францова о египетской сказке и Ю. Я. Перепелкина о тель-амарнской литературе. Основательная методологическая подготовка авторов удержала их от модернизации египетского общества и направила их внимание на установление специфических особенностей названного общества.

⁶² В. И. Авдиев в ряде статей в журналах «Историк-марксист», «Борьба классов», «История в средней школе»; С. И. Ковалев в предисловии к I тому «Истории древнего мира», изд. ГАИМК; А. В. Мишулин в ряде статей в «Борьбе классов»; А. Б. Ранович, Очерк истории древнееврейской религии; Р. И. Рубинштейн в «Истории Вавилонии и Египта» (изд. Военнополит. академии им. Толмачева); И. Л. Снегирев в III главе I тома «Истории древнего мира», изд. ГАИМК; И. Л. Снегирев и Ю. П. Францов, История Египта, 1937; В. В. Струве в «Известиях ГАИМК», № 77, 97, в I томе «Истории древнего мира», изд. ГАИМК; С. П. Толстов в ряде статей в журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ»; Ю. П. Францов в статье во II томе «Советского фольклора»; Н. А. Шолпо, Падение Древнего Царства (сб. Исторического института Академии наук); Ю. Я. Перепелкин, «Известия ГАИМК» № 77, и А. П. Рифтин («Старовавилонские документы») высказывают сомнение в существовании крепостнических отношений в Египте и Вавилонии. Даже наиболее определенные поборники феодализма на древнем Востоке колебались: А. И. Тюменев определяет древневосточное общество «условно рабовладельческим»; Н. М. Никольский рекомендует учителям избегать терминов «барщина», «оброк», «феодално-крепостническая эксплуатация» при рассказе о повинностях шумерийских крестьян (в статье, подписанной и С. И. Ковалевым, в «Истории в средней школе», 1934, № 3, стр. 40); И. М. Лурье называет общество древнего Египта в докладе в ИИНИТ в 1937 г. «дофеодалным» (докладная записка в ИИНИТ).

толкования, уже Энгельс в 1887 г.: «В азиатской и классической древности преобладающей формой классового угнетения было рабство, т. е. не столько экспроприация земли у масс, сколько экспроприация их личности»⁶³. Согласно установкам основоположников марксизма-ленинизма, новый учебник истории СССР под редакцией проф. А. В. Шестакова подчеркивает в древних государствах востока нашего Союза—Урарту и государствах Средней Азии—их рабовладельческий характер. Проф. А. Шестаков, редактор учебника, в своей интересной статье «Как преподавать историю СССР по новому учебнику» дает следующее указание преподавателю: «На примере государства Урарту, существовавшего 3 тысячи лет назад, и государств Средней Азии учитель должен дать детям картину эксплуататорской роли государства, причем должна быть подчеркнута роль рабов в этих древнейших государствах. Представление о рабской эксплуатации должно привести детей к пониманию эксплуатации и в последующие этапы феодальной и капиталистической эпох» («Исторический журнал», 1937, № 9, стр. 81—82). Энгельс, конечно, сближая формы угнетения древней Азии и Греции, подчеркивал наличие специфических черт отличия между теми и другими обществами. И дальнейшим этапом развития советской историографии о древнем Востоке и будет установление специфика древневосточных рабовладельческих обществ. В решении данной проблемы должны принять участие все советские исследователи, посвятившие себя истории древнего Востока. Лишь при таком условии возможна будет марксистская углубленная проработка всего громадного материала, как письменного, так и вещественного, дошедшего до нас от древневосточных обществ.

Опираясь на марксистско-ленинскую методологию, используя весь доступный материал, учитывая достижения буржуазной историографии, советские историки древнего Востока смогут дать полноценный вклад во «Всемирную историю» и «Историю народов СССР», подготовляемые ныне Всесоюзной Академией наук. Их труд станет тогда на уровень великой социалистической эпохи.

⁶³ Предисловие к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии», Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 287.

ОБ ОДНОЙ ИНТЕРЕСНОЙ «ХЕТТСКОЙ» ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ НАДПИСИ

(Messerschmidt, Corpus inscr. Hett., Taf. VIII)

Проф. Б. Грозный
(Прага)

Надпись, воспроизводимая здесь на табл. I и II, высечена горельефом на двух сторонах выпуклого наверху, плоского внизу базальтового камня, имеющего форму зернотерки. Но от камня сохранилась примерно лишь половина. «Хеттская» надпись, сохранившаяся также не целиком, расположена вокруг камня. Камень прислан был в Стамбульский музей, где он находится поныне, каймакамом Александретты, который, однако, не мог дать никаких сведений о действительном месте его обнаружения.

Слепок с этой надписи, присланный директором стамбульских музеев Хамди Беем Жоржу Перро, был представлен этим ученым 22 марта 1889 г. французской Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, после чего она была передана в Cabinet des inscriptions sémitiques¹.

Затем в заседании этой академии 30 мая 1890 г. Мэнан представил автограф данной надписи, снабдив его краткими замечаниями². После этого Л. Мессершмидт опубликовал надпись по оттиску, изготовленному Пейзером, в «Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft», 1898, S. 223 ff., впоследствии же—по более удачному оттиску Берлинского музея—в своем труде «Corpus inscriptionum Hettitarum», Taf. VIII (см. также *ibid.*, S. 8 f.). Попытку перевода этой надписи опубликовал П. Мериджи в своей работе «Die längsten Bauinschriften in «hethitischen» Hieroglyphen» S. 32 f., не установив, однако, подлинного ее смысла.

Я сверил эту надпись в июле 1934 г. по оригиналу в Стамбуле. Оттиск ее для Восточного института в Праге изготовила моя дочь Ольга. Следует еще отметить, что наклейка музея в Стамбуле содержит следующую отметку: «Alexandrette (ou Marash)». Заключительную часть надписи я перевел в «Mélanges linguistiques offerts à M. Holger Pedersen», p. 500 sq.

В дальнейшем изложении я делаю, со своей стороны, попытку перевести целиком всю эту, еще и до сих пор неясную, надпись и установить ее содержание, автора, а также происхождение. Фотографические снимки надписи публикуются мною здесь с любезного разрешения г. Азиз Огана, генерального директора музеев Стамбула.

¹ См. «Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres», 1889, p. 100.

² См. I. c. 1890, p. 239 sq.

Привожу теперь самую надпись:

Сторона А:
 Столбец I³. . . . . (?) . . . .
 . . . . . *ve^(r) (? ta (r)^(r)?) - tá* . . . . .
 [?] (?) [?] ⁵ (?)⁶ . . . . .
 - [a?] - ru (?) - [nã?] - a⁵ (?)⁶ . . . . .
 [а м б а р?]⁶ . . . . .

Сторона Б:
 (?)⁴ [?]
 - [j] a (?)⁴ [?] - ka -

Сторона Б:
 Столбец II. ^{1c}
^{1c} *va - n* ⁷ ⁸ - n - ta (r)^(r) (?ve^(r)?) - va - há (? u ?) - a⁹
 И я его установил(?)⁹ как здание(?)⁸ дворца⁷

³ Нельзя с уверенностью утверждать, какого именно количества столбцов нехватает. Поскольку в первом из сохранившихся столбцов надпись идет слева направо, количество недостающих столбцов может быть только нечетным (1, 3, 5?). Возможно, что впереди надписи первоначально был помещен рельеф бога Сантуяса (?), к покровительству которого взывает; повидимому, надпись на столбце V.

⁴ Сохранилась лишь нижняя часть этого знака.

⁵ Или , v[a] ? Сохранилась только нижняя часть этого знака.

⁶ Здесь мы имеем, повидимому, дело с тем же словом   - karunās, что

и в столбце III-A. «Хеттское» иероглифическое слово   - karunas означает по своему изображению дом, который, судя по столбцу II-A — IV-B, должен содержать значительное количество неопределяемых более точно предметов. С другой стороны, это слово напоминает ассиро-вавилонское слово karû—«куча зерна, бочка зерна; амбар, склад». Мне представляется вполне возможным, что оно произошло от ассиро-вавилонского karû с помощью прибавления суффикса-ла и означает «амбар».

⁷ Знак идентичен здесь, повидимому, со знаком , — «дворец», по поводу которого ср. Bittel—Güterbock, Bogazköy, 78, и Грозный — Inscriptions hittites hiéroglyphiques, p. 365, прим. 5 и т. д.

⁸ По поводу знака , изображающего, пожалуй, свинцовый отвес, применяемый каменщиками, см. Грозный, I. с. 83, прим. 6, 352, прим. 4. Возможно, что здесь идет речь об идеограмме для слов «строение, здание».

⁹ Не должны ли мы здесь читать   távaħa (?), сравнив это с глаголом *tava—«класть, ставить», см. Грозный, I. с. 289, прим. 14; 409, прим. 6; 449, прим. 8 и т. д.?

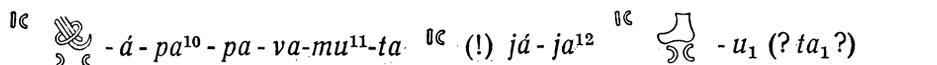

Рис. 1. *Хеттская иероглифическая надпись. Александретта (Мараш)*
Выпуклая сторона

Рис. 2. Хеттская иероглифическая надпись. Александретта (Мараш)
Плоская сторона

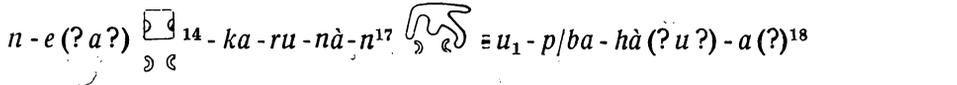
Сторона А:

Далее (то количество зерна) которое¹² мне до-
ставили(?)¹³

 va — ta₂¹³ e — va ja

 я теперь в

Сторона А:

Столбец III.

 n - e (? a ?)

 этот амбар¹⁷ поместил(?)¹⁸

¹⁰ Это место дает нам основание читать изображение , как *apa*; см. Hgozný, I. с. 346, прим. 3.

¹¹ Так, повидимому, надо здесь читать, на основании сделанной мною сверки.

¹² Слово *ja-ja* является здесь, видимо, винительным падежом множественного числа относительного местоимения *jas*—«который, кто»; ср. Hgozný, I. с. 282, прим. 8. Это относительное местоимение относится очевидно к предметам, количество которых указано в столбце III B.

¹³ С этим местом надписи ср. Hgozný, I. с. 346, прим. Глагольная форма *u₁(?ta₁?) - va₂ - ta₂* должна, повидимому, судя как по изображению, так и по контексту, обозначать, примерно, «доставлять»; ср. вавилонское слово *erbu* «доставленное, доход (в зерне), отчисление».

¹⁴ Наличие в знаке полукругов представляется мне при сверке надписи весьма вероятным.

¹⁵ Черта посередине этого знака на подлиннике еще немного видна.

¹⁶ Средняя черта (вместо двух черт) этого знака на оригинале надписи как будто еще видна.

¹⁷ Относительно этого слова см. стр. 24, прим. 6; форма *karunan* является здесь винительным падежом, выражающим направление.

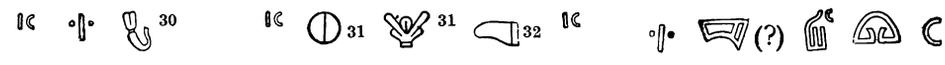
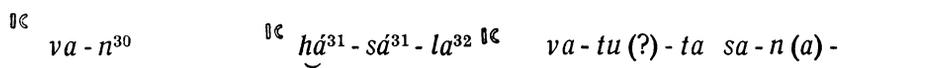
¹⁸ Для глагола * *up/ba-*, который встречается также в столбцах III B—IV B, здесь же обозначает, вероятно, «нести вниз», и снабжен глагольной приставкой *eta* «внутри», см. например, Hgozný, I. с. 358, прим. 5; 364, прим. 7; 369, прим. 5 (* *u-p/bai-*), 370, VI, 470, прим. 7 и т. д. В нашей надписи он наглядно определен в одном случае (III A) «рукой, которая берет», в другом (III B—IV B) «рукой, которая дает».

Сторона Б:

 Столбец V²⁶.

 La + ja - m[a ?]²⁵ á (ä) - te²⁷ - ma - ja²⁹ na - su / a²⁸

 и з м е н и т²⁷ о б р а з (?)²⁹ Л а я м а с а²⁵

Сторона А:

 и е г о р а з о б ь е т³², т о д а п р и н е -

стить такой смысл, как «тронуть (?)»; ср. также Meriggi, l. c. 32. Необычным является присоединение союзных частиц предложения *pa-va-ta* к третьему слову данной фразы.

²⁵ Подобная расшифровка подкрепляется также ссылками на Hrozný, l. c. 277, I, 278, III и «Cornell Expedition», p. 48, pl. XXVII, kol. I=Metropolitan Museum Studies II/I, p. 118, fig. 9; cf. Meriggi, l. c. 33. Упомянутый здесь *Лаямас* идентичен, пожалуй, с князем *Лаямасом II* из Гургум-Мараша, по поводу которого см. Hrozný, l. c. 63. Этого князя мы можем отнести, пожалуй, примерно, к 810 г. до н. э. Применение

 говорит, видимо, против отождествления нашего *Лаямаса* со значительно более старшим *Лаямасом I*, жившим, примерно, во второй половине X столетия до н. э. Представляется, таким образом, весьма вероятным, что наша надпись происходит от *Хальпарутаса III* (около 800 г. до н. э.), сына и преемника *Лаямаса II* и автора льва из Мараша (см. Hrozný, l. c. 276 sq) и что действительным местом ее обнаружения был Мараш, Александретта же послужила для данной каменной плиты лишь промежуточным пунктом. С этим следует сопоставить (ср. выше, стр. 22) сделанную музеем отметку «Alexandrette (ou Marash)».

²⁶ В этом столбце вопреки обычному boustrophedon надпись идет как в непосредственно предшествующем ему столбце, справа налево.

²⁷ На основании моей сверки можно с уверенностью читать таким именно образом. ²⁸ Вместо необычного *na-su/a*, лучше, пожалуй, читать *su/a-na*, что представит собой вариант глагольной формы *sunata* «он меняет». Относительно глагола *supa «менять» см. Hrozný, l. c. 315, прим. 5; 334, прим. 8; 396, прим. 2 и т. д. *Supa* может встречаться наряду с *sunata* в качестве третьего лица единственного числа настоящего времени. Ср. например, *tuvá* рядом с *tuvata* и *tuvá* рядом с *tuvata*; см. также Hrozný, l. c. 391, прим. 3.

²⁹ Относительно слова *atemaia* «изображение» (?) см. Hrozný, l. c. 325, прим. 8. Из этого места надписи следует, что в амбаре находилась также статуя князя *Лаямаса*. Здесь, однако, не указано, была ли эта статуя установлена самим *Лаямасом* или же ее поставил лишь автор нашей надписи, *Хальпарутас III* (?).

³⁰ Это чтение представляется мне на основании моей сверки верным.

³¹ Эта расшифровка на основании моей сверки представляется почти бесспорной.

³² Я предлагаю читать эту глагольную форму *há-sá-la*. Та же глагольная форма пишется и *arha* *há(?) - sa₁ - la - a(?)* (см. Hrozný, l. c. 325, C, и прим. 6). Идеограмма

 изображает, повидимому, какую-то разновидность палицы или колотушки; таким образом, этот глагол—3-е лицо единственного числа настоящего времени, кото-

 (?)³³

- tu (?)³³ - ja³⁵

сет³⁴ ему³³ Сантуяс(?)³⁴ смерть(?)³⁴

рый пишется еще и следующим образом: *arha* -*sa₁-la-a* (ibid. 485, VI, A), *arha*, -*la-a* (ibid. 173, III), *arha* -*la-a* (ibid. 233, VI, 235, IV), *arha* -*la* (ibid. 190, IX), *arha* -*a* (ibid. 163, VI, прим. 10, 260, VI, 329 С, 336, II, С, 337, III, В, С), *arha* -*a* (ibid. 245—246, II, 323, D, прим. 6), *arha* -*a* (ibid. 253, IV), *arha* -*a* (ibid. 346, II, В), *arha* (ibid. 457, XX, D), — должен означать, примерно, «разрушает, разбивает, ломает»; ср. также глагольную форму — -*va(?) -ta* «он разбил» (ibid. 484, V С, и прим. 8). Глагол (*arha*) *hašald* «он разрушает» мог, весьма вероятно, быть позаимствован от известного ассиро-вавилонского глагола *hašalu* «разбить, растоптать, раздробить» (ср. также арамейское 𐤇𐤍𐤋).

Здесь нехватает имеющейся всегда в этих случаях идеограммы , пожалуй, лишь только потому, что писец в этом месте, к концу надписи, располагал уже очень ограниченным пространством.

³³ Здесь имелся в виду этот знак, имеющийся в оригинале, очень похожий на предшествующее обозначение *la*. Ср. бесспорный знак *tu* в схожем контексте у Н г о з њ ѹ, I. с. 235, IV. Это — указательное местоимение.

³⁴ Стол, стоящий между двумя фигурами этой идеограммы, на оригинале еще виден. Данная идеограмма , , изображающая, видимо, хеттское поминальное пиршество, имеет, пожалуй, как раз именно значение — «принести(?) смерть(?)», умертвить»; ср. также клинописную идеограмму ВА. U G, «(будь) мертв» на хеттской печати у Friedrich'a в «Deutsche Literaturzeitung» 1933, 1121 — 1122. (См. Грозный I. с. 30, прим. I, 164, VI, прим. 2, 173, IV, 233, VI, прим. 10, 236, V, прим. 1, 242, V, 331 III, С, прим.

и т. д., в соответствии с чем этот глагол гласит -*salasa* или -*salaja*.

³⁵ Слово *sa-n(a)-tu(?) -ja* приведено здесь в проклятии в таком месте, где, по аналогии с другими подобными случаями, следует ожидать упоминания имени божества, ср., например, Н г о з њ ѹ, I. с. 233, VI, и 235—236, IV—V. Я предполагаю поэтому, что мы имеем в данном случае дело с фонетическим начертанием «хеттского» иероглифического имени бога Сандона. Здесь впервые это имя божества появляется в «хеттских» иероглифических надписях в фонетическом начертании, ибо во всех прочих случаях

оно, повидимому, изображается идеограммой   . Свойственное именительному падежу окончание -s здесь явно отсутствует. Необычное же отсутствие детерминатива бога можно объяснить недостатком места (ср. стр. 27, прим. 32).

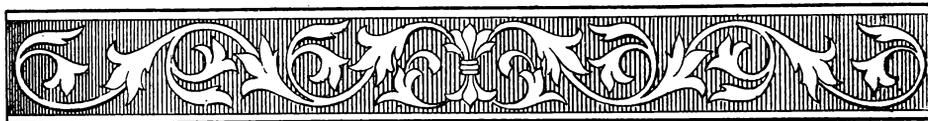
Содержание надписи.

[*Хальпарутас* (?) III (?), царь *Гурзум-Мараша*], устраивает амбар [построенный, возможно, еще его отцом *Лаямасом II* (?) или же им самим?], как здание, входящее в состав царского дворца. Он складывает там 4400 (?) (мер зерна?), которые были ему доставлены (вероятно, его подданными в качестве налога или отчисления). Надпись заканчивается проклятием, направленным против того, кто дотронется (?) до этой каменной таблицы или изменит, либо разобьет (установленное, видимо, в амбаре) изображение *Лаямаса II* (?). Бог *Сантуяса* (?) умертвит (?) этого преступника.

Наш камень имеет—в той мере, в какой он сохранился—типичную внешность зернотерки, но он в данном случае был снабжен «хеттской» иероглифической надписью, а потому вовсе и не мог быть использован для дробления зерна. Как раз именно на плоской стороне камня иероглифические знаки сохранились очень хорошо, лучше, нежели на выпуклой его стороне.

Я делаю предположение, что наш, снабженный надписью, камень растирания представляет собою принесенный по обету дар, предназначенный для бога *Сантуяса* (?); своей содержащей проклятие надписью он должен был охранять изображение *Лаямаса II* (?)—а, пожалуй, и самый амбар—от всякого преступника. Необычная форма камня—зернотерка—была, возможно, выбрана потому, что в данном случае речь шла об устройстве амбара, в отношении которого камень такого типа являлся вполне уместным. Таким образом, археологическое толкование данного предмета в свою очередь подтверждает наше толкование слова *karunas*, так же точно, как и всей надписи в целом.

ПРОБЛЕМЫ КРИТИКИ БИБЛИИ В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ

Акад. Н. М. Никольский

История Израиля и Иуды, несмотря на ее сравнительно краткие хронологические рамки и узкие территориальные границы, является чрезвычайно важной областью исторической науки. Марксистская историческая наука, конечно, должна подходить к этой области с иных исходных пунктов, чем буржуазная история или так называемая критическая библеистика. Буржуазная историческая наука до сих пор находится еще в значительной степени в плену традиционных полубогословских взглядов на историю Израиля и Иуды. Еще сохраняет свою силу положение, будто Израиль и Иуда и их история являются своего рода историческими уникалами; история Израиля и Иуды расценивается еще, главным образом, с религиозной стороны, как та основа, на которой возникло христианство, считающееся одним из краеугольных камней буржуазной культуры. В связи с этим история Израиля и Иуды до сих пор является одной из крепостей буржуазно-богословского идеализма.

Уже одно это обстоятельство возлагает на марксистскую историческую науку обязанность обратить самое пристальное внимание на этот, пока еще заброшенный, участок на нашем историческом фронте.

Марксистская историческая наука должна взять и разрушить этот идеалистический, реакционный бастион, должна разоблачить всю фальшь, научную несостоятельность и контрреволюционную сущность традиционных и подправленных под «науку» установок буржуазно-богословской науки в области истории Израиля и Иуды.

Другой основной вопрос—это выяснение подлинного характера и действительного хода развития израильско-иудейской религии. В противовес «критической» библеистике и буржуазной историографии, с точки зрения которых религия была определяющим моментом в ходе развития израильско-иудейской истории и по своему содержанию принципиально отличалась от прочих «языческих» религий древнего мира, марксистская историческая наука должна изучать израильско-иудейскую религию, исходя из руководящей установки Маркса и Энгельса: «Мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с данной действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание опреде-

ляет жизнь, а жизнь определяет сознание» («Нем. идеол.», стр. 17). В библейской традиции и в ее истории этот тезис Маркса и Энгельса найдет для себя блестящее подтверждение, а вместе с тем рухнут и все идеалистическо-богословские спекуляции с сопутствующими им фальсификацией и обманом.

Для разрешения этих важнейших и труднейших задач со стороны марксистской исторической науки требуется овладение «высотами» так называемой библейской науки. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы наметить первоочередные задачи марксистской исторической науки на этом пути. Мы должны критически рассмотреть методы и выводы библейской критики, отсеять то, что является не критикой, а новой фальсификацией, и взять то, что выдержит проверку при применении марксистско-ленинской методологии. Тогда выяснятся и новые задачи. Тогда обнаружится, какие вопросы надо еще разрешить, чтобы завершить критическое исследование библии, и станет ясно, что последняя задача может быть разрешена лишь марксистской исторической наукой. Таким путем мы завоюем материальную базу для разрешения всех основных проблем истории и религии Израиля и Иуды и для реконструкции ее общего хода.

В настоящей статье я хочу дать сжатый критический обзор результатов библейской критики и наметить вытекающие отсюда задачи марксистской исторической науки в области библейской критики. Тут надо рассмотреть две проблемы. Первая проблема — это проблема критики текста библейских книг с целью очищения текста как от случайных ошибок, так и от сознательных тенденциозных и фальсификаторских редакционных поправок многочисленных поколений и школ иудейских соферов, «работавших» над библией в течение почти тысячелетия. Вторая проблема — это проблема собственно литературной критики, определение состава и времени происхождения и подлинного характера библейских книг.

Нельзя сказать, чтобы задаче критики текста библеистика не уделяла достаточно внимания. Напротив, над современным еврейским (масоретским) текстом библии велась и ведется огромная критическая работа. В самое последнее время один из крупнейших современных библеистов, Фольц, предлагает для завершения этой работы объединить в международном масштабе усилия ученых, занимающихся критикой текста, и создать для этой цели международное общество. Последнее должно составить руководство (Regelbuch) для этой работы и издавать журнал, который помещал бы как специальные работы в области критики текста, так и статьи религиозно-исторического и богословского характера, поскольку «без критики текста не может быть познания ветхозаветной религии, не может быть чистенькой (sauberen) ветхозаветной теологии»¹. В актив критической работы, проделанной над текстом библии западными библеистами, надо поставить сверху масоретского текста библии с другими, преимущественно переводными, версиями (греческими переводами — «семидесятью» и другими — самарянским Пятикнижием, арамейскими таргумами, латинской Вульгатой и др.) и проверку текста при помощи грамматических и лингвистических критериев. При помощи этих двух критериев удалось исправить целый ряд испорченных, иной раз непонятных мест в теперешнем тексте, а также вскрыть и устранить целый ряд позднейших редакционных исправлений и вставок.

¹ Cp. Volz, Ein Arbeitsplan für die Textkritik des Alten Testaments, ZAW, 1936. I—II, S. 110—117.

Но вместе с тем проделанная библеистикой критическая работа грешит коренным и неустранимым пороком, органически связанным все с тем же идеалистическо-богословским миросозерцанием зарубежных библеистов. Основной метод, ими применяемый, — это метод формально-филологический. Они учитывают сознательные редакционные искажения текста лишь в той мере, в какой эти последние могут быть вскрыты при сличении масоретского текста с другими, более ранними версиями. А в целом ряде случаев, когда никакое сличение, ни грамматика, ни лексика не могут помочь при исправлении явно испорченного текста, библеисты исправляют текст, исходя или из формально-логических соображений или из презумпций «истории израильско-иудейской религии и ветхозаветной теологии», т. е. из своих идеалистических богословских спекуляций. А эти спекуляции, в свою очередь, сплошь и рядом совпадают с богословскими установками последних еврейских редакторов библии, и таким путем получают «надежное» основание и лишние аргументы для системы «чистенькой», как выразился Фольц, ветхозаветной теологии. Другими словами, критическое исправление текста в этих случаях превращается в свою противоположность — в новую фальсификацию текста библии или с протестантско-богословской, или с иудейско-богословско-националистской, или с католическо-ортодоксальной точки зрения. Также само собою понятно, что при таком методе остаются незамеченными и неисправленными искажения и добавления, внесенные в первоначальный текст его иудейскими редакторами с целью проташить и оправдать богословские положения раввинов талмудической эпохи.

Примеров подобного рода «исправлений» масоретского текста можно привести немало, особенно из пророческих книг и из книг псалмов. «Исправления» текста пророческих книг исходят обычно из положения, что пророки якобы были проповедниками универсально-этического монотеизма, положения, целиком измышленного протестантскими библеистами и не находящего для себя подтверждения в тексте. Библеисты для доказательства этого положения или вырывают из контекста отдельные фразы, или неправильно переводят тексты, или, наконец, «исправляют» их, т. е. фальсифицируют текст в желательную для них сторону. Ярким примером такой новой фальсификации посредством «исправления» является, например, манипуляция, производимая над текстом Ис. 10, 5—12. Этот отрывок содержит оракул, данный Исайей иудейскому царю Хизкии (Езекии) в тот момент, когда после ассирийского разгрома царства Эфраима ассирийские войска заняли северную часть Иудейского царства и грозили Иерусалиму.

Содержание оракула просто и ясно, если его переводить без всяких презумпций, читая то, что есть в тексте. От имени Ягве пророк говорит: «Горе Ассуру, жезлу моего гнева... я пустил его против распутного народа (Эфраима)», но он думает не так — хочет уничтожить и еще народы — в том числе Иерусалим «с его божками». В противовес такому намерению ассирийского царя оракул предсказывает иудейскому царю скорое избавление от опасности: «и будет, как возведет (jebaszsa) господин мой все сооружение свои на горе Сионе и в Иерусалиме, я покараю с успехом гордыню сердца царя Ассура». Неуклюжее построение оракула, сначала от имени пророка, подобострастно обращающегося к царю («господин мой»), а потом от имени Ягве («покараю»), характерно для подлинного стиля пророческих оракулов; в некоторых случаях эта неуклюжесть была выправлена редакторской рукой, которая в надлежащем месте вставила «pe'um Jahwe» —

«слово Ягве»². Что касается содержания оракула, то ясно, что дело идет о работах по укреплению Иерусалима, так как глагол *basza* в форме *Pi'e'l* означает именно каменные работы, в том числе сооружение каменных сводов и подземных ходов, по окончании которых Иерусалим будет неприступным для ассирийской армии. Тут нет никакого намека на универсально-этический монотеизм; речь идет о том, что Ягве, как всякий иной национальный или местный бог, вступится за свою страну, за свой народ.

Путем «исправления» и неправильного перевода этого текста библеисты³ превращают его в пророчество, якобы проникнутое универсально-этическим монотеизмом и мессианизмом. Они переводят: «и будет, как завершит господь дела свои на горе Сионе и в Иерусалиме, покарает он великую гордыню царя Ассура». Это искажение первоначального смысла оракула было начато еще александрийскими иудейскими богословами II в. до н. э., как это видно из греческого перевода LXX. Встретив в своем оригинале в ст. 12 слово *'dnj* (без вокализации, которой тогда еще не было), благочестивые переводчики истолковали это слово не в смысле *'adonj* («господин мой»), а в смысле *'adonaj* («господь», т. е. Ягве), так как со своей теократической точки зрения никак не могли допустить мысли, чтобы пророк, рупор Ягве, мог назвать царя «своим господином», хотя в действительности царские пророки были такими же слугами царя, как и все другие агенты царского светского и жреческого аппарата. Переведя *'dnj* словом *kyrios*, «семьдесят» сейчас же запутались, дав в дальнейшем ошибочный, совершенно невразумительный перевод: «как покончит господь дела все на горе Сионе и в Иерусалиме». Толкование *'dnj* в этом месте в смысле *'adonaj* становится традиционным, и масореты при вокализации консонантного текста вокализуют слово в соответствующем смысле. Современные «критические» богословы, собравшись по «духу» своих «некритических» предшественников из Александрии, конечно, держатся масоретской вокализации *'adonaj*, толкуют «дела» (*ma'ase*) на Сионе и в Иерусалиме в смысле «последнего мессианского суда Ягве над язычниками», первое лицо «покараю» считают «конечно» (*natürlich*) ошибкой переписчика и исправляют его в третье лицо. Так создается «неопровержимое» доказательство этического монотеизма пророка Исаяи.

Другой, не менее разительный, пример представляет собой толкование оракула Ис. 30, 18—20, который соединен составителями кн. Исаяи с некоторыми другими оракулами в целое пророчество о наступлении будущего царства всеобщего благоденствия. Оракул был дан, повидимому, во время осады Иерусалима Навуходоносором в 587 г. и в точном переводе гласит: (18) «И посему жаждет Ягве послать вам милость, и посему восстаёт он оказать вам милосердие, ибо бог правды Ягве — счастье всем, надеющимся на него. (19) Ибо народ на Сионе, живущий в Иерусалиме, не будешь ты более плакать, милость он пошлет тебе на голос вопля твоего; как услышал он тебя, ответит он тебе. (20) И даст он вам хлеб бедствия и воду нужды; и не будет больше скрываться ранний дождь (*mwgh*) твой, и увидят глаза твои великое чудо (*mwgh*) его». Последний стих, 20-й, не был понят греческими переводчиками, которых сбило с толку слово *jikkaperh* (будет скрываться), встречающееся во всей библии только в этом месте, а также повторение одного и того же слова *mwgh*; поэтому греческий перевод этого стиха является не имеющим смысла набором

² Ср., напр., Ам. 3, 9—10; 9, 11—13; 8, 6, 14; Ис. 1, 23—24; Иерем. 22, 4—5 и др.

³ Все наиболее авторитетные комментаторы Исаяи — Дум, Чейн, Гуте, за которыми плетутся остальные.

слов. Стих затруднил также и позднейших иудейских богословов. В особенности их затруднило дважды повторяющееся *mwḡh*. В конце концов, масореты приняли оба *mwḡh* за одно и то же слово, именно за слово *moḡe* в смысле «учитель, наставник», и истолковали его в мессианском смысле: «не будет скрываться от тебя учитель твой, и глаза твои увидят учителя твоего». Вслед за масоретами пошли и современные комментаторы, которые *moḡe* переводят уже прямо «искупитель»⁴, подразумевая мессию и не смущаясь тем, что такое толкование насилует смысл слова *moḡe* в значении «учитель». Однако никому из многоученных комментаторов Исайи не пришло в голову, что раз дело идет об осажденном Иерусалиме и опустошенной земле, то не мешает вспомнить, что тот же консонантный состав *mwḡh* имеют еще два слова, одно — в значении «ранний дождь» (также *moḡe*), от которого зависит урожай, и другое — в значении «страшное, великое чудо» (*moḡa*)⁵, и что эти понятия как нельзя лучше отвечают нуждам и желаниям осажденной столицы и опустошенной страны, спасти которую, конечно, могло бы только чудо. Поэтому первое *mwḡh* надо понимать в смысле *moḡe* «ранний дождь», а теперешнюю масоретскую вокализацию второго *mwḡh* в конце стиха нельзя оставлять без изменений, ибо она неправильна, продиктована богословскими презумпциями масоретских редакторов библии. Однако современные «критические» комментаторы находят, что текст в порядке, ибо отвечает по смыслу их богословским установкам⁶.

В этих двух примерах ярко обнаруживается убожество и бессилие богословской критики текста, проистекающие из связанности последней путями той же самой богословской концепции, которая руководила иудейскими книжниками в их фальсификаторской «работе». В других случаях обнаруживается другая сторона того же явления — произвольное и насильственное видоизменение текста для придания ему желательного с богословской точки зрения смысла. Едва ли не самым ярким примером такой «критики» текста являются те манипуляции, которые продельвали над текстом псалмов их протестантские комментаторы, кончая недавно умершим Гункелем, считающимся в протестантских кругах виднейшим руководящим знатоком и комментатором псалмов.

Тут надо прежде всего отметить, что проблема псалмов еще не получила общепризнанного решения. Несмотря на последние работы Мовинкеля и мой⁷, вскрывшие и доказавшие культовое и магическое происхождение большей части псалмов, большинство библеистов, как протестантских, так и еврейских, продолжает считать псалмы образцами «чистых молитв», проявлениями «смиренного, покаянного благочестия» и других подобных «добродетельных» чувств, настроений и качеств. Для такой оценки за основу принимаются псалмы, составленные в позднюю эпоху теократии второго храма, и те более ранние псалмы, которые по своему тексту легче

⁴ Erlöser—ср. D u h m, Jesaja, S. 222.

⁵ Последнее слово встречается в двух формах *mwḡ'* и *mwḡh*; такая вариация окончания имеет место и в других случаях.

⁶ Другие примеры—см. мои работы: «Мотивы крестьянского мессианизма в пророчестве VIII в.» («Ученые записки Инст. истории РАНИОН», VII, стр. 29—30, об Ис. 32, 9—20) и «Політэізм і монотэізм у яўрэйскай рэлігіі», стр. 32—36; Ам. 8, 14; Суд. 5, 8 и др.

⁷ M o w i n s k e l, Psalmenstudien, I—VI, Kristiania, 1921—1924; Н и к о л ь с к и й, Следы магической литературы в книге псалмов, «Труды Белорусского Гос. университета», кн. 4—5 (1923) и 12 (1926), Минск; немецкое дополненное издание «Spuren magischer Formeln in den Psalmen», Giessen, 1927.

других могли быть обработаны и были обработаны под стиль поздних псалмов. Такая обработка и переработка материала книги псалмов велась самым усердным и настойчивым образом, ибо книга псалмов довольно рано сделалась богослужебной книгой синагоги и в такой же роли была воспринята и применена в христианской церкви. Поэтому текст книги псалмов дошел до нас в чрезвычайно испорченном виде. Он испещрен как ошибками многочисленных переписчиков, так и «исправительно»-редакционными усилиями иудейских богословов, изобилует искажениями, непонятными местами, не имеющими связи с контекстом, порой безнадежно испорченными. Для выяснения подлинного характера псалмов надо прежде всего исправить их текст.

Отсюда ясно, что работа «критических» богословов над текстом псалмов, весьма немалая по ее размерам, очень далека от высокого качества. Она дала полезные результаты в тех случаях, когда представлялась возможность исправить масоретский текст по показаниям более ранних версий, сохранивших случайно неиспорченный текст, или когда в тексте замечалась очевидная, легко исправимая ошибка переписчика, грамматическая или буквенная. Но в тех случаях, когда нет таких возможностей, когда текст испорчен одинаково и в масоретской редакции и в более ранних версиях или когда ни грамматика, ни орфография, ни палеография не могут прийти на помощь, современные комментаторы исправляют его nach dem Sinne, т. е. по смыслу. Смысл, конечно, вкладывается такой, какой соответствует традиционной концепции псалмов, т. е. богословский; но само собой понятно, что в таких случаях «критические» богословы исправляют не искажения, внесенные позднейшими редакторами, а уцелевшие от искажения части текста в их первоначальном виде, другими словами, завершают фальсификаторскую работу иудейских богословов. Но еще хуже дело обстоит в тех случаях, когда текст непонятен для современных комментаторов не потому, что он безнадежно испорчен, а потому, что он случайно уцелел в близком к оригиналу виде, а «критические» библеисты по этой причине никак не могут его понять. Тогда производится операция уже над относительно здоровым материалом, который после такой операции получает совершенно новое, первоначально не предполагавшееся содержание и новую форму. Примеров такой дальнейшей насильственной фальсификации можно привести сколько угодно. Особенно поучительна судьба псалма 141.

Этот псалом очень популярен среди верующих, так как начало его, ст. 1—4, нашло себе широкое применение в богослужении православной церкви. В последнем псалом принят в греческом переводе, который уже в начале псалма стер и обезличил некоторые первоначальные выражения оригинала для приспособления его текста в качестве общей молитвы о спасении от зла и от злых людей. Но дальнейший текст псалма, в особенности его середина, ст. 4—7, и в меньшей степени конец, ст. 8—10, поставил богословских комментаторов в тупик. Греческие переводчики (LXX), первые предпринявшие попытку перестройки этого псалма на благочестивый лад, дают в переводе средних стихов набор фраз без всякой связи и иной раз без ясного смысла; современные библеисты считают эти стихи безнадежно испорченными и местами даже бессмысленными. Конец псалма переводится без «исправлений», хотя смысл его далеко не соответствует благочестивой концепции книги псалмов; положение спасается при помощи пояснения, что последние стихи надо понимать в аллегорическом смысле. Гункель, опираясь на «результаты работы» над текстом псалма

своих предшественников, завершил их «труд» и окончательно «исправил» текст таким образом, что по существу «реконструировал» целиком текст псалма. Естественно, что после такой «реконструкции» перед нами вместо псалма 141 в суцности появился новый псалом самого Гункеля.

Анализ содержания псалма показывает, что псалом разделяется на три части. Начало, ст. 1—4, является молитвой к Ягве об охране уст и сердца от «злого слова», точнее, заклинательной молитвой против вселения злых духов через раскрытый рот и против попытки погубить «сердце» (т. е. жизнь) посредством заговора и заговоренной пищи. Заключение, ст. 8—10, является такой же молитвой против заговоров в более общей форме. Середина, ст. 5—7, является заклинанием против злых духов с сохранившимися следами магического ритуала. Между тем, вопреки точному смыслу псалма, библеисты обычно считают его выражением благочестивых чувств индивидуального молящегося, за исключением Бетгена, который ухитрился усмотреть в этом псалме «национальную» молитву. Подводя итоги «критической» работы над этим псалмом, Гункель повторяет замечание о «непонятности» текста и безнадежной (*rettungslos*) порче стихов 5—7; однако это не мешает ему смело и категорически причислить пс. 141 к разряду «индивидуальных жалобных песнопений» (*Klagelieder des Einzelnen*). Этот разряд составляет, по традиционному мнению, энергично поддерживаемому Гункелем, «подлинное основное ядро» (*den eigentlichen Grundstock*) книги псалмов. Гункель добавляет, что составленные отдельными поэтами псалмы этого разряда служили тем источником, из которого черпало «народное благочестие», и жестоко обрушивается на Мовинкеля, считающего все жалобные псалмы культовыми или магическими⁸. Стремясь доказать, что пс. 141 также принадлежит к разряду жалобных псалмов, Гункель поддерживает самые произвольные манипуляции над его текстом старых протестантских и еврейских комментаторов, добавляет свои в том же роде и таким «методом» производит систематическое «исправление» «непонятных» и «испорченных» мест этого псалма⁹.

Из разбора приемов Гункеля и других многочисленных, подобных ему, «критиков» текста ясно, что в значительной своей части работа буржуазно-богословских библеистов над текстом библейских книг искажает и фальсифицирует их содержание. Поэтому одной из первоочередных задач марксистских ученых в области библеистики является критический пересмотр результатов буржуазно-богословской работы над текстом библии и создание самостоятельных исследований в этой области. К тем объективным критериям формального, лингвистического и версионного характера, какие получили право гражданства в критике текста любого литературного произведения древности, марксистские ученые должны добавить самое основное: приемы марксистско-ленинской методологии, вытекающие из марксистско-ленинского учения о ходе истории и о том месте, которое в ходе и развитии общественно-политической истории занимают различные идеологии, в том числе и религиозные. Этот критерий обеспечивает возможность безошибочно вскрывать работу древних фальсификато-

⁸ G u n k e l, Die Psalmen, 1926, S. 596—597; Einleitung in die Psalmen, 1928, S. 175 ff.

⁹ См. подробно об этом в моей работе «Следы магической литературы в книге псалмов», «Труды БГУ», т. 12, стр. 69—72, и во вступительной статье к книге А. Б. Р а н о в и ч а—Очерк истории древнееврейской религии, 1937, стр. XVII—XXV, где дан точный перевод псалма и исправленный перевод Гункеля.

ров библейских книг и разоблачать антинаучный характер «исправлений», вносимых новыми фальсификаторами.

Литературная критика библейской традиции в трудах так называемой «критической» или «религиозно-исторической» школы западной библеистики в известных отношениях достигла более решительных успехов, чем критика текста.

Усиленно разрабатывая критические проблемы Пятикнижия, библеисты, главным образом, немецкие, при помощи формальных критериев стилистического, лингвистического и логического характера достигли в 60-х годах XIX в. некоторых результатов, получивших более или менее общее признание. Эти результаты сводились в тому, что в составе Пятикнижия были вскрыты четыре основных источника: Второзаконие, появившееся, как установил в 1805 г. де-Ветте, в 621 г., так называемые ягвист и элогист — два повествовательных источника, различающиеся по употреблению имен божества Ягве (собственного) и элогим (нарицательного), относящиеся к X или IX в., и «основной источник», наиболее крупный, содержащий в себе около 75% законодательного материала и повествовательную нить, связывающую все Пятикнижие в одно литературное целое. Этот последний источник считался древнейшим, и многие библеисты возводили его к Моисею, спасая тем самым пошатнувшийся авторитет традиции.

Завершителем критического исследования Пятикнижия и основателем современной критической школы библеистики явился выдающийся семиолог и библеист Юлиус Вельгаузен, который в 1878 г. выступил со своим знаменитым исследованием «*Prolegomena zur Geschichte Israels*»¹⁰. В этом исследовании Вельгаузен доказал, что «основной источник» есть не древнейшая, а самая поздняя часть Пятикнижия, или Шестикнижия¹¹; это «жреческий кодекс», составленный в V в. до н. э. и введенный в жизнь Эзрой и Неемией в 40-х годах V в. Таким образом был нанесен последний сокрушительный удар традиционной богословской концепции. В загоревшейся вокруг «*Prolegomena*» жестокой борьбе Вельгаузен и его сторонники одержали в конце концов решительную победу.

Секрет победы точки зрения Вельгаузена заключается в том, что при разрешении главного вопроса о времени происхождения так называемого «основного источника», получившего со времени Вельгаузена название жреческого кодекса, Вельгаузен исходил не только из формально-логических предпосылок, но также из фактов исторической действительности. Первая часть его «*Prolegomena*», посвященная истории культа, рассматривает историю отдельных составных элементов культа в связи с общей историей Израиля и Иуды и показывает, как эти элементы видоизменялись в зависимости от практических политических требований того или иного момента, путем сознательного вмешательства определенных общественных группировок, без всякого участия «божественного откровения». В связи с этими видоизменениями Вельгаузен рассматривает историю сакрального законодательства и исторической традиции, отсюда определяет время составления источников Шестикнижия и таким образом подводит под свою концепцию твердую материальную базу. Но над Вельгаузеном все же тяготела идеалистическая методология, закрывавшая для него возможность идти по правильному пути до конца. Подчиняясь требованиям

¹⁰ Русский перевод, сделанный мною, — «Введение в историю Израиля», 1909.

¹¹ Критическое исследование показало, что книга Иисуса Навина составлена из тех же источников, как и Пятикнижие; отсюда термин «Шестикнижие».

этой методологии, Вельгаузен совершил ряд крупнейших ошибок, ослабив этим свою позицию и оставив дело литературной критики незавершенным до конца.

Основная ошибка Вельгаузена заключается в том, что он раздвоил религию, отделив религиозную идеологию от культа, по существу, в качестве совершенно особого, определяющего явления. В концепции Вельгаузена культ является «естественным» явлением, связанным с природой и создаваемым людьми для обеспечения связи с божеством. Религиозная же идеология Вельгаузену представляется трансцендентной. Она имеет своим источником «откровение» и в конце концов подчиняет своим требованиям культ, трансформирует его и «выводит его из сферы природы и человеческого творчества». Этот процесс совершился якобы в эпоху общины второго храма, в эпоху реально осуществившейся теократии, которая в царскую эпоху якобы существовала лишь как пророческая идея. Но, проводя такую точку зрения, Вельгаузен сейчас же неминуемо вступает в противоречие и с историческими фактами и со своими же выводами. Изобразив блестящим образом в первых двух частях, как основатели после-пленной теократии фальсифицировали традицию и составили от имени Моисея новый закон, якобы данный самим богом, Вельгаузен в третьей части оправдывает эту фальсификацию, ибо, по его мнению, теократия общины второго храма лишь по внешности была шагом назад, а в действительности была огромным шагом вперед, формой для сохранения «благородного содержания», для спасения и утверждения идеи супранатуралистического монотеизма. Иудейская теократия «по своей сущности ближе всего родственна древней вселенской церкви, и она действительно была матерью последней»¹².

В этой половинчатости методологии Вельгаузена ведущую роль играет, конечно, его идеалистическое мировоззрение, неразрывно связанное с его богословским образованием. Его природное критическое чутье помогло ему уловить истинное положение дела в царскую эпоху. Но для того, чтобы учуять истинное положение дела в эпоху общины второго храма, Вельгаузену нужно было перестать быть идеалистом и богословом. Это было невозможно, и из создавшегося тупика он нашел выход в механическом рассечении религиозных явлений на сферу культа, зависящую от природы и человека, и на сферу идеологии, зависящую от трансцендентной «силы» и определяющую собою в конечном счете явления природы и человеческой жизни.

В связи с этой основной методологической ошибкой Вельгаузен допустил ряд грубых фактических ошибок. Правильно определив дату составления жреческого кодекса (прежнего «основного источника»), он неправильно оценил его содержание. С точки зрения Вельгаузена, все содержание жреческого кодекса является новеллой, новым материалом, целиком созданным греческой школой в Вавилоне. Между тем, в жреческом кодексе сохранились, отчасти в модифицированном, отчасти даже в близком к первоначальному виде, многие магически-религиозные обряды и праздники, восходящие еще к кочевой эпохе. Таковы, например, великий день очищения, *jom kirrim*, который, по мнению Вельгаузена, появился только в после-пленную эпоху, и целый ряд жертвенных и очистительных обрядов. «Доисторическое содержание», присущее всякой религии на любой ступени ее развития, упущено Вельгаузенем, ибо ему чужд диалектиче-

¹² «Введение в историю Израиля», стр. 373—376.

ский метод, а следуя формально-логическому методу, Вельгаузен неминуемо попадает в болото механицизма. Таким же образом к категории «после-пленных» нововведений Вельгаузен причисляет целый ряд обычаев и постановлений, характеризующих остатки родового строя и общинный быт, особенно в законодательстве о юбилейном годе, семейном и наследственном праве.

Отсюда ясно, что мы, принимая основные выводы Вельгаузена в области критического исследования Пятикнижия (и Шестикнижия) и библейской исторической традиции, должны пересмотреть их критически. Это тем более необходимо, что последователи Вельгаузена окончательно погрязли в тине мелких и мельчайших ухищрений так называемой *Quellenkritik*, критического анализа источников отдельных книг. В погоне за «точностью» многие доходили не только до того, что насчитывали по три-четыре ягвиста и элогиста, но и до того, что отдельные стихи разбивали на отдельные части, нередко в составе одного-двух слов, восходящие якобы к разным источникам. В то же время в процессе такой «работы» над мелочами протестантские библеисты никогда не забывали своей основной установки — концепции истории древнееврейской религии, как постепенного раскрытия идеи абсолютного универсального монотеизма. Вследствие этого их литературная критика постоянно смыкалась с отсутствием надлежащей критики текста и потому приводила к неправильным результатам. Эта сторона дела очень любопытна, и на ней стоит остановиться.

Самым ярким образом эта черта обнаруживается в критической работе библеистов над Шестикнижием. Один из прочных результатов этой работы заключается в том, что древнейшими составными частями книг этого комплекса являются так называемые ягвист (J) и элогист (E), два произведения преимущественно повествовательного содержания, относящиеся, как теперь думают, к IX или VIII в. Их выделение было произведено первоначально по формальному признаку, указанному еще Астриюком в XVIII в., именно по способу названия божества: в ягвисте систематически употребляется собственное имя бога Ягве, в элогисте — преимущественно нарицательное элогим, т. е. бог. Библеисты XIX в. правильно пошли дальше и предположили, что за этим формальным различием кроется и какое-то идеологическое различие. Кроме того, некоторые из библеистов попытались установить место происхождения того и другого произведения, исходя из локального их колорита; эти библеисты пришли к правильному выводу, что ягвист, в рассказах которого действие привязывается обычно к Хебруну, Беер-Шеба и другим пунктам области Иуды, был составлен в южном царстве Иуды, а элогист, особенно интересующийся мифами, связанными с Бет-эле́м (Вефилем), Шехемом (Сихемом) и Иаковом и Иосифом, был составлен в северном царстве Эфраима¹³. Однако эти правильные наметки не получили надлежащего развития; напротив, идеалистическая концепция библеистов исказила их значение и парализовала те выводы, которые из них следовало сделать.

Дело в том, что идеологическое различие между ягвистом и элогистом библеисты проводили, исходя из своей идеалистической концепции истории древнееврейской религии. Вместо того, чтобы искать его, исходя из условий реальной жизни, т. е. из конкретных политических и религиозных различий и противоположностей между севером и югом, библеисты,

¹³ Ср. Prokisch, *Das nordhebräische Sagenbuch-Elohimquelle*. За Прокшем следует значительная часть библеистов.

упирая на общий термин «элогим» для обозначения бога в северном сборнике, «открыли» это различие в том, что элогист якобы стоит на более высоком, «пророческом» религиозном уровне, чем ягвист, и что автор элогиста, употребляя общий термин «элогим», а не собственное имя «Ягве», делает это якобы потому, что он усвоил «пророческие» идеи универсального трансцендентного монотеизма. Отсюда был сделан и другой вывод, именно, что элогист моложе ягвиста, должен относиться к пророческой эпохе, т. е. к VIII в., следовательно, ягвист относится к IX в. Но библеисты при этом упустили из виду самое главное, именно, что те самые пророки, идеи которых якобы нашли свое выражение в употреблении термина «элогим», сами были прежде всего самыми ярыми «ягвистами», систематически упорно употребляют именно имя Ягве, а не элогим, и систематически ведут борьбу против северного царства и тамошних культов именно в пользу культа Ягве. Это обстоятельство должно было бы навести на мысль, что причина появления термина «элогим» в эфраимитском сборнике иная, что «пристрастие» к термину «элогим» надо объяснять не из религиозных течений царской эпохи, когда не было и речи о «недозволенности» собственных имен богов, а из каких-то других условий.

Самое вероятное объяснение заключается в том, что термин «элогим» в элогисте появился в результате позднейшей фальсификации текста. Это видно, во-первых, из того, что элогим выступает в мифах элогиста с такими же антропоморфными чертами бога-предка, как и Ягве. Элогим — «бог отцов», т. е. бог-предок; он является лично патриархам и говорит с ними; мало этого, есть миф о том, как элогим ночью боролся с Иаковом один на один и был побежден (Бытие, 32, 25—33). Эти черты показывают, что религиозный уровень элогиста нисколько не выше религиозного уровня ягвиста и что термин «элогим» ни в коем случае не может быть признаком поднятия религиозного сознания на высшую ступень по направлению к «универсальному этическому монотеизму». Во-вторых, фальсификация ясно видна из того, что во многих местах элогиста редакторская рука стремилась заменить «элогим» через «Ягве» или, по крайней мере, чередовать эти имена. Отсюда ясно, что конечная цель редакторской правки так называемого элогиста заключалась в том, чтобы «унифицировать» божество, выступающее в легендах, чтобы произвести на читателя такое впечатление, будто повсюду в легендах и мифах действует один и тот же Ягве. Термин «элогим» был первым, нерешительным этапом на этом пути. Этот обезличенный термин, очевидно, заменил собою обозначение какого-то другого божества с собственным именем, фигурировавшего в первоначальном тексте элогиста. Таким могло быть только эфраимитское божество, один из «богов земли Самарийской» (II Цар., 18, 34). По счастливой случайности имя этого божества уцелело в рассказе элогиста об учреждении Иаковом святилища в Бет-эле (Бытие, 35, 6—14). В Бет-эле, ранее называвшемся Лузом (говорит миф), явился Иакову бог Бет-эля, назвавший себя Эль-Шаддаем; он переименовал Иакова в Израиля и обещал отдать во владение ему и «царям, которые выйдут из чресла Иакова», т. е. царям Эфраима, всю землю, по которой Иаков теперь скитается. В другом варианте того же мифа (Бытие, 28, 10—22), который по общему признанию переработан ягвистическим, т. е. иудейским, редактором, в рассказе фигурирует обезличенное «элогим», но бог Бет-эля, явившийся Иакову, в своем обращении к последнему называет себя не Эль-Шаддай, а Ягве. Тенденция отождествить Эль-Шаддая с Ягве выступает здесь совершенно ясно.

Отсюда вытекает, что первоначальное идеологическое различие произведений ягвиста и элогиста было связано с политическим соперничеством между северным и южным царствами, причем в качестве основного аргумента права эфраимитского царства на гегемонию выдвигались мифы об избранничестве Иакова богом Эль-Шаддаем, богом Бет-эля, который провозглашался также общим, древнейшим богом Израиля, выведшим Израиля из Египта (ср. 1 Цар., 12, 26—33). В противовес этому в Иудейском царстве были сделаны попытки отождествить Эль-Шаддая с Ягве, именно при объединении ягвиста и элогиста в одно литературное целое, условно обозначаемое названием «иеговист» (JE). «Критические» библеисты не только не заметили этой фальсификации текста элогиста, но, напротив, ухватились за нее, как за дополнительный аргумент в пользу своей идеалистической концепции. Мало этого, они пошли дальше и все те эпизоды традиции об Иакове, в которых последнему является Эль-Шаддай, механически исключили из элогистического источника и приписали их жреческому кодексу. Основанием для такой операции послужило позднейшее толкование имени Эль-Шаддай, введенное еще греческими переводчиками, в качестве эпитета «бог всемогущий»; этот эпитет библеистам казался ясным признаком «дальнейшего развития монотеистической идеи», соответствующего эпохе жреческого кодекса. Между тем, это толкование, усвоенное впоследствии и раввинами, не выдерживает критики ни с лексической стороны, ни со стороны истории текста библии. С лексической стороны, глагол *schadad*, от которого пытаются произвести имя *Schaddaj*, означает «производить насилие над кем-нибудь, опустошать, грабить» и употребляется обычно по отношению к разбойникам. Слабость этого толкования очевидна для целого ряда трезвых библеистов, тщетно ищущих другого выхода на путях лексики¹⁴. Со стороны истории текста показательно, что греческие переводчики в некоторых местах пропустили это имя (например Бытие, 17, 1; 35, 11), не найдя, очевидно, для него правильного перевода или вообще считая это имя зазорным. Кроме этого богословского толкования, нет никаких других оснований для выделения из элогиста и присоединения к жреческому кодексу отрывков с именем Эль-Шаддай¹⁵. Перед нами, таким образом, еще один разительный пример беспомощности идеалистической методологии, применение которой всегда приводит к крупнейшим ошибкам, в данном случае в области литературной критики Шестикнижия.

Так сторонники вельгаузеновской школы сами ослабляют свои позиции подобными крупнейшими методологическими ошибками. Противники вельгаузенистов из откровенно реакционной группы протестантских и еврейских библеистов, опираясь на ошибки вельгаузеновской школы, стремятся «опрокинуть» все выводы критики Шестикнижия и вернуть положение к исходному пункту — к реставрации положения, что Пятикнижие является древнейшей частью библии, целиком до-пленного и частью «монсеева» происхождения. Атаки реакционеров особенно усилились после войны, с двадцатых годов, и приобрели несколько иное направление, чем раньше. Ранее реакционеры вели борьбу или против тезиса Вельгаузена, что жреческий кодекс является самой поздней частью закона, после-пленного происхождения, или против вельгаузеновской *Quellentheorie*,

¹⁴ Ср. Gesenius—Vahl, Handwörterbuch, S. 802. Ср. также употребление в книге Иова имени Шаддай без 'el.

¹⁵ Вероятно, надо сближать этого бога с доизраильским божеством Шадидом или Садидом, аналогичным Адонису. Ср. мою работу «Політїзм и монотїзм», стр. 31—32.

теории источников Шестикнижия — оспаривали правильность гипотезы, что в основе Шестикнижия лежат ягвист, элогист, Второзаконие и жреческий кодекс. Но в послевоенное время началась борьба против краеугольного камня всего здания библейской критики — против тезиса де-Ветте, что Второзаконие в основном есть та книга закона, которая была «найдена» жрецами в иерусалимском храме на 18-й год царствования Иосии, т. е. в 621 (623?) г. до н. э. Противники тезиса де-Ветте — Эстрейхер, Штэрк, Винер и другие реакционеры — пытались отодвинуть дату Второзакония далеко вглубь израильско-иудейской истории. При этом весьма характерно, что реакционные антиветтисты нашли себе союзника в лице «левого» антиветтиста Гельшера (Hölscher). Этот крупный библеист, автор довольно смелых для протестантского богослова работ о пророках и по общей истории израильско-иудейской религии, выступил в 1922—1923 гг. с двумя большими статьями, в которых пытался доказать, что Второзаконие ни в целом, ни в первоначальном объеме не имеет ничего общего с книгой закона 621 г. и что оно является одной из жреческих программ после-пленной эпохи. Такая гиперкритика льет воду только на мельницу реакционеров, и, по существу, сводится к попытке разрушить «слева» исходную позицию библейской критики, ибо Гельшер методологически идет назад, опять сходит с позиций исторической критики и приглашает библеистов базироваться на чисто формальной литературной критике, которая, по его мнению, должна занимать руководящее положение. Другими словами, методологически Гельшер отбрасывает библейскую критику назад, на формальные позиции, которые последняя в лице де-Ветте и Вельгаузена до некоторой степени начала преодолевать.

«Критическая» библеистика заведена применяемой ею формально-идеалистической методологией в безвыходный тупик. Вельгаузен и вельгаузенисты не смогли сделать конечных выводов из своих положений и допустили ряд грубых ошибок, а их противники попытались перейти в контрнаступление, которому «критическая» библеистика не смогла дать должного отпора. Отсюда становится ясным, какова должна быть позиция историков-марксистов по отношению к работе буржуазно-богословских библеистов.

Историки-марксисты должны принять все те выводы библейской критики, которые выдерживают проверку марксистской методологией. Исходя из положения, что всякая идеология во все времена и у всех народов является продуктом реальной жизни, реальной деятельности людей в условиях определенных производственных и политических отношений и классовой борьбы, мы должны признать, как мне представляется, следующие выводы. Шестикнижие было составлено в окончательном виде идеологами после-пленной общины второго храма. В состав его были включены после соответствующей переработки и дополнений следующие источники: 1) ягвист, сборник мифов, легенд и преданий о происхождении еврейского народа и его судьбах до поселения в Ханаане, составленный в VIII в. иудейским автором с определенной целью доказать первенство Иуды среди еврейских племен и его исконное право на гегемонию; 2) элогист, такой же сборник, составленный эфраимитским автором с такой же целью доказать первенство Иосифа-Эфраима среди еврейских племен и его исконное право на гегемонию; время происхождения элогиста спорно¹⁶, а объединение ягвиста

¹⁶ Обычно считают, что элогист моложе ягвиста, и относят его к VIII в., а ягвиста — к IX в. На самом деле элогист, как эфраимитский сборник, не мог быть составлен в VIII в., т. е. в эпоху упадка северного царства. Элогист, мне думается, надо

и элогиста в одно целое относится, вероятно, к VII в.; 3) сборники законодательного характера, из которых к до-пленной эпохе относятся: «книга договора» (Исх., 21—29), являющаяся записью обычного права, не ранее конца VIII в., ритуальные и моральные постановления кн. Левит, собранные в один сборник, вероятно, также в конце VIII в., и, наконец, Второзаконие, в составе книги закона 621 г. и ряда добавлений, получившее окончательный вид в эпоху плена; 4) так называемый жреческий кодекс, середины V в., авторам которого принадлежат «законодательство» о скинии собрания и теократической конституции, ряд других отдельных, главным образом, ритуальных постановлений, вкрапленных в разные части Пятикнижия, и, наконец, все те элементы повествовательной части, которые объединяют пестрые, разрозненные составные элементы первоначальных источников в одно целое посредством хронологических, генеалогических и специально составленных «исторических» вставок. Возможно, что авторы жреческого кодекса были также окончательными редакторами Шестикнижия. Объединение Пятикнижия и кн. Иисуса Навина в одну комплексную серию оправдывается тем, что в кн. Иисуса Навина сохранилась заключительная часть элогиста — рассказ о завоевании Ханаана общеизраильским ополчением под командой эфраимитского вождя Иисуса Навина, который после завоевания распределяет завоеванные земли по жребию между 12 «коленами» (племенами) и дает в Сихеме перед смертью законы (Иис. Нав., гл. 24). Ягвист заканчивался также рассказом о завоевании Ханаана; его отрывки сохранились в I гл. кн. Судей, в которой говорится, что Ягве «отдает землю в руки Иуды» и повелевает Иуде итти первому на завоевание Ханаана, а вслед за Иудой разрозненными группами проникают в Ханаан и остальные племена. Это происходит без всякого участия Иисуса Навина¹⁷. В теперешнем Шестикнижии элогист, за исключением кн. Иисуса Навина и повести об Иосифе, сохранился в виде мелких разрозненных отрывков, вставленных в ягвиста и обработанных ягвистическим редактором. О составных элементах Второзакония и их важном значении, как источника общей и религиозной истории Иуды в VII—VI вв., следует сказать особо в специальной статье.

Из сказанного следует, что историки-марксисты, принимая определенные общие выводы библейской критики по отношению к Шестикнижию, обязаны также приступить и к самостоятельной литературно-критической работе над его текстом. Они должны пересмотреть критически предлагаемое теперь фактическое распределение материала между источниками Шестикнижия. Тогда окажется (как показывает мой опыт), что, например, некоторые отрывки, приписываемые жреческому кодексу, на самом деле принадлежат ягвисту или элогисту, и что дифференциация этих последних сплошь и рядом производилась неправильно, вследствие применения стилистическо-логических критериев и установок «ветхозаветной теологии».

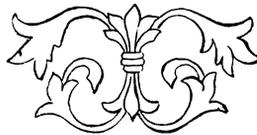
То же самое приходится сказать и об остальных книгах библии, особенно об исторических, пророческих и о книге псалмов. По отношению к анализу исторических книг историки-марксисты должны решительно

датировать эпохой расцвета северного царства, т. е. IX в.; а так как литературный анализ показал, что при компиляции рассказов ягвиста и элогиста компилятором является ягвист, то последний должен быть моложе элогиста.

¹⁷ Рассказ начинается словами: «после смерти Иисуса Навина», хотя в предшествующей книге Иисуса Навина уже рассказано о завоевании Ханаана под предводительством Иисуса и о наделении Иуды в числе прочих областей по жребию. Это — очень неловкая вставка или поправка; в последнем случае в тексте первоначально стояло «по смерти Моисея».

отвергнуть предлагаемую некоторыми библеистами схематическую концепцию «продолжения» в этих книгах ягвиста и элогиста и принять за исходный пункт те конкретные указания на источники, какие имеются в этих книгах. Те части исторической традиции, которые не могут быть возведены к таким источникам, подлежат новому анализу. Гораздо сложнее обстоит дело с пророческими книгами, которые представляют собой пестрые, беспорядочные конгломераты оракулов и увещаний разновременного происхождения и разной классовой окраски. Тут в качестве исходного пункта могут быть приняты лишь самые общие, беспорные результаты буржуазно-богословской критики. Вся же остальная работа должна быть проделана заново.

На этих путях историки-марксисты дружной коллективной работой могут достигнуть важнейших, порой, может быть, неожиданных результатов, которые выведут библейскую критику из тупика. Мои разведочные работы показывают, что в результате критического анализа текста и содержания библейских книг, исходящего из основных положений марксистско-ленинской методологии, открываются совершенно новые горизонты и новые материалы для реконструкции древнееврейской истории и религии. Отражение общинного быта в законодательстве, даже ритуальном, дифференциация исторических оракулов, а отсюда и «пророчества» по классовой линии, жреческие тенденции в земельном законодательстве (тора о юбилейном годе), реконструирование эфраимитского и иудейского пантеонов, а также народной и официальной магии — вот те моменты, которые вскрываются текстуальной и литературной критикой, когда она направляется по правильному пути. Отсюда бесспорно, что материальное основание для марксистской истории Израиля и Иуды и израильско-иудейской религии конкретно и полностью будет обеспечено только тогда, когда марксистские специалисты по библии фактически станут вполне самостоятельными в области текстуальной и литературной критики библейской традиции и окончательно разрешат основные критические проблемы.

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА ЕГИПТА В ЭПОХУ АРХАИКИ И ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

Проф. В. И. Авдиев

Корни египетской культуры восходят к глубокой древности. Уже в эпоху архайки, относящейся к V тысячелетию до н. э., существовало деление Египта на номы, возникло объединенное и единое деспотическое государство, возглавляемое особой обоготворенного царя, возникли основные формы египетской религии, искусства и первые элементы иероглифической письменности. Наконец, та агрессивная завоевательная политика египетских фараонов, которая нашла свое наиболее полное и яркое выражение при царях 18-й династии, также восходит к временам глубокой древности, получив свое первое оформление в эпоху Древнего Царства.

Потребность в организации единой системы искусственного орошения и, главным образом, стремление к унификации аппарата угнетения эксплуатируемых масс в общеегипетском масштабе, явились причинами объединения Египта в одно централизованное государство и создания мощного государственного аппарата. И, конечно, это объединение произошло не мирным путем, а в процессе ожесточенной борьбы между отдельными номами. Отдельные наиболее крупные номы Древнего Египта или объединения их боролись между собой за господство в Дельте, в долине, а потом во всей стране. Отголоски этой длительной борьбы сохранились во многих религиозных верованиях и в мифах, как, например, в известном мифе о борьбе Гора с Сетом, в частности в мифах, зафиксированных в древнейшем религиозном сборнике, в текстах пирамид пятой и шестой династий¹, наконец даже в иероглифических начертаниях названий отдельных номов. Так, например, название 6-го верхнеегипетского нома Тентира (Дендера), по-египетски Джам (?), писалось знаком лежащего крокодила, голова которого пробита кинжалом; название 11-го верхнеегипетского нома Гипселис писалось знаком священного зверя Сета, голова которого также пробита ножом, наконец, название 17-го верхнеегипетского нома Кинополя писалось знаком лежащей собаки, голова которой совершенно также пробита кинжалом. Эти аналогичные иероглифические знаки должны были, очевидно, символически указывать на то, что эти три верхнеегипетских нома были,

¹ K. S e t h e, Übersetzung und Kommentar zu den altägyptischen Pyramidentexten, 1935 ff; K. S e t h e, Pyramidentexte, 1908; А. Л. К о ц е й о в с к и й, Тексты пирамид, Одесса, 1917, т. I.

очевидно, в глубокой древности разбиты и поработаны, может быть, северянами, как на то указывает Зете, говоря о господстве Севера над Югом в древнейшую эпоху египетской истории².

Однако об этих древнейших войнах между отдельными номами и их объединениями мы можем говорить не только на основании более поздних религиозных текстов и названий номов, но и на основании современных этим древнейшим войнам изображений, которые сохранились на целом ряде шиферных таблиц. Так, на одном фрагменте шиферной таблицы, хранящейся в Каирском музее³, изображены священные звери—тотемные покровители 2-го, 5-го и 8-го верхнеегипетских номов—сокол, два сокола, скорпион и лев, которые при помощи мотыг разрушают вражеские города, обнесенные стенами. Очевидно, эта древняя пиктографическая надпись должна была увековечить победу союза верхнеегипетских номов над враждебными им городами. Далее, на одном фрагменте шиферной таблицы Оксфордского музея Эшмолин изображены символические знаки номов сокола и ибиса, ведущие связанных пленников⁴. Наконец, на одном фрагменте шиферной таблицы, хранящейся в Лувре, изображены символические знаки номов волка (Кинополь), ибиса (Гермополь), сокола (Аполлинополь) и Мина (Панополь), которые держат в вытянутых руках длинную веревку, очевидно, для связывания пленников⁵. Наряду с этими сценами триумфа мы видим на этих шиферных таблицах также и сцены древних битв, выполненные как в реалистическом, так и в символическом стиле⁶.

В эпоху объединения Египта в единое централизованное государство, когда прежние вожди племен превратились в мощных царей так называемой первой династии, войны получили иное, значительно более широкое значение. Рост производительных сил требовал расширения кадров рабочей силы, главным образом, рабов, которых можно было получить легче всего при помощи войны, так как пленников в те времена обычно превращали в рабов. Развитие земледелия и ремесла требовало захвата источников сырья, главным образом, металлической руды, и рынков для сбыта излишков сельскохозяйственной и ремесленной продукции. На эти социально-экономические причины возникновения древнейших войн указал в свое время еще Ф. Энгельс. «Стоило привлекать новые рабочие силы. Война доставляла их: военнопленных стали обращать в рабов»⁷; и дальше: «Война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность у народов, которым приобретение богатства представляется уже одною из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»⁸.

История древнего Египта прекрасно иллюстрирует эти слова Энгельса о грабительском характере древних войн. Уже в эпоху первых

² K. S e t h e, U r g e s c h i c h t e u n d ä l t e s t e R e l i g i o n d e r A e g y p t e r, L e i p z i g, 1930, S. 77—78.

³ J. S a p a r t, L e s d é b u t s d e l' a r t e n E g y p t e. B r u x e l l e s, 1904, p. 229.

⁴ I b i d e m, p. 230, fig. 161.

⁵ I b i d e m, p. 234, fig. 165.

⁶ I b i d e m, p. 232, fig. 163; p. 235, fig. 166.

⁷ Ф. Э н г е л ь с, П р о и с х о ж д е н и е с е м ь и, ч а с т н о й с о б с т в е н н о с т и и г о с у д а р с т в а, М., 1937, стр. 154.

⁸ Там же, стр. 157.

династий Египет нуждался в целом ряде видов сырья, которые можно было получить только из соседних стран. Так, мы знаем, что уже в эпоху архаики египтяне довольно широко пользовались обсидианом для выделки лезвий маленьких ножей⁹, но так как в Египте нет обсидиана, то, следовательно, египтяне принуждены были ввозить обсидиан из соседних стран, может быть, из областей современной Абиссинии, а может быть, с Липарских островов или даже из Передней Азии¹⁰. В эпоху халколита египтяне, не имевшие собственных источников меди, стали стремиться к захвату тех областей, в которых находятся месторождения меди. Медь в ту эпоху очень высоко ценилась в Египте. Правда, в погребениях этого времени уже встречаются медные предметы, как, например, сосуды, сделанные из меди, однако крупные предметы делались из меди настолько редко, что в летописи Палермского камня наряду с упоминаниями важнейших политических событий встречается упоминание об изготовлении больших предметов из меди. Так, под годами царствования фараона второй династии Хасехемуи говорится об «изготовлении (из) меди (царской статуи) «Высок Хасехемуи», а под 11-м годом царствования фараона 5-й династии Нофериркара мы читаем, что «царь Верхнего и Нижнего Египта Нофериркара сделал в качестве (своего) памятника для Ра в его солнечном святилище «Желание сердца Ра» вечернюю и утреннюю солнечную ладью длиной в 8 локтей, из меди»¹¹. Многочисленные тонко сработанные изделия из золота, найденные в погребениях эпохи первых династий, а также изображения золотых статуй на печати царя Дена¹², говорят о том, что уже в эту эпоху египтяне стали получать довольно большое количество золота, очевидно, из Нубии. Дерево, необходимое для постройки зданий, а также для кораблестроения, египтяне уже со времен архаической эпохи должны были получать из Сирии. На очень древние торговые и культурные связи между Египтом и Сирией указывает то обстоятельство, что Монтэ во время своих раскопок нашел в Библе несколько маленьких предметов, аналогичных тем, которые были найдены в Абидосе и в Гиераконполе, а также цилиндр с египетской иероглифической надписью архаического типа. Весьма возможно, что этот цилиндр был сделан позднее, в эпоху Древнего Царства, однако наличие на нем архаической надписи говорит о том, что уже в эпоху архаики египетская торговля, египетская колонизация и египетское культурное влияние стали проникать в Сирию¹³. Наконец, Франкфорт находит возможным относить сосуды иноземного типа, найденные в царских погребениях первых династий, к культурному кругу древней Сирии, что дает ему право говорить о связях между Египтом и Северной Сирией уже в эпоху архаики. Все эти факты в своей совокупности указывают на наличие широко разветвленной торговли, соединявшей архаический Египет с целым рядом соседних стран. Вполне естественно, что эта примитивная разбойничья торговля должна была привести к не менее разбойничьим военным походам. Так постепенно создавались предпосылки для той довольно значительной военно-агрес-

⁹ A. Lucas, *Ancient Egyptian Materials*. L., 1926, p. 187.

¹⁰ V. Avdief, *Egypt and the Caucasus*. «Ancient Egypt and the East», 1933, I—II, pp. 31—32.

¹¹ K. Sethe, *Zwei bisher übersehene Nachrichten über Kunstwerke aus Kupfer aus den ältesten Zeiten der ägyptischen Geschichte*. *ÄZ.* 53, S. 50 f.

¹² J. Capart, *Propos sur l'art égyptien*. 1931, p. 56.

¹³ M. Montet, *Byblos et l'Égypte*. 1928. Texte, p. 128, pp. 67—68.

сивной политики, которую начали планомерно вести уже фараоны эпохи Древнего Царства.

Наиболее древние памятники, описывающие эти войны, относятся ко времени царствования одного из древнейших известных нам фараонов, имя которого обычно читается Нармер. На большой шиферной votивной таблице, найденной в Гиераконполе¹⁴, изображена сцена триумфа: царь, увенчанный белой короной Верхнего Египта, заносит свою булаву над головой поверженного и побежденного врага. Помещенная тут же пиктографическая надпись поясняет смысл этого изображения. Как можно думать, эта надпись гласит: «Царь вывел из страны „Озеро гарпуны“ 6 000 пленных». На другой стороне этой таблицы изображен тот же царь, который, на этот раз увенчанный красной короной Нижнего Египта, идет в сопровождении своих чиновников и штандартношцев на поле битвы для того, чтобы осмотреть тела убитых врагов, расположенные рядами. Несколько ниже изображен царь, в образе быка, который своими рогами разрушает стены вражеской крепости. Эти изображения и надписи позволяют предполагать, что Нармер был царем Верхнего Египта и что, завоевав Дельту, он объединил под своей властью весь Египет. Изображение вражеской крепости, со стеной, снабженной бастionsами, позволяет предполагать, что Дельта уже в ту эпоху была довольно густо заселена и защищена рядом крепостей. О крупных войнах этого царя и больших победах, одержанных им в западной части Дельты и, может быть, в прилегающей к ней Ливии, говорит надпись, сохранившаяся на каменном наконечнике булавы, найденном в Гиераконполе. Эта надпись говорит о захвате «120 000 пленных, 1 480 000 голов мелкого скота и 400 000 голов крупного скота»¹⁵. Брэстед думает, что здесь имело место насильственное переселение жителей целой области¹⁶. Однако, если даже предположить, что Дельта уже в ту эпоху была густо заселена, нельзя эти цифры принимать на веру. Следует скорее согласиться с Мейером, указавшим на то, что цифры в данной надписи Нармера резко преувеличены¹⁷. Эта надпись, как бы подводящая итоги данной войны, ясно вскрывает ее разбойничий характер, ибо, очевидно, ее основной целью был захват пленных и скота. Завоевательная политика Нармера была, главным образом, направлена на запад и на северо-запад, имея своей целью покорение ливийских областей. На это ясно указывает цилиндр из слоновой кости, на котором вырезано имя Нармера, снабженное рукой, которая бьет палкой ливийских пленников¹⁸. Таким образом, уже при Нармере определяется одно из направлений военно-агрессивной политики древнеегипетских царей. Эти военные походы на северо-запад в области Ливии, которые велись в течение всей истории древнего Египта, имели своей целью не только защиту Дельты от ливийцев, но также захват пленных, обращаемых в рабство, и захват скота.

При фараоне Мине, которого древнеегипетская и античная историческая традиция считала основателем Египетского государства и которого некоторые исследователи находят возможным отождествлять с Нармером¹⁹,

¹⁴ J. Capart, *Les débuts de l'art en Egypte*, pp. 236—237, fig. 167—168.

¹⁵ *Ibidem*, p. 241, fig. 171.

¹⁶ Д. Г. Брэстед, *История Египта*. М., 1915, т. I, стр. 49.

¹⁷ E. d. Meyer, *Geschichte des Altertums*. В., 1913. 3 Auflage, B. I, zweite Hälfte, S. 130.

¹⁸ *Ibidem*, S. 130—131.

¹⁹ См. V. V i k e n t i e f, *Nar-ba-thai*. L., 1931, *JEA*, XVII, 1—2, pp. 69—71.

определилось также и другое направление завоевательной политики египетских фараонов, а именно—на юг. Так, на одной табличке с именем Мины говорится о «победе над нубийцами (сети)». На других табличках из слоновой кости этого же времени изображены пленные ливийцы²⁰. Таким образом, в эту эпоху египетские фараоны правили не только над всем Египтом, но уже вели завоевательные войны на северо-западной и южной границах страны.

Наконец, третье традиционное направление военно-агрессивной политики египетских фараонов достаточно четко наметилось при одном из следующих фараонов первой династии, при фараоне Дене-Семти, которого иногда также называют Усефаем. На одной табличке из слоновой кости, помеченной его именем, он изображен в обычной сцене победы над врагом. Помещенная тут же иероглифическая надпись гласит: «Первый случай поражения восточных жителей»²¹. Весьма возможно, что здесь имеются в виду жители пустынного Синайского полуострова. На другой табличке, найденной в Абидосе и также помеченной именем того же царя Дена, мы находим ряд уже более конкретных указаний. Помещенную здесь надпись, повидимому, следует перевести таким образом: «Разрушение крепости Ач.... Пришел владыка, царь Верхнего и Нижнего Египта Семти, покоривший 30 областей». Одна из захваченных царем крепостей названа здесь Унут. Это название Гриффиз остроумно сопоставил с названием крепости Синайского полуострова Унут, упомянутой в надписи Уны²². Оче идно, стремление к захвату богатых медных рудников было одной из важнейших причин этих войн за овладение Синайским полуостровом, которые систематически велись фараонами Древнего Царства.

Эти войны, которые имели свсей целью захват рабов, захват добычи и источников необходимого сырья, конечно, имели громадное значение для развития египетской экономики. Поэтому вполне естественно, что о некоторых из этих войн упоминается на уцелевшем фрагменте исторической хроники, начертанной на Палермском камне. Так, под годами царствования фараона Миебиса мы читаем о «поражении урка» и о «поражении иунтиу»²³. Завоевательная политика фараонов первой династии, став отныне традиционной, продолжалась также фараонами второй династии. Фараон Нетерен (Нетериму?), как мы узнаем из хроники Палермского камня, разрушил города Шем-Ра и «Дом севера», очевидно, расположенные в Дельте²⁴. Фараон первой династии Семерхет приказал в память своих побед высечь на скалах Синайского полуострова около Вади-Магхара изображение сцены своего триумфа над поверженным врагом, очевидно, олицетворявшим бедуинов Синайского полуострова²⁵. Его политику должны были продолжать фараоны второй династии, которые нуждались так же, как и их предшественники, в той меди, которую можно было получить на Синайском полуострове. Мы знаем, что фараон второй династии Хасехем вел упорные войны «на севере». Так, на одной вазе из красного гранита, найденной в Гиераконполе, упоминается «год битвы и пора-

²⁰ Ed. Meyer, op. cit., S. 134.

²¹ Ä. Z. 1897, S. 7 ff. Cp. Borchardt, Neuserre. S. 39, Abb. 20; Bissing-Bruckman, Denkmäler ägypt. Sculptur. Text. S. 39. Abb. 20; H. Schäfer, Von ägyptischer Kunst (1922), Taf. 6.

²² Fl. Petrie, Royal Tombs. Vol. I, p. 41, pl. XV. № 16—18.

²³ Текст см. Д. Г. Брэстед, История Египта, т. I, рис. 29.

²⁴ Там же.

²⁵ Weill, «Rev. Arch.», 1903, 4 sér., II, 230; R. Weill, Rec. des Inscr. égypt. du Sinai, p. 97; Fl. Petrie, Researches in Sinai. Fig. 45—47.

жения северян»²⁶, а на постаменте двух статуй этого царя изображены груды убитых врагов и даже приведены соответствующие цифры, в одном случае—47 209, а в другом—48 205²⁷.

Военно-агрессивная политика Египта, столь ясно наметившаяся при фараонах первых двух династий, окончательно определилась и получила свое дальнейшее развитие при последующих фараонах Древнего Царства, при которых Египет превратился в мощную централизованную деспотию. Расширение этой военной политики отчасти объясняется тем, что крупная строительная деятельность великих фараонов третьей и четвертой династий требовала людей и средств, которые могли быть в условиях того времени получены только при помощи войн. Первый фараон третьей династии Джосер воевал в течение своего царствования как на северо-восточных, так и на южных границах Египта. Около древних разработок меди, на Синайском полуострове, сохранилась плита, повествующая о победах Джосера над жившими здесь племенами бедуинов²⁸. А значительно более позднее, но все же достоверное предание рассказывает о том, что Джосер после семилетнего голода пожертвовал богу Хнуму в Элефантине 12-мильную полосу земли выше первого порога, что свидетельствует о том, что эта часть Нубий уже была в ту эпоху завоевана египетскими царями²⁹. Конечно, нубийские племена здесь еще были далеко не совсем замиренны, что принудило Джосера построить стену от Ассуана до Филэ для защиты южных областей Египта.

Не менее крупную военную политику вел также и Снофру. В его царствование район медных рудников на Синайском полуострове был окончательно закреплен за Египтом. Его победы в этом районе были увековечены большой победной плитой, высеченной на скалах около Вади-Маг-

хара, где он изображен поражающим пленника и назван —

«покорителем иноземных стран»³⁰. Победы Снофру в этом районе и окончательное присоединение им к Египту области медных рудников Синайского полуострова имели настолько крупное политическое и экономическое значение для Египта, что воспоминание об этих событиях в течение тысячелетий сохранилось в памяти египетского народа. Снофру впоследствии считался завоевателем всей этой области и основателем здешних местных рудников. Одному из рудников и некоторым дорогам было присвоено его имя, он считался богом-покровителем всей этой местности, и высшей похвалой для чиновника было произнесение, что «со времен Снофру ничего подобного здесь не было сделано»³¹. Военные походы Снофру имели настолько крупное значение, что о них упоминается даже в государственной летописи Палермского камня. Так, в ней мы читаем об «опустошении страны негров и доставке 7 000 живых пленников и 200 000 голов крупного и мелкого рогатого скота»³². Для закрепления своих завоеваний, на севере и на

²⁶ Quibell and Green, Hierakonpolis. II, pl. 36—38; Quibell, Archaic Objects. II, pl. 56.

²⁷ Hierakonpolis, pl. 36—41. 58; Capart, Débuts de l'art en Egypte, p. 258, fig. 184—185.

²⁸ Bénédite, Rec. XVI, 104; Weill, «Rev. Arch.», 4 sér. II, 235; R. Weill, Rec. des Inscr. égypt. du Sinai, p. 100.

²⁹ K. Sethe, Dodekashoenos. Beitr. z. Geschichte Aegyptens, 2.

³⁰ K. Sethe, Urkunden des Alten Reiches. Leipzig, 1903, I, 8.

³¹ J. H. Breasted, Ancient Records. Chicago. 1906, Vol. I, p. 75.

³² Текст см. Д. Г. Брэстед, История Египта, т. I, рис. 29.

юге Снофру, как гласит та же летопись: «построил стену южной и северной страны (под названием) „Дома Снофру“»³³. Может быть, именно им были построены те укрепления в северо-восточной Дельте, которые в «Рассказе Синухета» названы «Стеной князя» и на которые указывает знак стены, детерминирующий в текстах пирамид название Кемузэр, т. е. горькосолёных озер, находящихся в этом районе³⁴. Исходя из этих фактов, М. Мюллер предполагает, что Снофру вел здесь не завоевательную а скорее—оборонительную политику³⁵. Однако этому противоречат приведенные мною выше факты о завоеваниях, совершенных Снофру именно в этом северо-восточном направлении. Эти войны за окончательное овладение Синайским полуостровом продолжались и при следующих фараонах, на что указывает победная надпись Хуфу в Вади-Магхара, в которой этот строитель великой Гизэхской пирамиды назван «сокрушителем троглодитов (иунтиу)»³⁶.

Изображения и надписи пятой династии говорят нам о дальнейшем расширении военно-агрессивной политики египетских фараонов в эту эпоху. Фараоны пятой династии считают себя призванными править не только над египтянами, но также и над ливийцами, азиатами и неграми, как на то указывает ставшее в ту эпоху традиционным изображение царя в виде сфинкса, который попирает своими лапами представителей этих племен. Один из крупных царей этой династии Сахура вел большую войну с ливийцами, о которой мы осведомлены благодаря сохранившимся рельефам его могильного храма. На этих рельефах изображены многочисленные захваченные в плен ливийские вожди, а также богиня истории, которая «записывает» число живых пленников, приведенных из всех пустынных областей. Рельефы, обнаруженные в том же самом храме Сахура, говорят нам также и о другом военном походе, который предпринял этот царь. На этот раз это был поход, предпринятый на морских кораблях, очевидно, в Азию, может быть, в Палестину или в область Ливана, на что указывают захваченные в качестве пленников типично азиатские вожди и привезенные в качестве добычи медведи. Яркая бытовая иллюстрация, изображающая один из эпизодов, возможно, именно этой войны, сохранилась на стенах гробницы Анти, номарха Гераклеополя, в Дешашэ, несколько выше Фаюма. Мы видим, как здесь египтяне осаждают азиатскую крепость, изображенную в виде овала, защищенного крепостной стеной, снабженной бастионами. Египтяне приставляют к стене лестницу и разламывают ее ломом. Азиатов можно отличить от египтян по их чертам лица, по окладистой бороде, длинным завязанным волосам и длинной одежде. Все эти внешние черты позволяют их отождествить с теми азиатскими племенами, которых египтяне называли мендиу-сатет и которые, например, изображены на золотой пекторали Аменемхета III. Тут же поме-

щено и название осажденной крепости Недиа, которое можно

сопоставить с географическим названием Anitha, встречающимся у Птолемея при описании Палестины³⁷. Эти войны, так же как и предшествующие

³³ Текст см. Д. Г. Брэстед, История Египта, т. I, рис. 29.

³⁴ Б. А. Турев, Рассказ египтянина Синухета, М., 1915, стр. 16, прим. 5; Bailliet, Rég. pharaonique, p. 242.

³⁵ M. Müller, Die alten Aegypter als Krieger und Eroberer in Asien. 1903, S. 13.

³⁶ K. Sethe, Urkunden des Alten Reiches. 1903, S. I, 8.

³⁷ Fl. Petrie, Dhashah. L., 1898, pl. IV, pp. 5—6. Cp. Hölscher, Das Hohe Tor von Medinet Habu. 1901, S. 57; R. Weil, L'Art de la fortification, pp. 35—36.

щие, имели своей целью укрепить экономическое и политическое господство египтян в соседних странах. Поэтому вполне естественно, что они сопровождались широкой внешней торговлей. Эта торговля в царствование Сахура получила настолько крупное значение, что об отдельных наиболее крупных экспедициях упоминается даже в летописи Палермского камня, в которой мы читаем, что в 13-й год его правления «были привезены из страны малахита... (6 000)... из Пунта 80 000 весовых единиц мирры, (6 000)... электрума, 2 600 (...) досок...»³⁸. При фараонах шестой династии эта внешняя торговля и связанная с нею завоевательная политика развертываются еще шире. Один египетский чиновник по имени Хнумхотеп сообщает, что он «вместе со своим господином, князем, казначеем бога Тети одиннадцать раз ездил в Кебен (Библ) и с казначеем бога Хеви в Пунт и благополучно возвращался из этих стран»³⁹. Это расширение торговых сношений с соседними странами требовало все большего напряжения военной деятельности с целью все новых и новых завоеваний. Так, Пепи I проник в Нубию вплоть до второго порога, о чем сообщает надпись в области Томаса, в которой говорится о походе, совершенном для «открытия стран Вават и Иертет»⁴⁰. Северная Нубия была в эту эпоху уже настолько замирена, что фараон Меренра мог лично прибыть сюда и принять выражение покорности от вождей племен маджаев, вават и иертет⁴¹. Наконец, о крупных военных действиях против нубийских племен читаем мы в надписи крупного чиновника Пепинахта, жившего при Пепи II. Пепинахт дважды совершал военные походы в Нубию, результатом которых было опустошение стран Вават и Иертет, привод пленных и скота. Следовательно, эти войны имели своей целью не только завоевание нубийских областей, но и захват там богатой добычи⁴². Не менее крупные войны приходилось вести Египту в эту эпоху на Синайском полуострове и в Палестине. Одна из таких войн подробно описана в известной надписи чиновника Уны⁴³. Судя по тому, что войско Уны «вырубило финиковые пальмы и виноградники» и что Уна принужден был совершить пять походов для окончательного замирения этих областей, можно думать, что Уна вторгся в плодородные области Палестины, закрепив над ними власть египетского фараона.

Вполне естественно, что для проведения в жизнь этой широкой военно-агрессивной политики нужна была соответствующая организация военного дела. Надписи дают нам возможность восстановить некоторые черты этой организации. Так, мы можем предполагать, что уже в довольно древние времена существовала постоянная армия, составлявшаяся из новобранцев, которые в надписях этого времени называются : — nfrw.

Пиренн предполагает, что это слово, происходящее от слова nfr—хороший, имело социальное значение и что это указывает на то, что новобранцы вербовались только из среды аристократии⁴⁴. Однако это предположение

³⁸ J. H. Breasted, *Ancient Records of Egypt*. Chicago, 1906, vol. I, p. 70.

³⁹ K. Sethe, *Urkunden des Alten Reiches*. 1903, I, 140—141.

⁴⁰ Weigall, *Ant. of lower Nubia*. Pl. 56, 58.

⁴¹ K. Sethe, *Urkunden des Alten Reiches*. 1903, I, 110.

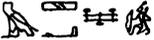
⁴² *Ibidem*, I, 131—135.

⁴³ *Ibidem*, I, 101—105.

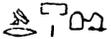
⁴⁴ J. Pirrenne, *Histoire des Institutions et du droit privé des anciens égyptiens*, 1934, vol. 2, p. 211, pp. 216—217.

Пиренна не может быть доказано ни анализом слова *pr*, ни историческими фактами. Слово *pr* не содержит в себе социального смысла, а в данном случае скорее имелись в виду физические или военные качества новобранцев, которые вербовались из рядов молодежи. Эти новобранцы подвергались специальному воинскому обучению—*šb³jt*, на что указывает титул одного командира времени пятой династии, который называл себя—*mr šb³jt*, т. е. начальником обучения (воинского, так как он занимал военную должность)⁴⁵. Однако нельзя переоценивать методическую организованность египетской армии, как это делает Пиренн⁴⁶. Даже в эпоху шестой династии, когда предпринималась крупная война, отдельные области высылали свои военные отряды, находившиеся под командованием местных должностных лиц. Так, в надписи Уны мы читаем⁴⁷: «Послало меня его величество во главе этого войска. Были там и князья, и носители печати, и единственные друзья при дворце, и номархи, и начальники крепостей юга и севера, и начальники караванов, и начальники жрецов юга и севера, начальники округов во главе отрядов южной и северной страны, крепостей и городов, которыми они правили».

Регулярная постоянная армия, составлявшаяся из новобранцев, проходивших специальное воинское обучение, и бывшая основным ядром военных сил Египта, делилась на отдельные войсковые части, называвшиеся *prw*.

Соединения этих войсковых частей назывались —*mš^c*—войско.

Командир отдельной войсковой части, очевидно бывшей основной тактической единицей, назывался *hrp pr n prw*—начальник отряда новобранцев, а командир войска носил титул—*mr mš^cw*⁴⁸. Каждая воинская часть имела свою особую канцелярию, на что указывают титулы *šš^cpr*—писец отряда и *mr šš^cprw*—начальник писцов отрядов. В частности, в эпоху четвертой династии этот титул носил некий «великий десяти юга судья и номарх Яхи»⁴⁹. Это соединение должностей в руках одного человека, может быть, указывает на то, что в обязанности номарха входило управление хозяйством тех воинских частей, которые были расположены на территории данного нома. Забота о вооружении армии и управление всей хозяйственной частью в целом было сосредоточено в своего рода военном министерстве, которое в те времена называлось —*pr ch³w*—«дом

оружия». Во главе этого дома оружия стоял —*mr pr ch³w*—

начальник дома оружия, должность которого иногда соединялась с должностью начальника писцов воинских отрядов⁵⁰. Эту высокую должность обычно занимали высшие представители аристократии, иногда даже царевичи, как, например, царевич Ка-ен-нисут⁵¹, сын царя Снофру, что указывает на стремление правительства сосредоточить в руках царской семьи все высшие государственные должности, в том числе должность «начальника

⁴⁵ J. P i r e n n e, op. cit., vol. 2, p. 211.

⁴⁶ Ibidem, vol. I, p. 178 сл.

⁴⁷ K. S e t h e, *Urkunden des Alten Reiches*. 1903, I, 102.

⁴⁸ J. P i r e n n e, op. cit., vol. I, pp. 179—180, p. 272.

⁴⁹ H. J u n k e r, *Gizâ*. I, p. 240 f.

⁵⁰ J. P i r e n n e, op. cit., vol. I, p. 180.

⁵¹ D e R o u g é, *Six premières dynasties*, p. 41—42.

дома оружия». Функциями этого древнейшего военного ведомства, которое, по выражению Маркса, служило для ограбления соседних стран, были: вооружение армии, постройка крепостей, постройка кораблей, управление интендантскими складами и снабжение войска всем необходимым, на что указывает целый ряд фактов, как, например, то, что войска, посланные при Имхотепе (шестая династия) к рудникам Аравийского залива, получали 50 быков и 200 коз⁵². Однако не следует вслед за Пиренном преувеличивать момент организованности в деле снабжения египетской армии, что явилось бы типичной модернизацией прошлого, столь характерной для Пиренна⁵³. Ведь если бы снабжение египетской армии было столь блестяще организовано, как это думает Пиренн, то Уна, командовавший армией в эпоху шестой династии, не должен был бы ставить себе в особую заслугу установленный им порядок— «когда никто там не грабил хлеба и сандалий у путешественника, никто не грабил хлеба в каком-либо городе, никто не похищал какой-либо козы у какого-либо человека»⁵⁴.

Ведение военных действий у берегов Дельты и Сирийского побережья, а также конвоирование торговых кораблей, шедших в Нубию, в Пунт и в Сирию, требовало организации специального военного флота, на что указывают изображения, надписи и особые титулы. На каждом военном корабле находился особый военный отряд, который назывался *ꜥrg dꜣt*— «отряд корабля», но не «отряд новобранцев корабля», что, очевидно, указывает на то, что флотские экипажи состояли не из рекрутов, а из моряков-профессионалов. Во главе каждого корабля стоял особый капитан, а во главе всего флота— крупный военный командир, называвшийся— *wꜥ mꜥ dꜣt*⁵⁵. Главное командование всеми военными силами, как сухопутными, так и морскими, было обычно, сосредоточено в одних руках, чаще всего в руках члена царского дома, как, например, Рахотепа в эпоху третьей династии или Мериба в эпоху четвертой династии⁵⁶. Эта централизация военного управления вполне соответствует принципу централизации всего государственного управления, который столь последовательно проводился в эпоху Древнего Царства. Так, крупный чиновник Ха-ем-тенент, живший в эпоху пятой династии, одновременно занимал должности начальника всех приказов царя, начальника воинов, начальника отрядов, начальника двух военных флотов больших кораблей, начальника военного обучения⁵⁷. Наряду с национальными египетскими войсками в состав египетской армии уже в эпоху Древнего Царства входили контингенты покоренных ливийцев (*tmꜥw*) и нубийцев (*nꜥšiw*), как на то указывают Дашурский и Коптосский указы и надпись Уны, в которой упоминаются

 — «нубийцы этих стран»⁵⁸. Пиренн считает

этих иноземных солдат наемниками и говорит, что ими управляло особое ведомство— *gꜥꜥ rg* во главе с его начальником *mꜥꜥ gꜥꜥ rg*, который упоминается в надписи Уны⁵⁹. Однако оба эти предположения Пиренна

⁵² G. Maspero, *Mon. Eg. de Hammamat*. Bibl. ég. VIII, p. 3.

⁵³ J. Pirenne, *op. cit.*, vol. 2, p. 216.

⁵⁴ K. Sethe, *Urkunden des Alten Reiches*. 1903, I, 102.

⁵⁵ J. Pirenne, *op. cit.*, vol. II, p. 213.

⁵⁶ *Ibidem*, p. 214.

⁵⁷ Mariette, *Mastabas*, D. 7, pp. 187—188.

⁵⁸ K. Sethe, *Urkunden des Alten Reiches*. 1903, I, 102, 18.

⁵⁹ *Ibidem*.

не доказываются источниками. В надписи же Уны титул *mr gš pr* стоит во множественном числе, что резко противоречит представлению Пиренна о едином управлении иноземными наемниками. Эти постоянные армии в мирное время использовались самым различным способом. Часть войск несла службу охраны в царском дворце⁶⁰, другая часть была расположена в крепостях, как на границах, так и внутри страны⁶¹, наконец, особые отряды войск отправлялись вместе с экспедициями в рудники Синая и каменоломни Хамамата, а также использовались для работ в каменоломнях Тура⁶².

Необходимость ведения войн, которые длились в течение нескольких лет, требовала постройки крепостей как на границах страны, так и в завоеванных областях, а также умения вести осаду и брать эти крепости штурмом, иными словами—знаний в области искусства фортификации. Некоторое представление о древнеегипетских крепостях дают нам картинные иероглифы, служившие для обозначения слова «крепость», и некоторые ныне раскопанные развалины подлинных древнеегипетских крепостей. Судя по иероглифам, обозначающим слово «крепости», египетские крепости эпохи архаики и Древнего Царства обычно имели форму овала, круга или прямоугольника, окруженного стеной, защищенной выступающими башнями⁶³. Иногда стены этих крепостей были защищены круглыми башнями в форме усеченного конуса с выступающей наверху площадкой, защищенной брустверами. Очевидно, внешнюю форму такой башни воспроизводит игральная шашка Берлинского музея № 18031⁶⁴. Одна из египетских крепостей, построенная в эпоху Древнего Царства или, может быть, даже в эпоху архаики, так называемая Ком-ес-Султан, раскопана около Абидоса. Длина стен этой крепости равнялась 125 и 68 м, их высота колебалась от 7 до 11 м, а толщина стен в их верхней части—2 м. Так как до настоящего времени раскопана только внутренняя часть этой крепости, то толщина нижней части стен остается неизвестной. По той же причине нельзя сказать, существовала ли, помимо внутренней, также и внешняя стена. Главный вход был расположен в западной стене, а два другие входа—в южной и восточной стенах. Кладка кирпичных стен состоит из вертикальных перемежающихся полос, в которых горизонтальная кладка чередуется с вогнутой⁶⁵. Несколько более сложный внешний вид имела крепость, расположенная в Гиераконполе (Ком-эль-Ахмар). Эта крепость была окружена двумя стенами: внешней и внутренней. Усложненный вход в крепость вел через два узких коридора и дворик, лежащий между ними и расположенный в толще стены. Толщина стены в этом месте увеличена благодаря выступу, вдающемуся во внутреннюю часть крепости. Лестница, расположенная около входа в крепость, вела на стену. Таким образом, здесь мы видим уже более усовершенствованный тип крепости, защищенной двумя рядами стен и особым устройством сложного входа, снабженного двориком, где можно было организовать сопротивление противнику, которому удалось форсировать вход⁶⁶. В районе о. Элефан-

⁶⁰ Borchardt, Grabdenkmal des Königs Sahure. P. 79 ff, 85, 89.

⁶¹ J. Pirenne, op. cit., vol. II, p. 211.

⁶² Ibidem.

⁶³ Fl. Petrie, Royal Tombs. Vol. 2, p. 53, pl. XXII, № 179, vol. 2, p. 21, pl. III, A. 5, pl. X. 2, pl. XI.

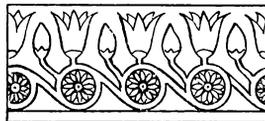
⁶⁴ G. Hölscher, Das Hohe Tor von Medinet Habu. 1910, S. 56, Abb. 52.

⁶⁵ G. Maspero, Archéologie égyptienne, pp. 21—23; R. Weill, L'Art de la fortification dans la haute antiquité égyptienne. P., 1900, pp. 53—54.

⁶⁶ Quibell, Hierakonpolis. Vol. 2, p. 74; G. Maspero, Archéologie égyptienne, pp. 26—27; R. Weill, l. c., pp. 54—55.

тины, у первого порога между Египтом и Нубией, в эпоху Древнего Царства были сооружены довольно значительные укрепления. Северная часть этого острова была защищена стеной на протяжении 400 м. Окружность островов была во многих местах защищена очень прочной стеной. Длинные лестницы вели от реки на верхнюю террасу. Для защиты караванов, шедших по восточному берегу в обход порогов, от Филэ к Элефантине, в эпоху шестой династии была построена длинная стена, шедшая от Сиэны до Филэ позади «Красной Горы» (p'dw dšr) на протяжении около 10 км. Эта стена была построена из обожженного кирпича и достигала высоты в 10 м⁶⁷. Некоторое представление об осаде и штурме этих крепостей дают нам сохранившиеся изображения. Так, на рисунке, сохранившемся на стене гробницы Анти в Дешашэ⁶⁸, мы видим, как египетские воины разламывают ломом стену вражеской, очевидно, азиатской, крепости, имеющей форму овала. Другие египетские воины приставляют к стене крепости штурмовую лестницу для того, чтобы при ее помощи подняться на крепостную стену⁶⁹. Для того, чтобы эти штурмовые лестницы можно было с большим удобством продвигать вдоль крепостных стен, их иногда закрепляли на деревянных дисковых колесах, как мы это видим на рисунке, сохранившемся на стене мастабы Каемхесита⁷⁰. Как указывают надписи, в этих крепостях находились специальные отряды войск, бывшие, очевидно, их постоянными гарнизонами. В каждой крепости был свой интендантский склад, как это видно из надписей на печатях: «служба амбаров крепости Седжахотеп» (вторая династия) или «писец крепости „Храбрость двух стран“» (третья династия)⁷¹.

Достаточно высокая для этой древней эпохи организация военного дела дала возможность египетским фараонам эпохи архаики и Древнего Царства вести ту военно-агрессивную политику, которая имела своей целью грабительский захват добычи в виде рабов, скота и прочих ценностей, завоевание соседних территорий и, главным образом, источников сырья, как, например, медных рудников Синайского полуострова или золотых рудников Нубии. Доведенная до своего последнего предела эта военно-агрессивная политика, обогащавшая одну лишь аристократию, привела народные трудовые массы к полному истощению и к нищете, централизованную деспотию—к гибели, а некогда объединенное государство—к распаду на свои составные части, древние номы. Это древнейший в истории пример того, как военно-агрессивная политика приводит государство к неизбежной катастрофе.

⁶⁷ G. Maspero, Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. Vol. I, p. 426; R. Weill, l. c., pp. 56—60.

⁶⁸ F. I. Petrie, Deshasheh, L., 1898, pl. IV, pp. 5—6.

⁶⁹ G. Hölscher, Das Hohe Tor von Medinet Habu, 1910, S. 57; R. Weill, l. c., pp. 35—36.

⁷⁰ Quibell—Hayter, Excavations at Saqqarah, 1927. Teti Pyramid North Side. Frontispice.

⁷¹ J. Pirenne, op. cit., vol. I, p. 178.

НОВООТКРЫТЫЙ ТЕКСТ ИБН-ФАДЛАНА*

А. П. Ковалевский

Сложна и трудно доступна для исследования история Поволжья и Приуралья в первой половине десятого века. Местная письменность здесь едва зарождается, писатели же далеких культурных центров мусульманского мира и Византии сообщают об этих странах и народах лишь общие данные, так же как и памятники археологические, несмотря на многочисленность находок. Поэтому особую ценность представляет знаменитое сочинение Ахмеда Ибн-Фадлана о своем путешествии на Волгу с посольством халифа Аль-Муктадира к царю Булгара в 921—922 гг. Среди арабских источников по истории СССР, особенно такой ранней эпохи, оно занимает выдающееся, можно сказать, исключительное место. Это—рассказ очевидца, проникшего в эти отдаленные северные страны, человека умного, наблюдательного, не пропускающего часто даже мелочей, рассказ, в значительной своей части подкупающий непосредственной правдивостью.

До последнего времени произведение Ибн-Фадлана было известно не целиком, а лишь в отрывках, помещенных в «Географическом словаре» Якута (XIII в.), именно под следующими рубриками: 1) Итиль, 2) Башкиры, 3) Булгар, 4) Хазары, 5) Хорезм, 6) Русь и 7) Вису (Весь). Выписки эти, иногда довольно обширные, не давали, однако, возможности судить о целом сочинении, не говоря уже о том, что отдельные части Ибн-Фадлана, не вошедшие в словарь Якута, оставались совершенно неизвестными.

Быть может, именно эта фрагментарность текста явилась причиной того, что при наличии ряда отдельных работ об Ибн-Фадлане все же не было сделано ни одной попытки дать всеобъемлющее исследование или хотя бы общую сводку текстов и переводов. Несмотря на классические труды Х. Френа в начале прошлого века, некоторые отрывки — «Хорезм» и «Итиль»—были впервые по-настоящему привлечены к изучению Ибн-Фадлана только акад. В. Розеном в 1902 г., а маленький отрывок в статье «Вису», не содержащий ссылки на Ибн-Фадлана, был отмечен, как относящийся к нему, только в 1937 г. (V. Minorsky. *Hudud al-'alam. The Regions of the World. With the Preface by V. V. Barthold, London, 1937, p. 425*).

Весьма важной и капитальной работой в интересующей нас области является полное издание «Географического словаря» Якута, заверщенное Ф. Вюстенфельдом («*Jacut's geographisches Wörterbuch*». Leipzig. В. I—VI.

* Доклад на второй сессии Ассоциации арабистов в Ленинграде в октябре 1937 г.

1866—1873). Его значение прежде всего в том, что оно дало возможность всякому, знающему арабский язык, ознакомиться с сочинением Якута в целом, без пропусков и подчас грубых ошибок, имеющих в рукописях, и таким образом подойти с более глубокой оценкой к тем отрывкам из Ибн-Фадлана, которые в нем были сохранены. Вюстенфельд окончательно установил правильное чтение многих мест текста. На издании Вюстенфельда основывался русский перевод отрывка о русах А. Гаркави в его «Сказаниях мусульманских писателей о славянах и русских» 1870 г. (его работа послужила, главным образом, для широкой популяризации сообщений Ибн-Фадлана) и чешский—Р. Дворжака (L. Niederle «Živ. st. sl.» D. I, sv. 1, Praha 1911).

Издание Вюстенфельда отразилось не только на новых переводах. Начиная с него, текст Якута привлекают к своей работе лексикографы, вследствие чего мы встречаем толкования отдельных слов из Ибн-Фадлана среди словарного материала у де-Гюе (De Goeje, *Bibl. geograph. arabic.*, 1870—1894. Vol. IV, V, VI, VIII), Дози (R. Dozy, *Supplément aux dictionnaires arabes*, I—II, Leide, 1881) и Флейшера (H. L. Fleischer, *Studien über Dozy's Supplément. Berichte über die Verhandl. der Kgl. Sächs. Gesellsch. der Wiss. zu Leipz. Phil-hist. Klasse.* 1881—1887).

Однако одно обстоятельство ярко показало совершенно неудовлетворительное в то время положение с изучением как самого Ибн-Фадлана, так косвенно и арабских источников по истории Восточной Европы вообще. Дело в том, что в 1899 г. известный археолог А. Спицын выступил в «Записках Русского археологического общества» (т. XI, Новая серия, вып. 1—2, стр. 161—166) со статьей «О степени достоверности Записки Ибн-Фадлана», в которой совершенно неосновательно, но в то же время весьма резко, обрушился на Ибн-Фадлана, как на исторический источник. Он утверждал, что этот автор вообще не ездил ни в какое путешествие, что он написал свое сочинение со слов плохо понятого им очевидца, что в этом сочинении масса несообразностей, искажений, умолчаний, что вообще в нем «нет ничего, что не возбуждало бы сомнений».

С решительной отповедью Спицыну выступил в 1900 г. В. Тизенгаузен в «Записках Вост. отд. Русского археологического общества» (т. XIII, стр. 24—32) в статье, озаглавленной «В защиту Ибн-Фадлана».

Эта полемика, а также то обстоятельство, что в 1899 г. Археологический съезд в Киеве выдвинул вопрос «издания в оригиналах и переводах отрывков из арабских писателей, имеющих отношение к истории славян», привели на мысль акад. В. Р. Розена поставить вопрос о пересмотре произведений Ибн-Фадлана в соответствии с новыми научными требованиями. Таким образом, в январе 1901 г. он выступил с докладом «Ибн-Фадлан и его комментаторы», а в 1902 г. напечатал статью «Пролегомена к новому изданию Ибн-Фадлана» («Записки Вост. отд.», т. XV). Поскольку в то время сочинение Ибн-Фадлана было известно только в выписках Якута, возникал кардинальный вопрос, каково взаимоотношение этих двух авторов, т. е. в каком виде дошел до нас текст Ибн-Фадлана в извлечениях Якута. В общих чертах В. Розен разрешает этот вопрос. На основании ряда цитат из предисловия Якута к «Географическому словарю» Розен характеризует метод работы Якута над источниками. Но высказывания Якута сами по себе еще недостаточны. Нужно еще проверить, как в действительности работал Якут, произвести критическое сравнение имеющихся у него выписок из различных авторов с оригиналами

самих этих авторов, поскольку они у нас имеются. «Рассуждая строго теоретически,—говорит В. Розен,—первой задачей будущего комментатора Ибн-Фадлана должно быть возможно полное исследование этой стороны дела».

Между тем, эта огромная работа и во времена В. Розена, и в настоящее время осталась непроделанной. Теперь, как и тогда, в основном имелось лишь одно посвященное этому вопросу сочинение Ф. Гера (F. J. Heer, *Die historischen und geographischen Quellen in Jacut's geographischem Wörterbuch*. Strassburg, 1898). Кроме весьма важного общего указателя авторов и заимствованных у них мест, тут две главы посвящены вопросу об отношении Якута к двум очень сильно использованным им авторам. Эти главы, как замечает В. Розен, «представляют, до известной степени, попытки именно таких монографических исследований, о желательности и необходимости составления которых мы только что упоминали». Чтобы глубже выяснить отношение Якута к Ибн-Фадлану, В. Розен приводит многочисленные выписки из «Географического словаря» Якута, где этот последний характеризует свое отношение к тому или иному автору или высказывает свои критические замечания по поводу отдельных, сообщаемых ими сведений, сопоставляет различные противоречивые свидетельства или выносит свои суждения, основываясь на тех или иных общих соображениях или личных наблюдениях. Из сопоставления этих данных не только выясняется критическое отношение Якута к различным авторам, но можно прийти к выводу, что Ибн-Фадлан относился именно к тем авторам, которым Якут не очень доверял, хотя и не имел достаточных оснований для проверки того, что казалось ему у Ибн-Фадлана мало вероятным. При таком выводе возникал вопрос, насколько это отношение Якута к Ибн-Фадлану должно быть принято во внимание при общей оценке значения сохранившихся у Якута отрывков сочинения Ибн-Фадлана. Разрешение этого вопроса В. Розен оставил будущему.

Тесно к работе акад. В. Розена примыкает сообщение акад. В. Бартольда «К вопросу о Записке Ибн-Фадлана», сделанное им в заседании Вост. отд. Археологического общества в октябре 1911 года (ЗВО, т. XXI, 1913, стр. XII—XIV), где он разбирает вопрос о взаимоотношении между рассказом Ибн-Фадлана и сообщениями других арабских авторов о булгарах. Из дальнейшей литературы об Ибн-Фадлане следует еще отметить статью М. Кмошко (M. K m o s k ó, *Die Quellen Istachri's in seinem Berichte über die Chasaren*. Kőrösi Csoma-archivum. 1,2,—1921), где он разбирает весьма важный вопрос о той части сообщения о хазарах у Аль-Истахри, которое имеется также у Якута и приписывается этим последним Ибн-Фадлану. Далее, вопросам, связанным с изучением Ибн-Фадлана как такового, в значительной степени посвящена статья Маркварта (J. M a r k w a r t, *Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10 Jahrh.* Ungarische Jahrbücher. V. IV, Heft 3—4, 1924), в которой он весьма детально останавливается на степени достоверности Ибн-Фадлана в отношении вопроса о северном великане, явившемся в Булгар, о народе Вису, о сражающихся в воздухе отрядах и в особенности о коротких днях и ночах, с привлечением астрономических данных. К новым достижениям в области изучения Ибн-Фадлана следует отнести также выход в 1928 г. второго тома арабских источников по истории норманнов Зейппеля (A. S e i r p e l, *Rerum normannicarum fontes arabici*. II. Osloae, 1928) с весьма важным подбором разночтений по рукописям Якута.

С 1924 г. в разных научных журналах стали появляться сообщения о том, что в Иране, в городе Мешхеде, в библиотеке известного шиитского святылища найдена, наконец, рукопись сочинения Ибн-Фадлана вместе с сочинениями двух других арабских авторов того же времени. Наиболее полный отчет об этом был помещен в «Известиях Рос. Акад. наук» за 1924 г. (№ 1—11, стр. 237—248). Западноевропейские сообщения гораздо более кратки и отрывочны. Самое раннее из них было дано И. Дени (I. Dény, *Journal Asiatique*, v. CCIV. Paris, 1924). Несколько более определенные данные находим в работе П. Кале (P. Kahlé, *Islamische Quellen zum chinesischen Porzellan*. ZDMG. 1934. Neue Folge. 1313 (1388)). Остальные многочисленные мелкие упоминания и ссылки в иностранных работах, насколько мне известно, не дают почти ничего существенного.

Тем временем в 1926 г. в Иране был издан обширный каталог рукописей мешхедской библиотеки, составленный на персидском языке. Сборник, содержащий сочинение Ибн-Фадлана, помещен здесь в т. III, стр. 299 (Отдел математико-природоведческий, с. 1, № 2) под названием «Ахбар аль-булдан»—«Сведения о странах». Каталог этот сообщает несколько важных данных об этой рукописи.

Интересно отметить, что, изучая библиографию вопроса, мы видим, что эта мешхедская рукопись была известна и ранее. Так, В. Иванов в 1920 г. сообщал о рукописи с таким названием, указанной в старых библиотечных списках в Мешхеде, составленных в 1312 г. хиджры (1894/95), где она значилась в историческом отделе под № 110 (W. Iwanow, *A notice on the Library attached to the Shrine of Imam Riza at Meshed*. «*Journal of the R. Asiatic Society*». London, 1920, p. 553). Еще ранее, в 1858 г., повидимому, знал о ней Ханыков, которому удалось достать копию тогдашнего самого старого каталога мешхедской библиотеки. К сожалению, однако, копия эта, представленная им в Азиатский музей, не отыскана (*Bull. historico-philol. de l'Acad. des Sciences de St. Pétersbourg*, XVI, 1859, pp. 71—72, 105. То же: *Mélanges Asiatiques*. III, pp. 495, 501.—N. Kharanikoff, *Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie centrale*. Paris. 1861, pp. 100—102). Как бы то ни было, если рукопись и была известна по названию раньше, то содержание ее стало известно в Европе только с 1924 г.

Вместе с тем понятно, что на первых порах это открытие лишь задержало дальнейшее изучение Ибн-Фадлана, так как никому, кроме открывшего эту рукопись ученого, не было никакого смысла заниматься далее отрывками у Якута, раз было известно, что далеко в Иране, в библиотеке, недоступной для иноверцев, находился, быть может, прямой ответ на тот или иной неразрешимый вопрос. В 1935 г., по случаю съезда по изучению иранского искусства в Ленинграде, правительство Ирана поднесло Академии наук СССР полную фотографию всего этого сборника.

В данной статье в мою задачу не входит давать сколько-нибудь подробное описание мешхедской рукописи. Согласно фотографии, как и по другим данным, она имеет 112 листов. Большая ее начальная часть содержит вторую половину географического сочинения Ибн-аль-Факиха, известного до сих пор лишь в сокращенном виде. Далее следуют два послания (рисале) Абу-Дулафа, содержащие описание его путешествия по Дальнему Востоку и Индии, — сочинение, тоже известное до сих пор лишь в отрывках и вызывавшее большие сомнения в смысле своей достоверности. Наконец, в конце помещается сочинение Ибн-Фадлана, которое, кстати сказать, называется здесь не «Посланием» (рисале), как обычно считали раньше, следуя Якуту,

а «Книгой». Конец его потерян, так как утрачены последние листы рукописи. Кроме упомянутых сочинений, в рукописи имеется весьма важное предисловие неизвестного лица, составителя сборника, а также его же другое предисловие, помещенное перед первым посланием Абу-Дулафа.

Почерк рукописи — «несх», с некоторыми архаическими чертами. Смешение конечных «н» и «з» и отчасти другие описки указывают на то, что оригинал переписчика по почерку был еще более архаичен. На первый взгляд текст кажется довольно четким и легко читаемым, хотя переписчик часто пропускает диакритические точки. Однако при ближайшем ознакомлении выясняется, что он весьма плохо знал арабский язык и во многих случаях, не понимая того, что переписывал, сильно искажил текст.

На первой белой странице и на полях имеются многочисленные надписи и печати, представляющие по большей части отметки библиотекарей. Самая старая дата на печатях — 1067 г. хиджры (1656,57 г.) — отмечает время передачи этой рукописи вакуфу от некоего Ибн-Хатуна, который упомянут и в выгравированном тексте этих печатей.

Таковы общие данные об этой рукописи.

Для того, чтобы дать представление о том, что же собственно содержит в себе новонайденное подлинное сочинение Ибн-Фадлана, каков ход его изложения, я дам сжатый обзор его содержания в той последовательности, как оно дано в рукописи.

Части, более или менее полно использованные Якутом, отмечены курсивом.

* *
*

Рассказ Ибн-Фадлана начинается с того, что к халифу Аль-Муктадиру в Багдад прибыло письмо Хасана, сына Балтавара, царя «славян», в котором он просит его о присылке ему людей для утверждения ислама, постройки мечети и крепости для защиты от соседних царей, его врагов. Посредником в этом деле при дворе халифа был некий Надир-аль-Харамиди. Ибн-Фадлан был призван для прочтения письма и для надзора над факихами и муаллимами, отправляемыми на север. Послом владетеля «славян» был Абдаллах-ибн-Башту-аль-Хазари (хазарец). Состав посольства халифа: Сусан-ар-Расси, Тегин ат-Турки (турок), Барис (Барс) ас-Саклаби («славянин») ¹ и Ибн-Фадлан. Для покрытия расходов по постройке упомянутой крепости и уплате факихам и муаллимам средства должны были быть добыты с села Артахушмитан в Хорезме, принадлежавшего Ибн-аль-Фурату.

Путешествие через Иран по маршруту: Нихраван, Хулван, Хамадан, Рей, Дамган, Нишабур, Сарахс, Мерв, Байканд, Бухара. Попутно упоминаются исторические лица и события: Ахмед-Ибн-Али, Аху-Сулук, Ибн-Каран из числа сторонников еретического табаристанского имама, Хаммавейх Куса, в то время только что убивший Лайлу Ибн-Нумана.

Приезд в Бухару. Посольство радушно принимает Аль-Джейхани, секретарь эмира, прозываемый здесь «шейх-опора». Аудиенция у эмира Насра Ибн-Ахмада. Управляющий Ибн-аль-Фурата некий Аль-Фадл-Ибн-Мусаан-Насрани (христианин) принимает меры к тому, чтобы помешать передаче села Артахушмитан доверенному халифа Ахмеду-Ибн-Мусе-аль-

¹ Словом «славяне» Ибн-Фадлан обозначает жителей страны Булгар. В арабском языке того времени оно не имело точного этнического значения.

Хорезми (хорезмийцу). Ввиду приближения зимы посольство спешит со своим отъездом в Хорезм. Попутно сообщается о разных сортах диргемов в Бухаре.

Путешествие по Аму-Дарье до Хорезма. Хорезмшах Мухаммед Ибн-Ирак, хорошо приняв посольство, пытался, однако, не пустить его дальше. Переезд в Джурджанию. Зимовка.

Рассказ о Хорезме. *Хорезмские диргемы. Язык хорезмийцев. Город Джурджания. Сильные морозы. Замерзает Аму-Дарья. Жители спасаются дровами саксаула. Местные обычаи.* Двенадцать верблюдов, погибших от холода. Цистерны с водой, укрытые шкурами, и деревья растрескиваются от мороза и т. п.

Приход весны. Подготовка к отъезду. Путешественники надевают на себя множество одежд. Взят проводник по имени Фалус из жителей Джурджании. Последние муаллим и факих, утраившись путешествия, отстают от посольства.

Рабат Замджан — Врата Турок.

Путешествие по степи. Холод. Верблюды ступают по колено в снегу. Прибытие к источникам на уступе Усть-Ург.

Обширное описание народа гуззов. Кочевья, юрты, религия. Гуззы управляются «советами» равных. Отношения между полами, калым и брачные обычаи. Старший сын женится на жене своего умершего отца, если она не была его матерью. Отношения между гуззами и хорезмийскими купцами. Обычаи, связанные с торговлей и кредитом. Криминальный случай с хорезмийским купцом, обвиненным в педерастии. Князь или главарь гуззов Йынал. Комическая встреча в степи с каким-то бедняком. Отношение гуззов к больным. Обряды погребения. Обычай выщипывать бороду. Царь гуззов и его заместитель, называемый кударкином.

Командующий войском гуззов Атрак (Этрэк) сын Катагана. Его жена, бывшая прежде женой его отца, совершает в степи поминки по своему первому мужу. Переговоры с Атраком о принятии ислама. Совецание предводителей гуззов в течение семи дней о том, как поступить с посольством, — перебить ли его, ограбить ли, обменять ли на своих пленных у хазар или пропустить. Политические мотивы этих колебаний. Отъезд из страны гуззов.

Переправы через ряд рек, в том числе через Эмбу, в круглых кожаных мешках.

Прибытие к печенегам. Они бедны, в противоположность гуззам. Сообщение о пастьбе овец летом и зимой.

Переправа через Яик в таких же мешках. На глазах путешественников тонет множество людей, лошадей и верблюдов.

Описание башкир. Это — «худише из турок». Они жестоки, грязны. Разные типы религии у башкир: фаллический культ, политеизм; племенные группы, поклоняющиеся различным животным. Легенда, объясняющая культ журавлей.

Переправы через ряд рек.

Прибытие к царю «славян», т. е. болгар. Царь встречает послов со своей семьей и феодальным окружением. Официальная аудиенция по прошествии нескольких дней. Торжественное чтение писем халифа, везира и Надира-аль-Харамы. Подношение подарков царю и его жене, здесь же присутствующей. Банкет у царя в честь посольства. Порядок раздачи еды, напиток суджув, тосты. Обсуждение вопроса о форме хутбы за болгарского царя. Царь дает новое имя себе и своему отцу.

Царь узнает о том, что посольство должно было привезти ему 40 000 динаров на постройку крепости. Не привезя денег, Ибн-Фадлан при чтении писем пропустил те места, где об этом было сказано. Бурная сцена между царем и Ибн-Фадланом по поводу этих денег. Изменения чтения молитвы «икамы», которую местный муэzzин читал дважды, а по настоянию Ибн-Фадлана стал читать один раз. Царь под предлогом обсуждения этого разногласия созывает всех прибывших, подвергает Ибн-Фадлана издевательскому допросу, отчитывает его и все посольство. Декларация царя по поводу всего этого инцидента.

Описание страны Булгар.

Атмосферические явления. Сражение воинов в облаке (северное сияние). Короткие ночи. Разговор Ибн-Фадлана с портным из Багдада. Затруднения муэzzина с чтением мусульманских молитв в связи с короткими ночами. Рассказ царя о стране Вису на севере. Короткие дни зимой.

Гадания по вою собак. Множество змей в стране Булгар. Встреча Ибн-Фадлана с огромной змеей в лесу. Удивительные растения. Вкусные ягоды вроде граната. Кислые яблоки,—девушки едят их и жиреют от этого. Огромные леса. Дерево, похожее на пальму (плакучая береза), сок которого пьют.

Посевы. Царь не берет налогов с посевов, но взимает подать шкурами. Он делит добычу с дружиной после похода. При начале всякого званого пира полагается давать сначала подношение царю. Хранение продуктов в ямах в земле. Употребление рыбьего жира. Обстановка жизни царя,—его огромная юрта, трон, армянские ковры, обычаи при аудиенции у царя и при проезде его по рынку. Права наследования от брата к брату, а не от отца к сыну. Дом, в который ударила молния, оставляют неприкосновенным со всем, что в нем находится. Обычай погребения на столбе в ящике. Приношение наиболее одаренного человека в жертву богу путем повешения его на дереве. История одного жителя страны Синд в Индии, прибывшего к царю и принесенного в жертву таким образом. Совместное купание в реке мужчин и женщин. Наказание за прелюбодеяние путем разрубания пополам.

Дикие пчелы и право собственности на них. Торговцы у булгар. Торговля со страной турок (вывоз овец) и с народом Вису (вывоз мехов). Род Баранджар, принявший ислам. Именование целой семьи некоего Талута после принятия ислама одним общим именем Мухаммед.

Рассказ об огромном великане, прибывшем с севера. Сообщение жителей страны Вису о народе великанов, живущем на севере за морем. О стене, удерживающей эти народы. О рыбе, раз в год приплывающей к их берегам, которой они и питаются. Ибн-Фадлан едет осматривать скелет и череп упомянутого великана, который был казнен царем путем повешения на дереве за приносимый им вред.

Разногласия среди булгар по вопросу о принятии ислама. Поведение разных племен. Съезд на реке Джавшир.

Рассказ о страшном единороге, якобы живущем в соседней местности. Ибн-Фадлан сам видел три миски, сделанные из рога этого животного.

Болезни местного населения. Обряд погребения местного мусульманина (по мертвому плачут мужчины, а не женщины, рабы сами себя бичуют плетьюми из соболей, двухлетний плач родственников об умершем и т. д.).

Царь булгар платит дань царю хазар. Сам он взимает одну десятую часть товаров и рабов с прибывающих в страну булгар кораблей. Царь сам производит осмотр привезенных товаров. Сын царя булгар находится

заложником у царя хазар. Царь хазар силой захватил дочь царя булгар. Зависимое положение Булгарии от хазар явилось причиной, побудившей царя булгар обратиться за помощью к халифу.

Сообщение о русах.

Их внешний вид, одежда, оружие, украшения, татуировка мужчин. Украшения женщин — мониста, зеленые бусы. Жизнь русов в больших бараках с рабынями. Грязь. Идолы и поклонение им в связи с торговыми делами. Обращение с больными. Наказание грабителей.

Подробное описание обряда похорон руса.

Описание жизни царя русов в их стране — дворец, ложе, или трон царя, где он сидит с сорока девушками. Дружинники-богатые. Заместитель царя в отношении к подданным.

Рассказ о царе хазар и Хазарии.

Хакан и его заместитель хакан-бех. Замкнутый образ жизни хакана. Его заместитель приходит к нему раз в день на аудиенцию и держит себя униженно.

На этом месте мешхедская рукопись обрывается.

Продолжение рассказа по выписке из Ибн-Фадлана в словаре Якута под словом «Хазар»:

Конец рассказа об аудиенции у хакана. Обычай погребения хакана в изолированном и недоступном месте. Двадцать пять жен хакана и шестьде.ят его наложниц. Образ жизни этих женщин. Срок правления хакана— 40 лет. Военные походы и наказания воинам и предводителям в случае их бегства с поля сражения.

Столица Хазарии. Положение мусульман. Мусульманский судья, мечеть, минарет, музезины.

Происшествие 310 года хиджры — разрушение синагоги в усадьбе Аль-Бабунадж (в Иране?). В отместку за это хакан велит казнить музезинов и разрушить минарет в столице Хазарии.

«Славяне» и все соседящие с Хазарией народы находятся в покорности у царя хазар.

Конец сочинения Ибн-Фадлана не сохранился ни в мешхедской рукописи, ни, тем более, в выписках Якута. По свидетельству этого последнего, Ибн-Фадлан довел описание своего путешествия до самого своего возвращения в Багдад. Пока можно лишь сказать с большей или меньшей уверенностью, что возвращение это шло не через Хазарию. Основания для этого следующие: во-первых, это можно предположить, следя за ходом рассказа Ибн-Фадлана. Окончив повествовательную часть своего сочинения, он, как мы видели, начинает описание самой страны Булгар, потом говорит о русах, приезжающих в эту страну, а далее переходит к рассказу о царе русов, живущем, очевидно, где-то в другом месте, там, где Ибн-Фадлан сам не был. От царя русов он непосредственно переходит к рассказу о царе хазар и далее о Хазарии вообще. Итак, Хазария стоит в порядке рассказа о том, чего сам автор не видел. Рассказ этот также не содержит ничего, указывающего на личные наблюдения. Ссылка на 310 год означает лишь то, что Ибн-Фадлан, будучи в это время в Булгаре, узнал там о разрушении минарета в столице Хазарии. Далее, если бы посольство возвращалось через Хазарию, то было бы естественно, чтобы оно проследовало далее на юг Каспийского моря. Между тем, пытаясь обратиться в ислам командующего войсками гуззов, Ибн-Фадлан условился с ним, что этот предводитель даст ему свой ответ при обратном возвращении посольства через его страну, и тогда же он передаст Ибн-Фадлану письмо

для халифа. Таким образом, это обратное путешествие должно было произойти через страну гуззов. Принимая во внимание враждебные отношения гуззов, и особенно болгар, с хазарами, причем болгары просили у халифа помощи именно против Хазарии, едва ли посольство по политическим соображениям могло ожидать хорошего приема в этой стране. Таким образом, конец сочинения содержал, вероятно, более или менее краткое описание обратного путешествия посольства по тому же пути через Среднюю Азию.

Просматривая приведенный выше обзор содержания произведения Ибн-Фадлана, мы можем теперь судить, что же, собственно, взял у него Якут для своего словаря и какие совершенно новые части дает нам мешхедская рукопись. Мы видим, что Якут не выписывал из Ибн-Фадлана лишь какие-нибудь удивительные вещи, как думали некоторые исследователи и, наоборот, он не отбрасывал из его сочинения то, что казалось ему недостоверным. Вернее всего, он брал то, что тематически было ему нужно для составления словаря, именно географические и этнографические сведения. Но и тут он брал далеко не все. Так, он оставил без внимания то, что касалось Ирана и Бухары, так как об этом у него имелись другие богатые источники. Выпустил он также и весь большой рассказ о гуззах, так как в его время народ под таким именем уже не существовал, и он вообще не поместил его в своем словаре. Рассказ о Хорезме он сократил, так как опять-таки имел другие, по его мнению, лучшие источники, включительно до его собственных наблюдений. Сократил он также и описание Булгарии, так как оно превосходило размеры словарной статьи, а часть его он использовал в другой статье—«Итиль».

Но самое главное—это то, что Якут оставил в стороне почти всю историко-повествовательную часть—обстоятельства самого путешествия посольства, политическую обстановку описанных у Ибн-Фадлана событий, т. е. именно то, что прежде всего привлекает к себе внимание историка.

Сопоставляя различные места рассказа Ибн-Фадлана, мы можем нарисовать следующую картину обстоятельств, сопровождавших посылку посольства халифа к царю болгар.

Началом всех этих событий следует считать усиленное наступление Хазарии на Булгарию, так что, как выразился болгарский царь, хазары «поработили» болгар. Сын болгарского царя оказался заложником у царя хазар. Однако непосредственным толчком к посылке посольства к халифу явились следующие события: царь хазар узнал о красоте дочери царя болгар и захотел на ней жениться. После того, как он получил отказ, он послал войско и взял ее силой. Через некоторое время дочь болгарского царя умерла в Хазарии, и хазарский царь захотел взять ее сестру, вторую дочь царя болгар. Булгарский царь поспешил отдать ее замуж за своего вассала Аскала. Вот при этих обстоятельствах он и велел своему секретарю написать письмо халифу, прося его, главным образом, о помощи при постройке крепости. При этом роль Хасана, сына Балтавара, царя болгар, неясна. У Ибн-Фадлана он упоминается лишь в самом начале весьма глухо. Из других источников (Аль-Мас'уди) известно, что этот сын болгарского царя совершил хаджж, был при этом в Багдаде, причем получил подарки и почетные черные одежды от халифа, после чего проехал далее в Мекку. Если это было именно в 921 г., то, повидимому, он и привез халифу упомянутое у Ибн Фадлана письмо, посол же царя Абдаллах-Ибн-Башту Хазарец далее вел все это дело в Багдаде и поехал с посольством халифа обратно в Булгар.

Но возникает вопрос, почему же царь булгар вместо того, чтобы обращаться к далекому Багдаду, не призвал к себе на помощь более близкого к нему саманидского эмира. Ведь между страной Булгар, с одной стороны, и Хорезмом, Хорасаном — с другой, существовали старые торговые связи через страну гуззов. Из Ибн-Фадлана мы узнаем, что царь булгар оказывается зятем полководца гуззов Атрака (Этрэка).

Причину этого хорезмшах, обиженный обращением царя булгар к халифу помимо саманидского эмира, пытается объяснить случайными обстоятельствами. В своей речи, обращенной к посольству халифа, которое он не хотел пропускать далее на север, он утверждает, что во всем этом деле виноват отрок халифа Тегин ат-Турки, который был некогда кузнецом в Хорезме и наладил было торговлю железом со страной турук. Этот Тегин, будучи в то же время придворным халифа, ввел в заблуждение этого последнего относительно всего этого дела, так как, по мнению хорезмшаха, эмиру Хорасана гораздо более приличествовало бы взять на себя миссию по распространению ислама среди этих северных народов, находящихся к нему гораздо ближе, чем резиденция халифа.

Но, конечно, ни красота дочери царя булгар, ни торговые обороты и интриги Тегина не являлись причиной посылки посольства царя булгар в Багдад. Повидимому, политический смысл этого предприятия заключался в том, чтобы, с одной стороны, обойти посредников по торговле с Югом, каковыми являлись как Хазария, так и Хорезм и Саманидское государство, а с другой стороны, найти союзника в борьбе со своим соседом, который, в свою очередь, не мог бы сделаться опасным, будучи достаточно отдаленным.

Предпринимая отправку ответного посольства в Булгарию, правительство халифа должно было встретиться прежде всего с вопросом о финансировании. Финансы его в это время были в далеком не блестящем состоянии. Поэтому решено было оплатить это предприятие и оказать помощь царю булгар за чужой счет, именно за счет некоего села Артахушмитан, принадлежавшего, как сообщает Ибн-Фадлан, Ибн-аль-Фурату. Речь здесь идет несомненно об Абу-ль-Хасане Али Ибн-Мухаммеде Ибн-аль-Фурате, который уже дважды перед тем был везирем халифа, но, вследствие неудачной финансовой политики, в 918 г. был разжалован, заключен в тюрьму, а все его имущество конфисковано. Совершенно несомненно, что за счет этого конфискованного имущества, именно той его части, которая находилась в Хорезме и, вследствие отдаленности, не была еще реализована, и хотели покрыть расходы по всему этому предприятию. Это тем более казалось выгодным, что самые страны Хорасан и Хорезм в это время и без того все более отходили от халифского правительства и подчинялись ему лишь номинально. Однако в Бухаре были приняты соответствующие меры для того, чтобы воспрепятствовать этому. Управляющий именем Ибн-аль-Фурата некий Аль-Фадл Ибн-Муса Христианин, узнавши о том, что он должен передать Артахушмитан доверенному халифа Ахмеду Ибн-Мусе Хорезмийцу, принял свои меры. Так как этот последний выехал из Багдада несколькими днями позднее посольства, то Ибн-Муса Христианин дал знать начальнику полицейских и таможенных постов по хорасанской дороге о том, чтобы посланца халифа задержали. И действительно, этот последний был схвачен в Мерве и посажен в тюрьму. Тем временем тот же Ибн-Муса Христианин постарался поскорее выпроводить посольство дальше в Хорезм под предлогом наступления холодов. Все это было сделано вряд ли без ведома саманидского правительства. С другой стороны,

хорезмшах уже прямо попытался не пустить посольство в страну турок. Таким образом, вся комбинация, как с оплатой муаллимам и факихам, так и с 40 000 динаров для болгарского царя, провалилась. Это, несомненно, и было причиной того, что перед отъездом из Джурджании последние муаллимы и факих отказались ехать дальше. Надо отдать должное настойчивости и мужеству Ибн-Фадлана, который все же лишь с несколькими спутниками решился отправиться в дальнейшее путешествие. Этим же самым обстоятельством объясняется и его исключительная роль в посольстве, как единственного ученого участника.

Совершенно понятно, что в своем произведении Ибн-Фадлан так или иначе старается оправдаться и снять с себя вину за неудачу в описанном выше деле. Говоря об отъезде посольства из Джурджании, он подчеркивает, что собрал тогда своих спутников и специально предупредил их о том, что они не везут с собой 40 000 динаров для болгарского царя, в то время как об этих деньгах все же хорошо осведомлен сопровождающий их посол царя, который знает также, что о них сказано в письме халифа. Однако, по его словам, его спутники не обратили достаточного внимания на это обстоятельство.

Совершенно естественно, что в глазах болгарского царя посольство, прибывшее к нему без реальной денежной помощи со стороны халифа, теряло бóльшую часть своего значения. В пылу гнева он договорился даже до того, что готов был отказаться от помощи представителей халифа в утверждении ислама в его стране. Однако позднее царь болгар, чтобы сохранить свой престиж, стал уверять Ибн-Фадлана в том, что деньги эти, как таковые, ему, собственно, были и не нужны, что он и сам на свои средства мог бы построить себе крепость, но что, прося об этих деньгах у халифа, он хотел получить в них как бы благословение для своего дела. В конечном счете царь болгар, конечно, хорошо понял, что посольство халифа, пожалуй, менее всего виновато в его неудаче, так как оно ничего не могло поделать против персов и хорезмийцев, которые воспрепятствовали ему исполнить приказание халифа. Это достаточно ясно видно из его фразы, где он подчеркивает, что он верит только арабам. Этим же объясняется, вероятно, и то, что, по словам Ибн-Фадлана, царь болгар после своей речи к посольству отвел его самого в сторону, оказал ему особое доверие и назвал Абу-Бекром Правдивым.

* *

*

Не будем останавливаться на многочисленных новых данных, содержащихся в новооткрытых частях сочинения Ибн-Фадлана. Это завело бы слишком далеко. Одно лишь описание народа гуззов дает материал для целой монографии. Вместе с тем и старые, уже известные по Якуту, части его сочинения в свете новой рукописи приобретают подчас новое значение. В частности, является возможность теперь изучить вопрос о том, как, при каких обстоятельствах Ибн-Фадлан собирал свои сведения, что он видел сам и что ему объясняли другие, кто были окружающие его люди, какие интересы они преследовали, сообщая ему то или иное.

Наконец, в общей связи целого рассказа можно более или менее ясно представить себе, каковы были тенденции самого Ибн-Фадлана в его сочинении, что он хотел рассказать, в чем оправдаться, чем занять своих читателей.

Весь мешхедский сборник в целом дает, кроме того, интересный материал для выяснения некоторых данных о судьбе занимающего нас сочинения.

Нет сомнения, что первоначально произведение Ибн-Фадлана было написано для багдадских читателей, а не для Бухары, так как иначе не было бы никакой надобности рассказывать в нем, например, о бухарской и хорезмской монетных системах и т. п.

С другой стороны, нельзя не отметить, что в данной редакции мы не находим никакого обращения к халифу или каких-либо признаков, указывающих на то, что перед нами, собственно, отчет. Оправдываясь в недоплате 40 000 динаров болгарскому царю, Ибн-Фадлан, однако, рассказывает всю эту историю довольно глухо, с явными пропусками. Причиной этого может быть то, что к тому времени, как он писал свое сочинение, Ибн-аль-Фурат опять вошел в милость к халифу. Так, известно, что благодаря влиянию его сына ему не только удалось реабилитироваться, но в августе 923 г. он уже снова был назначен везирем. Таким образом, к тому времени уже неудобно было вспоминать всю эту старую историю, связанную с конфискацией у него имущества.

Однако есть данные, указывающие на то, что данная известная нам редакция сочинения Ибн-Фадлана, сохраненная в мешхедской рукописи, связана скорее с Хорасаном и Бухарой, чем с Багдадом.

Уже было упомянуто, что мешхедский сборник, кроме Ибн-Фадлана и двух других авторов, содержит также два предисловия. В первом из них, в самом начале книги, неизвестный составитель данного сборника прежде всего сообщает, что перед нами вторая часть сочинения Ибн-аль-Факиха, именно окончание рассказа об Ираке, о Басре и т. д. Перечислив вкратце названия стран и городов, о которых идет речь у этого автора, составитель сборника продолжает: «Мы сообщаем: я присоединяю к тому, что сочинил Ахмед Ибн-Мухаммед аль-Хамадани (т. е. Ибн-аль-Факих), в конце его книги, два послания, которые оба написал к нам Абу-Дулаф Мис'ар Ибн-аль-Мухалхил. В одном из них он сообщил сведения о турках и о Китае, как очевидец. Другое (послание) содержит вещи, которые он видел и свидетелем которых был в целом ряде стран. И мы присоединили к нему книгу, которую составил Ахмед Ибн-Фадлан... содержащую сведения о турках, хазарах, русах, славянах и башкирах из того, при чем он сам присутствовал и что сам наблюдал, так как Аль-Муктадир-би-ллах отправил его в страну славян в 309 году по просьбе их царя об этом, и так как он (царь) имел стремление к исламу. И таким образом он (Ибн-Фадлан) рассказал все, свидетелем чего он сам был в этих странах и что ему было рассказано». Из этого предисловия можно видеть, что писал его не Ибн-аль-Факих аль-Хамадани, но тот, кто впервые соединил в одном томе данных трех авторов. Ясно также, что это не был простой переписчик или безвестный компилятор, а какой-то меценат, во всяком случае, возвращавшийся в литературном мире, так как, по его собственному утверждению, Абу-Дулаф обратил свое послание именно к нему. В другом предисловии того же автора, помещенном перед началом сочинения Абу-Дулафа, мы находим в значительной мере повторение приведенного выше текста первого предисловия: «до этого места (простирается) сочинение Ахмеда Ибн-Мухаммеда Ибн-Исхака аль-Хамадани, прозываемого Ибн-аль-Факих, из его книги «Сведения о странах»... Мы сообщаем в этом месте книги некоторые вещи, не сообщенные в «Сведениях о странах», среди них два послания, оба написанные к нам Абу-Дулафом» и т. д. После этого второго предисловия идет

сочинение самого Абу-Дулафа, начинающееся с заголовка, написанного все тем же автором предисловий: «Послание (рисале) первое, которое написал к нам Абу-Дулаф... сообщая о том, свидетелем чего он был и что видел в стране турок, в Индии и в Китае». Далее идет текст самого Абу-Дулафа. Второе послание Абу-Дулафа в той же мешхедской рукописи неизвестным составителем сборника озаглавлено так: «Второе послание, которое он прислал к нам после того, которое он написал нам (раньше)». В начале второго послания сам Абу-Дулаф опять упоминает тех же двух своих покровителей и корреспондентов. Можно думать, что один из них был эмир, а другой везирь. Подробное исследование Абу-Дулафа и его сочинения на основании новооткрытого текста данной рукописи, надо думать, разрешит, наконец, спорные вопросы, связанные с этим автором. Для нас сейчас важно лишь установить, что данный сборник был составлен еще в первой половине X века, вскоре после написания всех трех входящих в него сочинений и, возможно, еще при жизни и Абу-Дулафа и Ибн-Фадлана. Составитель его и автор предисловий—высокопоставленное лицо, лично связанное с Абу-Дулафом и вообще бывшее в курсе путешествий и географических исследований того времени. Это, между прочим, видно из того, что обзор содержания второй части Ибн-аль-Факиха, данный в первом предисловии, отнюдь не является механическим перечислением глав этого сочинения, а представляет собою результат чтения всего текста, причем в него вошло кое-что такое, что вовсе и не отмечено отдельными главами у Ибн-аль-Факиха. С другой стороны, различные соображения приводят к мысли, что сочинение Ибн-Фадлана было распространено и действительно имелось на руках у многих лиц, как об этом в одном месте говорит Якут, но только в Иране и в Средней Азии, между тем, как оно совершенно было неизвестно в Ираке, в Сирии и вообще на Западе. Бросается также в глаза то обстоятельство, что сочинения всех трех авторов, входящих в этот сборник, до сих пор считались утраченными и сохранились лишь в извлечениях и сокращениях. Отсюда само собою напрашивается предположение, что они вообще были известны только в редакции данного сборника и что, следовательно, скажем, Якут пользовался для своих выписок одним из списков того сборника, второй том которого найден теперь в Мешхеде.

Так как Абу-Дулаф начал свое путешествие из Бухары и туда, повидимому, адресовал свои послания, то и его покровитель, вероятно, жил в этом городе и там же, надо думать, составил данный сборник. Якут пользовался им, повидимому, в Мерве, когда он занимался в тамошней библиотеке. Другой автор, еще до Якута непосредственно пользовавшийся сочинениями Ибн-Фадлана, известный под названием Ахмед Туси, мог читать его в городе Тусе, т. е. в том же Мешхеде, или вообще где-то в Хорасане. Сохранение сочинения Ибн-Фадлана именно в этих странах тем более понятно, что содержание его представляло наибольший интерес именно для государства Саманидов, где его и постарались сохранить и свести в общий сборник с другими подобными сочинениями, в то время как Багдад все более терял самостоятельное значение как центр мусульманского мира и не мог иметь особого интереса к северным странам.

Мешхедская рукопись дает нам материал для непосредственного суждения об отношении Якута к Ибн-Фадлану. Уже В. Розен, выдвинувший этот вопрос, обратил внимание на критические замечания Якута по поводу некоторых сообщений Ибн-Фадлана о Хорезме. Так, Ибн-Фадлан писал: «Мы спустились из Хорезма в Джурджанию. Между ней и Хорезмом по

воде 50 фарсахов». Якут недоумевает, как это может быть: ведь «Хорезм — это имя страны без всякого сомнения», а Джурджания — город, находящийся в этой стране. Далее Ибн-Фадлан говорит: «И замерзла река Джейхун (Аму-Дарья) от начала до конца ее, и была толщина льда семнадцать четвертей». Якут же замечает: «Говорит презренный раб божий (т. е. сам Якут): а это ложь с его стороны, так как самое большое, насколько она (река) замерзает, — это пять четвертей, и это бывает редко, а обычно две четверти или три. Это я сам видел и спрашивал об этом жителей этой страны. Может быть, он думал, что река замерзла вся, но дело обстоит не так. В действительности замерзает только ее верхняя часть, а нижняя часть течет. Жители Хорезма роют ямы во льду и извлекают из него (льда) воду для питья. Он (лед) превышает три четверти (в толщину) только редко». Таким же образом Якут дальше делает свои возражения Ибн-Фадлану относительно дешевизны дров в Хорезме, относительно того, сколько могут свезти тамошние повозки, и о некоторых обычаях. Если относительно толщины льда можно еще допустить ошибку Ибн-Фадлана, то в остальных случаях расхождения обоих авторов зависят от тех изменений, которые протекли в Хорезме за те три столетия (X—XIII вв.), которые их разделяют. В частности, во времена Ибн-Фадлана город Джурджания на низовьях Аму-Дарьи действительно не входил в область Хорезма и только в конце X в. он к ней присоединился. Говоря же о городе по имени Хорезм, Ибн-Фадлан переносит название страны на ее столицу Кят, явление, довольно распространенное у арабов.

Это расхождение между обоими авторами мы видим и в дальнейшем тексте. Описывая прибытие посольства в Булгарию, Ибн-Фадлан замечает: «Расстояние от Джурджании до его (царя булгар) страны семьдесят дней». У Якута же после слов «от Джурджании» прибавлено: «а это город в Хорезме», — примечание, соответствующее его предствлению, но ни в коем случае не положению дел во времена Ибн-Фадлана.

Однако, вообще говоря, внесение такого рода исправлений в текст Ибн-Фадлана противоречило научной добросовестности Якута. Кроме указанного только что случая, он, кажется, нигде не вносит предвзятых мнений или своих фактических поправок в текст. Но в некоторых мелких отклонениях от текста Ибн-Фадлана у Якута сквозит другая тенденция. Он не только не доверял Ибн-Фадлану, но он был несколько раздражен на него за его, как ему казалось, самохвальство, за стремление придать себе слишком большое значение. И вот Якут старается несколько сгладить эту сторону произведения Ибн-Фадлана. Так, этот последний говорит: «До моего прибытия на его (царя) минбаре за него провозглашали хутбу...», причем далее говорится о том, как царь советовался с Ибн-Фадланом о форме этой хутбы. Якут внес маленькое, но характерное изменение: «до нашего прибытия...» Далее Ибн-Фадлан подчеркивает: «И сказал ему я». Якут в своей выписке это подчеркнутое «я» опускает. В дальнейшем, перед репликой царя, в мешхедской рукописи стоит: «он же (царь) сказал мне». У Якута же слово «мне» выпущено. Окончание всего этого разговора у Ибн-Фадлана передано так: царь говорит — «дай распоряжение об этом (т. е. о новой форме хутбы) хатибу». «Я сделал это, — продолжает Ибн-Фадлан, — и он (хатиб) стал провозглашать...» Вследствие изменений в тексте у Якута в этом месте выходит, что не Ибн-Фадлан дал распоряжение хатибу, а непосредственно сам царь. Во всех этих мелких изменениях сквозит определенная тенденция, которая отмечает весьма интересную черту в отношении Якута к своему предшественнику.

Помимо такого рода нарочитых отклонений, продиктованных определенной тенденцией, у Якута есть и другие. Некоторые специфические обороты Ибн-Фадлана оказываются у него измененными и упрощенными, что соответствует более ясному его стилю. Впрочем, тут, конечно, еще нужно всякий раз решить, не отнести ли эти изменения за счет не Якута, а позднейших переписчиков его словаря. В некоторых местах Якут пересказывает рассказ Ибн-Фадлана сокращенно, своими словами. Например, Ибн-Фадлан говорит: «Итак, мы оставались воскресенье, понедельник, вторник и среду в палатках». Якут же сокращает: «оставались до среды в палатках». Подробное описание чтения писем халифа, везира и Надира-аль-Харамии царю булгар сокращено у Якута: «И я прочитал его (письмо халифа) в то время, как он (царь) стоял на ногах. Потом я прочитал письмо везира Хамида Ибн-аль-Аббаса, и он (царь) также при этом стоял» и т. д. При этом у Якута упоминание о письме Надира-аль-Харамии пропущено совершенно. Убеждая царя булгар не называть себя царем при провозглашении хутбы, Ибн-Фадлан приводит, согласно хадису, слова Мухаммеда. У Якута это пропущено. Вообще, редакционных сокращений и выборок у Якута достаточно много. Конец его выписки в статье о булгарах в этом отношении особенно мозаичен, как это можно видеть по отметкам курсивом в нашем обзоре содержания сочинения Ибн-Фадлана. В данном случае это объясняется просто недостатком места и желанием не слишком увеличивать выписку.

Однако не подлежит никакому сомнению, что Якут пользовался именно той редакцией данного сочинения, которая теперь стала нам известна по мешхедскому сборнику и, как я предполагаю, даже прямо по одному из списков этого сборника.

При всем том, все же выписки Якута ни в коем случае не теряют научного значения в связи с находкой мешхедской рукописи. Не говоря уже о том, что Якут сохранил нам часть текста о хазарах, которого в этой рукописи нет, большое значение имеет то, что мешхедская рукопись во многих случаях не исправна, и сличение ее с выписками Якута дает весьма многое для критики текста. Вот почему в издании перевода Ибн-Фадлана по тексту этой рукописи, которое сейчас осуществляет Академия наук СССР под редакцией акад. И. Ю. Крачковского, в комментариях подобраны все разночтения Якута, какие только могли быть привлечены к работе в Ленинграде. Помимо использования печатных текстов Френа, Вюстенфельда, Зейппеля со всеми их многочисленными разночтениями по разным рукописям, привлечены полностью две рукописи Якута Института востоковедения Академии наук. Принята во внимание также и вся арабистическая литература, так или иначе касающаяся Ибн-Фадлана. Таким образом, надо надеяться, что это издание даст достаточно полный материал как для дальнейшего изучения Ибн-Фадлана с точки зрения арабистической, так и для широкого критического использования этого замечательного источника для истории народов СССР.

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

(Qa-γan||qoş-un √ tar-qan||tür-k)

С. П. Толстов

I

Работая над семантической палеонтологией древнетюркских этнических и социальных терминов, мы не могли не обратить внимания на крайне интересный, хотя и отрывочный, материал, опубликованный в журнале «Советская этнография» и касающийся истории социальных отношений маленькой тюркоязычной народности Крайнего Севера Азии—долган¹.

Согласно долганской легенде, приводимой А. А. Поповым², «в старину, очень давно» долгане делились на две социальные группы—«косуунов» (←→ kokuun) и «baaj ketebilçittere»—«стражей имущества».

Стражи имущества ходили за оленями, охотились, ловили рыбу. Кочуны «жили отдельно, каждый кочуя своим чумом недалеко от стойбища стражей имущества»³. Они «ходили на войну, в случае нападения врага защищали стражей имущества и богатства, находившиеся в их руках». Они, «кочуя вокруг места расположения хранителей имущества, карауля по очереди, узнавали приближение врага». В мирное время они охотились, отдавая всю добычу хранителям имущества. «Хранители» «никогда на войну не ходили, считались слабыми, из их среды выходили косууны», говорит легенда.

Следовательно, в лице кочунов мы имеем не особый наследственный, резко отгороженный от «хранителей» общественный слой, а тесно связанную с последними группу людей, постоянно пополняемую выходцами из стойбищ «хранителей». Возможно, что на том этапе развития, к которому восходит легенда, это были просто наиболее физически сильные, смелые и предприимчивые люди, независимо от возраста несшие функции защитников племени и составлявшие, так сказать, племенную или родовую дружину. Однако ряд близких аналогий среди многих варварских племен позволяет предполагать первоначальную *возрастную* базу этого деления.

Так, у кочевников-масаев в Восточной Африке⁴ мы имеем деление на два возрастных слоя—el-moran и el-moquo. El-moquo—женатые отцы се-

¹ А. А. Попов, Материалы по родовому строю долган. «С. Э.», 1934, № 6, стр. 116 сл.

² Цит. соч., стр. 118—120.

³ Цит. соч., стр. 120.

⁴ A. de Préville, Les sociétés africaines. Paris, 1894, p. 65.

мейства, кочующие со своими стадами, ведя мирный, скотоводческий образ жизни,—полная аналогия *baaj ketebilçittere* долган. Напротив, *el-mogan*—холостая молодежь, живущая в военных лагерях, в отношениях промискуитета с молодыми девушками (*ndito*⁵), несущими необходимые в лагере хозяйственные функции.

El-mogan охраняют границы племени и ведут оборонительные и наступательные войны, захватывая скот и имущество соседей. «Война,—говорит де-Превилль,—не является для них политическим вопросом. Это вопрос повседневного питания, это разновидность труда»⁶.

Оружие для *el-mogan*—знаменитый масайский щит, широкое двуметровое ударное копье, меч (*el-moguo*, кстати сказать, имеют совершенно иной тип вооружения—небольшой лук и стрелы)—приготавливается особой кастой рабов—*el-gopo*, обслуживающих воинов.

Важно отметить, что сыновья богачей редко идут в ряды *el-mogan*; основная их масса складывается из менее обеспеченной молодежи, которая войной должна создать себе хозяйственную базу, в первую очередь—необходимое количество скота. Достигнув этого, юноша возвращается в становище, женится и вступает в ряды мирных *el-moguo*.

Непосредственным развитием этого типа военной организации племени является заслужившая себе громкую славу военная организация племен-завоевателей Восточной и Южной Африки, в частности—знаменитая военная организация зулу времен Чаки и Дингана⁷, типичным для которой является наличие слоя воинов, разбитого на военные единицы, не сопадающие с родовыми и племенными делениями, во главе с военными начальниками—*induna*, причем брак воинам категорически воспрещен до 40 лет, как и у масаев; в лагерях живут девушки—сожительницы воинов, выполняющие также и хозяйственные работы по обслуживанию лагеря. Только заслуженные ветераны получают право обзавестись семьей и перейти в разряд «мирных граждан».

Перед нами—развернутые в широкие масштабы, приспособленные к большему военным предприятиям отношения, данные в основных чертах в организации масаев⁸.

Однако не только Африка дает нам аналогии института, отмеченного выше для долган. Несомненные его живые пережитки налицо в недавнем прошлом военной организации туркменского народа. Мы находим эти пережитки в институте *aq-öyü*.

Работая над хивинскими хрониками Муниса и Агахи⁹, мы обратили внимание на термин *aq-öyü* (*aq-öyüük*) с буквальным значением—«белодомовый». Контексты, в которых встречается этот термин, довольно однообразны.

Речь идет, как правило, о выдаче туркменскими племен-

⁵ При этом дети, рожденные от *ndito* в лагерях, входят в состав семьи деда по матери.

⁶ A. de Prévillle, цит. соч., стр. 73, 75.

⁷ A. de Prévillle, цит. соч., стр. 112 сл. См. также: A. Bruyant, The Zulu family and state-organization. Bantu Studies 1924—1925, vol. II, p. 47 ff.

⁸ Характерно, что, как уже отмечали Schurtz (Altersklassen und Männerbünde. Berl., 1902) и тот же de Prévillle (цит. соч., стр. 80) и др., мы видим здесь прототип одной из форм античного государства, военно-рабовладельческой демократии, достигшей расцвета в Спарте.

⁹ «Фирдаус ал-Икбаль» рукопись Ин-та востоковедения Академии наук СССР, 5900а (С 571). «Ряз ад-Дауле» рукопись Ин-та востоковедения Академии наук СССР, 5900с (D 123).

нами заложников хивинскому хану, как заключительном акте военных действий между ханом и восставшими туркменами (а иногда и другими племенами), о переселении определенной части того или иного племени в Хиву в определенных политических целях и т. п.

Так, при попытке восстания Абдуллы Инака в Хазараспе хан отдает приказ выселить 200 ақ-öүлік из Хазараспа¹⁰: Алла Кули хан переселяет во время своего первого похода в Хорасан ақ-öүлік непокорных сарыков в Хиву¹¹. Население крепости Байверд выдает хану 20 ақ-öүлік с семьями¹². Дальше мы встречаем упоминание о переселении этим же ханом салорских ақ-öүлік, ввиду подозрения в неверности салоров хану¹³, и т. п.

Иногда контекст дает и дополнительные детали. Ақ-öүлік выступают не только как заложники, но и как послы. Так, в «Фирдаус ал-Икбаль» мы встречаем упоминание о прибытии к Мухаммед Рахим хану ақ-öүлік текинцев, во главе с Ходжа Назар-беком¹⁴. Через некоторое время эти ақ-öүлік отправляются обратно¹⁵. То же мы отчасти видим и в отношении упомянутых сарыкских ақ-öүлік¹⁶, двое из которых посылаются вместе с другими послами для переговоров с восставшими сарыками.

Во всяком случае, все это вполне, как будто, подтверждает тот вывод, который мы находим в одном из примечаний к «Печатным и рукописным историческим известиям о каракалпаках»¹⁷, где говорится, что «у хивинских и бухарских авторов заложники обозначались термином «ак-уйлю».

Однако нас не могли не привлечь два момента, затрудняющих столь простое решение вопроса. Во-первых, своеобразная семантика термина, неизбежно требующая особого разъяснения; во-вторых, то, что, как правило, речь в текстах идет о крупных группах людей (200, 20 с семьями и т. п.), причем, как правило, среди них не упоминаются имена родственников крупных местных феодалов, родовых вождей и т. п., что напрашивалось бы, если исходить из обычной, хорошо известной политики аманатства.

Все это заставило нас предположить, сперва в виде гипотезы, что речь идет не о заложниках вообще, а о какой-то определенной прослойке внутри племен, в изоляции которой в период народных движений хивинское правительство было заинтересовано, и попытаться на месте, в Туркмении, выяснить это более точно¹⁸.

¹⁰ «Фирдаус ал-Икбаль», стр. 463 б.

¹¹ «Рияз ад-Дауле», стр. 68 б.

¹² Там же, стр. 141 б.

¹³ Там же, стр. 242 б.

¹⁴ «Фирдаус ал-Икбаль», стр. 491 б.

¹⁵ Там же, стр. 504 б.

¹⁶ «Рияз ад-Дауле», стр. 105 а.

¹⁷ Собрали проф. Н. Н. Пальмов и А. И. Пономарев, Материалы по истории каракалпаков. Труды ИВАН, т. VII, стр. 219.

¹⁸ Даваемая ниже характеристика термина ақ-öүліі основана на материале, собранном во время нашей работы в Туркмении в 1934 г. путем расспроса среди туркмен как в Ашхабаде, так и во время выездов на места (районы Красноводска, Эрбента и серных бугров в Центральных Кара-Кумах, Мерв, Байрам-Алийский район).

Термином *aq-öylü* у туркмен в эпоху, предшествовавшую русскому завоеванию, а у прикаспийских йомудов, особенно на иранской территории, и значительно позднее, обозначалась выделявшаяся из молодых людей данного племени группа, игравшая особую роль в межплеменных войнах. *Aq-öylü* поселялись на значительном расстоянии от аулов своего племени, вдоль полосы, отделявшей территорию данного племени от территории его соседей, и несли функции пограничной заставы, в обязанность которой входило наблюдение за соседями и извещение племени о приближающейся военной опасности. В случае нападения *aq-öylü* являлись передовым заслоном, принимавшим на себя первые удары неприятеля, пока все племя не приводилось в боевую готовность.

Aq-öylü не имели при себе жен и не вели хозяйства, содержась за счет всего рода или племени. С этим связано и самое название. Туркменская юрта называется *qara-öy* — «черный дом», так как от копоти костра, на котором готовится пища, кошмы покрывки юрты, светлобурые или серые по выходе из рук кошмовалайяльщиц, быстро приобретают густой грязно-черный цвет. Характерно, что название *aq-öy* прилагается также к юртам молодых, женатых, но не отделившихся еще от семьи и не имеющих своего хозяйства туркмен, причем у йомудов *aq-öy* снабжается особыми украшениями из нашитых на войлок покрывки широких белых полос¹⁹. Этот момент является лишним доказательством исходной связи института *aq-öylü* с возрастными классами и с теми отношениями, которые мы находим в военной организации масаев и юго-восточных банту.

Наличие у долган, т. е. на крайнем северо-востоке области расселения тюркских народов, и у туркмен — на ее юго-западе — пережитков данной организации позволяет предполагать ее значительно более широкое распространение среди центрально- и среднеазиатских племен в прошлом.

Нельзя не упомянуть, что С. В. Киселев²⁰ отмечает на основании материала погребений и типов поселений на Енисее в бронзовую эпоху, в период так называемой карасукской и, особенно, тагарской культур, наличие «родовых дружин», в тагарскую эпоху занимающих территориально-обособленные поселения, защищающие верховья оросительных систем. Вряд ли здесь не та же система военной организации племени, которую мы прослеживаем у туркмен и долган в Азии и у восточноафриканских народов.

Позднейшие военно-племенные союзы Центральной Азии эпох хунну, сяньби, жуань-жуаней, тюрков-тугю и, наконец, монголов подлежат особому анализу под этим углом зрения. Наличие в военной организации хунну и тугю черт, роднящих их с восточноафриканскими военными организациями, нами уже отмечалось²¹. Такой чертой, в частности, является включение воинов покоряемых племен в состав военных единиц хуннуской и тугюэской военных организаций²². Во всяком случае, замена родовых

¹⁹ С р. А. П. Поцелуевский, Руководство для изучения туркменского языка. Ашхабад, 1929, стр. 202.

²⁰ С. В. Киселев, Разложение рода и феодализм на Енисее. ИГАИМК, № 65, стр. 16, 17, 25.

²¹ С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. ИГАИМК, № 103, стр. 198—199.

²² И а к и н ф, Собрание сведений, ч. 1; ср. A. de Prévigne, цит. соч., стр. 124 сл.

делений военно-территориальными (деление на туманы, десятки, сотни, десятки с военными магистратами во главе)—отнюдь не феодальная и отнюдь не свойственная только монголам черта. Помимо монголов²³, мы видим ее у киданей и чжурчженей²⁴, и древнее деление тюркских народов на «оки» (оq)—«стрелы», возводимое легендой ко времени Огуз-Кагана²⁵, впоследствии вновь получившее значение родов,—след военно-территориальной организации племени, которая впоследствии вновь ассимилируется сохраняющейся параллельно ей родовой организацией. (Ср. ассимиляцию древнего, восходящего еще к эпохе хунну военно-территориального деления на «крылья»—«левое» и «правое», или «восточное» и «западное», с архаической дуальной организацией, делением на две фратрии²⁶.)

В частности, интересно отметить, что в родо-племенной номенклатуре огузов, сохраненной нам Махмудом Кашгарским²⁷, Рашид-ад-Дином²⁸ и Абульгази²⁹ и, наряду с древними этническими именами, содержащей и ряд новообразований, отражающих процесс перерождения родо-племенной организации в территориально-кастовую³⁰, мы встречаем и название alqyr-ävli (Рашид-ад-Дин) и alqa-bülük (М. Кашг.), alqa üyli (Абульгази), везде противопоставляемое qara-ävli, qara-bülük, qara-üyli, т. е. «черно-домовъм», «черному делению»³¹, «черно-домовым».

Есть все основания предположить, что наличие этой группы позволяет отодвинуть эпоху возникновения интересующего нас термина, в архаической форме alqa üylük (или alqa-ävli), к эпохе возникновения генеалогических легенд огузова цикла, а возможно, и к еще более древней эпохе.

II

Но интерес долганской военной организации не исчерпывается описанным. Весьма любопытна организация управления племени, характер высших племенных магистратов.

Во главе племени стоят три лица, из которых главным является « т а р ш и й к о һ и у п (—kosuup)», военный вождь племени, выделяющийся из «младших коһиуп'ов», но живущий «вместе с обществом стражей имущества». Характерно, что должность «старшего коһиуп'а» замещалась не выборами, а ежегодным военным состязанием-поединком, выявлявшим наиболее искусного воина. Прежний вождь становился обыкновенным коһиуп'ом³².

Рядом со старшим коһиуп'ом стояли: 1) baaj berijeeci—«распоряжающийся богатством», ведавший всеми хозяйственными делами и деливший военную добычу (он ыбирался «стражами имущества»), и 2) kitebilçit

²³ В л а д и м и р ц е в, Общественный строй монголов., Л. 1934.

²⁴ В а с и л ь е в, История и древности Ср. Азии, ЗАО, т. XII.

²⁵ B a n g u n d R a c h m a t i, Die Legende von Oğuz Kağan. Sitz. d. Preuss. Ak. d. Wiss. XXXV, 1932, S. 690 ff.

²⁶ Ср. нашу работу «Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен». Пробл. ИДО, 1935, № 9—10.

²⁷ Mahmud al-Kaşğari, I, стр. 56.

²⁸ Рашид-ад-Дин. Изд. Березина. ТВО, VII (текст), стр. 33.

²⁹ Aboul-Ghazi, ed. Desmaisons, I (texte), p. 28.

³⁰ См. нашу работу «К истории родо-племенной организации у туркмен». Л., 1938 г. (печатается).

³¹ Не исключено, что alqa-bülük Махмуда Кашгарского—искажение первоначального alqa (соотв. qara) üylük; ср. транскрипцию Абульгази.

³² П о п о в, Цит. соч., стр. 119.

ojuu—«шаман-охранитель», главные функции которого заключались, по видимому, в военной магии³³.

Это наличие двух высших племенных магистратов рядом со старшим koiuu'ом нужно особо отметить, так как оно проливает свет на вопрос о генезисе некоторых характерных черт организации военно-племенных союзов кочевников Центральной Азии и Восточной Европы.

Так, общеизвестно наличие во главе государства тюрков-тугу VI—VIII вв. аналогичной тройки—в лице qaγan'a, uabγu и šad'a.

Во главе военно-племенного союза «тюрков»-мадьяр IX—X вв. также стоят три высших магистрата—верховный вождь—по Ибн-Русте—kenderh³⁴ и два его помощника, облеченные, в первую очередь, судебной властью—гилас и кархан³⁵.

Общеизвестное «двоевластие» у хазар с их ханом и беком, несомненно, может рассматриваться, как пережиток этой же формы организации, причем роль верховного жреца племени сливается в лице хакана с военным предводительством, постепенно оттесняя последнее и переводя его в руки б е к а—магистрат, вероятнее всего, восходящий к архетипу долганского baaj berijeeci³⁶.

Эта связь прослеживается по параллели институтов—избирательного ежегодного поединка у долган и ритуального убийства хакана у хазар и тюрков-тугу—явления, как известно, исторически тесно связанные и переходящие друг в друга, причем ритуальный поединок, безусловно, является исходной формой³⁷.

Для нас в данном случае особенно интересно название высшего племенного магистрата долган, как мы видели, совпадающее с названием членов военного общественного слоя—именно kosiuu ←→ koiuuu, чередование, типичное для якутского консонантизма, вероятно* ← koshūn.

Это—двухэлементное имя (АС), со спирантизацией обоих элементов и типичным перебоем исходного плавного последнего элемента gʷs ← африкат gʷ. Для нас особенно важно в данном случае, что долганская форма с ее семантикой оказывается увязанной с двумя широкоизвестными и не ставившимися до сих пор в связь между собой тюрко-монгольскими социальными терминами. Это, с одной стороны, общеизвестные qa-γan ←→ ха-γan—со значением «верховный вождь», позднее—«сюзерен», и тюрк. qoš-ıu (в анатолийском, чагатайском и др.³⁸) с монгольской параллелью хоš-ıu ←→ х š-(i)³⁹-gıu ←— полная форма хоš-gıu (← *хог-gıu)—и то, и другое со значением «войско», «армия».

Долганский термин, связываясь с обоими этими именами и по значе-

³³ Там же, стр. 119—120.

³⁴ Х в о л ь с о н, Известия Ибн-Даста, стр. 25—26. Ср. у Аль-Бекри, Куник-Розен, стр. 45 (текст), тот же титул.

³⁵ Konst. Porph. De Adm. Imp., 40.

³⁶ Интересно также, что у мадьяр qaγ-хап титул, соответствующий тюркскому и хазарскому qa-γan, ха-γan, да, как увидим ниже, и долганскому koiuuu, сохранен не за высшим магистратом, а за одним из второстепенных, что позволяет также предполагать известную трансформацию в системе управления (может быть, переход верховной власти в руки верховного жреца племени). Интересно отметить, что у народов Восточной Африки мы также видим двоякую форму верховного управления племенным союзом—верховный шаман всех масаев—oibopi—с одной стороны, и военные вожди—inkosi юго-восточных банту—с другой.

³⁷ Ср. J. F r a z e r, The golden bough. Русск. пер., изд. 1928. Passim.

³⁸ Р а д л о в, Словарь. 641. Вариант (с сохранением исходного плавного первого элемента) этого имени мы видим в упоминавшемся мадьярском qaγ-хап.

³⁹ В л а д и м и р ц е в, Цит. соч. туп. 133, 179.

нию («вождь», «воины») и по лингвистическому составу, несет полностью семантическую нагрузку обоих, фонетически дифференцировавшихся на базе смыслового расхождения, тюрко-монгольских имен. Он позволяет нам установить первоначальное единство этого термина и, соответственно, предположить в эпоху этого единства аналогичную долганской военно-племенную организацию у народов широких территорий Центральной, а частью и Передней Азии.

Равным образом, нам важно отметить установленное еще Н. Я. Марром закономерное соответствие двух форм первого из приводимых тюрко-монгольских терминов—указанной спирантной в обоих элементах и другой, с сибилантизацией первого элемента.

Важно отметить, что последняя форма, в своих фонетических вариантах, несет двойственную семантическую функцию. С одной стороны, *tar-xan* (орх. *tarqan*⁴⁰) выступает, как коллективное имя племенной аристократии, свободных воинов-патрициев, в противоположность клиентам, плебейам и данникам (*tat*, *γuʃ*), позднее получая значение—«освобожденный от налогов». Сюда же относится уйг. *törü*—«принц», *tür-ä* (в ряде языков)—«член правящей династии», «господин», «судья», «чиновник»⁴¹, и, наконец, с огласовкой *ä/i* и усечением исходного плавного первого элемента—*tä-gin*—«князь»⁴².

С другой стороны, это же имя, иногда в смягченной форме—*tärkän* (у Махмуда Кашгарского)—обозначает «верховный правитель», «сюзерен», «каган»⁴³.

Характерно, что тот семантический комплекс, который группируется вокруг имени *tar-xan*, прослеживается и в отношении его спирантированного варианта. С другой огласовкой этот термин несет значение «племени», «собрании родственников», уже и более специально—«свойственники»; так, *tür-kün*, по Махмуду Кашгарскому, «собрание родственников» (род, колено, племя) и «дом отца и матери»; у казахов *tör-kün*—совокупность родственников жены, дом отца жены⁴⁴, ср. монг. *tor-gün(d)*⁴⁵ с тем же значением. У алтайцев *tör-ö* «народ», у телеутов *tör-ö* «род, родство, родня, происхождение»⁴⁶.

Мы уже отмечали лингвистически устанавливаемую связь между *tar-xan* (*tar-qan*)←→*tär-kän* и семантическим рядом, группирующимся вокруг значения «собираться», «соединяться». Сюда относятся отмечавшиеся уже нами (по Махмуду Кашгарскому) *tur-jun*, «место сбора вод», телеутское, алтайское *tur-qun*—«стоянка»⁴⁷, *tur-γun*—с тем же значением у казахов⁴⁸, чагатайское *tur-* ип «стоячий», «стоящий»⁴⁹, телеутское *tur-ü*—«стояние», «стоянка», «пастбище, стадо зверей»⁵⁰, анатолийское, крымское *tur-a*—«пучок», «связка». С иной огласовкой—*tir-kä* (казахское) «привязывать

⁴⁰ Радлов, 851.

⁴¹ Радлов, 1256, 1556.

⁴² Радлов, 1034.

⁴³ Ср., например, титул хазарского владетеля в «Hudud-al-alem» «тархан-хакан»—текст, стр. 38b, где обе указанные формы стоят рядом, блестяще подтверждая анализ Н. Я. Марра.

⁴⁴ Радлов, 1256.

⁴⁵ Владимирцев, цит. соч., стр. 48, 59.

⁴⁶ Радлов, 1253.

⁴⁷ Радлов, 1456.

⁴⁸ Радлов, 1458.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Радлов, 1452.

друг к другу»⁵¹, *tir-gä*—(чаг.)—«привязать», «сшить», «подпереть»⁵², *tär-kin*—«расширяться», «изобиловать», *tär-gä* (телеутское) «собирать», «отрядить», «приготовить», *tär-gän*—«собираться»⁵³.

По закону диалектической противоположности эта же основа с иной, а иногда и той же огласовкой дает прямо противоположное значение—«разделить», «разрубить», «разбросать»—ср. казахское, киргизск., тел. *tür-a*—«разрубить», «крошить»⁵⁴, *tör-y* (алт.)—«разрушать», «ломать»⁵⁵, анатолийское *tor-ya*—«разрезать на мелкие куски», «крошить», *töl-a* (алт.)—«разбить», «раскрошить»⁵⁶, *tar-qa* (чаг., казахск.)—«расходиться, рассеяться», орхонское *tar-qan-č*—«рассеянный» (ср. «*Oyuz uymä tarqanč*» «огузы все рассеяны»⁵⁷)—с сохранением исходного консонанта первого элемента и перебоем *r*∕*s*—алт. *tos-qun*—«разбросанный»⁵⁸.

Путем усечения второго элемента образуется одноэлементная глагольная основа *tur* (орх., уйг., др. тюркск. языки⁵⁹), со значением «стоять», «остановиться», «находиться», «жить».

Со спондизацией первого элемента и перебоем его исходного плавного *r* (← *r^s* ∥ *r^s*)∕*s* ∥ *š*, мы видим *qoš-un* в чагатайском и анатолийском со значением—«придаваться», «примешиваться», отсюда—*qoš-un + du*—«примесь», «подмесь», «лицо, присоединившееся к другому»⁶⁰, *kos-kün* (алт., телеутское, лебединское)—«кочевка», «передвижение»⁶¹, барабинское *kös-kün*—«кочевник»⁶²; в усечении, как в первом случае, со значением: 1) ряд, пара, ставка, лагерь, войско, общество, юрта, семья—уйг., чаг. *qoš*, уйг., чаг. *köš*⁶³, 2) «прибавить», «присоединить», «примешать»—уйг., чаг., анат.—*qoš*⁶⁴.

Однако наряду с этим семантическим рядом устанавливается и другой, особенно интересный для нас, в связи с устанавливаемым источником древнетюркских форм военной организации в системе возрастных классов.

Это, с сибилантной формой первого элемента (*tur-un*)—анатол., чагат.—«внук»⁶⁵ и одновременно—«молодой верблюженок» с закономерным вариантом *tos-un* (анат., крым., казахск.)—«молодой»⁶⁶, «молодец», «сильный и способный парень»—одновременно—«дикий», «недрессированный», «молодой трехлетний бык». Это нельзя не сопоставить с приводимым Махмудом Кашгарским значением слова *türk*—со значением «находящийся в расцвете сил»⁶⁷.

⁵¹ Радлов, 1372.

⁵² Радлов, 1373.

⁵³ Радлов, 1071.

⁵⁴ Радлов, 1446.

⁵⁵ Радлов, 1182.

⁵⁶ Радлов, 1194.

⁵⁷ Радлов, 852.

⁵⁸ Радлов, 1204.

⁵⁹ Радлов, 1442—1445. Что здесь именно усечение первоначально двухэлементного имени, а не обратное явление, говорит закономерное наличие элемента *S* в многочисленных и разнообразных примерах, приводимых выше и ниже.

⁶⁰ Радлов, 641.

⁶¹ Радлов, 1290.

⁶² Радлов, 1291.

⁶³ Радлов, 635, 1286.

⁶⁴ Радлов, 637.

⁶⁵ Радлов, 1453—1183.

⁶⁶ Радлов, 1204.

⁶⁷ Mahmud al-Kašğari, 1, 294.

В спирантизованном ряде мы находим *kös-ä* (крым., анат.), *kös-ö* (каз.)—со значением «безбородый»⁶⁸.

Наиболее развернутую форму со спирантизацией обоих элементов мы находим в другой лингвистической системе (однако в связи с долганами, прямо относящейся к вопросу)—именно у тунгусов—сравни эвенское *hur-kəp*—«молодой», «юный», эвенкийское «мальчик», «парень»⁶⁹.

Отсюда непосредственный переход к известному уйгурскому *türk*—«могущество», «сила», соотв. чагатайскому, анатолийскому *türk*—«храбрый», «суровый»⁷⁰.

В спирантизованном ряде—с утратой второго элемента—общеизвестное *küç*—«сила»⁷¹. Наконец, любопытно наличие двух параллельных форм,—того же лингвистического состава со значением «народная песня», «историческая песня», в архетипе—«военная песня»⁷² (чагатайское, анатол.—*tür-kü*⁷³ и *qoş-aq* ←→ *qoş-q* ← *qoş-qun «историческая песня»⁷⁴).

III

Предыдущий анализ будет неполным, если мы не введем в него этническое имя *türk*. Материал, приводимый выше, позволяет углубить результаты этого анализа, глубже вскрыв семантическую эволюцию термина.

Имя *türk* встает прочно в раскрытый семантический комплекс, тесно связываясь с его компонентами (так же, как и имя *dol-gan*—перебойная разновидность того же долганского *kos-un* ←→ *ko-hun* ← *kos-hun).

Вышеизложенное позволяет наметить следующие ступени его семантической эволюции: исходную (мы оставляем в стороне более древние связи, вводящие нас в круг первобытных тотемических представлений), в форме *tür-kün (*tar-qan*), со значением—«возрастных классов молодых неженатых воинов», с параллельной спирантизованной формой *qoş-un (*qar-γan*), в дальнейшем целиком принимающей на себя семантическую нагрузку значения «войско». Этот же комплекс несет значение имени—«военного вождя», «предводителя вооруженной молодежи», соответствующего «старшему *koñun'u*» долган; впоследствии в процессе семантической дифференциации термин дифференцируется и фонетически, сохраняя огласовку *и, ü, о* для термина в его общем значении, а огласовку *а* и некоторые дополнительные фонетические изменения (утрата в спиритном варианте исходного плавного первого элемента)—во втором значении, образуя параллельные формы *tar-qan* и *qa-γan* (*xa-qan*) со значением «верховный вождь», хотя и сохраняя форму *tar-xan* со значением коллективного имени военной аристократии, сменяющей на данном этапе архаическую, основанную на возрастном делении, военную организацию племени.

⁶⁸ Радлов, 1293—1294.

⁶⁹ Василевич, Эвенкийско-русский словарь, стр. 91.

⁷⁰ Радлов, 1556.

⁷¹ Радлов, 1489.

⁷² Радлов, 1556.

⁷³ Радлов, 638.

⁷⁴ Мы оставляем пока в стороне, лишь отметив, весьма интересную параллель спиритного и сибилантного (в отношении первого элемента) ряда этой двухэлементной основы—именно *tur-an* (кум.) «железный плуг» (Радлов, 1448) и чувашск. *tёрен*—«лемех плуга» *qos* (чаг.)—«плуг» (Радлов, 638), вводящую нас в комплекс скифской терминологии через *eg-kip*, «железо», к преданию об *erkepe-qon'e*—«железных воротах», в сферу тюрко-монгольских этногонических мифов, перебрасывая мост в Восточную Европу и Закавказье и расширяя наш вопрос до огромной проблемы скифо-тюркских исторических связей.

В орхонскую эпоху, во всяком случае, мы видим оба варианта сибилантной разновидности несущими значение имени военной аристократии племенного союза—*taγ-xaη* и с усечением второго элемента—*tür-k*.

Уже В. В. Бартольд выяснил, что термин *tür-k* в орхонских надписях и позднее выступает не как этнический, а как политический термин⁷⁵, как общее имя политического объединения, в состав которого входили различные племена (в частности, огузы).

Сейчас мы можем уточнить эту формулировку. Контекст орхонских надписей не оставляет сомнений, что этот термин выступает в них именно как собирательное имя военного союза племен. В этом же плане может быть понято и употребление этого термина у мадьяр IX—X вв., сохраненное нам византийскими источниками. Этот термин долго не получает конкретного этнического содержания. В качестве этнического имени он выступает лишь в позднее средневековье, или даже, вернее, в эпоху внедрения капитализма и национальной консолидации у крайних западных представителей тюркской системы речи—анатолийских турок. В средние века он все время фигурирует, как собирательное имя, нередко покрывающее отнюдь не тюркоязычные народности—в частности, мадьяр и монголов, и сохраняя, особенно у Махмуда Кашгарского специфический классовый оттенок⁷⁶.

Такова исторически устанавливаемая семантическая эволюция этого имени. От значения «возрастной класс молодежи» к значению «войско», «военный вождь», дальше — «племенная аристократия», «патрициат», «сюзерен», «верховный правитель», дальше—собирательное имя тех народов, у которых в эпоху раннего средневековья господствующая аристократия несла традиции этой общественной организации, вне зависимости от их этнической и языковой принадлежности, хотя и с отнесением преимущественно к народам с определенной системой речи, исторически сложившейся в рамках этих военно-политических организаций, и, наконец, на рубеже эпохи капитализма—национальное имя с сохранением и прежнего собирательного значения, но с точной лингвистической атрибуцией⁷⁷.

⁷⁵ В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа. «Туркмения», 1, стр. 9—10.

⁷⁶ Mahmud al-Kašgarī, I, стр. 2—3, 30, 31. Характерно, что в другом месте Махмуд Кашгарский подчеркивает интересующую нас сторону семантической нагрузки слова *türk*, именно—*türk* в значении войска, ср. 1, 294, «Говорит бог великий и могущий: есть у меня войско, я назвал его *türk* и поселил его на востоке».

⁷⁷ Отметим, что Н. W a m b e r y (Die Primitive Cultur des türko-tatarischen Volkes, S. 51) и В. M u n k a c s i (Die Bedeutung des Namens der Türken, Cör. Cs. Arch. I, S. 62) связывают имя «*türk*» с «*töra*»—«быть рожденным», «существовать»; отсюда через закономерные вариации *törö* (анат., Падлов, 1556)—*törö* (алт., телеутск.) и *törü* (уйг., Падлов, 1253) образование *törük* ←→ *türük* → *türk* в значении «создание», «человек». J. N e m e t h (Zur Kenntnis der Petschenegen. Cör. Cs. Arch. 1, 3, стр. 220), категорически возражая против этой этимологии, связывает это имя с уйгурским (M ü l l e r, Uigurica, II) *türk*—«*Stärke*» и выдвигает гипотезу, согласно которой это имя было присвоено первоначально тому из тюркских племен, которому турки обязаны своим распространением, и является отражением «политической мощи» этого племени.

Как мы показали выше, семантика имени *türk* и, в частности, связь этого имени с уйг. *türk*—«могущество», «сила», «власть», имеет совсем иные исторические корни, восходя к эпохе, когда ни о какой «политической мощи» не может быть и речи. Németh, отдавая дань традициям шовинистической сравнительной лингвистики, встал на ошибочный путь, пытаясь связать с определенным племенем имя, которое, как мы видим, лишь на самых поздних этапах своей семантической эволюции получило конкретное этнографическое содержание.

АГОНИСТИКИ, ИЛИ ЦИРКУМЦЕЛЛИОНЫ, В КОДЕКСЕ ФЕОДОСИЯ

Н. А. Машкин

I

История социальных движений конца Римской империи относится к числу малоисследованных вопросов древней истории. Такова судьба, в частности, того движения, носители которого называли себя агонистиками, противники же прозвали их циркумцеллионами¹.

Данные об этом движении мы находим, главным образом, у церковных писателей. Мы не встретим упоминаний о нем ни в «Истории» Аммиана Марцеллина, ни в хрониках, излагающих события IV—V вв. Очень мало дают нам и эпиграфические материалы². В юридических же памятниках название «циркумцеллионы» промелькнуло один раз, причем в таком контексте, который находится в противоречии с теми данными, какие содержатся у церковных писателей.

В литературе мы найдем различные объяснения этого противоречия³. Последнюю попытку установить значение термина *circumcelliones* в кодексе Феодосия дал Сомань в статье, опубликованной в журнале «Annales d'histoire économique et sociale» за 1934 г.⁴

Автор не ограничивается лишь терминологическими изысканиями. Объяснение соответствующего места из Кодекса Феодосия приводит его к выводам, отрицающим революционную борьбу в Римской Африке и то своеобразие аграрных отношений, какие характерны для конца Римской империи. Устанавливая действительный смысл термина *circumcelliones* в Кодексе Феодосия, мы не можем обойти взглядов Соманя.

Движение агонистиков, или циркумцеллионов, тесно связано с тем религиозным течением, которое по имени первого его руководителя называется донатизмом. Донатизм возник в начале IV в. в связи с диоклетиановским гонением. Группа африканских епископов, во главе с Донатом, обвиняла карфагенского епископа Мензурия в том, что он выдал римским властям церковные книги. Когда после смерти Мензурия епископом был

¹ Попытка изложения хода этого движения и его общей характеристики дана нами в статье «Движение агонистиков (из истории Римской Африки IV в.)», «Историк-марксист», 1935, № 1 (41), стр. 28—52; там же библиография, стр. 28—29.

² Они собраны в работе М о н с е а у х, Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne. Paris, 1910, t. IV.

³ T h ü m m e l, Zur Beurtheilung des Donatismus. Halle, 1893, S. 93; O. S e e c k, Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Stuttgart, III, Anhang, S. 507.

⁴ S a u m a g n e, Ouvriers agricoles ou rdeurs de cellier? Des circoncellions d'Afrique. «Annales d'histoire économique et sociale», 1934, № 27.

избран диакон Цецилиан, он не был признан группой Доната, и после эдикта о веротерпимости (313) враждующие стороны обратились к императору Константину, по предложению которого этот вопрос разбирали сначала Римский, а затем Арлеатский церковные соборы. Эти соборы стали на сторону Цецилиана, и решение их было принято правительством. Непризнанная правительством церковь Доната пользовалась большой популярностью среди различных кругов населения африканских провинций. Донатисты отстаивали те церковные правила, какие давно уже установились в Африке и которые не были приняты в других церквях. Донатисты считали Мензурия и Цецилиана предателями, по примеру Иуды предавшими Христа. Так как Мензурия поддерживали другие епископы, то и они повинны в том же грехе. По мнению донатистов, священником и епископом мог быть только тот, кто не впал в грех, подобный предательству. Обряды, совершенные предателем, недействительны, поэтому донатисты перекрещивали всех возвращавшихся к ним от католиков. Донатисты учили, что только они составляют истинную церковь, церковь святых, и христианская вера поэтому сохранилась только в Африке. Последнее утверждение выражало собой сепаратистские тенденции, характерные для последних веков Римской империи. Донатистов поддерживали различные слои городского населения, недовольные усилением налогового бремени и политикой закрепощения, аристократия полунезависимых берберийских племен и, наконец, аграрное население. Представители другой религиозной группы, называвшие себя католиками, опирались на поддержку правительства и других церквей (прежде римской). Главную роль среди католиков в Африке играли римские чиновники и владельцы крупных поместий. Правительство стояло на стороне католиков, и свое отношение к государству донатисты выразили словами основателя секты: «Что императору до церкви?» (*Quid est imperatori cum ecclesia?*)⁵.

Между сторонниками церкви велась ожесточенная борьба, перераставшая в религиозную войну. Как и в XVI в., «классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток... интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой»⁶. Эта борьба нашла отражение и в церковной литературе. До нас не дошло ни одного донатистского трактата, но зато произведение мелевитанского епископа Оптата и многочисленные произведения гиппонского епископа Августина вводят нас в круг всей донатистской и антидонатистской литературы. Произведения Оптата и Августина стремятся опровергнуть те положения донатизма, какие выше были приведены. Одним из аргументов, направленных против донатистов, было указание на то, что они опираются на циркумцеллионов, — «род людей, бродящих вокруг деревенских клетей (подвалов или, может быть, хижин), откуда они получили свое имя циркумцеллионов» (*genus hominum cellas circumiens rusticanas unde et circumcellionum nomen accepit*)⁷.

Циркумцеллионы — это оскорбительное прозвище (*contumeliosum nomen*). Сами они называли себя агонистиками (борцами)⁸.

На основании произведений церковных писателей мы можем установить, что агонистики, или циркумцеллионы, представляли собой радикальное крыло донатистов. К ним примыкали, главным образом, рабы

⁵ Optatus, *De schismate donatarum*, III, 3.

⁶ Энгельс, *Крестьянская война в Германии*. М., 1932, стр. 32.

⁷ Augustinus, *Contra Gaud.* (C. S. E. L., v. 53, ed. Petsching, 1910), 1, 28, 32.

⁸ Augustinus, *Enar. in psalmos* (Migne, *Patrologia latina*, v. 137), 132, 6.

и колонны, принадлежавшие очень часто к коренному берберийскому населению. В то время как руководители донатистской церкви не раз пытались договориться с римским правительством и заручиться его поддержкой, агонистики в течение целого столетия вели упорную и ожесточенную борьбу с представителями римского правительства, с крупными землевладельцами и с католическим духовенством.

Если в начале раскола правительство пыталось примирить враждующие церкви, то впоследствии оно перешло на путь репрессий по отношению к донатистам. Императорами издается ряд эдиктов, запрещающих второе крещение, угрожающих различными наказаниями врагам правительственной церкви. Наиболее последовательную борьбу с донатистами вел император Гонорий (395—423). В числе изданных им эдиктов находится и тот, где упоминаются циркумцеллионы. Эдикт начинается указанием на прежние законы о донатистах и на то, что если после опубликования данного закона донатисты—как клирики, так и миряне—не присоединятся к католической церкви, они понесут наказания. Далее следует перечисление этих наказаний; в соответствии с сословным положением налагается определенный штраф в пользу фиска: *inlustres* вносят 50 фунтов золота; *spectabiles*—40; *senatores*—30; *clarissimi*—20; *sacerdotales*—30; *principales*—20; *decuriones*—5; *negotiatores*—5; *plebei*—5 фунтов золота. Далее указываются *circumcelliones*, которые вносят 10 фунтов серебра. Затем следует: *Qui nisi a conductoribus, sub quibus commanent, vel procuratoribus executori exigenti fuerint praesentati ipsi teneantur ad poenam, ita ut nec domus nostrae homines ab huiusmodi censura habeantur immunes. Uxores quoque eorum maritalis segregatim multa constringat. Eos enim, quos nequaquam inlata damna correxerint, facultatum omnium publicatio subsequetur.* («Если кондукторы или *procuratores*, под которыми они находятся, не представят их экзекутору, взимающему штрафы, то пусть на них самих налагается штраф, так, чтобы и наши люди не были свободны от такого рода наказания. Жены же их облагаются штрафом отдельно от мужей. У тех же, кто не исправится после внесенного штрафа, конфискуется все имущество»). Эдикт заканчивается указанием, что рабов должны наказывать их господа (*dominorum admonitio*), а колонны отвращаются от неправой веры телесными наказаниями (*verbera*). Донатистское духовенство отправляется в ссылку, церковные здания и имения донатистской церкви отходят к католической церкви⁹.

Через два года выходит новый эдикт от 17 июня 414 г. Повторяя предыдущий эдикт в части, касающейся имущества донатистской церкви и донатистского духовенства, эдикт устанавливает такие суммы штрафа: *comites primi ordinis, proconsulares, vicariani* вносят 200 фунтов серебра; *reliqui honorati*—*senatores, sacerdotales*—100; *decemprimi curiales*—50, *reliqui curiales*—10 фунтов серебра. Эдикт угрожал кондукторам императорских имений взыскать двойную арендную плату, если в имении будет существовать донатистская ересь, о кондукторах же частных имений, в которых будут происходить собрания донатистов, сообщать их владельцам с тем, чтобы те приняли соответствующие меры, иначе сами владельцы должны нести наказание. Рабы и колонны подвергаются телесному наказанию и лишаются трети пекулия¹⁰. Заметим, что в этом эдикте циркумцеллионы не упоминаются.

⁹ Cod. Theod., XVI, 5, 52.

¹⁰ Cod. Theod., XVI, 5, 54.

II

Сомань считает эдикт 412 г. чуть ли не единственным документом, на основании которого можно определить, кто такие были циркумцеллионы. Он пытается установить, что: 1) циркумцеллионы находились в ведении кондуктора, так же как *homines* императорского имения—в ведении прокуратора; 2) *executor* должен был зарегистрировать отречение, но не мог сам добраться до каждого циркумцеллиона; 3) каждый из циркумцеллионов должен быть известен кондуктору, и последний мог с ним справиться; 4) если циркумцеллионы укрываются и не выполняют требования эдикта, то штраф в 5 фунтов серебра платит сам кондуктор; 5) жены циркумцеллионов уплачивают штраф отдельно от мужей; 6) несправившиеся, а также их жены, наказываются конфискацией имущества; 7) циркумцеллионы, которые укрываются от явки к экзекуторам, оставляют в руках государственной власти заложника в лице жены и в виде залога свое имущество.

Из всего вышеизложенного Сомань приходит к заключению, что циркумцеллионы относятся к сельскому населению, живущему группами под властью кондуктора. Они владеют имуществом, на которое может быть наложен арест. Другая черта—они могут уклониться от исполнения закона, переходя на жительство в другое место. Они не могут подвергаться телесному наказанию подобно рабам и колонам.

Как мы видели выше, эдикт 414 г. не упоминает циркумцеллионов. Сомань считает, что, поскольку *conductores* ответственны за соблюдение правовеярия в имении, они ответственны и за циркумцеллионов. Последние рассматриваются отдельно от рабов и колонов. *Conductor* занимает промежуточное положение между циркумцеллионами и государственной властью, точно так же как *dominus* стоит между государственной властью и своим кондуктором.

Все, что говорят о циркумцеллионах церковные писатели, по Соманк,—только полемические приемы. Циркумцеллионы могли, конечно, принимать участие в таких движениях, как восстания Фирма и Гильдона, но они не принадлежали к определенной конфессиональной группе. Сомань отрицает даже прямую их связь с донатистами: ссылаясь на упоминание циркумцеллионов в эдикте вандальского короля Гунериха, направленном против католиков, Сомань делает вывод, что среди них могли быть также циркумцеллионы.

Сомань находит, что слово «номады» лучше всего передает смысл слова *circumcelliones*. Из всей церковной литературы о циркумцеллионах он признает правильным только одно сообщение, а именно, что циркумцеллионы живут в полях. Они—*agrestes, campitae*.

Отсюда автор приходит к выводу, что циркумцеллионы не кто иные, как кочующие свободные сельскохозяйственные рабочие, каких можно встретить и в наши дни во время уборки хлебов.

Свободные рабочие встречались и в раннюю эпоху. Автор ссылается на знаменитую надпись из Макгара: «*Paupere progenitus lare sum*»...¹¹, представляющую собой эпитафию неизвестного нам по имени декуриона, который происходил из бедного рода и у родителя которого не было ни ценза, ни дома. Он находил себе пропитание работой в поле. Как только начиналась пора жатвы, он уходил в Нумидию, где был сначала простым

¹¹ *Corpus inscriptionum latinarum*, VII, 11824.

жнецом, позднее он становится уже руководителем (*ductor*) артели таких жнецов. Впоследствии он приобретает себе имущество, попадает в декурiones и избирается даже цензором (несет функции *duumvir'a quinquepalis*). Сомань предполагает, что *ductor* этих кочующих рабочих заключал контракт с кондукторами имения и находился с ними в тех же отношениях, в каких стоит клиент по отношению к своему патрону. Он ссылается на законодательство IV в., упоминающее свободных земледельцев, которые не должны привлекаться к принудительным общественным повинностям в разгар полевых работ, а также на наем свободных сельскохозяйственных рабочих в эту эпоху. Таким образом, наряду с рабами и колонами, на территории имения были свободные рабочие. Они составляли особое *ordo*. Они нанимались на сезонные сельскохозяйственные работы и по выполнении контракта отправлялись в другое место.

Сомань устанавливает «*Continuität*», применяя термин Допша, в развитии аграрных отношений Северной Африки. Кочующие сельскохозяйственные рабочие существовали всегда. Они были в Италии во времена Катона и Варрона. Они играли большую роль в Африке в III в., они сохранились в эпоху поздней империи, они существуют и в наши дни. Рабы и колоны не идут дальше того, чтобы вечером, после работы, послушать «разные истории». Они пассивны. Циркумцеллионы не убивают господ, они не меняют ролей между рабами и господами, не разоряют жилищ и не разрушают домов. Они... только рассказывают истории про донатических мучеников. Донатизм, следовательно, исключительно религиозное движение, не находящее корней в социальном строе Римской Африки. Все спокойно, лишь временами проносятся ураганы больших восстаний полунезависимых мавританских князей Фирма (372 г.) и Гильдона (397 г.). В них принимают участие экспансивные номады—циркумцеллионы. Но потом они возвращаются на сезонные работы...

III

Перейдем к анализу аргументации Соманя.

Отметим прежде всего, что та часть эдикта 412 г., которая начинается словами «*qui nisi a conductoribus, sub quibus commanent*», не может быть отнесена только к циркумцеллионам. Это выражение не могло иметь в виду тех, кто находился на временной работе в императорских имениях. *Commanere* значит «оставаться» или «находиться вместе». Таким образом, эдикт имеет в виду лиц различных сословных категорий (это могли быть и *negotiatores*, и *plebei*, и, наконец, *circumcelliones* в том значении, как это понимается в эдикте), постоянно живущих на территории императорских поместий и составляющих донатистскую общину. Наше толкование находит подтверждение и в эдикте 414 г., где говорится о том, что *conductores* будут наказаны, если в имениях императорской фамилии сохранится ересь. Естественно поэтому и выражение эдикта 412 г. «*Uxores quoque eorum maritalis segregatim multa constringat*» понимать так же, как толковал его Готофред, считавший, что речь идет о женах всех донатистов¹², а также и следующие за этим слова: «*Eos enim, quos nequaquam inlata damna correxerint, facultatum omnium publicatio subsequetur*» относить ко всем донатистам.

¹² Cod. Theod. ed. Gothofredi, 1743, VI, P. I, p. 192.

Итак, на основании эдикта мы не можем говорить ни об имущественном, ни о правовом положении циркумцеллионов. Остается теперь выяснить, кого разумеет эдикт под «*circumcelliones*», и можем ли мы отбросить, как недостоверное, все, что говорится о циркумцеллионах в церковной литературе.

Правильная интерпретация эдикта 412 г. может быть дана лишь тогда, когда мы познакомимся с историей его появления. Мы уже сказали, что правление императора Гонория характеризуется систематической борьбой с донатистами. Но после целого ряда эдиктов, направленных против донатизма, в 410 г. появляется эдикт, снимающий запрещение со всех христианских сект¹³. Этот эдикт, изданный, по всей вероятности, из опасения, как бы противники официальной церкви не соединились с Аларихом, вызвал переполох среди африканских католиков. Карфагенский собор направляет к императору делегатов с просьбой отменить закон. И действительно, уже 25 августа закон этот отменяется, и восстанавливаются прежние распоряжения¹⁴. В Африку направляется трибун и нотарий Марцеллин, которому поручается созвать собор из представителей донатистов и католиков¹⁵. Собор начался 1 июня 411 г. В нашу задачу не входит передавать содержание прений. Обратим внимание только на то, что в этих прениях всплывает и вопрос о циркумцеллионах. Когда донатисты заговорили о преследовании их католиками, последние заявили, что донатисты не должны ставить этого вопроса, когда «циркумцеллионы, руководимые донатистскими клириками, совершают столь ужасные злодеяния»¹⁶.

Донатисты уклончиво отвечали, что злодеяния не могли быть допущены епископом. Но большее значение, чем упоминание о циркумцеллионах во время прений на соборе, имеет то решение, которое вынес Марцеллин. Оно осуждало донатизм. «Каждый епископ донатистской общины должен беспрепятственно вернуться обратно на свое место и, доколе он на этом месте остается, решить, вернется ли он в единую и истинную церковь, или же пусть не препятствует немедленному применению законов. Те же, которым известно, что в их владениях (*in praediis suis*) находятся скопища циркумцеллионов (*circumcellionum turba*), и не сделают ничего для того, чтобы подавить и усмирить их буйство, пусть знают, что тогда именно их имение будет отнято в пользу фиска»¹⁷.

Сравнив эту выдержку из решения Марцеллина с только что приведенным заявлением католиков на соборе, можно установить полное тождество понимания термина *circumcelliones*.

Но на решение Марцеллина никак нельзя смотреть, как на «полемическое произведение». Это официальный документ, имеющий законную силу для африканских провинций. Когда в 413 г. Марцеллин был обвинен в содействии проконсулу Африки Гераклиону, пытавшемуся объявить себя независимым от императора, и казнен, то все объявленные им распоряжения против донатизма особым эдиктом (от 30 августа) были оставлены в силе¹⁸.

¹³ Cod. Theod., XVI, 5, 51; Gesta collationis Carthagenensis (Migne, P. L. 11), I, 4; Aug. ep. 108, 6, 18 (то же изд., v. 33).

¹⁴ Cod. Theod., XVI, 5, 51.

¹⁵ Gesta collat. Carth. I, 4.

¹⁶ Aug. Brev. collat., III, II, 21.

¹⁷ Gesta collat. Carth., sententia cognitoris, Migne, P. L., p. 1240.

¹⁸ Cod. Theod., XVI, 5, 55.

А одним из главных распоряжений Марцеллина было его заключение на соборе 411 г.

Это решение было вынесено 3 июня 411 г., а тот эдикт, где упомянуты циркумцеллионы, был издан 30 января 412 г. По существу, он утверждает заключение Марцеллина. Составитель эдикта, перечисляя главные сословные категории, не преминул упомянуть и циркумцеллионов, о которых говорилось в сентенции Марцеллина. У нас нет никаких оснований утверждать, что составитель хотел употребить этот термин в ином значении, чем он употребляется Марцеллином. Ведь не мог же в императорской канцелярии находиться какой-то особый «специалист по африканским аграрным отношениям». Но составитель, исходя из решения Марцеллина, вложил в этот термин несколько иной смысл.

Отметим, что каких-либо особых распоряжений, направленных только против циркумцеллионов, издано не было. История движения дает нам ряд примеров жестокой расправы с агонистиками. Кровавые столкновения происходят в 340 и 347 гг. Однако наши источники нигде не говорят о том, что были изданы какие-либо распоряжения, определяющие наказания только за принадлежность к агонистикам. Объясняется это тем, что представители официальной церкви всячески стремились доказать общность их с донатистами для того, чтобы скомпromетировать последних перед правительством. Недаром одним из главных аргументов против донатистов была ссылка на то, что те руководят агонистиками. Мы узнаем, что после собора 411 г. Марцеллин осуждает двух агонистиков за нападение на католических клириков. Другими словами, обвинения выносятся по тем или другим частным случаям.

По эдикту 412 г. рабы и колоны возвращались к истинной вере а *prava religione* путем телесных наказаний, *низшие же слои свободного сельского населения, поскольку сословное положение их в условиях смешанного туземного и римского населения было различным, объединены были в эдикте под названием circumcelliones*, которое составитель взял из заключения Марцеллина. Там говорилось о *turba circumcellionum*. Понятно, что составитель не мог пройти мимо этого указания. Донатистов, относящихся по своему происхождению к свободному сельскому населению, он выделил в особую группу, поставив их после плебеев. Этим объясняется и то, что штраф, взимаемый с циркумцеллионов (10 фунтов серебра), значительно ниже той суммы, какую платят городские плебеи (5 фунтов золота).

Нет никаких оснований в эдикте 412 г. видеть источник, верно отражающий реальную действительность. Написанный в торжественных, высокопарных выражениях, он ставил своей целью пресечь раскол донатистов. Мерами пресечения были избраны штрафы и телесные наказания. Стилю эдикта соответствует то, что составитель перечислил все сословия, хотя это отнюдь еще не обозначает, что среди донатистов были *illustres* и *spectabiles*. Это перечисление обозначало лишь, что никто не избавлялся от наказаний за принадлежность к противоположной официальной церкви религиозному течению. Эдикт определял наказания за самую принадлежность к донатизму; за те или иные выступления против крупных владельцев и католического духовенства агонистики наказывались на основании других узаконений. Термин *circumcelliones* был взят составителем дословно; он показался ему удобным для обозначения свободных сельских жителей, взят из сентенции Марцеллина без учета того, в каком смысле Марцеллин его применяет. Ему важно было не обойти тех, кто составлял скопища (*turba*), а для этого удобнее всего было взять термин из того до-

кумента, на основании которого составлялся эдикт. Но это, таким образом, случайный термин императорской канцелярии, и в эдикте 414 г. он больше не употребляется. Таким образом, несмотря на тенденциозность африканских церковных авторов, они являются более надежным источником, поскольку они были живыми свидетелями африканских событий поздней империи. Эдикты же могут свидетельствовать лишь об отношении императорской власти к донатизму.

IV

Отвергнув толкование термина *circumcelliones*, какое дает Сомань, мы не можем уклониться от разбора его взглядов, касающихся роли свободного труда в Римской Африке периода поздней империи. Не приходится сомневаться в том, что античное крупное сельское хозяйство знало применение свободного труда. Но он никогда не имел решающего значения.

В африканских поместьях, как частных, так и императорских, рабский труд играл большую роль не только во времена ранней, но и в эпоху поздней империи. Специальное исследование Гзелля, посвященное этому вопросу, показывает, что сельскохозяйственные рабы в пределах Римской Африки были больше распространены, чем в других провинциях¹⁹.

Конечно, огромные территории африканских поместий нельзя было обработать только рабским трудом. Сомань, подобно другим исследователям, правильно интерпретирует вышеупомянутую эпитафию из Мактара, говорящую о *turrae messorum*, под руководством *ductor'a* убирающих поля. Но эта надпись относится, вероятнее всего, к началу III в., к той эпохе, когда античное рабство стало изживать себя.

В это же время развивается система колонатных отношений. В IV и V вв. эти отношения делаются преобладающими в Римской Африке. Сомань ссылается на эдикт Константина от 328 г., где имеются в виду свободные *agricolae*. Мы считаем, что эти *agricolae* оставались и позднее, но число их уменьшалось с каждым годом. Еще в середине III в. Киприан жаловался, что уменьшается число земледельцев («*as deficit in arvis agricola*»)²⁰. Вряд ли они превращались в сельскохозяйственных рабочих. Они бежали из приморской полосы в Нумидию, где становились колонатами императорских и частных владений. Юридические памятники IV и V вв. говорят нам о больших территориях пустыющей земли. Эдикт 365 г. предписывал взимать налоги как с обрабатываемой, так и с невозделанной земли²¹. Но эта мера не помогла, и эдикт Гонория от 422 г. говорит о земле, освобожденной от налогов. В одной только Проконсульской провинции такой земли оказывается 9 002 центурий и 144¹/₂ югера. Характерно, что в эдикте совсем не упоминается Нумидия²².

Опираясь на эдикт 347 г.²³, Сомань говорит, что сделки с сельскими рабочими имели место и в ту эпоху. В эдикте идет речь о должниках казны, укравшихся в других местах. Правильно понимая слова *operis impensis*

¹⁹ St. Gsell, *Esclaves ruraux dans l'Afrique Romaine*, в сборнике «*Mélanges Glotz*», I, 1932, p. 398.

²⁰ Cyprianus, ad Demetr. (C. S. E. L., v. 4, ed. Hartel), 3.

²¹ Cod. Theod., XI, 1, 10; Jun g., *Die romanischen Landschaften*, S. 178.

²² Cod. Theod., XI, 28, 13.

²³ Cod. Just., XI, 48, 8.

mercedem placitam consecuti sunt в том смысле, что здесь идет речь о денежной оплате за сельскохозяйственные работы, он опускает стоящее перед этим выражение, указывающее на иную возможность соглашения бежавших должников казны с владельцами поместий. Эдикт говорит, что беглые (*profugi*) вносят за обрабатываемые ими земли часть продуктов владельцам, сохраняя остальное за собой: *excolentes terras partem fructuum pro solo debitam dominis praestiterunt cetera proprio peculio reservantes*.

Таким образом, предусматриваются различные возможности соглашений, но характерная для аграрных отношений того времени обработка земли за часть урожая стоит на первом месте.

Развитие колонатных отношений идет вместе с ростом натурального хозяйства. Эдикт 366 г. на имя правителя Триполитании предлагает владельцам имений (*domini praediorum*) получать плоды земли (*quod terra praestat*) и не требовать денег, так как крестьянам нечем платить²⁴.

В Африке в силу особых условий натуральное хозяйство вытесняло денежное медленнее, чем в других провинциях. Сальвиан говорит о богатстве, о роскоши, о развитии торговли африканских городов. Конечно, доверять его данным не приходится. Все это сказано для доказательства положения, что за богатство, роскошь и беззаконие Африка была наказана нашествием вандалов²⁵. Мы можем лишь утверждать, что обмен в Африке был в это время развит больше, чем в других провинциях, но он был значительно ниже, чем в эпоху Северов.

Поместья разной величины с сидящими на земле рабами и колонами— вот, что является характерным для Римской Африки конца III—начала IV вв. Мог ли находить здесь место свободный труд? Отрицать целиком возможность его применения мы не можем, но, безусловно, он играл минимальную роль. Его роль была значительно меньше, чем в те периоды, когда господствующей формой были крупные рабовладельческие хозяйства. Во всяком случае, если и были сельскохозяйственные рабочие, если и сохранились в какой-то мере *turmae messorum*, то количественный состав их был не таков, чтобы оказать вооруженное сопротивление римскому отряду при Октаве в 340 г. и при Багаи в 347 г.

Ошибка Соманя заключается в том, что он отказывается установить различие в хозяйственном строе Африки на различных этапах ее развития. То, что было частым явлением во II—III вв., почти совсем исчезло в IV в. Впрочем, поскольку он не видит разницы между кочующими сельскохозяйственными рабочими в эпоху Римской империи и в наши дни, немудрено стереть всякую грань между теми отношениями, какие существовали во II—III вв., и теми, какие сложились в IV—V вв. Было бы, однако, преувеличением сказать, что подобного рода взгляды характерны для одного Соманя. Они присущи многим представителям современной западной историографии, отрицающим своеобразие хозяйственной жизни поздней Римской империи. Из последних работ наиболее отчетливо это отражено в книге Миквитца²⁶.

Усмотрев в циркумцеллионах сельскохозяйственных рабочих, Сомань отбросил, как недостоверные, все данные африканской церковной литературы, а это привело его к отрицанию ожесточенной классовой борьбы,

²⁴ Cod. Just., XI, 48, 5.

²⁵ Salvianus, De gubernatione dei (C. S. E. L., v. 5, 1888), VII, 60.

²⁶ Mickwitz, Geld und Wirtschaft im Römischen Reich des vierten Jahrhunderts n. Chr. Helsingfors, 1932.

переходящей в отдельные периоды в гражданскую войну. Все это, по его мнению, выдумали церковные писатели в целях полемики с религиозными противниками.

Данные Оптата и Августина позволяют нам установить социальный состав агонистиков. Наиболее активным элементом были рабы, причем рабы, посаженные на землю. Мы можем сказать, что рабы, находящиеся при дворах владельцев, играли менее активную роль; из известного эпизода с пересаживанием рабов на место господ мы можем заключить, что *mancipia* не оставляли своих господ. Но что движение пользовалось среди них сочувствием, в этом не может быть сомнения. Прямое указание на участие колонов у нас есть только одно: в одном из писем Августина говорит, что донатистский диакон увел к агонистикам двух девиц, принадлежащих к сословию колонов²⁷. Но изложение Оптата и Августина показывает, что колоны были активными участниками движения агонистиков. Августин определяет направленность движения словами: «Дерзость мужиков восстает против их владельцев»²⁸. Заметим, что термин *rustici* распространяется на колонов в эдикте Валентиниана и Валента 365 г.²⁹ И если рабы добивались полного освобождения, если они угрозами заставляли уничтожать документы, доказывающие принадлежность их господину³⁰, то колоны ставили одним из первых своих требований освобождение от долгов. Это требование колоны выдвигали потому, что, как мы можем видеть из юридических документов, они постоянно находились в долгу у владельцев (*reliqua solopogum*—неотъемлемая принадлежность имения). Но сложения долгов добивались не только колоны. Это требование исходило и от свободных, незакрепленных элементов африканской деревни. Что ростовщическая кабала заставляла свободных бежать к агонистикам, показывает нам случай, рассказанный Августином: деревенский иподиакон Рустициан бежал к агонистикам от своих кредиторов³¹. Расписки должников (*chirographa*), которые в разгар движения потеряли силу³² и которые силой отбирались у кредиторов, могли быть даны и колонами и свободными.

Агонистики действовали путем подметных писем, владельцев поместий убивали, увозили в другие места, где под ударами бичей они должны были вращать жернова. Сносились и сжигались дома, разграблялись житницы, насильственно отбирались долговые расписки, уничтожались документы, доказывающие принадлежность рабов господам.

Движение было направлено против владельцев поместий, которые были в то же время и ростовщиками. Оно было направлено также и против католического духовенства, поскольку оно стояло на стороне крупных владельцев. Оно носило, наконец, антиримский характер, поскольку его участники принадлежали, главным образом, к берберийскому населению.

В отдельные периоды движение достигало определенных успехов. Так было в конце 30-х годов IV в., когда во главе агонистиков стояли Аксидо и Фазир. Сложилась отношения, когда никто не был спокоен в своих владениях, «когда ни один кредитор не мог выскокивать долгов», когда господам предлагали сажать на свое место сопровождавших их рабов. «Их (во-

²⁷ A u g., Ep., 35, 2.

²⁸ A u g., Ep. 108, 6, 18.

²⁹ Cod. Just., XI, 48, 5.

³⁰ A u g., Ep. 185, 4, 15.

³¹ A u g., Ep. 108, 6, 19.

³² O p t., III, 4.

ждей циркумцеллионов) судом и властью изменилось отношение между господами и рабами»³³.

Два поражения (340 и 347 гг.) способствовали упадку движения, а с другой стороны—усилили религиозный фанатизм, приводивший к разного рода эксцессам.

Новый подъем движения связан с деятельностью Оптата, епископа города Тамугади. Союзник римского комита Гильдона, происходившего из туземной аристократии и пытавшегося отложиться от Рима, Оптат в течение десяти лет имел власть над городами и поместьями. Он производит переделы имений³⁴, заставляет купцов снижать цены на продаваемые предметы потребления и делиться выручкой с покупателем. После того, как было подавлено движение Гильдона, Оптат был схвачен, посажен в тюрьму, где и умер (398 г.). Трудно предположить, что все эти факты—плоды фантазии полемистов.

Наши источники тесно связывают агонистиков с донатизмом, выражавшим сепаратистские тенденции различных слоев африканского населения, недовольных политикой закрепощения и усиления налогового гнета, характерной для эпохи империи. Сомань, как мы видели, отрицает эту связь. Основывается он на том, что циркумцеллионы упоминаются в направленной против католиков эдикте вандалского короля Гунериха от 25 февраля 484 г.³⁵ Исходя из этого, Сомань делает заключение, что циркумцеллионы могли быть связаны с различными конфессиональными группировками. Мы считаем верным то толкование этого эдикта, которое дает Монсо, находящий, что эдикт имел в виду не только католиков, но и всех неариан. Под циркумцеллионами же вообще понимаются донатисты³⁶. Впрочем, эдикт Гунериха в этой части повторяет эдикт 412 г., и составитель мог без критической проверки переписать все, что там содержалось. Таким образом, отпадает и этот аргумент Соманя. Донатизм помог идеологическому оформлению движения агонистиков, но, с другой стороны, он способствовал и развитию религиозного фанатизма, отвлекающего носителей движения от реальных задач борьбы. Мы уже говорили, в какой связи находим мы упоминание об агонистиках у церковных писателей. Они не дают нам возможности восстановить всю социальную систему агонистиков. Но что таковая была—в этом нет сомнения. Например, во время нападений они употребляли вначале только палки, исходя из новозаветного текста: «Взявший меч от меча погибнет»³⁷. Палка эта называлась «израильтянкой»³⁸. Несомненно, это только фрагмент целой системы обоснования целей и методов борьбы. Несомненно, что идеалом агонистиков было основанное на уравнилельных началах патриархальное крестьянское хозяйство.

Движение агонистиков было направлено против крупного римского землевладения. Оно нашло своих союзников и в лице недовольных элементов города и в лице отдельных племен, стремившихся к независимой политической жизни.

Это движение способствовало разрушению рабовладельческого хозяйства. Оно относится к последнему этапу революции рабов.

³³ O p t., III, 4.

³⁴ A u g., Contra litt. Pet., II, 23, 53: aliena patrimonia prodidit. Мы следуем толкованию Юнга—J u n g, Die romanischen Landschaften. S. 180.

³⁵ V i c t o r V i t., de pers., III, 10.

³⁶ M o n s e a u x, Hist. lit. de l'Afr. chr. T. IV, p. 311.

³⁷ A u g., Contra litt. Pet., II, 88, 195; II, 96, 222.

³⁸ Fustes Israheles vocant. Quod dixerunt cum honore. A u g., Ps. contra part. Donati, 149.

МИФ ОБ АНТЕЕ У ДРЕВНИХ АВТОРОВ

(Очерк из античной мифологии)

Проф. А. В. Мишулин

Греческая мифология представляет собой богатейший арсенал образов, созданных эпическим творчеством народов древней Греции. Образы олимпийских богов, в которых персонафицируются стихии природы, образы славных героев (Тезей, Геракл, Антей), в которых народное творчество греков воплощало человеческую мощь и доблесть, наконец, бесчисленный мир мелких божеств (муз, дриад и т. д.)—все это в эпических народных символах раскрывает ту наивную, но полную художественной фантазии форму, в которой отражена минувшая действительность.

К числу интереснейших мифологических сюжетов, которые завещаны эпосом древней Греции в наследство мировой литературе, является миф об Антее.

С этим мифом мы столкнулись вновь в связи с подробным приведением его в речи товарища Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г.

Легенда об Антее в тех или иных вариантах сложилась очень давно и может быть прослежена в мифологии у самых различных народов древности. В древней Вавилонии, у греков и римлян, в былинном эпосе древних славян (Илья Муромец, Микула Селянинович), у народов Средней и Восточной Азии был свой Антей, свой мифологический «сын земли». Но нигде, как у древних греков, не была столь систематизирована мифология, столь художественно разработаны отдельные сюжеты из жизни богов и героев, «людей неба и земли». Вот почему и миф об Антее, хотя и кратко, но более образно и законченнее оказался переданным нам от древних греков.

Антей—народный герой. Происхождение имени Антея современная лингвистика еще недостаточно изучила. До сих пор считали, что Антей—это «противоборец», и производили имя этого героя от греческого слова ἀντάω, что значит: противостояю, нахожусь в борьбе. Такая внешняя интерпретация, конечно, недостаточна и мало что дает нам. Дальнейшее изучение происхождения слова Антей должно идти по линии раскрытия его семантики, установления, из каких условий народной жизни, из каких корней древнегреческих понятий выросло и сложилось имя Антей. Древние греки миф об Антее не дали в отдельном, изолированном сюжете. Он был включен в эпопею подвигов Геракла, другого героя классической древности. О Геракле, как известно, слагалось много легенд, и различные

писатели древности передали нам двенадцать его знаменитых подвигов, среди которых на одиннадцатом месте стоит единоборство Геракла с Антеем. Только в связи с этими подвигами Геракла передается известный миф об Антее.

Знаменитый одиннадцатый подвиг приводит нас к мифу об Антее. Геракл отправляется на Дальний Запад, где на берегу океана росло дерево, приносившее золотые яблоки. Дерево это находилось в душистом саду Атланта, исполина, на плечах своих державшего свод небесный. За этим деревом ухаживали дочери исполина, нимфы Геспериды. Гераклу предстояло достать три золотых яблока с этого чудесного дерева. И вот, прежде чем Геракл сумел обмануть Атланта и достать яблоки Гесперид, ему предстояло испытать ряд приключений. Направляясь к Атланту, он должен был проехать через древнюю Ливию (север Африки). Там встретил его исполин Антей, который и вызвал его на борьбу. Этот сын Земли обладал неодолимой силой, ибо, пока Антей прикасался к матери Земле, он становился непреодолимым. Но Геракл охватил руками его, высоко поднял над Землей, согнул и лишил жизни. Оторванный от Земли сын ее потерял свою мощь и поэтому не мог больше сопротивляться. Так погиб великий исполин, о котором потом слагали различные легенды в народном эпосе.

В этой краткой форме, как выше мы передали сказание об Антее, оно дошло до нас от Аполлодора (II в. до н. э.). Этот автор написал дошедшую до нас «Мифологическую библиотеку», в которой он старался изложить греческую мифологию, пользуясь данными логографов о древнейших теогониях до Тезея. Хотя Аполлодор и является одним из самых ранних писателей из тех, которые в законченном виде передают нам миф об Антее, но писатель этот излагает миф слишком официально, без деталей и, главное, почти целиком подчиняет его мифу о Геракле. Это заставляет нас обратиться к другим источникам, хотя и более позднего времени, но вскрывающим более подробно детали мифа об Антее. Данные других авторов и их анализ, как мы покажем ниже, определенно устанавливают, что, вопреки версии Аполлодора, об Антее ходили различные другие сказания. Миф этот был весьма популярен в народном эпосе, но Аполлодор особенно им не интересовался. Ему нужен был всего лишь один сюжет в связи с проводимым им восхвалением подвигов Геракла.

Об Антее писали многие авторы древности до Аполлодора, однако их данные до нас не дошли. О популярности мифа об Антее среди писателей древности, в особенности логографов, говорит «Мифологическая библиотека», располагавшая тогда различными древними произведениями на эту тему со включением и мифа об Антее. О популярности сказания об Антее говорят и дошедшие до нас краткие свидетельства по различным поводам двух авторов задолго до Аполлодора: Пиндара и Платона.

Пиндар в двух своих одах передал нам некоторые детали сведений об Антее. В девятой истмийской оде, посвященной победителю в состязаниях на Коринфском перешейке Мелиссу, Пиндар сообщает любопытные отдельные сведения об Антее. Последний, по свидетельству поэта, царствовал в Ливии, в стране, обильной пшеницей. Царствовал там Антей, имея прекрасные чертоги, а «храм Посейдона покрыл он черепами странников», вторгавшихся в эту страну извне (П и н д а р, Истм. оды, IV, 9, 5). В этом сообщении интересны, следовательно, два момента, на которых поэт и фиксирует свое внимание. Это, во-первых, богатство царства Антея,

обилие пшеницы, что в глазах грека, представителя малопродуктивной страны, представляется как нечто, являющееся источником изобилия. И второй момент—это полная независимость царства Антея от внешнего мира. Всякого, кто вторгнулся в эту страну, убивали. Черепа убитых покрывали храм Посейдона, принимавший таким образом символическое значение полной независимости и безусловной неотразимости страны для врагов.

В другом свидетельстве Пиндара, в честь Телесикрата Киренского (П и н д а р, Пифич. оды, IX, 11, 9) сообщается другая интересная деталь, связанная с внутренней семейной жизнью Антея. Царь Ливии столицей своей имел город Ирассу; там находилась резиденция его и его семьи. В этом городе однажды было организовано известное в древности беговое состязание, в котором принимали участие и греческие герои. По примеру Даная в Аргосе это состязание затеял Антей в связи с замужеством его дочери. «Кудревласая дочь Антея», говорит Пиндар, славилась знаменитой своей красотой. Известные герои из соплеменников и из греков добивались ее руки. Антей решил дать свою дочь тому, кто на состязаниях первым придет к финишу и коснется руки его дочери. По сказанию, Алексидим «из кочевых племен» (вероятно, из Нумидии) первым прибежал и овладел знаменитой ливийанкой.

К восстановлению мифа об Антее мы здесь получаем сведения о столице мифического царства Ливии и о некоторых, правда, второстепенных, но не лишенных интереса, с точки зрения античных отношений, элементах внутренней жизни этого царства.

Если Пиндар, автор VI в. до н. э., рассказывает об Антее, то, очевидно, этот миф был известен задолго до него. Использование его в поэзии говорит даже о том, что он был широко популярен в народе. Об этой популярности образа Антея в целом говорит и краткое свидетельство Платона, который в диалоге «Феэтет» (П л а т о н, Феэтет, 169 b., пер. Карпова) диалектические способности своего учителя Сократа сравнивает с неотразимостью Антея. Так, словами математика Феодора из Кирены Платон следующее говорит о Сократе: «Ты поступаешь скорее подобно Антею: подошедшего к тебе не отпускаешь, пока не принудишь его раздеться и сразиться с тобой на словах». Об Антее Платон упоминает мимоходом и в своем трактате «Законы» (Законы, VII, 796a). Таким образом, и в V в. образ Антея пользовался известностью в философском обиходе.

Но если у нас мало исторических данных от ранних писателей древности для восстановления мифа об Антее, по возможности в различных его деталях, то сохранившиеся свидетельства поздних авторов уже римской, по преимуществу, эпохи позволяют более обстоятельно восполнить картину и восстановить ее в деталях.

Об Антее разбросан ряд замечаний в «Собрании греческих эпиграмм» (Палатинская антология), у Квинта Смирнского, у географа Страбона (XVII, 82, § 9), Овидия (Метаморфозы, IX, 183), Павсания (IX, 11, 6). Полнее сведения у Диодора Сицилийского, Плутарха, Каллистрата. У других писателей и поэтов древности, как, например, у Лукана в «Фарсалиях» (IV, 590), Стация в «Фиваиде» (VI, 893), Гигина (в отрывках) эти замечания об Антее весьма фрагментарны и порою, как у Овидия, сводятся к упоминанию всего лишь в одну строку. Весь этот список поздних авторов интересен с той стороны, что в мифологических версиях поздней античности Антей не терялся, твердо сохранял свое место и через ранние писания или современные, державшиеся в народе, сказания передавался в па-

мяти поколений, как незабываемый образ античного героя. Как Прометей или Спартак, Геракл или Тезей, так и Антей являлись в народной молве хорошо понятными, яркими образами и сохранившимися в литературе до самого конца античности.

Мы не будем перебирать все эти упоминания об Антее. Некоторые из них носят просто случайный характер. Остановимся только на двух-трех авторах, сведения которых ценны тем, что они дают нам действительно материал для восстановления античного мифа об Антее. С этой точки зрения интересны прежде всего сообщения Диодора Сицилийского, который в первой книге своей «Исторической библиотеки» дает два экскурса в связи с Антеем. По мнению этого автора (Диодор, Hist. bibl., I, 17, 3), царство Антея было основано египетским богом Озирисом, который Геракла сделал владыкой Гераклеи, Бусирида—стран, лежащих в сторону Финикии, а Антея сделал царем Ливии и Эфиопии (τῶν δὲ κατὰ τὴν Αἰθιοπίαν καὶ Λιβύην Ἀνταῖον).

В другом месте этой книги (I, 17, 5) Диодор сообщает, что в классической древности известно было поселение Антея, названное в честь одноименного героя, погибшего в битве с Гераклом во времена Озириса (по Диодору). В восточной мифологии это поселение Антея находилось в Аравии, очевидно, недалеко от Египта, и было известно тем, что здесь был, согласно Диодору, похоронен верховный бог Египта Озирис, убитый злодейски своим братом (τῆς οὖν Ἀνταίου κόμης ... τὴν προσηγορίαν δ' ἔλεγε ἀπὸ τοῦ χολασθέντος ὑπ' Ἡρακλέους Ἀνταίου, τοῦ κατὰ τὴν Ὀσίριδος ἡλικίαν γενομένου).

Что касается упоминания Диодора еще в другой книге (IV, 23, 3), то оно не так интересно, поскольку здесь повторяется уже известная версия о гибели Антея. Приведенные замечания Диодора интересны в той связи, что они намечают некоторую связь античного мифа об Антее с каким-то известным в эпоху этого писателя подобным сюжетом из восточной мифологии. Весьма вероятно, хотя это остается еще до сих пор неисследованным, что этот миф имелся и у народов Египта и, что еще более реально, в Вавилонии (например, в мифе о Гильгамеше). Изучение мифологического материала в народном эпосе древности должно будет вскрыть более детально различные черты образа Антея у отдельных народов.

Остановимся теперь на интересном сообщении Плутарха. Об Антее он оставляет свои замечания в биографии Сертория. «Серторий,—говорит Плутарх,—осадил г. Тингис (ныне Танжер.—А. М.)... по африканским преданиям, здесь находилась могила Антея. Не веря рассказам туземцев о его высоком росте, Серторий приказал разрыть его могилу. Говорят, что он нашел труп в шестьдесят локтей длиной. В изумлении он принес жертву и велел зарыть могилу, чем увеличил уважение к Антею и его известность. Тингисцы рассказывают легенду, что после смерти Антея жена его Тингида вышла замуж за Геракла (τὴν γυναῖκα Τίγγην Ἡρακλεῖ συνελθεῖν...). Сын их Софак сделался царем в этой стране и основал город, назвав его в честь своей матери. Сын Софака Диодор царствовал над многими африканскими народами, так как в его распоряжении находилось греческое войско, набранное из поселенных здесь Гераклом ольвийцев и микенцев. Обо всем это сообщает нам,—заключает Плутарх,—историк Юба» (Плутарх, Серторий, 9).

В этом сообщении для нас интересны и те замечания об «уважении к Антею и его известности» в древности, еще более увеличенном Серторием, как и те данные, которыми восполняется судьба рода Антея после смерти

последнего. Характерно, что сведения об образовании после гибели Антея новой столицы Ливийского царства в Тингисе, на севере Мавритании, сохранил нам только Плутарх, пользовавшийся данными историка Юбы. Косвенные свидетельства об этом дает и Страбон, который в своей «Географии», опираясь на римского историка Габиния, говорит, что гробница Антея действительно находилась в Мавритании. Правда, он говорит о гробнице «подле г. Линга» (Геогр., XVII, 3, § 8), но это и должно указывать на Тингис, который был в действительности недалеко от Линга. Надо признать интересными и сведения Плутарха о продолжении рода Антея в его царстве, так как это приоткрывает генеалогию нумидийских царей. Ведь, согласно Страбону, как раз род нумидийских царей и восходит к роду Антея. После мифических Софака и Диодора идут ведь как раз те нумидийские цари, с которыми Рим имеет дело посредством своего оружия. Таким образом, потерянные данные историка Юбы, частично переданные Плутархом в биографии Сертория, позволяют рассматривать миф об Антее, как восточный миф, причем нумидийского происхождения. Во всяком случае, в эпоху Юбы и Плутарха в литературе широко было распространено возведение генеалогии нумидийских царей к роду Антея, как и римских императоров к роду Энея-Юла. Наконец, одно из полных и законченных описаний мифа об Антее дается у представителя греческой риторической литературы II—III вв. — Филострата старшего. Этот автор, наряду с Филостратом младшим и Каллистратом, оставил нам интереснейшее описание произведений греческого искусства и, главным образом, картин. Каллистрат в этом отношении пошел дальше и дал даже описание произведений скульптуры. В своем искусстве, как мы знаем, древние греки отражали весьма полно различные мифологические сюжеты. В вазовой живописи, остатки которой дошли до нас, по преимуществу, только в описаниях, в скульптуре и орнаментации, всюду можно проследить комплекс греческих представлений на мифологические темы о богах и героях.

Для нас сейчас особый интерес представляет Филострат старший, который оставил нам описание картины «Антей». Мы не можем в настоящее время решить вопрос, действительно ли такая картина существовала в древности или она предстает перед нами в художественно-литературных красках самого Филострата. Из дошедших до нас памятников материальной культуры видно, что тема об Антее интересовала многих художников, занесших сюжет этого мифа на вазы, живопись которых, в частности, об Антее, частично сохранилась. Возможно, что на эту тему писались и целые картины. Но если описываемой у Филострата картины и не было никогда в действительности, то ее, пускай только литературно-художественное, описание творческой фантазией искусного риторика имеет не меньшее значение, чем любая картина. По этому описанию мы в состоянии будем установить весь арсенал тех мифологических представлений и фантастических понятий, которые автор черпал из народного эпоса, из жизни, из обыденных житейских представлений, чтобы своими собственными руками нарисовать литературный портрет Антея.

Описание «картины» Антея у Филострата столь живо и увлекательно передается и в то же время столь законченно и подробно, что его придется привести более детально, как не имеющее себе равного описания интересующего нас мифологического сюжета.

Антей, — говорит Филострат, — «похож на какого-то дикого зверя; еще немного, и он был бы подобен ему как длиною своего тела, так и его

шириной; шея у него вросла в плечи, рука у него заведена назад, а также и плечи, обозначая тем силу. Грудь и живот у него как бы выкованы из железа; его кривые, противные ноги хотя дают нам понятие о силе Антея, показывают еще, как грубо сколочен он, и что нет у него ни искусства, ни изящества формы. Кроме того, Антей еще черный, так как солнце своими лучами окрасило его в этот цвет (ἔτι καὶ μέλας Ἀνταῖος κελωρηχότος αὐτῷ τοῦ ἡλίου ἐς βαφῆν)).

«Таков вид обоих борцов (Геракл описан ранее.—А. М.) Ты видишь их уже в борьбе, вернее, кончивших эту борьбу, и Геракла ты видишь уже победителем. Он его задушил, подняв над землею, так как земля помогала Антею в борьбе, выгибаясь и как рычаг поднимая его, когда он падал на землю. Не зная, что ему делать с землей, Геракл схватил Антея по средине туловища, повыше подвздоха, там, где ребра; положил его прямо на бедро и, скрестивши обе руки, локтем вдавил его мягкий живот, там, где дыхание; он выдавил из него весь дух и убил, направив на его печень его же острые ребра. Ты видишь, как Антей жалобно кричит и смотрит на землю, которая ни в чем уже не может ему помочь, а Геракл в сознании своей силы улыбается, радуясь тому, что он совершил» (Филострат, II, 21, 5).

Интересно, что, по сообщению Филострата, боги наблюдали за происходившей борьбой и симпатизировали не Антею, а Гераклу.

«Эта вершина горы, смотри, она изображена не напрасно, но можешь себе представить, что на ней сидели боги, смотря на эту борьбу; вот изображено и золотое облако, которым прикрыты, думаю я, сидели они. И Гермес, вот этот, идет к Гераклу, чтобы его увенчать венком за то, что он так отлично провел перед ним борьбу» (Филострат, II, 21, 6).

Если обычно миф об Антее на этом заканчивается, то у Филострата это не так. Он его продолжает, чтобы как-то показать отомщение Гераклу за смерть Антея. Он рисует другую картину под названием «Геракл среди пигмеев», где показывается испытание Геракла после смерти Антея.

Описание этой картины столь художественно и интересно, что мы его также приведем подробно.

«Когда Геракл спал в Ливии после своей победы над Антеем, на него напали пигмеи, говоря, что хотят отомстить за Антея; они утверждают, что они родные братья Антея, одного с ним рождения; не атлеты они, в борьбе с ним не равны, но так же, как он, землей рождены, и вообще они сильные существа: когда выходят они из земли, как волны волнуется с самого низу песок... «Но что за смелость у них? Они решили напасть на Геракла и убить его, когда он спит, а ведь они должны были бояться его, даже когда он не бодрствует. Геракл спит на мягком песке, так как усталость охватила его, и всей грудью он дышит во время сна открытым ртом, весь исполненный сна. Сам сон стоит около него в человеческом виде, ставя себе в великую честь, что свалил Геракла. Лежит здесь и Антей, но искусство художника сумело изобразить Геракла живым и теплым, а Антея же мертвым, застывшим, показывая, что в таком лишь виде он был отдан земле. Войско пигмеев окружило Геракла, одна их фаланга идет войной на левую его руку, два другие отряда нападают на правую, более сильную, а обе его ноги осажены стрелками и толпой пращников, пораженных ужасом при виде геракловых икр. Те же, кто идут войной на его голову, пододвигают машины, как будто к какой-нибудь крепости, к волосам прикладывают огонь, а к носу, думаю, двери, так, чтобы Геракл

даже не мог и дышать, когда будет захвачена его голова. Вот что они делают около спящего» (Филострат, II, 22, 1—4).

Дальнейшее описание этой картины, напоминающей нам во многом Гулливера и лилипутов, сводится к концу, прямо обратному тому, что имеется в сатире знаменитого Свифта.

Филострат показывает далее пробуждение Геракла, который встает и смеется над пигмеями и, наконец, расправляется с ними, собрав их всех в свою львиную шкуру.

Таков финал картины занимающего нас мифа об Антее в описании Филострата. Из всего этого детального описания картин, связанных с Антеем, бросаются в глаза как те новые, отсутствующие у других писателей об Антее моменты, так и те старые, которые в передаче Филострата позволяют вскрыть первоначальное античное сказание об этом герое. В частности, и Филострат говорит об Антее, как о восточном герое, жителя Ливии, черной от солнца кожей отличавшемся от Геракла. В этом косвенно также сквозит восточное происхождение самого мифа, что заставляет нас искать первоначальный образ Антея в восточной мифологии.

Нельзя не отметить в античной историографии особой тенденции поднять Геракла над Антеем, несмотря на все безыскусственное уважение к последнему. Антей—герой, но Геракл его побеждает.

Так получается в античной мифологии потому, что Геракл стоит на службе богов, он с ними связан и в конце концов за свои подвиги он и обожествляется. Антей же представляет собой силы, скорее противоречащие богам, подобно тому, как противостояли им гиганты (титаны). Недаром Антей, как и гиганты, рожден Геей—богиней земли. Весьма вероятно поэтому, что в борьбе Антея и Геракла сквозит отзвук мифологических сказаний о борьбе богов и гигантов, что представляет собой уже большой и самостоятельный сюжет из античной мифологии, подлежащий отдельному рассмотрению.

Античная историография часто была крайне тенденциозной и, конечно, в описании богов и гигантов занимала позицию официальной религии и культа олимпийских богов.

И при всем этом миф об Антее не третировался; он часто описывался и, очевидно, сильно поддерживался в народных сказаниях. По народным представлениям, даже могила Антея была окутана священным ореолом. Древние сказания передают об обычае разрыхлять землю на могиле Антея, чтобы вызвать дождь в слабо орошаемой Мавритании. Следует еще раз подчеркнуть, что в искусстве древних греков Антей находил свое отражение. Нельзя не сказать, что, по сообщению Павсания, на фронтоне храма в Фивах красовалось изображение Антея, борющегося с Гераклом, причем это было сделано знаменитым Праксителем, который, изображая двенадцать подвигов Геракла, вместо одного из них (очищения Элейской страны) дал борьбу его с Антеем (Paus., IX, 11,6).

Задачей науки является сведение воедино всех тех данных искусства и литературы древних, которые позволяют нам восстановить миф во всей его полноте.

Другой задачей науки является изучение того, как образ Антея передавался в литературе веков, в особенности в новое время. Ведь интересно, что такие образы, как Прометей, Спартак и Антей, были наиболее популярными со времен Французской буржуазной революции. По литературе начала XIX в. можно проследить, что если античный образ Спартака

имел значение призыва к революционной борьбе, то образ Антея являлся символом неодолимой мощи, неисчерпаемой силы масс, связанных с матерью землей.

Дальнейшей задачей в разработке мифа об Антее является, таким образом, разрешение, во-первых, проблемы восточного происхождения этого мифа или, по крайней мере, связи его с восточной мифологией, во-вторых, проследить, как он изображается в мифологических представлениях «сына земли» у народов СССР, и, наконец, какое отражение нашел этот миф в позднейшей художественной литературе.

Выступление товарища Сталина, использовавшего в своей исторической речи образ Антея, должно заставить нас, историков, разработать этот полузабытый миф и воскресить образ того героя античности, который в памяти человечества является лучшим символом неодолимой силы матери земли.

АТТИЧЕСКАЯ СВИНЦОВАЯ ТАБЛИЧКА

М. Шангин

В собрании акад. Н. П. Лихачева, ныне составляющем музей Института истории Академии наук СССР, хранится не издававшаяся до сих пор свинцовая табличка с греческой надписью.

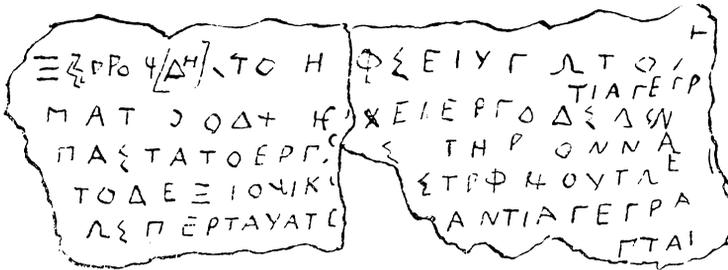
Трудность чтения надписи и ее издания заключалась в том, что текст написан вторично, первичное же письмо частично выскоблено, частично приспособлено для вторичного письма, частично сохраняется в своих отдельных буквах и перебивает вторичный текст. Эта особенность письма и определяет исключительный интерес к ее содержанию. Сравнительно со свинцовыми табличками, собранными и опубликованными R. Wünsch'ем, Defixionum tabellae Atticae, 1898, куда вошли прежние отдельные издания *Εὐστρατιάδης*'а, *Κομμανοῦδης*'а и др., а также с опубликованными Шкорпилом свинцовыми табличками из Ольвии [см. «Известия Археологической комиссии», вып. XXVII (1908), стр. 189 сл.], экземпляр из собрания Н. П. Лихачева—вещь уникальная. Общий тип проклятий на свинцовых табличках—это перечисление имен проклинаемых и наговор. Сила наговора закрепляется ритуальным действием, в котором табличка пронзается гвоздем (см. статью Defixio в IV т. Pauly-Wissowa). И на табличке из собрания Н. П. Лихачева первоначальным текстом было, несомненно, также проклятие; восстановить его, к сожалению, невозможно; чуть ли не единственные буквы, складывающие слово,—это ΔН первой строки, на основании которых можно предположить: $\xi\delta\eta[\sigma\ \tau\eta\nu\ \gamma\lambda\omega\sigma\sigma\alpha\nu\ \kappa\alpha\iota\ \tau\eta\nu\ \psi\upsilon\chi\eta\nu\ \kappa\tau\lambda]$ ¹. Если первый текст был проклятием, то второй—

¹ Следы первичного письма сохранились только на лицевой стороне таблички. Воспроизводим эти остатки первичного письма.

Строка	1.	≡	∇	...	Δ ^Н	...	Н	.....
"	2.	∴	...	Υ	.....	Δ		
"	3.	...	ΤΑ	.....				
"	4.	.....						
"	5.	.....	Α	Γ	.....			

отвращением этого проклятия путем написания снимающего проклятие наговора. Табличка является, таким образом, крайне любопытным памятником магии письмен (отвращение написанного проклятия письмом, сопровождаемым, разумеется, особым ритуалом).

Табличка была приобретена Н. П. Лихачевым в Афинах и по письму определяется IV в. до н. э. В настоящее время она разломана на две части по сгибу; каждая из частей была также согнута вдвое. Сложив обе части, находим наибольшую длину таблички—0,11 м и наибольшую ширину—0,035 м. Текст заклинания написан с двух сторон.

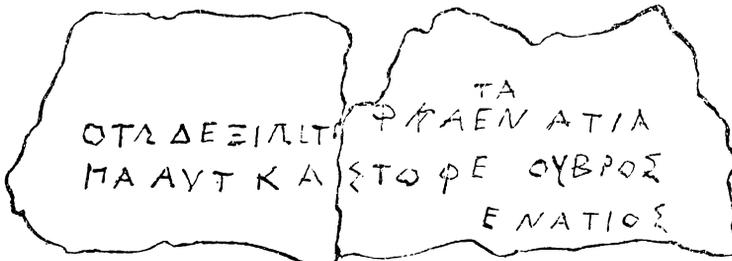
Чтение вторичного текста

1. στρόφ(η), στ(ρ)όφει: Ὑγὼ τὸ [ἐναν-
2. τία γέγραμμένον.
3. πατρ(ε) δ(εξιὸν) ἔχει ἔργο α(ὦ)σθον· [εἶ-
4. πασι τὸ ἔργο α(ὦ)τῆρ(ι)ον, (ε)να
5. τὸ δεξιὸν κ[αί] στ(ρ)όφῃ οὕτω ἐ[ναντία
6. ὡςπερ ταῦτ(α)... [ἐ]ναντία γέγρα-
7. πται.

Перевод:

«Да отвращает, отвратит Иго то, что как супротивное написано. Отца десница владеет деянем, спасая. Ты сказал деянию спасительное (τὸ ἔργο σωτήριον), чтобы десница и отвращала так супротивное, как это супротивное написано».

Обратная сторона:

8. ὅτω δεξιῶν: στρόφρα τὰ ἐνα(ν)τία, [εἶ
9. πα· αὐτ(ι)κα στ(ρ)όφει(ι) ὁ ὕβρις ἐνα(ν)τίας.

«Так десницей я отвратил супротивное. Я сказал: тотчас отвращается дерзость супротивная».

Бытовые особенности. Заклинание отвращает не только τὰ ἐναντία (эвфемистическое замещение наводимого зла), но и самую злую волю проклинавшего (ὕβρις). Зло, наводимое проклятием, отвращает сама богиня

¹ ТА после ΠΑΣ, по нашему мнению, принадлежит первоначальному тексту.

‘Υγίεια (=‘Υγώ текста). Десница (τὸ δεξιόν и πατρὸς δεξιόν)—олицетворение физической силы. Десница пишущего по магическому замещению реального удара руки отвращает навлеченное проклятием зло. В соответствии с общим тоном заклания σωτήριον ἔργον (слово магической терминологии)—спасительное противодействие злему деянию проклинаящего.

Построение заговора. В основе построения лежат противопоставления στρόβρι и γέγραπται: στρόβρι σὺτω ἐναντία—ὡπερ ἐναντία γέγραπται—οὕτω δεξιῶ στρόβρα τὰ ἐναντία.

В постоянных повторениях опорных понятий заговора укрепляется и усиливается действенность отвращения, пять раз встречается στρόβρω, пять раз τὰ ἐναντία и три раза τὸ δεξιόν.

Грамматические особенности. Глагол στρόβρω соответствует обычному στρέρω, в 9-й строке στρόβρι в непереходном значении. Ὁ ὕβρος (9-я строка) равняется обычному ἡ ὕβρις, форма ‘Υγώ вместо ‘Υγίεια, как ἀπαξ εἰρημένον, встречается только в нашем тексте.

Графические особенности. ζ передается посредством σδ (σῶσδον, строка 3) ψ посредством φσ (στρόφρα, строка 8), двугласная ου обозначается одним ο (ἔργος, строки 3 и 4=ἔργου, и ὄτω строка 8=ὄτω, хотя в строке 5 читается σὺτω). В строке 9 στρόβε(ι)=στρόβρι; в строке 8 ἐνατία вместо ἐναντία и в строке 9 ἐνατίος вместо ἐναντίος.

ДРЕВНЯЯ ИРАНСКАЯ ТКАНЬ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Л. И. Якунина

В 1923 г. Государственный Исторический музей в Москве приобрел из частных рук вышитую ткань, находившуюся ранее в одной из старинных церквей в Новгороде.

В первоначальном виде эта ткань (пелена) Государственного Исторического музея представлялась в виде широкого, почти квадратного куска материи (184 см × 129 см), с одной стороны покрытого золотным шитьем, а с другой—наложенного на плотную льняную голубого цвета подкладку (крашенину). Золотная вышивка изображает религиозный сюжет: распятие с предстоящими, и как по рисунку, так и по технике выполнения отнесена специалистами к XII в., что само по себе уже определяет значительность этого нового экспоната.

Для реставрации некоторых частей вышивки пелена была отправлена в мастерские Исторического музея. Когда там поднороли подкладку, развернули освободившуюся ткань и рассмотрели вышивку, то было установлено несколько новых и чрезвычайно интересных обстоятельств:

1. Ширина основного полотнища составляла не менее 142 см, так как кромка по краям обрезана и добавочные куски пришиты к срезу шириной в 45 см.

2. Золотная вышивка оказалась сделанной на самостоятельном фоне и только прикрепленной, как и подкладка, к основной ткани, которая, таким образом, не только не пострадала от нашитой на нее вышивки, но, наоборот, сохранилась между этими двумя материями, как бы в футляре.

3. Самая ткань новгородской пелены по целому ряду признаков—иранского происхождения и может быть отнесена к VIII—IX вв. н. э.

Рассмотрим и опишем эту замечательную ткань, так неожиданно появившуюся на свет.

Материя чисто шелковая, диагонального переплетения, двойной расцветки, двустороннего тканья: с лица белый рисунок по лиловому полю, с изнанки, наоборот, лиловый рисунок на белом фоне. Окраска от времени несколько поблекла: белый цвет слегка пожелтел, лиловый—посветлел, но изящный и сложный узор выступает на обеих сторонах.

Тканый орнамент тянется повторными квадратами, напоминая полосы неразрезанных узорных платков.

Основу его составляет центральная фигура крылатого чудовища, которая по фантастическому и вместе с тем реалистическому рисунку напоми-

нает изображения ассирийского быка, но на львиных лапах. Каждая лапа перевязана лентой в один узел, и концы ее свободно развеваются, словно оборванные в разъяренном беге путы. На одной ноге они завязаны выше колена, а на остальных—на коленях. Любопытны кружки на щиколотках чудовища, в том месте, где нога быка переходит в львиную ступню.

Великолепно трактованные фронтально расположенные крылья и яростно закинутый длинный хвост придают особенную энергию фигуре, подчеркивая ее динамичность.

Массивная голова, выполненная, как и торс, более темным рельефом, увенчана украшениями и завитками, намекающими на сбрую; такие же ремни и подвески ясно обозначены на груди, боках и крупе быка-льва.

Вся эта фигура очень экономно заключена в узкую окружность, за которой расположена вереница зверей, как бы бегущих вокруг своего владыки; их фигуры перемежаются с орнаментальными украшениями сердцевидной формы.

Этот звериный хоровод обведен вторым кругом, который доходит до краев квадратного раппорта; оставшиеся незанятые четыре угла заполнены сложным орнаментом из тех же мотивов.

Весь узор занимает 72 см в поперечнике, а сечение центрального круга с фигурой чудовища—50 см.

Вся композиция в целом: вписанные в квадрат и друг в друга концентрические круги, животный и стилизованный лиственный орнамент (сердце), а также детали технического воспроизведения их— удивительно пластична, рельефна и экономична, напоминая лучшие образцы чеканного мастерства великих восточных народов. Точно весь этот замысловатый и вместе с тем строго ограниченный рисунок переведен на ткань с какого-нибудь драгоценного блюда, вычеканенного из благородного металла прихотливым мастером.

Но, с другой стороны, мы можем провести аналогию между тканью Исторического музея и некоторыми образцами, хранящимися в музеях Западной Европы; это позволит нам установить приблизительно дату и происхождение нашего экспоната.

Рисунок центральной фигуры чрезвычайно напоминает изображение гиппокампа на сасанидской ткани VII—VIII вв., хранящейся в Кенсингтонском музее в Лондоне¹. Кроме того, грива нашего чудовища выткана небольшими ромбами, как это мы видим на узоре, образующем хвост гиппокампа, однако ромбы на гриве быка-льва заполнены трехлистными пальметами, так же, как хвост и крылья.

Весь животный орнамент в целом, заключенный между двумя вписанными друг в друга окружностями, по своей композиции очень близок к орнаменту, окружающему клеймо сасанидской ткани, которая хранится в Берлинском музее и датируется VI—VII в.² Разница лишь в том, что на берлинской ткани животные, заполняющие овал, находятся в покое, на ткани же Государственного Исторического музея они изображены в движении. Эта именно особенность в изображении животных, лаконизм и выразительность рисунка свойственны искусству сасанидской эпохи: владычество династии иранских властителей Сасанидов (226—636) является периодом расцвета национальной иранской культуры и искусства. Этот национальный подъем, эта реакция против всего иноземного отразились

¹ L e s s i n g, Die Gewebesammlung des Kunstgewerbe Museums, Taf.160.

² O. F a l k e, Kunstgeschichte der Seidenweberei, Berlin, 1913, Band I, S. 84, Abb. 107.

Рис. 1. Иранская ткань VIII–IX в., покрытая шитьем XII в. (лицевая сторона)

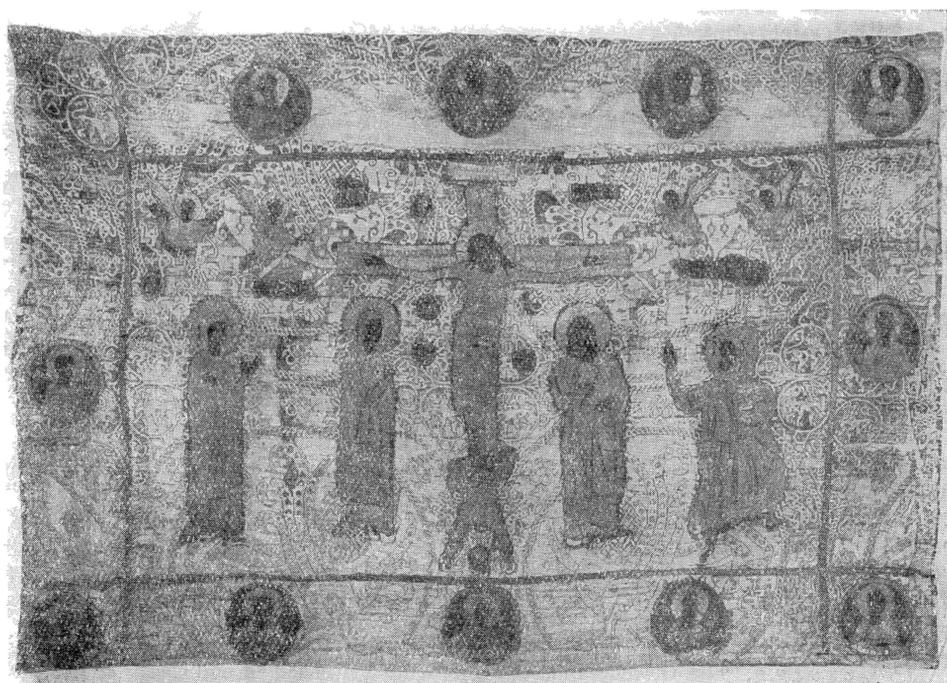

Рис. 2. Иранская ткань VIII–IX в. (оборотная сторона)

и на выделке и на орнаментировке тканей, к сожалению, дошедших до нашего времени в очень немногих образцах.

Как мы отметили выше, на груди у быка-льва вытканы украшения в виде двух полумесяцев, а под ними сделан завиток. Этот завиток повторяет рисунок предмета, вложенного в клюв утки, на сасанидской ткани VII—VIII вв., хранящейся в Ватиканском музее в Риме³.

Узор, заполняющий углы раппорта, в которые вписаны круги, состоит из небольших клейм со львами, стоящими в профиль, голову в фас; львы окружены завитками, заканчивающимися сердцевидными орнаментами. Этот сердцевидный орнаментальный мотив очень древний и часто встречается на сасанидском серебре⁴.

Наконец, кружки на суставах и перевязи на ногах быка-льва можно тоже рассматривать, как пережиток орнаментики сасанидского периода. Подобные перевязи, но в более примитивном виде, мы встречаем на двух антиноийских тканях, где изображены крылатые кони⁵. Falke видит в этих лентах остатки шарфов властителей-Сасанидов, перенесенных в виде орнамента на геральдических зверей.

Итак, описываемая ткань вполне отвечает тому определению, которое G. Migeon дает сасанидским тканям⁶. Он указывает, что самыми характерными для сасанидских тканей надо считать следующие признаки: 1) *circumrotata* («кругом колесом»), что в нашей ткани имеется. Falke⁷ полагает, что образцами для мотивов расположенных по кругу животных послужил балдахин Дария Гистаспа в Персеполисе; далее, 2) идентичное и симметричное повторение одного и того же мотива (раппорт). Опять-таки это условие вполне подтверждается на описываемой ткани. Затем G. Migeon полагает, что в сасанидских тканях главными мотивами являются: 1) *rugée*—жертвенник огня, и 2) *hop*—древо жизни. Эти последние символы как будто отсутствуют на нашем рисунке, но все же главные элементы их мы находим в деталях орнамента, а именно—в трехлистных пальметах, закрашенных в ромбах на гриве (шее) чудовища. Их рисунок совпадает с украшениями «древа жизни» сасанидской ткани Берлинского музея.

Что же касается эпохи, к которой можно отнести образец ткани Исторического музея, то нам представляется более вероятным определить ее VIII—IX вв.

После падения династии Сасанидов в VII в. в Иране развивается феодальный строй. Соответственно изменяются и требования господствующего класса, предъявленные к бытовому искусству; вместо прерогатив царской власти в орнаментике появляются геральдические животные. Но совершенная техника прикладного искусства, выработанная при роскошном дворе могущественной династии, еще живет в отдельных цехах и мастерских, давая образцы величайшего искусства, как это мы видим на нашем экспонате.

На узоре ткани Исторического музея представлен исключительно животный орнамент, исполненный притом с живостью и реализмом позднейшей эпохи. Эти обстоятельства в соединении с наличием высокой техники ткани дают нам право отнести происхождение древней ткани Исторического музея к лучшим образцам иранского искусства VIII—IX вв.

³ Ibid, S. 80, Abb. 99.

⁴ Смирнов, Восточное серебро. 1909, табл. LVI, № 90; табл. LIV, № 88; табл. XXI, № 48 и пр.

⁵ O. Falke, l. c., Band I, Abb. 48, 49 u. 50, S. 38.

⁶ G. Migeon, Les arts du tissu. Paris, 1909, p. 10.

⁷ O. Falke, l. c., S. 85.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«История» Фахрэддина Мубаракшаха

Ta'rikh-i Fakhru'd-Dīn Mubārākshāh being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Dīn Mubārākshāh Marvar-rūdi completed in a. d. 1206. Edited from a unique Manuscript by E. Denison Ross, Director of the School of Oriental Studies. London, 1927. XX + 84 pp. 8° («James G. Forlong Fund» Series, № 4).

Среди изданий восточных источников, выпущенных в свет в течение последнего времени, любопытным памятником для исследователей Средней Азии является сочинение Фахрэддина Мубаракшаха Мерверруди, до сих пор почти не привлекавшее внимания ученых. «История» Фахрэддина не отличается оригинальностью стиля и написана по образцу более ранних мусульманских произведений, отличаясь от них сжатостью изложения и большей простотой слога. Автор не был путешественником; многие места в его книге имеют компилятивный характер, что свидетельствует об использовании им литературного материала; в то же время мы находим в ней и такие сведения, которые тщетно искали бы в других источниках. Небольшой по объему труд Фахрэддина является, по нашему мнению, интересным источником не только для историка Средней Азии, но и для этнографа и лингвиста.

Персидская рукопись труда Фахрэддина Мубаракшаха была приобретена в Лондоне в 1912 г. А. G. Ellis'ом. С содержанием рукописи ученый мир мог ознакомиться лишь 10 лет спустя по статье D. Ross'a, *The Genealogies of Fakhru'd-Dīn Mubārākshāh* в сборнике 'Ajab Namaḥ в честь проф. E. G. Browne¹. Автор статьи обещал опубликовать полный перевод этого труда с примечаниями, но затем отказался от своего намерения и вместо полного перевода издал в 1927 г. из 125 листов рукописи только первые 55 листов (в издании выпущены л. 48 б—50 а), содержащие историческое введение к генеалогическим таблицам. Лондонская рукопись датируется Ross'ом XV—XVI вв.

Сведения о Фахрэддине D. Ross нашел у Ибн-ал-Асира (XIII в.), в «Табакат-и Насири» Джузджани (XIII в.), в «Хабиб ус-Сийар» Хандемира (XV—XVI вв.) и в «Хафт Иклим» Амина Рази (XVI в.). Ибн-ал-Асир дважды упоминает имя Фахрэддина (изд. Torngberg XII, 101, 160—161), который «писал хорошие стихи по-персидски и по-арабски» и «владел гостеприимным домом, в котором были книги и шахматы». Там ученые читали книги, а невежды играли в шахматы». Дата смерти нашего историка—шавваль 602 (1205—6 г.), указанная Ибн-ал-Асиром, не соответствует действительности, так как в самой рукописи упомянуты 11 и 17 числа месяца зу-л-ка'да 602 г. х. (Фахрэддин, 31—32), а в каталоге персидских рукописей Британского музея (Rieu, II, 487) назван другой труд Фахрэддина, составленный не ранее 607 г. х., так как он посвящен Шемсэддину Илтутмишу (л. 4а), правившему в Дели с 607 по 633 г. (JRAS, 1929, 583—4). Джузджани называет Фахрэддина автором генеалогического труда, составленного в стихотворной форме, о гуридских султанах; эту книгу он видел в 602 г. х. в царской библиотеке².

¹ A Volume of Oriental Studies presented to Prof. E. G. Browne. Cambridge, 1922, pp. 392—413.

² Raverty, *Tabakat-i Nasiri*, 1881, pp. 300—302.

Denison Ross убежден, что «Mr. Ellis' MS contains a copy of the work seen by Juzajani in A. N. 602» ('Ajab Namah, 393). К сожалению, автор статьи не приводит никаких доказательств, подтверждающих его вывод. Данные Джузджани о Фахрэддине и исторические факты того времени приводят нас к следующим выводам: 1) лондонская рукопись, повидимому, неполная; есть последняя редакция генеалогического труда Фахрэддина, составленного в прозе и предназначавшегося специально для Кутбэддина (основателя мусульманской династии в Индии, правивший с 602 по 607 г. х.); 2) сочинение Фахрэддина, которое видел Джузджани в 602 г. х. в царской библиотеке, предназначавшееся для Му'ызэддина (а не для Гийасэддина, как у Raverty), предшественника Кутбэддина,—вероятно первоначальная редакция генеалогического труда в прозе; 3) генеалогическая таблица в стихах (genealogical list in verse), составленная для Алаэддина (умер в 551=1156 г.), как указывает Джузджани, факт сам по себе мало вероятный. Если бы такой труд действительно существовал, о нем было бы упомянуто в лондонской рукописи, где автор подробно рассказывает о том, как он составлял свой труд. Если допустить существование подобного труда, то он, вероятно, являлся панегириком в честь Алаэддина, в котором могла быть изложена в стихах генеалогия гуридских султанов. Хандемир называет Мубаракшаха поэтом и автором труда по астрономии (бомб. изд. II, 155). Возможно, что указанное у Хандемира сочинение по астрономии есть тот самый труд Фахрэддина, о котором говорится в каталоге перс. рук. Британского музея (Rieu, II, 801).

Точное заглавие книги Фахрэддина в рукописи не дано. В нескольких местах автор говорит о ней, как о «шеджере» («дереву»), о «шеджере-и ансаб» и о «шеджере-и нисбет» («дереву родословий») (Фахрэддин, 62, 67, 71).

Вся рукопись имеет 125 листов *in octavo*, содержащих следующий материал:

- л. 16—386. Введение (подробно см. ниже).
- л. 39а. В рукописи на этом листе имеются лишь следующие слова: «Города Китая. Карта Туркестана и Мавераннахра». Переписчик, вероятно, затруднился скопировать карту, но сохранил для нее место.
- л. 39б—48а. Предисловие к генеалогии. Автор, между прочим, дает свое полное имя и генеалогию и объясняет, как он приступил к составлению генеалогических таблиц.
- л. 48б—49а. Генеалогия пророка.
- л. 49б. Белый лист.
- л. 50а—55б. Начало генеалогических таблиц. Приводятся легендарные сведения об Адаме и Еве и их непосредственных потомках до Сифа. Рассказ внезапно обрывается на л. 55б в середине истории Удж б. Анака и его убийства Мусой и израильтянами³. D. Ross высказал предположение, что, вероятно, в лондонской рукописи недостает нескольких листов, которые имелись в оригинале.
- л. 56а—124б. Содержание 136 генеалогий. В 'Ajab Namah по ошибке сказано, что в книге имеется 68 генеалогий; ошибка отмечена издателем. Рукопись заканчивается генеалогией Гуридов.

В книге Фахрэддина исключительный интерес представляет введение автора; на нем мы более подробно остановимся. После обычного в мусульманских сочинениях словословия и описания свойств аллаха автор кратко говорит о мусульманской космогонии. Подобно мусульманским географическим трудам, в книге говорится о делении земли на семь климатов, после чего следует перечисление важнейших стран и городов, входящих в состав каждого климата. В этом случае наш автор следовал по стопам мусульманских географов IX—X вв., из сочинений которых он заимствует географические сведения⁴. Укажем некоторые поправки и неудачные, по нашему мнению, конъектуры, принятые издателем рукописи. На стр. 4, очевидно, вместо Б-х-ран следует читать Наджран⁵ и вместо Х-р-с надо читать Джураш. На стр. 5 вместо Садвистан предлагаем чтение Сарвистан⁶. Среди географических названий третьего климата упоминается, между прочим, Дахамала (?); подобное название мы тщетно старались найти в каком-либо другом географическом труде (ср. Фахрэддин, XVII); вероятно, оно переписчиком искажено. Перечень областей и городов третьего климата заканчивается словами: «и Т-к-син из области Туркестана и могила Хатунь». Т-к-син, как географический термин, не встречается ни у арабских географов IX—X вв., ни в

³ Наш автор, как правило, не называет своих источников. Здесь же, при изложении истории Удж б. Анака, легендарного библейского великана, ссылается на Са'лаби (XI в.) и передает эту историю в сильно сокращенном виде, так, как она изложена у Са'лаби в «Кысас ал-анбийа».

⁴ Ср., например, Макдиси, BGA, III, 59—61.

⁵ BGA, III, 59; «Худуд ал-Алем», л. 336; Якут, 1, 29.

⁶ См. «Худуд ал-Алем», л. 27а и Истахри, BGA, I, 161; IV, 78, прим. С.

словаре Махмуда Кашгари. Гардизи (XI в.) говорит лишь о «шатрах чигилей Тексина». На средневековой китайской географической карте Западной и Средней Азии встречается название местности между Хами (Kamul) и Бишбальком в форме T'a-gu-sin⁷. Можно предположить, что Тагусин Фахрэддина соответствует T'a-gu-sin китайских источников. «Могила Хатуны» издатель предположительно отождествляет с могилой жены Кутейбы б. Муслима. Едва ли такое голословное предположение может быть принято. У М. Кашгари указывается город под странным турецким названием Катун Сиии (III, 101, 240), что, судя по контексту, значит «могила женщины». Возможно, что Фахрэддин слышал это турецкое название города и отметил его в персидском переводе (макбаре-и хатун). У Кашгари этот город помещен между Тангутом и Сином⁸. На стр. 6 принятое Росс'ом (под знаком вопроса) чтение Л-дж-раб (ср. на стр. 69 чтение Л-х-рай) мы предлагаем читать ал-Джурз, как у Ибн-Хурдадбега и Ибн-Русте (BGA, VI, 16, 67; VII, 135). Вместо Сайран лучше Сабран или Сауран. В числе географических названий седьмого климата упоминается «лес Лура» (?) (на стр. 39 «Лаура») (о его предполагаемом местоположении см. ниже). К этому же климату отнесена «река Рус», под которой одни понимают верхнее течение Волги до впадения Камы, а другие—Дон; это же название мы находим еще у Ибн-Хаукаля и в рукописи Туманского (BGA, II, 276; Худуд ал-Алем, л. 106). Упоминание реки «Рус» в нашем тексте свидетельствует еще раз о том, что автор при описании климатов пользовался арабскими географами IX и X вв.

После перечисления областей и городов семи климатов автор кратко излагает: падение иблиса, господство человека над животным миром; говорится о значении ученых и правителей; приводятся цитаты из корана о повиновении властям и хадисы, характеризующие ислам. На этом заканчивается первая часть введения по лондонской рукописи (Фахрэддин, 1—18).

Затем автор сразу переходит к характеристике состояния государства Гуридов в Афганистане в конце VII в. х. (конец XII и начало XIII в. н. э.). Среди смут, когда гуззы наводнили Афганистан и на некоторое время завладели государством Газневидов, возвышается гурид Му'ызэддин, который берет Газну и значительно расширяет пределы своего государства. Кратко описывается состояние страны при Му'ызэддине и более подробно рассказывается о карьере Кутбэддина, ближайшего помощника и сподвижника Му'ызэддина, и о его блестящих походах в Индию⁹. В результате завоевания Гуридами Индии в конце XII в. началась сильная исламизация страны (Фахрэддин, 26 сл.). Наступательное движение Гуридов встретило упорное сопротивление со стороны некоторых индийских племен. Заместителем Му'ызэддина в Дели был оставлен Кутбэддин, а сам Му'ызэддин предполагал вернуться в Газну. На пути из Дели в Газну, в местечке Дамиак, он был убит в 1206 г. Кутбэддин становится самостоятельным правителем Дели. Автор подробно останавливается на правлении Кутбэддина и его реформах. Отмечается, что турецкие элементы занимали в то время господствующее положение в стране. Фахрэддин не скрывает своих симпатий к туркам, к которым принадлежал и сам Кутбэддин. Автор стремится объяснить причину их господствующего положения. «Кто-либо может спросить,—говорит Фахрэддин,—что за причина славы и удачи, которая выпала на долю турок. Ответ: общеизвестно, что каждое племя и классы людей, пока они остаются среди своего собственного народа, среди своих родственников и в своем городе, пользуются уважением и почетом, но когда они странствуют и попадают на чужбину, их презирают, они не пользуются вниманием. Но турки наоборот: пока они находятся среди своих сородичей и в своей стране, они представляют только одно племя из числа других турецких племен, они не пользуются достаточной мощью и к их помощи не прибегают. Когда же они из своей страны попадают к мусульманам,—чем дальше они находятся от своих жилищ, родных и страны, тем больше растет их сила и они более высоко расцениваются, они становятся эмирами и сипех-саларами». «Среди изречений Афрасиаба, который был царем турок и был безгранично мудрым и умным, было изречение такое: турок подобен жемчужине в морской раковине, которая не имеет ценности, пока живет в своем жилище; но когда она выходит наружу из морской раковины, она приобретает ценность, служа украшением царских корон, шеи и ушей у невест» (Фахрэддин, 36—37).

Затем автор переходит к описанию Туркестана. «Туркестан—самая обширная страна на земной поверхности: с востока она граничит с Китаем, на западе граница

⁷ Bretschneider, Med. Researches etc, 1910, II, 32; ср. E. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidentaux, 1903, 7 и Hioüen-Thsang, Mémoires etc. 1857, 1, 45.

⁸ Ср. замечание Pelliot, Journ. As., 1920, I, 174; Chavannes, op. cit., 58; Codex Comanicus, 1880, pp. 222, 295; K. Miller, Marrae Arabicae, v. 147.

⁹ Об этом подробно см. у D. Ross'a, 'Ajab Namah, 398—400.

простирается до Византии, с севера—стена Йаджудж и Маджудж, а с юга горы Индустана, где выпадает снег». Туркестан богат редкими и дорогими предметами, которые оттуда вывозят для продажи за большие деньги. Вот перечень этих предметов: мускус татарский, тибетский и хотанский (ср. ЗВО, VIII, 17; BGA, VII, 365); дорогие ткани из Китая¹⁰; тонкая разноцветная шелковая ткань: турецкая шелковая ткань; меха бобров, лисиц болгарских и бургасских¹¹, соболей, сурков, горностаев и белки; тибетский бык; белый тополь и его кора (ср. BGA, IV, 198—199); рога хуту¹²; белоснежные газели (ср. Махмуд Кашгари, II, 229), соколы и кречеты; яшма; разные дорогие кони; верблюды обыкновенные, двугорбые и дикие, не встречающиеся в других местах.

«В Туркестане есть область, которую называют Тангут; всякий, кто привозит туда один харвар¹³ хлопчатобумажной ткани, вывозит оттуда один харвар серебра; половину он отдает хану; без разрешения турецкого хана никто не может туда отправиться». Откуда заимствовал эти сведения Фахрэддин, нам неизвестно. У Кашгари о Тангуте сказано, что это «название племени из турок, живущих вблизи Китая и утверждающих, что они происходят от арабов» (III, 268). Других сведений у него нет. Далее рассказывается, что «в области Согда находится гора, вода которой доходит до Самарканда; в этой горе имеются рудники с серебром и золотом, бирюза с нефтью, а также рудники с железом, свинец, ртуть, чистый нашатырь и купорос, которые вывозят в страны мира» (Фахрэддин, 38—39). Несомненно, что здесь речь идет о реке Зеравшане, которую обычно называли «рекою Согда» или, по возвышенности Чупан-ата близ Самарканда, «рекою горки» (аб-и кухек). Что же касается горы, то, повидимому, здесь имеются в виду Зеравшанские горы. Заимствовал ли наш автор эти сведения, как и многое другое, из более ранних источников, или его сообщение об обработке горных богатств в Зеравшанских горах относится к его времени, трудно установить¹⁴.

Известно, какое большое значение для оседлых областей Средней Азии имела торговля с кочевниками. Торговые связи были необходимы для обеих сторон. Наш автор рисует любопытную картину обмена между купцами и людьми, стоящими на очень низкой ступени развития. Приводимый ниже рассказ несомненно носит книжный характер. «В области Туркестана имеется лес, который называют лесом Лаура; живут там дикари; они ни с кем не смешиваются. Купцы, которые туда отправляются, берут с собой товары и ткани, годные для этой области. В одной степи, которая издавна была местом купли и продажи, они их оставляют, а сами удаляются на некоторое расстояние. Те дикари тоже приносят свои товары и кладут их рядом с товарами купцов. Если их сделка является приемлемой, они свои товары оставляют, а товары купцов берут. Если же (сделка) окажется неподходящей, они оставляют свои товары, а товары купцов берут и кладут их на некотором расстоянии от своих, а сами удаляются. Когда купец издала это увидит, он возвращается (к своим товарам) и что-нибудь к ним прибавит и снова удаляется. Снова приходит тот дикарь; если он удовлетворен, он берет товары купца и уносит, а свои оставляет. Затем приходит купец и берет товар (дикаря). И вся эта купля и продажа совершается без разговора между обеими сторонами»¹⁵.

В «ал-Канун ал-Мас'уди» Бируни, сказано: «ghiyad Yuga' wa hum mutawahhishun yutajiruna mu'auanatan», что значит: «леса Юра, а они одичалые и ведут торговлю путем обмена предметов, выставленных для осмотра»¹⁶. Следовательно, упоминаемый у Фахрэддина «лес Лура», куда ездили купцы для меновой торговли, можно с уверенностью читать «лес Юра (или Югра)». В мусульманской литературе известны названия двух самых северных народов, а именно: Юра (или Югра, Угра) и Вису (или Ису). Вису обычно отождествляют с финским племенем Весь (одни предполагают, что они жили близ Чердыни на Каме, а другие помещают их близ Белозера), а Юра или

¹⁰ Здесь автор различает Северный Китай, известный под именем Хита, и Южный Китай—Чин. Ср. T'oung Pao, XIII, 727—742 и XIV, 427 сл.

¹¹ О бургасских мехах говорят Ибн-Русте (BGA, VII, 140), Гардизи (Б а р т о л ь д, Отчет, 97) и Якут (1,567). Автор «Худуд ал-Алем» упоминает о мехах горностаев у барадасов (л. 386), не заметив их тождества с бургассами Истахри (BGA, I, 225).

¹² Ibid., 222; ср. T'oung Pao, XIV, 315 сл.; Asia Major, 1925, 11, 112.

¹³ Харвар—мера веса тяжести, поднимаемой одним ослом.

¹⁴ Ср. данные о рудниках у Истахри, BGA, I, 312 сл.

¹⁵ Фахрэддин, 39—40. Некоторые сведения о немой меновой торговле приволжских стран приведены у Х в о л ь с о н а, Известия о хазарах, бургассах и т. д. Ибн-Даста-Ж. М. Н. П., XII, 1868, стр. 762 сл. См. еще В. Т и з е н г а у з е н, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, 297—298.

¹⁶ Цит. рукописи Брит. музея (Or. 1997). См. Hudud al-Alam. Transl. and explain. by V. Minorsky. GMS. London. 1936, p. 309.

Югра (Угра)—с угорскими остяками (в бассейне Оби) и вогулами (на склонах Северного Урала). Теперь мы можем сказать, что «лес Лура» (Юра, Югра, Угра) находился в Сибири. Как полагал Marquart («Osteurop. u. Ostasiat. Streifzüge», 53), Южная Югрия (Угрия) была по соседству с р. Ишимом и в Бараба (Барабинская степь к западу от Новосибирска).

Откуда позаимствовал Фахрэддин этот рассказ, пока определить трудно. О подобной же меновой торговле, но не так подробно, говорит Мухаммед Ауфи в своей антологии, составленной в Индии в 1228 г. Для сопоставления приведем и его рассказ: «С правой стороны от земли кимаков живут три народа, которым купцы приносят товары. Они ни с кем не говорят ни слова; их купля и продажа совершается не путем разговора, но купцы кладут свой товар, а другие приходят и кладут возле них цену. Если продажа согласен, он уносит предмет обмена, а свой товар оставляет»¹⁷.

Далее говорится о двух лесах; в одном живут нагие, длинноволосые дикари, а в другом, разделенном рекой, живут на одном берегу реки одни мужчины, а на другом одни женщины; один раз в году, ночью, женщины приходят на мужской берег и там сходятся с кем хотят; никто не имеет определенной жены или мужа. Средствами к жизни служат плоды, которые сушат на зиму; в течение зимы живут в пещерах и оттуда не выходят, пока не сойдет снег. Аналогичный рассказ имеется в географии Идриси (XII в.)¹⁸, где указаны названия островов мужчин и женщин, которые переводчик Jaubert читал «Амраинес», а Seïppel читает «Амазанус», т. е. острова амазонок¹⁹. Любопытно, что миф об амазонках встречается уже у старейшего арабского географа, ал-Хорезми²⁰, и других арабских географов (Бекри, Идриси, Магриби, Димешки). Автор «Худуд ал-Алем» (X в.) приурочивает легендарные острова мужчин и женщин к Балтийскому морю (л. 5а). Тальгрэн, между прочим, говорит, что остров Нарген, против Таллина, называется по-фински Naissare, т. е. «остров женщин или женщины»²¹.

Далее, кратко остановившись на занятиях жителей Туркестана, его климате и магических свойствах некоторых камней, автор говорит, что «диковинок и редкостей в Туркестане очень много, но и этого будет достаточно, чтобы не увеличивать объема книги». На этом заканчивается вторая часть введения сочинения Фахрэддина (стр. 19—42).

Затем следует наиболее ценная часть введения, в которой автор сообщает сведения о русах, хазарах, турках, тугузгах, согдийцах и об их письменности; приводится перечень известных автору турецких племен. Все эти сведения, несомненно, заимствованы у предшественников—историков и географов. К сожалению, автор не сообщает нам своих источников. Среди использованного им материала мы находим и такие сведения, которых нет в других известных нам мусульманских трудах.

О русах мы читаем следующее: «Русы живут на островах, пашен не имеют и земледелием не занимаются»²². Они постоянно ведут беспечный образ жизни, славян забирают в плен и продают, у жителей грабят имущество и хлеб, и это служит им средством к существованию. Возле каждого мальчика, когда он рождается, кладут меч (и говорят): когда станешь взрослым, прибыль от него будет»²³. Одна ветвь их (руссов) сжигает покойника, а другая кладет его в могилу в стоячем положении» (Фахрэддин, 42—43). Вот и все, что мы имеем о русах в книге Фахрэддина; Автор, несомненно,

¹⁷ См. статью Marquart'a в Festschrift für Friedrich Hirth, Berlin, 1920, стр. 296 и его же замечание на стр. 297. Ср. «Худуд ал-Алем», л. 4а, 22—23.

¹⁸ «Géographie d'Edrisi» trad. par A. Jaubert, II, 433.

¹⁹ A. Seïppel, *Remum normannicarum fontes arabici*, I, 138; ср. стр. 151.

²⁰ C. A. Nallino, *Al-Huwarizmi*, 50.

²¹ Minorsky, *op. cit.*, 191.

²² У Ross'a это место переведено так: «In the islands are the Russians, who also engage in agriculture» (sic!). Ср. Ибн-Русте (BGA, VII, 145): «У них (руссов) нет пашен; только тем они питаются, что берут из земли славян».

²³ Ross переводит это место слишком вольно: «he is intended to become a soldier». У Ибн-Русте мы читаем: «Когда рождается у кого-нибудь из них (руссов) мальчик, отец кладет перед новорожденным обнаженный меч и говорит ему: я не оставлю тебе имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что ты приобретешь этим мечом» (BGA, VII, 145). Гардизи буквально следует Ибн-Русте (Бартольд, *Отчет*, 100). В мешхедской рукописи Ибн-ал-Факиха (л. 169б) об этом рассказывается так: «Когда мальчик достигает совершеннолетия, ему дают лук и лошадь и выгоняют его из дому в горы и степи, говоря: иди теперь, поучись сам добывать себе пищу и одежду». «Известия Рус. Академии наук» 1924, 241. Ср. Ауфи, ЗВО, IX, 263—264; Якут, I, 839; II, 834. См. еще Marquart, *op. cit.*, 294.

заимствовал эти сведения из книг. Мы знаем, что в трудах арабских писателей собрано много сведений о народах Восточной Европы, в частности о русах²⁴. Недавно было высказано предположение, что арабские писатели могли заимствовать свои сведения о русах из ранее существовавшего текста-первообраза, в который потом каждый внес свое толкование. «Таким первообразом,—говорит автор этой гипотезы В. Мошин,—мог быть еврейский текст». Допускается при этом возможность существования в Хазарии в X в. целой еврейской исторической и географической литературы, возникшей еще в IX в. Еврейский источник о русах мог попасть в багдадский архив и дать арабским писателям сведения о русах²⁵. Для нашего автора таким источником скорее всего мог быть труд Гардизи (оба писали в Афганистане), у которого, однако, о русах собраны более обширные сведения, чем у Фахрэддина. Не исключена возможность, что нашему автору были известны труды Ибн-Русте и Мас'уди²⁶. Особый интерес специалистов должно вызвать сообщение автора о погребении русов в стоячем положении. Если не ошибаюсь, ни в курганных погребениях степей юга России²⁷, ни в мусульманской географической литературе об этом нет сведений. Возможно, что наш автор в данном случае неправильно понял свой источник.

Более ценные сведения сообщает Фахрэддин о хазарах, о которых говорится в двух местах. «Большая часть хазар—иудеи; зиму они проводят в городах, а летом отправляются в степи; у них есть пашни, обработанная земля и много скота» (Фахрэддин, 42). Только поспешностью издания можно объяснить допущенную Росс'ом ошибку в переводе данного места; у него сказано: «The Khazars are mostly Jews, who spend their summer in towns and the winter in the country» (Фахрэддин, стр. X)²⁸. В другом месте (Фахрэддин, 46) сказано следующее: «У хазар тоже есть письмо, и это письмо происходит от русского; ветвь народа Рума, живущая вблизи них, пользуется этим письмом, и у них румийцы называются русами²⁹. Они пишут слева направо, буквы не соединяются между собой. Букв всего 22 (в тексте сказано 21, а дается перечень 22), большая букв нет». Далее автор передает хазарский алфавит в арабской транскрипции, которая, к сожалению, не дает нам представления о фонетике языка. Алфавит этот следующий: a, b, w, d, h, dj, z, kh, t, i, k, l, m, n, s, gh (см. прим. 28), f, q, r, sh, t, th. Свое замечание о хазарской письменности автор заканчивает словами: «Большая часть хазар этой ветви, которые употребляют это письмо,—евреи»³⁰. Ни одного текста на хазарском языке до нас не дошло. По словам арабских географов, язык хазар отличался от языка турок, но они считали хазар по происхождению турками³¹. Следуя этому, и наш автор, как увидим ниже, включил хазар в свой список турецких племен. Теперь туркологи приходят к выводу, что из остатков языка волжских булгар и, вероятно, хазар образовался язык чувашей. Ни в одном из известных нам восточных источников мы не находим точных сведений о хазарской письменности. Повидимому, наш автор имел под руками какой-нибудь источник, к которого мы не знаем. По мнению Бартольда, русское происхождение, вероятно, приписывается хазарскому алфавиту по недоразумению. Гораздо правдоподобнее допустить, что русские и хазары получили алфавит из одного и того же источника—от греков В изантии³². Хотя ко времени принятия русскими христианства Хазарское царство утратило свое прежнее значение, но продолжало существовать, имея постоянное общение с русскими³³. По нашему мнению, хазары, вернее—те из них, которые были соседями русских, могли подвергнуться влиянию русских и заимствовать от них письмо, которое русские имели еще до начала деятельности греческих миссионеров среди хазар.

²⁴ Известия 33 арабских писателей о русах изданы А. Seiprel'em, op. cit., 49—113, Рец. R. Hartmann'a в OЛZ, 1932, 127—128.

²⁵ «Доклады Академии наук СССР», В, 1929, № 4, 58.

²⁶ «Prairies d'or», II, 9.

²⁷ См., например, М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, главы X и XI.

²⁸ Ср. также на стр. XI не везде правильную передачу хазарского алфавита: седьмую букву следует читать не «a», а «z»; шестнадцатую букву вместо «t», вероятно, надо читать «gh», если допустить, что в рукописи вместо «айн», как показано в издании, стоит «гайн».

²⁹ Ср. В. Бартольд, Культура и письменность Востока, кн. IV, 17. Росс переводит: «who live near them and are called «Rum-Rus» (стр. XI) и предполагает, что под «рум-рус», надо, вероятно, разуместь булгар. Ср. слова Истахри, BGA, I, 225, «Худуд ал-Алем», л. 37а и М. Кашгари, I, 30, 33.

³⁰ По мнению Росс'a, вероятно, имеется в виду кириллица, но, конечно, не еврейский алфавит.

³¹ BGA, I, 225; 11, 285, VIII, 83.

³² Бартольд, ук. соч. 17.

³³ А. А. Шахматов, Повесть временных лет, 1916, стр. 17 сл.

«Кроме мусульман,—пишет далее Фахрэддин,—в Туркестане имеются четыре (в тексте сказано три) категории жителей: евреи, христиане, зороастрийцы (муги) и идолопоклонники (вероятно, автор имеет в виду буддистов); большая часть из них признает творца. И они знают о пророках и о том, во что надлежит верить, хотя они сами в то не верят. И если бы они не знали о них, они не имели бы названий для них (на своем языке)». Автор приводит следующие турецкие слова, связанные с религиозными представлениями турок: *tāgrī* (божество), *idī* или *ulug tāgrī* (владыка), *bajāt* (божество)³⁴, *jalavač* (посланник), *saqči* (пророк) (у Махмуда Кашгари этого слова нет), *bu ažup* (этот мир) (слово «ажун» заимствовано из согдийского языка), *ol ažup* (тот мир), *ulug kūn* (великий день), *učmaq* или *učmah* (рай), *čtuh* или *tamug* (ад), *sākiž učmah* (восемь раев), *jāti tamug* (семь адов), *saqiš* (счет)³⁵.

«Есть и другие вещи,—продолжает наш автор,—благодаря которым они (турки) имеют преимущество перед другими людьми. Одно то, что после персидского языка (в тексте: *zāban-i tāzī*) нет языка лучшего и более благородного, чем турецкий. Теперь у людей больше стремления к (изучению) турецкого языка, чем это было в прежние времена. Это объясняется тем, что большинство эмиров и военачальников—турки; им принадлежит власть и богатство; все нуждаются в этом (языке). Благородные и знатные находятся на службе у турок, под властью которых они пользуются спокойствием, защитой и уважением. И кроме того, у турок есть книги и письмо; они знакомы с магией и астрологией; они обучают детей письму. Письмо у них двух родов: одно—согдийское, а другое—тугузгуское. Согдийское письмо имеет 25 букв, больше нет, а 3 буквы отсутствуют в их письме, а именно: «дад», «за», «гайн»³⁶. Они пишут справа налево; большая часть их букв не соединяется между собой. Изображение букв следующее³⁷: а, b, ġ, d, h, v, z, ħ, ŧ, i, k, l, m, n, s, ġ, f, s, k, r, š, t, t, ħ, d. Произношение их букв получается путем присоединения алифа. Таким образом, они говорят: а, ба, ġа, да, ha, va, za, ħа, ŧа, ia, ka, la, ma, na, sa, ġа, fa, ŧа, ra, šа, ta, ŧа, ia, da. «Нет надобности,—продолжает Фахрэддин,—переводить эти буквы, так как ясно, что это такое. Этот вид письма большей частью не допускает соединения букв между собой». Таковы данные Фахрэддина о согдийском алфавите, которые были исследованы R. Gauthiot в статье «L'alphabet sogdien d'après un témoignage du XIII siècle» (JA, 1913, 1, 521—523). Исследователь полагает, что «l'écriture dont il parle est donc du premier type, dit «ancien» ou du moins très proche de ce type».

Под «тугузгуским» письмом Фахрэддин понимает, конечно, уйгурское, знакомством с которым, как доказал Gauthiot, турки обязаны согдийцам. Уже В. В. Бартольд обратил внимание, что Махмуд Кашгари, писавший во второй половине XI в. не по книгам, а на основании личного знакомства со Средней Азией, знает только уйгуров, а не тугузгузов. Наш автор говорит о тугузгузах по книгам, называет их «настоящими турками» (стр. 39) и приводит некоторые сведения об их письменности, но он, повидимому, знает и уйгуров, поместив тех и других в свой список турецких племен. Указывается, что письмо тугузгузов имеет 28 букв, пишут справа налево, буквы между собой не соединяются. Автор, к сожалению, не дает тугузгуского алфавита, а ограничивается приведением в алфавитном порядке 29 букв арабского языка. В рукописи, в качестве примера, приведено тугузгуским письмом выражение «*Basmla*», которое издателем опущено, так как «the distorted forms could not be rendered in type».

Далее говорится, что у турок есть поэзия, касыды и руба'и. Приводится руба'и (с междустрочным персидским переводом) с целью, как указывает автор, показать, что турецкая поэзия скандируется и имеет смысл.

В дальнейшем Фахрэддин дает перечень турецких племен. Автор по этому вопросу пишет следующее: «У турок имеется очень много племен; большинство живет в степях и имеет шатры; из-за скота они остаются на одном месте только зимой, когда степь покрывается снегом». Указывается, что если кто-либо пожелал бы узнать все турецкие племена, то осуществить это было бы невозможно³⁸, но некоторые хорошо известны, и автор дает их перечень. У предшественника Фахрэддина, Махмуда Кашгари, много места уделено турецким племенам; к туркам он причисляет и те народы, кото-

³⁴ У М. Кашгари «имя аллаха на диалекте аргу», III, 128, ср. *Asia Major*, 1925, II, 116.

³⁵ Ср. П. Мелоранский, Араб-филолог о турецком языке, 1900, стр. 44.

³⁶ В рукописи стоит «айн»; исследователь этого места рукописи делает следующее примечание: «Le a i n est sans doute une faute de copiste pour le g a i n», «*Journal Asiatique*», 1913, 1, 522, n. 1.

³⁷ Из фотоснимка с листа 29а лондонской рукописи видно, что издатель выпустил из текста 4-ю и 6-ю строки этого листа с изображением согдийских букв арабским шрифтом (*Ibid*, 1913, 1, 523).

³⁸ Ср. слова М. Кашгари, 1, 27, и Мухаммеда Ауфи, Бартольд, Туркестан, тексты, 99.

рые, по его словам, говорили на другом языке, но знали и по-турецки (Диван, I, 30). В списке Фахрэддина встречаются и такие племена, которых нет у Кашгари; наблюдается, однако, и обратное явление. Вот перечень турецких племен у Фахрэддина: 1) Тюрк (повидимому, это слово, помимо коллективного названия турок в XII и XIII вв., вероятно, и раньше, служило также названием особого турецкого племени; у Кашгари такого названия племени нет); 2) Йемек, 3) Кыркыз, 4) Карлук (ср. № 7), 5) Чигил, 6) Анмур (Аймур у Кашгари и Рашидэддина), 7) Харлук (ср. № 4), 8) Кынык, 9) Йагы (Ива или Йава у Кашгари), 10) Салук (вероятно, Салур или Салор), 11) Халадж, 12) Огуз, 13) Хита (Хитаи у Кашгари), 14) Гай (ср. № 16), 15) Урус (у Кашгари и Рашидэддина нет, имеется у Абулгази), 16) Кай (ср. № 14), 17) Уран (у Кашгари нет; ср. Джувейни), 18) Тухси (в изд. Нухси), 19) Тибет, 20) Каратибет (у Кашгари нет; у Рашидэддина Буратибет), 21) Сук-лаи? (Сакалиба?), 22) Кумиджи (в издании Ким-Джи), 23) Каймак (у Кашгари нет), 24) Хазар (ср. выше; у Кашгари нет), 25) Карахазар (у Кашгари нет; имеется у арабских географов), 26) Хафджак (у Кашгари Кыфджак), 27) Ал-ты (в других источниках нет, Алтай?), 28) Куджат, 29) Биджинек (Печенеги), 30) Огул? (в других источниках нет; ср. № 12 и 48), 31) Сатык и 32) Сутук (сближаются с согдаками; имя Сатук носил один из караханидов); 33) Татар, 34) Карагатар, 35) Каныклы (Канклы), 36) Баргу (в орхонских надписях Иер-Байырку), 37) Гуз (ср. № 12), 38) Карагур (Карауйгур?), 39) Тугузгуз (в рук. Тагузгуз), 40) Йагма, 41) Аракун (у Кашгари и Рашидэддина Юрекир), 42) Кайык (ср. № 16), 43) Салгир (ср. № 10), 44) Йазгыз (у Кашгари Йазгыр, у Рашидэддина Йазыр), 45) Рюкюр (вероятно, Дюкюр, у Кашгари Тюкер, у Рашидэддина Дюкер), 46) Байандур, 47) Ула-Йандулык (у Кашгари Ула-Йондулук), 48) Угур (вероятно, Уйгур, ср. № 30), 49) Туграк (у Кашгари Ыграк или Уграк), 50) Байат, 51) Тутурга (у Кашгари Тутырка), 52) Дуджиран (в других источниках нет), 53) Сувик (ср. № 32; у Кашгари нет), 54) Йабагу, 55) Афшар, 56) Б-к-риз (у Кашгари и Рашидэддина Бюкдюз), 57) Бекдели, 58—60) Икаба, Аткус, Лу узара (в других источниках сведений нет; последнее название в рукописи сильно искажено), 61—62) Урул, Лар-Тилк (в других источниках нет), 63) Басмыл и 64) Ал-и Барсхан.

Из 64 названий турецких племен (фактически 58, так как 6 названий повторяются в другой форме) большинство нам известно, и сведения о них мы находим в других источниках. Но в списке имеется также ряд названий, о которых в других сочинениях сведений нет, и самое чтение их сомнительное.

На этом, собственно говоря, и заканчивается наиболее ценная часть исторического введения книги Фахрэддина. Дальнейшие страницы (47—61) посвящены описанию доблести, великодушия и терпимости турок. Специально говорится о Кутбэддине. Эти места книги нашего историка являются, пожалуй, самым веским доказательством того, что дошедшая до нас редакция исторического введения была автором переработана специально для Кутбэддина. Введение заканчивается прославлением Кутбэддина. Вслед за этим в оригинале была помещена географическая карта, которая отсутствует в лондонской рукописи.

В предисловии к генеалогическим таблицам (стр. 62—75) автор прежде всего приводит свое полное имя и генеалогию. Затем подробно рассказывается о том, как он приступил к составлению своего труда. Первоначально автор предполагал ограничиться составлением полной генеалогии своих предков, начиная с пророка и его 10 сподвижников. В процессе работы Фахрэддин значительно расширил свой план, включив также генеалогию знаменитых людей и мусульманских династий. Автор указывает, что в течение 12 лет был занят сбором этих материалов и еще один год ушел на приведение в систему собранного материала и его переписку. Автор три раза исправлял и дополнял свою работу. Когда книга была закончена, Фахрэддин показал ее прежде всего своему отцу, который был ученым того времени. Отец похвалил своего сына за выполненную работу, указав, что и он в течение 30 лет размышлял о составлении подобного труда, но не имел возможности это исполнить. Предисловие заканчивается изложением обстоятельств, при которых труд автора был представлен в Лагоре Кутбэддину, который приказал приготовить специальную копию для царской библиотеки. Прежде чем приступить к изложению генеалогических таблиц, автор счел нужным привести несколько легендарных сюжетов (стр. 75—84), лишенных всякого исторического смысла. На этом заканчивается печатный текст книги Фахрэддина. Незаконченные генеалогические таблицы, по словам D. Ross'a, не представляют ничего нового.

По замечанию Denison Ross'a, которому востоковедная наука обязана знакомством с рукописью Фахрэддина, в этой книге затронуты «многочисленные проблемы», от полного исследования которых этот ученый воздержался. В настоящей статье мы стремились познакомить советского читателя с содержанием изданной рукописи и попутно дать посильный ответ на некоторые из этих проблем, привлекая для этого доступный нам материал.

И. Умняков

Из литературы о принципате

HAMMOND M. The Augustan principate. Cambridge, Massachusetts Harvards University Press, 1933, p. 341; *HOMO L.* Auguste (63 av. J. C. —14 ap. J. C.), Paris, Payot, 1935, p. 330; *GAGÉ J.* De César à Auguste. Oú en est le problème des origines du principat? A propos du César de M. J. Carcopino («Revue historique», tome 177, Paris, 1936, p. 279—342).

ХАММОНД М. Принципат Августа; *ОМО Л.* Август; *ГАЖЕ Ж.* От Цезаря к Августу. Состояние проблемы возникновения принципата. По поводу книги Ж. Каркопино «Цезарь».

История конца Римской республики и первого периода империи относится к числу наиболее сложных вопросов истории античного мира. За последнее десятилетие вышло немало книг и статей, посвященных этому вопросу. Мы выбрали три работы, характеризующие основные направления в изучении данного вопроса зарубежными историками.

Первая из рецензируемых работ принадлежит американскому историку Хаммонду. В начале своей книги автор говорит, что эпоха Августа ставит перед исследователем целый ряд трудно разрешимых вопросов. Нелегко психологу разобраться в раздвоенном образе Августа, который в 43 г. до н. э. выдал ради своей карьеры Цицерона, а впоследствии за свои заслуги был удостоен титула отца отечества. Моралист должен каким-то образом примирить те пороки Августа, о которых немало рассказывает Светоний, с тем, что известно об Августе, как добром семьянине, строгом отце и восстановителе общественной нравственности; наконец, перед историком стоит вопрос, был ли Август восстановителем республики или же первым самодержцем (стр. 3). Не отрицая важности всех этих вопросов, Хаммонд считает возможным остановиться исключительно на конституционной истории этого периода. Подобно современной Великобритании, Рим, по словам Хаммонда, не имел писаной конституции. Государственное управление зиждилось на различных прецедентах и отдельных законодательных актах, юридически не было ничего постоянного и неизменного. Политический строй времен Августа отличался от республики, какую знал Цицерон; значительные изменения произошли в политической жизни и при преемниках Августа. Теория часто не соответствовала практике. Но тем не менее установить основы этой теории Хаммонд считает возможным, и это составляет главную задачу его книги.

Основной тезис всей книги: несмотря на противоречия, какие существовали между сенатом и императором, теоретически верховная власть (*supremacy*) принадлежала сенату. Император выступал как слуга сената, представлявшего римский народ. Таким образом, тот политический режим, какой был установлен Августом, не был, по Хаммонду, ни монархией, как полагают многие исследователи, ни диархией, как считал Моммзен, а республикой, и Август, таким образом, был восстановителем республики.

Доказательство своего положения автор начинает с разбора тех полномочий, какими Август пользовался. Для обозначения высшей власти в римском государственном праве с древнейших времен существовало понятие *imperium*, которым наделялись высшие магистраты. Однако история республики знает немало примеров, когда те или иные лица получали *imperium* в форме чрезвычайных полномочий, не занимая тех или иных магистратур. Вот эти чрезвычайные полномочия (экстраординарные магистратуры) и явились прецедентом власти Августа. Первое упоминание о таких полномочиях относится еще к 367 г. до н. э., когда для войны с Неаполем получил чрезвычайные полномочия Публилий Филон, не являвшийся магистратом. Особенно часто такого рода *imperium* встречается в I в. (полномочия Лукулла, Помпея, Цезаря и пр.). Власть Августа была чрезвычайной магистратурой, не отличавшейся в принципе от тех, какие появились задолго до установления принципата. Хаммонд утверждает, что с конституционной точки зрения здесь не было ничего необычного: подобно тому, как это было и прежде, *imperium* был предоставлен Августу сенатом и римским народом. Переходя к анализу других полномочий, какими пользовался Август, Хаммонд приводит слова из *Res gestae divi Augusti*, которые поставлены автором и в качестве эпитафии ко всей его книге: «в шестое и седьмое консульство, после того, как я потушил гражданские

войны, облеченный по всеобщему согласию высшими полномочиям, я передал республике из своей власти в распоряжение сената и римского народа». Эти слова для Хаммонда не фикция: они передают действительное положение вещей, наступившее в 27 г. Август правил на основе полномочий сената. В его титулах не было ничего нереспубликанского. Титул императора, например, не обозначал верховной власти; его присоединил к своему имени Август, как наследник Цезаря. В противоположность Моммзену, считавшему трибунскую власть (*tribunicia potestas*) одной из основ власти Августа и его преемников, Хаммонд приходит к заключению, что *tribunicia potestas* имела второстепенное значение. Это был почетный титул, дополнение к *imperium*, необходимое для проведения реформ, для упрочения влияния в Риме и Италии, на которые *imperium* Августа после 23 г. не распространялся. При этом трибунская власть Августа имела в теории такое же значение, как и власть других народных трибунов. «В военном отношении император был только слугой сената и римского народа, от которых он получил *imperium*. В гражданских же делах он был преемником Гракхов и Цезаря в защите прав народа» (стр. 83). Моммзен считал возможным говорить о диархии (двоевластии) на том основании, что император получал свои полномочия от войска. Хаммонд находит, что войско играло большую роль при выборе императора *de facto*, а не *de iure*. В заключение автор повторяет, правда, в несколько смягченной форме, то положение, какое формулировано было им вначале: «Восстановление республики было нечто большее, чем фикция» (стр. 195).

Мысль, что Август являлся не монархом, а восстановителем республики, высказывалась и ранее. Наиболее последовательно этот взгляд проведен в работах Эд. Мейера и Ферреро. Ближе всего Хаммонд примыкает к первому. Но в отличие от Эд. Мейера Хаммонд рассматривает вопрос исключительно с конституционной точки зрения. Но и этот принцип не является новым. Хаммонд идет по пути Моммзена, но не Моммзена-историка, а Моммзена-юриста, автора «Римского государственного права». Но изучать конституционную историю изолированно от истории социальной—дело совершенно бесплодное. Полная противоречий политическая действительность I века н. э. никак не может быть уложена в «конституционную схему». Автор поэтому иной раз вынужден выйти за пределы права и заняться социальными темами. Но освещает он их опять-таки юридически, т. е. однобоко и неправильно. Хаммонд, например, не может обойти вопрос о том, почему республиканские учреждения, если они действительно были восстановлены Августом, не стали играть прежней роли. Он указывает две причины: нежелание лиц сенаторского сословия исполнять свои общественные обязанности и рост значения императорской бюрократии (стр. 142). Но как же объяснить появление этой бюрократии? Автор и здесь находит ответ: «для римских магистратов было обычно для выполнения служебных обязанностей пользоваться слугами» (стр. 190). Наивность и поверхностность этих объяснений совершенно очевидны для всех, кроме автора.

Между тем, книга Хаммонда основана на большом материале; автору хорошо знакома литература вопроса, которая собрана в конце книги и может служить прекрасным библиографическим указателем. Можно указать целый ряд удачных определений тех или иных понятий римского государственного права. Но порочен самый метод изучения вопроса. Конституционная история есть неотъемлемая часть социальной истории. Лишь тогда, когда изучение будет направлено на определение социальной сущности принципата, лишь тогда, когда противоречия этой эпохи мы выдвинем на передний план и будем ставить своей целью их понять, а не уклоняться от их объяснения,—только тогда можно определить и характер власти императора, охарактеризовать как роль сената, так и значение тех учреждений, какие возникают в начале империи. Конституционная история, абстрагирующая от социальной, всегда останется непоследовательной и бесплодной.

Другой характер носит посвященный Августу труд известного французского историка Леона Омо. Эта книга вышла в серии «Bibliothèque historique» и является, в первую очередь, биографией Августа. Работа разделена на четыре части, озаглавленные: 1) Человек, 2) Император, 3) Конец, 4) Заключение—Август перед судом истории. В первой части излагаются жизнь Августа до начала его политической карьеры и события после выступления его на политическую сцену вплоть до полной победы над своими политическими противниками. Главы эти написаны близко к источникам; автор не делает даже попытки разобраться в социальных противоречиях этого периода. Последние главы первой части посвящены характеристике Августа, членов его семьи и его ближайших помощников. Характеристика Августа не отличается оригинальностью. Многие заимствованы из известной монографии об Августе Гардтаузена. Характеристика носит апологетический характер. Отрицательные черты Августа, о которых мы можем судить на основании источников, автор приводит, но так или иначе старается их оправдать. Как известно, источники не дают нам единого и цельного образа Окта-

виана Августа. Во времена второго триумvirата—это жестокий, корыстолюбивый и эгоистичный тиран, после победы над Антонием—это справедливый, милостивый и добрый правитель. На это противоречие неоднократно указывалось в исследованиях, и мы найдем немало попыток его разрешения. Омо этот вопрос обходит и берет охотнее те версии, которые относятся к более позднему периодом деятельности Августа.

Вторая часть работы Омо (стр. 109—211) посвящена характеристике того политического режима, какой был создан Августом. В противоположность Хаммонду, Омо проводит мысль, что тот политический строй, какой установился после битвы при Акции, был монархией, несмотря на сохранившуюся видимость республики. Основой власти Августа был *imperium* (сначала консульский, а с 23 г. н. э. особый *imperium maius*, прецедентом которого был *imperium proconsulare*), власть трибуна (*tribunicia potestas*) и верховный понтификат. Монархия, созданная Августом, отличалась от политического идеала Цезаря. «В целом, система принципата выражала национальную латинскую реакцию против системы восточно-эллинистической монархии Цезаря» (стр. 174). В этой же части Омо дает характеристику управления империей, а также излагает внешнюю политику Августа. Отчетливее, нежели во многих других работах, излагает Омо налоговую систему, установившуюся при Августе. Вопросы социальной истории затрагиваются поверхностно. Так, например, взаимоотношения между Августом и сенатом рассматриваются лишь с формальной, юридической точки зрения: говорится о разделении провинций, об эрарии и фиске и т. д. Вопрос об отношении к Августу сенатской знати обходится. Эта часть заканчивается главой: «Август—творец нового идеала». Глава эта посвящена идеям литературы и искусства времен принципата. Основные мысли автора восходят еще к тем положениям, какие были выдвинуты в свое время Гастоном Буассье.

В части, озаглавленной «Конец», заслуживает внимания глава, посвященная Паннонскому восстанию и поражению римлян в Тевтобургском лесу. Главы эти, главным образом, написаны по данным Веллея Патеркула и Флора, которые сравнительно мало использовались в предыдущих работах. Наконец, удачно изложена политика Августа в конце его правления (стр. 257 сл.). Автор выдвигает то положение, что введение ряда налогов в конце правления Августа обуславливалось, главным образом, неудачами во внешней политике.

В заключении—«Август перед судом истории»—излагаются взгляды на Августа в античности, в средние века и затем даются сведения о новых археологических раскопках. Однако автор не дает описания открытых памятников, ограничиваясь лишь сухим перечислением.

Книга Омо имеет значение лишь как систематизация того, что уже не раз было высказано в исторической литературе. Но автор как будто сознательно обходил все спорные вопросы, какие возникают в связи с изучением этого периода. Проблемы даже не поставлены. Не говоря уже о социальной сущности принципата, даже вопросы политической истории затронуты поверхностно. Приходится отметить, что работа Омо об Августе слабее других его работ по истории Рима (монография об Аврелиане, «Римская империя» и др.).

Статья Ж. Гаже, как видно из заглавия, написана по поводу книги Каркопино, составляющей особый том «Всеобщей истории» Глотца. Автор не ограничивается изложением взглядов Каркопино,—он дает краткий обзор литературы о Цезаре и Августе за последние 15—20 лет. Заслуга автора заключается, главным образом, в том, что он формулировал те проблемы, какие возникли в последнее время в связи с изучением конца республики и начала империи. Какова связь между политической программой Цезаря и тем политическим строем, какой ведет свое начало от Августа,— вот основной вопрос, разбираемый в статье Гаже. В основном статья направлена на опровержение теории Эд. Мейера, полагавшего, что Цезарь ставил своей целью основать монархию по восточно-эллинистическому образцу. Рим должен был раствориться в этой мировой монархии. Другие цели преследовал Помпей, стремившийся сохранить республику, в которой первенствующую роль должен был играть сенат. Помпей претендовал не на роль монарха, а принцепса—первого гражданина, охраняющего аристократическую республику. Эту систему принципата Цицерон идеализировал в трактате *de re publica*. В своей политической деятельности Август следовал примеру не Цезаря, а Помпея. Гаже считает прежде всего необходимым разобрать отдельные элементы идеологии принципата, указать, каким образом возник каждый из этих элементов и какую роль играли они в обосновании власти Августа. Роль и значение принцепса невозможно понять, исходя из юридического анализа тех полномочий, какими он был наделен. По поводу «Римского государственного права» Моммзена Гаже говорит: «Труд Моммзена, естественно, продолжает вызывать удивление и в значительной своей части сохраняет ценность; его анализ различных императорских полномочий остается непревзойденным. Однако истолкование всего явления в целом становится все более и более спорным»

(стр. 287). Дело в том, что отдельные полномочия, какие были у Августа (например, *tribunicia potestas*), хотя и сохраняли прежнее республиканское название, но приобрели иной смысл. «Несмотря на все различия—а различия эти громадны,—что подумали бы в будущем об историке, который через несколько веков попытался бы объяснить путем имманентной эволюции отдельных институтов или путем развития юридических принципов в рамках прежде существовавших государств... такие уродливые личные полномочия, как полномочия немецкого фюрера, являющегося одновременно канцлером и главой государства, или же итальянского дуче» (стр. 290). Недавно найденные эдикты Августа из Кирены говорят о неограниченной власти императора в тех провинциях, какие по разделу 27 г. до н. э. находились в ведении сената. Наконец, новый вариант *Res gestae divi Augusti*, так наз. *Monumentum Antiochenum*, дал возможность установить, что Август хотя и пользовался такой же властью (*potestas*), как и другие магистраты, но стоял выше их, в силу *auctoritas*. Семантическое родство этого слова с *augeo* (умножать), *Augustus*, показывает, что, независимо от магистратур, император пользовался особым «авторитетом», занимал исключительное положение. Наконец, власть Августа не будет понятна, если оставить в стороне религиозные мотивы ее обоснования, или, как говорит Гаже, «мистические, иррациональные элементы». С самого же начала принципата мы встречаемся с элементами императорского культа: почитание гения императора, особое религиозное значение *Pax Augusta*; наконец, *tribunicia potestas*, как это можно судить из слов Августа, имела особое мистическое значение.

Установив, таким образом, идеологические основы власти Августа, Гаже пытается проследить пути возникновения всех этих понятий. Нет никаких оснований, по его мнению, противопоставлять власть Цезаря власти Августа. Моммзен считал Цезаря демократическим монархом, и действительно, «демократическая идеология» (кавычки употребляет и Гаже) характерна не только для начала его политической карьеры. Переход Рубикона Цезарь мотивировал тем, что хочет отомстить за поправные права народных трибунов, война с Помпеем представлялась им как гражданская война с сулланским полководцем. Цезарь принимает трибунскую власть и пр. Но и в числе полномочий Августа большую роль играла *tribunicia potestas*; он выставил себя восстановителем свободы (*vindex libertatis*).

Цезарь стремился основать мировую монархию, во главе которой стоит царь, обладатель божественной власти. В противоположность Эд. Мейеру, Гаже отказывается видеть в этой программе Цезаря простое подражание восточным эллинистическим монархиям, в первую очередь—птолемеевскому Египту. Нельзя не учитывать чисто римских представлений. Понятие царь (*rex*), например, связывалось, с одной стороны, с Тарквинием Гордым, тиранном, изгнанным из Рима, но, с другой стороны, пользовался популярностью царь Ромул, основатель города. Обожествление человека коренится в восточных верованиях, но они давно проникли в Рим, и здесь особым почитанием пользовался Ромул—отец отечества (*pater patriae*); существовали своеобразные династические культы в аристократических родах (культ Венеры в роде Юлиев). Цезарь оперировал, таким образом, элементами, какие были созданы до него. Наконец, стремление к всемирной космополитической монархии восходит к влиянию стоической философии, которая стала популярной в аристократических кругах со времен Циципиона Младшего и служила оправданием римских завоеваний.

Монархические идеи Цезаря разделялись и осуществлялись Августом, правда, в смягченной форме. Мировой характер, например, Римской империи был официальным догматом, а когда Август называет себя «победителем на суше и на море», он говорит, как владыка вселенной (*maître cosmique*).

Гаже отрицает то положение, что исключительное значение, какое приобрел при Августе термин *princeps*, есть доказательство того, что Август шел за Помпеем и стремился осуществить идеал Цицерона. Цицерон, говоря о роли принцепса, имел в виду не Помпея, а себя. В трактате *de re publica* принцепс не является полководцем, это—гражданское лицо. Наконец, в своих политических планах Помпей не отличался от Цезаря, и если Август следовал по его пути, то не в восстановлении республики, а в утверждении монархии. Гаже разбирает характерные для принципата политические термины: *princeps*, *moderator*, *privatus*, *concordia ordinum*, и указывает, что они встречаются не только у Цицерона, а являются распространенными понятиями, появившимися в эпоху ранней республики или же созданными под влиянием стоической философии.

В заключительной главе Гаже пишет: «Предшествующие страницы, как и характер всего исследования, могут произвести на читателей впечатление парадокса, как будто мы полагаем, что императорский режим был продуктом чисто идеологического движения. Никому не придет в голову подвергать сомнению то, что эта великая «монархическая революция» была результатом длительного процесса социального и политического

развития. Без анархии в конце Римской республики, без характерной для сената неспособности осуществлять стоявшие перед ним мировые задачи, а прежде всего без вмешательства военного фактора невозможно было бы объяснить появление империи. Весь вопрос заключается в том, как объяснить тот очевидный параллелизм, который наблюдается между собственно конституционной историей Рима в последний век и эволюцией идей, нравов и верований, относящихся к политической жизни» (стр. 335).

Мы считали возможным остановиться на работе Гаже, поскольку она лучше, чем другие, вводит в круг тех вопросов, какие ставятся в настоящее время в буржуазной историографии при изучении принципата. Заслуга Гаже заключается в том, что он показал невозможность и бесплодность конституционной истории принципата. Это не значит, что следует отказаться от определения отдельных полномочий Августа, функций его чиновников и т. д. Не забудем, что эти чисто юридические на первый взгляд моменты играли в Риме большую роль, чем в других государствах древнего мира. Но они не могут объяснить сложного процесса образования империи, а сами нуждаются в объяснении. Наконец, власть Августа никогда не может быть понята, если ее представлять как сумму разного рода полномочий. Гаже вслед за Каркопино правильно поставил вопрос и о том, что нельзя противопоставлять власть Цезаря власти Августа. Интересны его замечания относительно значения в различные периоды тех или иных политических терминов.

Но, вместе с тем, мы должны сказать, что те опасения, какие высказал Гаже в заключении, имеют основания. Действительно, при чтении его работы получается впечатление, что «императорский режим был продуктом чисто идеологического движения»; получается это впечатление потому, что его объяснения перехода от республики к монархии не только общи и поверхностны, но и мало содержательны. Гаже показал, что невозможно изучать конституционную историю без учета других идеологических моментов, но вместе с тем его работа говорит и о том, что невозможно изучать историю и идеологию без социальной истории. В *Res gestae divi Augusti* есть не только главы, говорящие о характере власти Августа; там найдем мы указания и на то, что заставило многих республиканцев примириться с монархическим режимом. Говоря о борьбе с Секстом Помпеем, Август не называет своего политического противника, а рассказывает о победе над ним в следующих словах: «Море очистил от пиратов. В той войне я захватил в плен 30 000 беглых рабов, которые подняли оружие против республики, и передал их господам для надлежащего наказания». Подавление движений рабов и установление империи, как определенной формы военной диктатуры,—это два неделимых друг от друга явления, и это обстоятельство нельзя игнорировать при изучении истории республики и конца империи. Наконец, установление империи никак нельзя объяснить без анализа соотношения классовых сил в период второго триумvirата и во времена Августа. Современные работы буржуазных историков, посвященные интересующему нас вопросу, рассматривают характер политического строя при Августе, занимаются историей отдельных институтов, интересуются Августом, как человеком, определяют основные элементы идеологии принципата, дают историю некоторых провинций, но нужно заметить, что вопрос о социальной сущности принципата за последнее время не ставился серьезно ни в одном исследовании, и можно даже сказать определенно, что работы прошлого века, как, например, работа Гардтгаузена, социальным проблемам уделяли большее внимание, чем это делается буржуазными историками в последнее время.

Мы не касаемся чисто публицистических «работ» итальянских авторов, видящих в античности прецеденты современных итальянских колониальных захватов. Для историка античности они не представляют никакого интереса. Вполне справедливо поступает Гаже, игнорируя эти работы, ограничиваясь по поводу некоторых лишь ироническими замечаниями (стр. 286).

Никакого интереса для историков не представляют и немецкие работы последних лет о принципате. Они характерны лишь как свидетельство о протистировании науки в странах фашистского мракобесия, о сознательной фильсификации науки для пропаганды человеконенавистничества.

Н. Машкин

Открытие древнейшей цивилизации в долине Инда

The Indus Civilisation, by Ernest Mackay, London, 1935

Археологическая наука послевоенного времени сделала ряд интереснейших открытий, которые вводят нас в мир древнейших цивилизаций и интереснейших памятников материальной культуры народов, о которых историческая наука не имела ясного представления.

Значительный интерес представляет открытие древнейшей дравидийской цивилизации в долине Инда.

По поводу раскопок в долине Инда, предпринятых еще с 1923 г. Дж. Маршаллом, появилась значительная литература. Отчеты археологических экспедиций с 1923 по 1929 г. (Annual Reports of the Archaeological Survey of India, 1923/24 to 1928/29) вызвали широкое движение не только среди археологов, но и историков, которые старались дать историческое построение на основе открытых памятников материальной культуры.

Следует сказать, что археологи, обычно не идущие дальше педантичной регистрации открываемых ими памятников, здесь оказались на высоте и первыми в своих исторических построениях пытались освоить открытые ими памятники древнейшей цивилизации Индии.

Дж. Маршалл, под руководством которого производились раскопки, выпустил в 1931 г. интересную работу об историческом значении открытых в Мохенджо-Даро памятников индийской цивилизации. Столь же богатая культура исследовательской работы чувствуется и у другого английского исследователя, производившего археологические работы, у Маккея, книга которого об индийской цивилизации и является предметом нашего рассмотрения.

Вышедшая в 1935 г. книга Е. Маккея «The Indus Civilisation» посвящена подробной характеристике памятников, открытых в долине Инда, и дает некоторое историческое обобщение материала в целях социальной характеристики открытой цивилизации.

Памятники вновь открытой цивилизации обнаруживались в течение ряда лет в двух, главным образом, пунктах индийской долины: в Хараппе, в округе Монтгомери, и в Мохенджо-Даро, в 400 милях к юго-востоку от Хараппы, в округе Ларкан.

В Мохенджо-Даро раскопки производились разными лицами. В 1922 г. копал Бенарджи, в 1923/24 г. раскопки вели Уотс, Диктч; в 1925/26 г. за раскопки принимается Дж. Маршалл, являвшийся тогда главным начальником производства археологических работ в Индии (Director-General of Archaeology in India). Последний включил в свою экспедицию Харгрейвса и Сана Улах и путем систематического производства раскопок сумел установить наиболее интересные памятники. К числу их относится большое помещение с хорошо выложенным полом из округленных кирпичей; назначение его является спорным в интерпретации археологов. Маккей считает, что это было нечто вроде «ресторана, похожего на позднейшие пикадилли» (latest peccadilloes), что ввиду крайней модернизации вряд ли может быть принято. На некоторой дистанции к югу от буддийской ступы Маршалл нашел большое строение, которое, по мнению Маккея, выражало черты коммерческой жизни города (a feature of the commercial life of the city). Это строение занимает 85 фут. в квадрате, и его крыша поддерживалась 20 прямоугольными колоннами. В противоположность такой интерпретации Дж. Маршалл считает, что это строение могло иметь религиозное назначение, и сравнивает его с буддийскими храмами, позднее высеченными в горах (см. стр. 54—55). К западу от ступы было открыто в сезон 1925/26 г. строение, сложное из обожженного кирпича, размером в 39 фут. 3 дюйма в длину и 23 фута 2 дюйма в ширину. Наличие колодцев и дренажной системы, отдельных комнат, расположенных группой около этого большого строения,

Рис. 1. Статуэтка мужского божества с характерным убором волос

дает основание Маскау считать это строение бассейном для ритуального омовения населения или же для священного крокодила и рыб, для чего, впрочем, нет никаких подтверждений (стр. 58—59), как замечает и сам автор.

Наконец, в числе других описываемых Маскау зданий указывается на раскопанный Маршаллом большой дворец со множеством отдельных помещений. Один размер

Рис. 2. Печати-амулеты

его—225 фут. длины и 115 фут. ширины, со стенами около 5 фут. толщины—достаточно говорит о значении этого памятника.

Что касается строений в Харappe, где раскопки производил, главным образом, Р. Сахни (1924/25 г.) и Уотс (1928/29 г.), то они, по сравнению с Мохенджо-Даро, сохранились хуже. Почвенные, железнодорожные и строительные работы частично разрушили памятники в Харappe. Маскау кратко описывает остатки древнейших строений этого поселения, поскольку они не опубликованы в археологических отчетах.

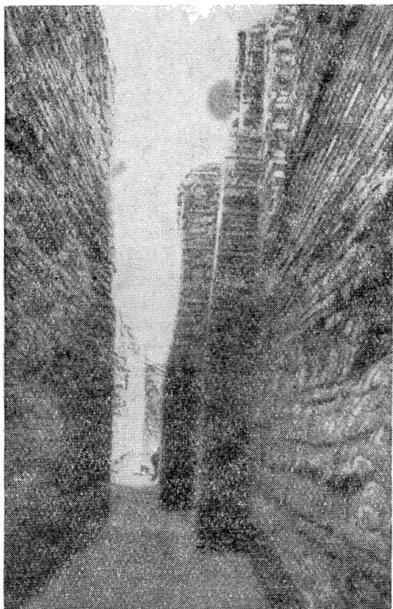

Рис. 3. Раскрытые остатки сооружений в Мохенджо-Даро

Основное строение в Харappe из более или менее сохранившихся представляет собою в восточной части 12 параллельных стен, с определенными интервалами между каждой парой. До сих пор не установлено точно, каково могло быть назначение столь обширного помещения.

Найденные остатки бронзы, меди, керамики, труб для стока воды, наконец, печатей с изображением, сходным с тем, что встречается на прото-эламских печатях, и с пик-

тографическими письменами, остающимися до сих пор еще не расшифрованными, остатки посуды различной формы и предметы украшений—все это осколки той богатой, мало изученной новой культуры, которую Маскау, по примеру своих коллег, называет древнейшей цивилизацией Индии.

В главах об архитектуре, одежде и украшениях, обычаях, ремесле и религии обитавшего в долине Инда древнейшего народа автор пытается дать характеристику этой цивилизации.

Изучение украшений (бусы, ожерелья и т. д.), одежды и обычаев позволяет Маскау на конкретных памятниках установить уровень ремесла, значительно развитой техники его, в особенности в обработке цветных камней, иногда вставлявшихся в золотую оправу. Автор приводит также примеры работы по металлу, главным образом ювелирной работы по золоту, из которого делались различной формы ожерелья весьма тонкой работы, найденные в Мохенджо-Даро археологом Рам Сани (Ram Sahni).

Все эти предметы украшения и быта древнейшей культуры Индии интересны с точки зрения Маскау и для установления хронологии Хараппы и Мохенджо-Даро, ибо, как замечает автор, найденные там бусы и ожерелья известны нам, как существовавшие в Вавилонии, Египте (стр. 109). Как замечает сам автор, это имеет большое значение как для установления связей Индии с районом Месопотамской долины, так и для датировки открытой культуры.

В последней главе о хронологии и связях с другими странами автор учитывает работы Dr. Frankfort'a, который, изучая сравнительно-исторический материал и показывая фрагментов керамики Тель-Амара и Мохенджо-Даро и Хараппы, устанавливает связь этой древнейшей цивилизации Индии с Месопотамией, с городами Кишем, Сумером, Эламом и т. д. и на основании этого относит открытую цивилизацию к началу III тысячелетия до н. э. Это очень хорошо доказывается на анализе печатей в Индии, которые, по мнению Dr. Frankfort'a, повторяются в Тель-Амаре.

Несомненно, много еще и неясностей в изучении открытой цивилизации; необходим дальнейший анализ памятников и, особенно, расшифровка тех писем, прочесть которые еще не удалось.

При всем этом значение открытий в долине Инда столь велико, что в изучении даже классического Востока нельзя уже обойтись без учета памятников новой цивилизации. Во всей литературе, за исключением разве только немецкой (см., например, S a r a s i n, Der Handel zwischen Indien und Rom, 1930, в которой проявлено полное незнание или игнорирование новых открытий), исторические памятники новой культуры не могли не быть отражены, и особенно в связи с древнейшей историей народов Месопотамии, которая во многом встает перед нами в новом свете.

Книга Маскау компактна, невелика по размеру (190 стр.), конкретна по содержанию, имеет 16 карт, иллюстраций, библиографию, индекс имен и предметов, что делает эту книгу по данному вопросу ценным пособием для историков.

Проф. А. Мишулин

HERMANN RANKE. Die ägyptischen Personennamen. Band I. Verzeichnis der Namen. Verlag von J. J. Augustin in Glückstadt, 1935, Ss. XVII+432.

РАНКЕ Г. Египетские личные имена. Том I. Перечень имен. Изд. И. И. Аугустин, Глюкштадт, 1935, стр. XVII+432.

При изучении целого ряда проблем древней истории, в особенности тех эпох, от которых осталось мало документов и памятников, исследователь принужден подвергать тщательной исторической критике каждое сохранившееся свидетельство, каждый обломок старины. Изучение имен, главным образом, собственных, в частности, личных имен, имеет в этом отношении большое значение, ибо даже самая поверхностная ономастология позволяет вскрыть в именах древние исторические напластования. В каждом древнем языке мы всегда найдем ряд теофорных имен, как, например, греческие имена Аполлодор, Гермоген или Деметрий, которые при анализе их распространения или применения позволяют иногда делать некоторые существенные историко-религиозные выводы. Этимология имен дает возможность подметить интересные бременные детали, характеризующие ту или иную эпоху. В этом отношении типичны для времени упадка античной культуры такие имена, как Jacynthus, Beryllus, Zmaragdus, Amor, Lasciva или Elegans, столь резко контрастирующие с целым рядом других, в которых сознательно подчеркивается исконно-римская доблесть, как, например, Pietas, Pro-

bitas, Dignitas. Еще более интересны в историческом отношении такие имена, которые относятся к переходным эпохам синкретических культур и смешанных религиозных верований. Таковы греко-египетские имена, ярко указывающие на то, как греческая культура и греческий язык адаптировали древнеегипетские религиозные верования (Исидор—дар Изиды) и как иногда в одном имени сплавлялись языковые образы греческого и соответствующего египетского бога (Гор-аполлон и Виссарийон из Bes-Agion, чему соответствует и форма Βεσσαριωνος). Наконец, изучение имен позволяет иногда более точно датировать тот или иной исторический памятник или документ.

Однако, для того, чтобы рационально использовать этот богатейший запас исторических фактов, скрывающихся в именах, следует тщательно собрать весь имеющийся в распоряжении науки материал и подвергнуть его всестороннему исследованию. Эту работу по отношению к древнеегипетским именам пытается не всегда успешно проделать Ранке, первый том большого труда которого вышел в свет в 1935 г. Ранке не является пионером в этой области. Еще во второй половине XIX в. Либлейн составил словарь древнеегипетских иероглифических имен (J. Lieblein, Dictionnaire de noms hiéroglyphiques en ordre généalogique et alphabétique publié d'après les monuments égyptiens. Vol. 1—4, Christiania, 1871—1892). Работа Либлейна до сих пор еще не потеряла своего значения, так как в ней использован богатейший материал, почерпнутый в музеях Египта, Франции, Англии, Голландии, Италии, Германии, Австрии и Швеции и так как автор в своем словаре расположил имена не только в алфавитном, но также и в генеалогическом порядке, что представляет большое удобство для исторического изучения данных памятников. В этом отношении к словарю Либлейна близко примыкает словарь имен, сохранившихся на памятниках Каирского музея, составленный французским египтологом Легрен (G. Legrain, Répertoire généalogique et onomastique du Musée du Caire. Genève, 1908.) Наконец, позднеегипетские имена собраны в книге Fr. Preisigke, Namenbuch enthaltend alle griechischen, lateinischen, ägyptischen, hebräischen usw. Menschnamen in griechischen Urkunden Aegyptens. Heidelberg, 1922. Таким образом, Ранке мог использовать труды своих предшественников, восполнив их тем большим материалом, который несомненно, находился в его распоряжении.

Труд Ранке содержит в себе алфавитный перечень египетских имен, начиная со времени 3-й династии и вплоть до римской эпохи. Здесь учтены имена иноземцев, нубийцев, ливийцев, сирийцев и хеттов, сохранившиеся в египетской транскрипции. Автор для этой цели использовал довольно большие текстовые материалы берлинского словаря египетского языка и египтологическую литературу до 1929 г. При проверке этих текстов он имел возможность изучить целый ряд подлинных документов и пополнить свои материалы, работая в различных музеях Европы и Америки, а также в Египте. Имена, приведенные в словаре Ранке, снабжены точными цитатами в тех случаях, когда они встречаются на памятниках до четырех раз. Если имена встречаются чаще, автор указывает некоторые цитаты на выборку. Распространенность того или иного имени отмечается словами: «множественно», «часто», «очень часто». Существенна датировка имен, которую автор, к сожалению, дает лишь в слишком общей форме, обычно указывая «царство» или «эпоху» и даже далеко не всегда указывая «династию». Автор приводит клинописную, греческую и коптскую транскрипцию некоторых имен и в некоторых случаях пытается дать переводы.

Несмотря на очень большой материал, использованный автором (в словаре собрано свыше 10 000 имен), и на очень кропотливую его обработку, труд Ранке все же страдает некоторыми недостатками и в первую очередь значительной неполнотой, что для словаря является важнейшим недочетом. Так, автором вполне сознательно пропущены имена, встречающиеся на памятниках первых двух династий, и в очень слабой степени использованы демотические тексты, за исключением папирусов из собрания Джона Райландса, изданных Гриффизом. Вне поля зрения автора остались египтологические собрания, хранящиеся в музеях СССР, в частности, коллекции Государственного Эрмитажа в Ленинграде и Музея изобразительных искусств в Москве. Автор не ознакомился даже с Инвентарем эрмитажного собрания, изданным еще до империалистической войны В.С.Голенищевым на французском языке, и, тем более, с русской научной литературой по египтологии, что в настоящее время является непростительным упущением для всякого ученого. Поэтому вполне естественно, что перечень имен, приведенных в словаре Ранке, неполон. В виде примера приведу несколько отсутствующих у Ранке имен, начинающихся на первые две буквы древнеегипетского алфавита: ¹³db (эпохи 11-й династии), ^cn—m—hb. ^cti. I³—tš, Iwj (masc., 19 dyn.), Iwf—^cnh, Iwf—n—i, Im—r—hrd—^cnh, I³ s³ k.

В некоторых случаях автором не приведены варианты начертания данного

имени, как, например, в именах: 'n-m-ḥr и 'nh-ḥr. Не указаны автором в полной форме некоторые сложные имена, как, например:

'nh—f—n—Imn—dd—Hnšw—iwf—'nhj.

Не приведены автором и генеалогические данные, столь широко использованные его предшественниками, а также титулы, звания и должности, которые могли бы восстановить ту социально-экономическую почву, на которой выросли, существовали и распространялись те или иные имена. Ведь если справедлива поговорка *habent sua fata libelli*, то столь же справедливой должна быть несколько иная—*habent sua fata nomina*. И этими словами должен был бы руководствоваться исследователь древних собственных имен, кладущий в основу своего изучения не только филологический, но и исторический метод.

Таковы основные недостатки работы Ранке, которые в значительной степени объясняются теми тяжелыми условиями, в которых находится наука и ее представители в современной Германии. Профессор знаменитого в прошлом Гейдельбергского университета Г. Ранке в течение шести лет не мог найти издателя для того, чтобы опубликовать свой многолетний труд, в то время как в прежние годы научные труды печатались в Германии бесперебойно. Понижение уровня научной продукции в фашистской Германии является общеизвестным фактом, который лишней раз иллюстрируется этим вполне реальным и конкретным примером.

Проф: В. Авдиев

Новая работа по истории религии

А. РАНОВИЧ. Очерк истории древнееврейской религии. Огиз. Гос. антирелигиозное издательство. Москва, 1937, стр. XXXIV+400, цена (в переплете) 7 р. 50 к.

Не приходится говорить о значении тех проблем, которым посвящена работа А. Рановича. По истории древнееврейской религии существует в буржуазной науке огромное количество исследований, статей и очерков, которые в совокупности могут составить солидную библиотеку, но, вместе с тем, нигде, пожалуй, не сказались в такой степени партийность науки, зависимость выводов и методов исследования от конфессиональных, буржуазно-политических и узкоклассовых воззрений их авторов, как в истории евреев и еврейской религии. Тем большую ценность приобретает попытка дать марксистское освещение этих вопросов. Книга А. Б. Рановича написана на основе внимательного изучения источников. Используются библейские книги и Талмуд, древневосточные памятники (египетские, вавилонские, ассирийские, хеттские и др.), греческие и римские источники, а также данные археологии. Привлечена огромнейшая литература вопроса, начиная от «Богословско-политического трактата» Спинозы до книг и статей, вышедших в последние годы. Мы найдем в книге указания не только на работы по истории Иудеи и еврейской религии, но и на литературу по этнологии, а также и исследования по истории различных народов древнего мира. Достоинством работы А. Рановича следует считать то, что автор не отрывает историю религии от гражданской истории, и его работа, доведенная до III в. н. э., является не только историей древнееврейской религии, но и древней историей еврейского народа.

Введение (стр. 3—5) дает общую характеристику литературы вопроса и определяет значение работы. Указывается, что «к числу самых прочных и самых вредных предразсудков относится распространяемое учеными богословами и богословствующими учеными представление, будто иудаизм, иудейская религия—целое религиозное мировоззрение, «открытое» евреям «от века», и что евреи в силу особой божьей милости или в силу особых исторических условий «пронесли свою веру через века и сохранили ее до нашего времени» (стр. 3).

«История иудаизма...»,—говорится далее,—помогает разоблачить те искусные приемы, какие пускают в ход не только еврейские, но и всякие другие церковники и буржуазные националисты, чтобы завлечь и обмануть массы трудящихся. Она наглядно показывает те классовые мотивы, которые диктуют буржуазным ученым их «объективные» теории» (стр. 5).

Глава II посвящена источникам для изучения религии древних евреев. Указаны приемы критики библейского текста и даны примеры установления различных редакций библейских книг. Менее подробно, чем на Шестикнижии, останавливается автор на исто-

рических книг Ветхого завета, а пророческой литературе уделено лишь три страницы. Вторая часть этой главы говорит о роли археологических данных, а также памятников восточной письменности. Автор подробно останавливается на методах фальсификации источников буржуазными исследователями, находящимися на поводу у поповщины.

В основной части своего труда А. Б. Ранович доказывает следующие положения: 1) история иудейской религии тесно связана с социальной и политической историей еврейского народа, 2) иудейская религия в своем развитии прошла те же стадии, какие прошли и другие восточные религии, 3) иудейская религия развивалась не самобытно; она испытала целый ряд влияний сначала других восточных религий, а впоследствии влияние эллинистической философии; 4) иудейский монотеизм возник в позднюю эпоху и является результатом эллинистических влияний.

Основная часть работы разделяется на три большие главы: древнейшая религия евреев (стр. 84—139), религия «царской» эпохи (стр. 140—232), от иерократии к синагоге и Талмуду (стр. 233—352).

Для древнейшей эпохи еврейской истории характерным является господство родовых огношений. Анализ источников подтверждает взгляд Энгельса, что евреи были «не чем иным, как мелким племенем бедуинов, которое вступило в конфликт с другими бедуинами лишь в силу местных условий, земледелия и т. д.» (Энгельс, Письмо к Марксу, Соч., т. XXI, стр. 483).

Для религиозных представлений этой эпохи характерно то, что «первобытные анимистические представления в условиях довольно сложного уже хозяйства на высшей ступени варварства усложнились и развились в веру в особых могущественных духов, добрых и злых» (стр. 100). Представление о душе стало принимать отвлеченный характер, но учение о посмертном возмездии, о рае и аде не успело еще развиться. В это время получил развитие культ природы (почитание деревьев, камней, источников и т. д.). «Большое место в мифологии эпохи родового строя занимают родовые и племенные божества» (стр. 110). Культ предков является характерным для эпохи родового строя евреев, как и других народов. В конце главы автор разбирает подробно вопрос о происхождении праздников. Некоторые праздники являлись пережитком старинного общественного уклада. Так, например, «пасха—древнейший праздник, восходящий к эпохе кочевого или полукочевого быта пастушеских племен евреев». В других случаях древние праздники изменили свой смысл под влиянием иных восточных религий. Суббота была в древности праздником полнолуния, но под вавилонским влиянием стала праздноваться каждые семь дней.

Глава IV посвящена религии «царской» эпохи и доведена до VI в. до н. э. «История возникновения еврейского народа и еврейских государственных образований на почве Палестины совершенно несовместима с традиционной историей евреев» (стр. 142). Автор опровергает богословскую теорию о том, что объединение еврейских племен в один народ произошло еще в кочевой период Израиля. Особенное внимание уделяется мифу о пребывании евреев в Египте и исходе из Египта под предводительством Моисея. Миф этот возник в позднюю эпоху, и можно считать твердо установленным, что в основе его нет никакого «исторического зерна». Попытки найти в египетских источниках подтверждение библейских сказаний о пребывании в Египте евреев и исходе их оттуда оказались безуспешными, так как основывались на произвольных толкованиях египетских текстов. Еврейские бедуны, проникшие в Палестину, частью погибли, частью смешались с местным населением, иногда же местные жители были переведены на зависимое положение и напоминали спартанских илотов (стр. 151). Однако «с образованием классов и государства прежние племенные и национальные различия стерлись перед классовыми различиями» (стр. 151).

Разложение родового строя привело к развитию рабовладения, но особенно иудейской экономики явилось то, что «развитие рабства, как прямой основы хозяйства, тормозилось слабостью торговли и подчинением еврейских царств сильным восточным соседям, неравномерностью исторического развития, когда местами сохранялась общинная собственность на землю и ряд институтов родового строя» (стр. 164).

Религия в этот период «все больше срастается с моральным учением, выражающим интересы господствующего эксплуататорского класса» (стр. 164). Появляется богословие, разрабатывается учение о грехе и воздаянии. Характерной для этого периода религиозной формой является политеизм, нашедший отражение в библейских религиозных книгах. В поклонении ваалам богословская традиция видела временное отпадение от единого бога. На самом же деле мы встречаемся здесь с господствовавшим в ту эпоху политеизмом. Пользуясь данными библии и археологическими памятниками, автор стремится установить иудейский пантеон и связать иудейские верования с другими восточными религиозными исследованиями. Особенное значение приобретает культ Ягве; «из духа или демона пустыни Ягве превращается в бога колена Иуды, затем бога

страны Израила, из бога природы и стихий он становится распорядителем судеб избранного народа» (стр. 171). Этому способствуют политические события. Возвышение Иерусалима, где был культ Ягве, усиление царской власти приводят к тому, что «на Ягве начинают переносить постепенно атрибуты прочих богов» (стр. 187).

Интересным является анализ псалмов, которые при сравнении их с вавилонскими текстами показывают, что «они сопровождали культовое действие, изображавшее победу Ягве над прочими богами и освящавшее божественной благодатью власть земного царя» (стр. 198).

К централизации культа Ягве в Иерусалиме стремилось иерусалимское жречество, после разрушения Самарии избавившееся от конкурентов—израильских жрецов. С жречеством тесно связано пророчество. В противоположность общепринятым взглядам А. Б. Ранович не придает большого значения социальным мотивам в проповедях пророков. В центре их деятельности—пропаганда Ягве. Нет никаких оснований говорить и об «этическом монотеизме» пророков.

В пятой главе история иудеев от VI в. до н. э. доведена до II—III в. н. э. Охарактеризовав положение иудеев в Вавилоне, автор подробно останавливается на тех политических и социальных отношениях, какие установились в Иудее в послевавилонский период. «Буржуазные историки и богословы, игнорируя оставшиеся в Иудее трудящиеся массы и отождествляя еврейскую нацию с кучкой увезенных в плен рабовладельцев, ростовщиков и жрецов, изображают «эпоху плена», как период особого напряжения еврейского духа» (стр. 236). Но источники указывают, что основная масса населения оставалась в Палестине и отнюдь не была довольна возвращением эмигрантов; идея восстановления храма поэтому не встретила сочувствия среди большинства населения (стр. 237). В борьбе с трудящимися господствующие классы опирались на персидскую бюрократию. Политической формой, установившейся по возвращении из вавилонского плена, была иерократия. К этому времени относится окончательная централизация культа в Иерусалиме. Традиционная система храмовых и жреческих поборов была увеличена. К концу V в. была закончена обработка Пятикнижия. Взамен утраченной политической самостоятельности жречество старалось подчеркнуть мысль о богоизбранности еврейского народа, закрепить национальную замкнутость и ограниченность иудейства.

Но «закон» служил помехой для включения иудеев в семью эллинистических народов, как того требовали интересы богатых торговцев и ростовщиков» (стр. 257). В эллинистическую эпоху появляются так называемые книжники, которые стремятся реформировать религию «закона». Книжники являлись идеологами диаспоры («рассеяния»), которая начинается еще в глубокой древности и особенного развития достигает в эллинистическую эпоху. Привлекая документы и исследования, относящиеся к этому времени, автор подробно останавливается на причинах «рассеяния», а также на положении евреев в различных странах. «Менее всего соответствует действительности представление, будто евреи в диаспоре древности, в частности в Египте, занимались исключительно торговлей и ростовничеством. Документы показывают, что среди евреев диаспоры существовали те же занятия и промыслы, что и в Иудее, те же, что и у окружающего населения диаспоры» (стр. 273).

Центром евреев, живущих в том или ином городе, была синагога, которая фактически отрывалась от иерусалимского храма; при синагогах изучали «закон» и толкование его в соответствии с бытовыми условиями евреев, живущих вне Иерусалима.

Диаспора содействовала эллинизации иудейской религии, возникновению и развитию еврейского монотеизма. «В вульгарной греческой философии еврейские книжники и «философы» находили не только готовый материал для сконструирования единого божества, но и метод для превращения в такое божество национального бога Ягве» (стр. 330). Наконец, в эллинистическую эпоху, не ранее II в., оформились мессианские и эсхатологические чаяния. Автор дает характеристику различных течений среди евреев в римскую эпоху и определяет формы и методы классовой борьбы во время иудейской войны. Большое значение имеет попытка по-новому поставить вопрос о зелотах и сикариях, определить их социальный состав и политическую программу. В заключительной части книги говорится о положении евреев в I и II вв. н. э. Главным источником для истории этого времени является Талмуд, который позволяет судить о развитии религии и в тот период, который следовал за разрушением Иерусалима.

Краткое изложение книги А. Рановича позволяет сделать вывод, что автору удалось справиться с той трудной задачей, которая перед ним стояла. Мы должны сделать, однако, ряд критических замечаний. Прежде всего мы считаем, что недостаточно отчетливо определен хозяйственный строй Иудеи X—VI вв. Неубедительно то, что говорится об отличии общественных отношений в Иудее от рабовладельческих государств античности. Непонятно, что имеет в виду автор, отмечая, что в Иудее «рабы,

за исключением храмовых рабов, находились в частном владении» (стр. 163), как будто в Греции и в Риме не было частного рабовладения! Можно согласиться с автором предисловия, акад. Никольским, что недостаточно обращено внимание на борьбу крестьянства в период пророков. Автор как-то игнорирует то положение, что классовая борьба может принимать религиозную окраску. Хотя мы и находим у него указание, что пророческая литература является ценным источником для характеристики социальной борьбы в «царский» период, но в дальнейшем это положение фактически опровергается, и все сводится к социальной демагогии. Следовало бы подробнее остановиться на отдельных выступлениях против ростовщичества, а также на попытках борьбы с ним—ведь подобные попытки мы находим и в странах древнего Востока и в античных городах-государствах.

Не получило отчетливой социальной характеристики и мессианство. Оно берётся лишь в поздней его форме в связи с эсхатологией. Скептицизм в отношении социальных мотивов в пророческой литературе мы считаем неоправданным. Автор говорит: «Нигде нет у пророков речи о переделе земли, об уничтожении кабальных записей, об отмене долговых обязательств, как это мы видим в аналогичных условиях в древней Греции VII—VI вв.» Ссылка на Грецию, по нашему мнению, свидетельствует о непоследовательности автора в отношении к исторической традиции. Когда речь заходит об иудейских памятниках, автор всюду стремится доказать позднее их происхождение и недоостоверность их сведений. Но ведь с таким же правом можно сказать, что упоминания о требованиях передела земли и кассации долгов в VII—VI вв. отражают лозунги радикальной рабовладельческой демократии более позднего периода—конца V и IV вв.

Следует указать, что недостаточно систематически изложена политическая история «царского» периода. Отметим далее, что недооценивается роль и значение восстания Маккавеев, как борьбы за самостоятельность Иудеи против господства чужеземцев-завоевателей. Следовало отделить руководителей восстания от их преемников Маккавеев, или Хасмонеев.

Можно указать, что в отдельных случаях преувеличивается роль заимствований. Так, например, отдельные положения кн. Завета не обязательно должны были быть заимствованы из кодекса Хаммураби или хеттских законов,—они могли возникнуть и самостоятельно в социальных условиях, аналогичных вавилонским и хеттским.

При объяснении еврейского монотеизма автор совершенно правильно выдвигает на первое место роль греческой философии, однако следовало бы обратить также внимание на различные восточные влияния.

В отношении плана можно указать, что один и тот же вопрос трактуется в различных местах. Так, слишком часто повторяется положение, что евреи не были в Египте. Доказательства лучше было сосредоточить в одном месте. Не всегда удачен стиль книги.

Но все эти недочеты не умаляют значения книги А. Б. Рановича, которая, являясь оригинальной работой по древней истории евреев и еврейской религии, вместе с тем вводит в обширную литературу предмета и подготавливает читателя к самостоятельному исследованию отдельных вопросов.

В начале книги помещено предисловие акад. Н. М. Никольского. В нем содержатся интересные замечания, касающиеся проблем критики текста Библии. Особенно интересны выводы автора предисловия относительно следов магической литературы в книге Псалмов. Верно указаны в предисловии и некоторые недочеты книги А. Б. Рановича. К сожалению, конец предисловия испорчен поверхностными рассуждениями Н. М. Никольского о социальных отношениях на Востоке в эпоху эллинизма и в римскую эпоху. Автор утверждает, что греко-македонское завоевание не сопровождалось какими-либо качественными изменениями в общественных отношениях. Относительно же всех веков римского господства сказано так: «Римские рабовладельцы рассматривали провинции, как свою добычу, и превращали их население в резервы рабской рабочей силы, а доходы этого населения присваивали себе в качестве дани, не оставляя последнему даже прожиточного минимума» (стр. LXXX). Мы считаем эти заключения просто нигилистическими, так как они игнорируют все исследования по истории эллинизма и Римской империи последних 50 лет. То, что говорится здесь о римских провинциях, может быть отнесено к эпохе республики—и то не ко всем периодам и не ко всем провинциям, в отношении же империи все это неверно и страдает крайним упрощением.

Книга А. Рановича снабжена ссылками и примечаниями, в конце приложены хронологическая таблица и хорошо составленный указатель, но оформление книги нельзя считать удачным. Напечатана книга на плохой бумаге. Ценные и хорошо подобранные иллюстрации отпечатаны так, что иногда можно лишь догадываться, что изображено на рисунке.

О дилетантизме в науке

Б. Л. БОГАЕВСКИЙ. Орудия производства и домашние животные Триполья. Соцэкгиз, Л. 1937.

Книга проф. Б. Л. Богаевского «Орудия производства и домашние животные Триполья» содержит преимущественно археологический материал из музеев СССР и за границы, знакомящий с техникой и животноводством на территории УССР и Юго-восточной Европы за пять тысяч лет до наших дней (около 3000—1500 гг. до н. э.). Книга предназначена «для археологов, историков доклассового общества, а также для лиц, занимающихся историей техники и историей происхождения домашних животных» — такая характеристика дана редакцией книге Б. Л. Богаевского на титульном листе ее (отв. редактор О. Крюгер).

Достоинством книги Б. Л. Богаевского, — пожалуй, единственным, — является та откровенность, с которой автор рассказывает об источниках своих сведений о Триполье. Это, прежде всего, по его словам: «значительное число весьма интересных и содержащих ряд бесспорно ценных наблюдений и остроумных положений работ, без которых нельзя обойтись при изучении так называемой трипольской культуры, отношение к которой авторов этих работ нас особенно интересует в настоящей статье» (стр. 7). Источники эти — зарубежная археологическая литература, появившаяся за последние годы за границей. Это работы: в Англии — Чайлда, в Швеции — Андерсона, в Германии — Вильке, Шухардта и Губерта Шмидта, в Румынии — Шроллера и Лашло, в Австрии — Менгина и Иенни, в Праге — Чикаленко, в Польше — Козловского, и ряда других западноевропейских исследователей — Роска, Нестора, Андриеску, Думитреску, Томпа (стр. 8), работавших не над собственными трипольскими материалами, а над зарубежными аналогиями Триполья. При включении же Трипольской культуры в свои обобщения эти западноевропейские археологи пользовались в качестве первоисточника устаревшими публикациями раскопок В. В. Хвойко и Э. Р. Штерна (1898—1902 гг.).

Таким образом, советский читатель получает от Б. Л. Богаевского весьма сомнительный и притом устаревший материал Хвойко и Штерна, получает уже из третьих рук. За истекшие после раскопок Хвойко и Штерна 35 лет на Украине раскопано огромное количество памятников Трипольской культуры, причем особенно значительный вклад в науку о Триполье сделан советскими археологами. Но из всей этой сокровищницы Б. Л. Богаевский пользуется, кроме некоторых изданных материалов, одной лишь рукописью отчета С. С. Гамченко о его старых раскопках в 1909 г. в Подольской губ., все же прочие отечественные первоисточники игнорируются. Их проф. Б. Л. Богаевский не изучал никогда и даже не потрудился ознакомиться с их содержанием, когда писал свою книгу. Поэтому мы с изумлением узнаем от него: «положение о культуре расписной керамики все же мало изменилось за 60 лет существования этого вопроса за границей и свыше 35 лет работы по Триполью у нас» (стр. 10).

На фоне тех достижений, которые имеет советская археология в деле изучения Триполья, это утверждение Б. Л. Богаевского звучит просто клеветой на нашу науку. Однако изумление читателя достигает крайнего предела, когда он узнает, что автор не счел нужным лично проработать хотя бы те древности из раскопок Хвойко и Штерна, которые он описывает в своей книге. Ведь нельзя же принимать всерьез хотя бы такую декларацию автора: «К сожалению, таблицы (Хвойко. — Т. П.) не сопровождаются рисунками и эскизами орудий, нет их плана, профиля и сечения, а также отсутствует точное обозначение материала, из которого сделано орудие» (стр. 17). Можно подумать, что подлинные коллекции Хвойко, Штерна и Гамченко почему-либо недоступны для изучения, когда на самом деле они хранятся в музеях УССР, Москвы и Ленинграда, и достаточно было бы Б. Л. Богаевскому потратить несколько часов, чтобы, заглянув хотя бы в ленинградские музеи, узнать и профиль, и тип, и «материал, из которого сделано орудие». Остались неизученными и богатейшие трипольские коллекции в музеях Киева (стр. 17) и Одессы (прим. 5, стр. 253).

При таком отношении автора к первоисточникам становится понятным, почему мы встречаем в его книге сорокалетней давности описания и определения вещей (со слов Хвойко и Гамченко), как, например: «шарик с апельсином» (стр. 22), или «шарообразный камень с человеческую голову» (стр. 22), или каменные «двушария», «двукубия», «куранты» (стр. 33), или предметы, «напоминающие хлебец или овальную лепешку» (стр. 34), и т. п.

Таких определений при современном состоянии археологических знаний не может применять археолог, даже неквалифицированный. А поскольку автор отмахнулся

от изучения конкретного фактического материала, он не мог избежать ряда грубейших ошибок: медные топоры и рыболовные крючки Триполья приобретают у Б. Л. Богаевского магическую силу (стр. 64), а роговые и костяные мотыги превращаются в молотки (стр. 91, рис. 45), костяные рукоятки — в кинжалы (стр. 71, рис. 21).

Любопытной особенностью книги Б. Л. Богаевского следует считать тот факт, что автор, не раскопав сам ни одного трипольского памятника (когда их раскопано сотни), не обработав сам ни одной из трипольских коллекций в советских музеях (где хранится основной материал по Триполью) и игнорируя работы советских археологов, сумел написать книгу в 19 $\frac{1}{2}$ печ. листов о Трипольской культуре. Откладывая пока детальный разбор книги на основе конкретных археологических фактов, я в настоящей заметке считаю необходимым предупредить советских историков, которые пожелают воспользоваться книгой Б. Л. Богаевского, что эта книга отнюдь не археологическая, несмотря на весь ее внешний обманчивый облик. Дело в том, что автор усиленно старается сойти за археолога, описывая подробно орудия Триполья и их назначение (стр. 15—143) и даже изображая себя делающим археологические открытия. Так, на стр. 144 мы узнаем от автора, что в музее Маевского в Варшаве, при осмотре керамического материала и раскопок Гимнера в Попудне и Пьянишкове, он будто бы сделал два открытия: 1) определил расписной сосуд, как происходящий из Пьянишкова, тогда как Козловский издал его, как найденный в Попудне (стр. 155), 2) особо выделил до сих пор неизвестные биноклевидные сосуды из Пьянишкова. Расписной сосуд Б. Л. Богаевский «открыл» в одной из витрин музея, а биноклевидный находился в музее «в шкафу 65 на второй полке снизу» (стр. 156). Оба эти сосуда, по мнению Б. Л. Богаевского, он впервые отмечает, как происходящие из Пьянишкова (расписной сосуд даже будто бы печатается им впервые, табл. VI). Однако «открытия» Б. Л. Богаевского не более как плоды его воображения, ибо все эти наблюдения были уже известны по работе Гимнера, где они изданы на табл. XIX и XXX в XIV томе польского журнала «Swiatowit» (M. H i m n e r, *Étude sur la civilisation prémycénienne dans le bassin de la mer Noire, d'après fouilles personnelles, Warszawa, 1933*). Кстати сказать, работа эта была известна и самому Б. Л. Богаевскому, так как он неоднократно ссылается на нее (стр. 144, 150 и 193).

Всецело за счет игры воображения автора должны мы отнести и разделение им трипольских «площадок» по размерам их, так как ни Хвойко, ни Штерн, ни Гамченко не раскапывали ни одной «площадки» целиком, но Б. Л. Богаевский, повидимому, где-то слышал, что «площадки» бывают большие и маленькие, и потому, несмотря на отсутствие обмеров, он совершенно произвольно выделяет «площадки большие», «средние» и «малые». Так, например, в составленной им таблице II, в разделе «Раннее Триполье», перечислены «большие площадки», открытые в Криничках, Кадиевцах и Кудринцах. Между тем: 1) в Криничках из 15 открытых Гамченко «площадок» ни для одной неизвестны размеры, что отмечает и сам Б. Л. Богаевский (стр. 44); 2) в Кадиевцах были произведены раскопки всего 65 кв. м, и размеров «площадки» не дано, но из указанной площади самого раскопа мы уже имеем возможность сделать заключение, что «площадка» в Кадиевцах не была значительной по размерам (в настоящее время нам известны действительно большие «площадки» — 100—120 кв. м); 3) что касается Кудринцев, то Кудринцевская коллекция Триполья связана не с раскопками, а со случайными находками, и о каких-либо размерах для данного памятника говорить не приходится.

Читатель книги Б. Л. Богаевского должен быть предупрежден также о том, что порочный сам по себе способ писать о советских древностях на основании зарубежной литературы принес исключительно вредный результат. Не владея нашими археологическими материалами, говорящими о конкретных исторических фактах Трипольской культуры, Б. Л. Богаевский, само собой разумеется, не был в состоянии (если даже хотел этого) критически преодолеть и обезвредить концепции западноевропейских ученых. И, конечно, не мог противопоставить им свои о б о с н о в а н н ы е о б о б щ е н и я, хотя на первый взгляд может показаться, что вся книга наполнена полемикой с зарубежными археологами. На самом деле Б. Л. Богаевский путем оговорок, рассыпанных в книге, неоднократно отказывается от собственных утверждений и механически переносит наблюдения и обобщения западноевропейских ученых на материалы нашего Триполья. Так, сведя данные «редких», — как пишет Б. Л. Богаевский, — до сих пор работ по исследованию археологического материала, основанного на стратиграфии раскопок», работ западноевропейских исследователей Шроллера, Роска, Лашло, Томпа и др. (стр. 9), Б. Л. Богаевский составляет таблицу (I), отражающую «формально-типологическое распределение культур расписной керамики в Румынии, Венгрии и Фессалии» (стр. 9), и затем делает ряд выводов, которые кладет в основу собственных построений (табл. II), характеризующих «два основных этапа развития родового общества на юге СССР» (стр. 9). Последняя таблица непосредственно вытекает из первой

и потому является такой же голой социологизаторской схемой, с перепутанной к тому же хронологией развития Триполья (переставлены культуры: А на место Б и Б на место А; и здесь автор следует Хвойко).

Необходимо предупредить читателя также и о том, что, несмотря на цитаты из Маркса и Энгельса, от марксизма работа Б. Л. Богаевского столь же далека, сколь и от археологии. Установленное Марксом положение, что междуобщинный обмен исторически предшествовал развитию внутриобщинного обмена («К критике политической экономии», изд. 1930 г., стр. 72, 115 и др.; «Капитал», изд. 1930 г., т. III, ч. I, стр. 128, 244 и др.), Б. Л. Богаевский подменяет схемой, в которой за стадией «внутриобщинного обмена» следует «развитие его с переходом на стадию междуобщинного обмена» (стр. 13, ср. табл. II).

Спорными являются рассуждения Б. Л. Богаевского о том, что якобы население Триполья «на высшем своем этапе развития только еще подходило к выработке племенных объединений, что осуществилось, однако, позднее и не на самом раннем этапе послетрипольской истории общества на Украине» (стр. 131), и что при наличии родов не существовало еще племен (во французском резюме—стр. 308); между тем, Энгельс («Происхождение семьи...», Соч., т. XVI, ч. I, стр. 69) говорит о фратриях, как о «первоначальных родах», «на которые сперва распалось племя». Сомнительными являются трактовка Б. Л. Богаевским явлений тотемизма и его замечания о «производственных родах» или утверждение, что роды Фабиев, Лентулов и Цицеронов в далекие времена были «к о н е ч н о» «производственно связаны с разведением бобов, чечевицы и гороха» (стр. 176).

Нельзя согласиться с цитированной мною в начале этой заметки рекомендацией, данной редактором книги О. Крюгером. Для археологов, в распоряжении которых имеются собранные в советские музеях новые материалы, книга Б. Л. Богаевского совершенно бесполезна, как игнорирующая эти материалы, а для историков едва ли могут быть полезными не обоснованные на фактах рассуждения Б. Л. Богаевского «о путях развития трипольского хозяйства», «о развитии внутриобщинного и междуобщинного обмена», «о процессе сложения раннего отцовского рода» и «о ниспровержении матриархата».

Не применяя никакого другого метода, кроме формального сравнения, подобно своим западноевропейским коллегам, Б. Л. Богаевский ничего, кроме абстрактных социологизаторских схем, не дает, ибо ничего другого при таком методе дать нельзя. И книга его поэтому (против воли автора) превратилась в орудие пропаганды взглядов зарубежных археологов, которые излагаются на протяжении всех глав книги. «Расист и формалист Вильке, и Шухардт, ставший фашистским «ученым», и Губерт Шмидт, и Шроллер, стоящий на резко выраженных миграционных и формально типологических позициях», и венгерский ученый типолог Лашло, и «реакционный исследователь Менгин, и его ученик Иенни», рассматривающие трипольский вопрос «с точки зрения антинаучной теории культурных кругов» (стр. 8), словом, все те «ученые», с которыми Б. Л. Богаевский якобы полемизирует, не будут в претензии на Б. Л. Богаевского за то, что он, подробно изложив их взгляды и к тому же в значительной степени перенеся их построения на наш трипольский материал, дал «от себя» такие же, как и у них, пустые, формально-социологизаторские схемы, вместо конкретных фактов по истории Трипольской культуры.

Т. Пассек

— Обзор иностранных журналов

American Journal of Archaeology, v. XLI, № I, January—March, 1937

При работах в связи с превращением Айя-Софии в Музей искусств были обнаружены остатки базилики, стоявшей до 532 г. на месте храма Софии. Этим открытиям посвящена статья S ven L a r s e n—A forerunner of Hajia Sophia.

F r a n c i s H e n r y T a y l o r посвящает заметку приобретенной Ворчестерским музеем стеле греческого воина V в. до н. э. (A fifth century stele in the Worcester Art Museum).

Сводку результатов раскопок в санджаке Александретты дает С. W. M e w u n—The Syrian expedition of the Oriental Institute. Обнаруженные строения, предметы искусства и т. д. охватывают период от IV тысячелетия до н. э. до 600 г. н. э. Находки представляют значительный интерес для истории Передней Азии.

Обширный отчет о пятой кампании раскопок в Трое, предпринятых университетом Цинциннати, дает C a r l W. B l e g e n—Excavations at Troy, 1936.

Новый порядок расположения надписей на пергамском пьедестале устанавливает E s t h e r V. H a u s e n—The great Victory monument of Attalus I.

Вопросов микенской керамики касается обстоятельная статья John Franklin Daniel—Late Cypriote III tombs from Koufion.

Христианизированную хеттскую надгробную стелу в Экреке (Каппадокия) описывает G. W. Elderkin—A Christian stele from Cappadocia.

Отсутствию датированных погребений V в. в Эскивлинском некрополе, охватывающем период от VIII до II в., пытается дать историческое объяснение Inez Scott Ryberg—The Esquiline Necropolis in the fifth century b. C.

№ 2, April—June

T. Leslie Shear—Excavations in the Athenian Agora—дает обзор найденных предметов искусства; автор обещает в дальнейшем сообщить о необычайно интересных монетах и надписях.

Краткий отчет о важных результатах раскопок, предпринятых «Объединенной Ассирийской экспедицией», дает E. A. Spreiser—New discoveries at Tepe Gawra and Khafaje.

Историко-филологическое исследование на архитектурную тему представляет статья Glanville Downey—The Architectural significance of the words *stoa* and *basilike* in classical literature.

A. D. Fräser—A head of Demosthenes in Washington—описывает портретную стату Демосфена, относя ее к 240—175 гг.

Cedric G. Boulter—A pottery-deposit near temple E at Corinth—обстоятельное и подробное описание.

Фрагмент микенской фигурки, приобретенной Иллинойским университетом, использует George E. Mylonas для небольшого исследования об эволюции представлений об антропоморфных богах (A mycenaean figurine at the University of Illinois).

Отсутствие датированных цистофорных монет между 67 и 58 гг. пытается поставить в связь с экономической политикой Рима в Азии T. R. S. Broughton—A significant break in the cistophoric coinage of Asia.

Влиянию Востока на римскую архитектуру посвящена статья Valentine Müllер—The Roman Basilica.

Hetty Goldman—Excavations at Gözlü Kule, Tarsus, 1936—подробный отчет.

Найденным при этих раскопках хеттским надписям посвящена заметка Albrecht Götzе—Remarks on the epigraphical materials found at Tarsus in 1936.

Частный вопрос, касающийся расшифровки хеттских иероглифов, трактует I. J. Gelb—Queen Pudu-Hera.

Фрагмент мрамора афинских кораблей, относящегося к V в. до н. э., начертанного на обломке мрамора, описывает и толкует David M. Robinson—A new fragment of the fifth-century Athenian naval catalogues.

Helen Rees Clifford—Two Etruscan funerary urns in the New York University Archaeological Museum.

Автор датирует эти каменные урны III в. до н. э.

№ 3, July—September

Статья Nelson Glück дает подробное описание новонайденного набатейского храма и попутно кое-какие материалы по истории набатеев (A newly discovered nabataean temple of Atargatis and Hadad at Khirbet et-Tannûr, Transjordania).

Несообразности в рассказе Геродота, I,94, о переселении лидийцев в Этрурию пытается объяснить Louise Adams Holland, вводя в качестве посредствующего звена фокейскую версию легенды (Herodotus, I,94: A phocaeen version of an etruscan tale).

Edgar C. Schenck описывает найденную им в 1933 г. в Антиохии мозаику (The Hermes mosaic from Antioch).

Cornelia C. Coulter—Boccaccio's archaeological knowledge—показывает, что Боккаччио черпал сведения по археологии Рима преимущественно из литературы.

Howard Comfort—Nine terra sigillata bowls from Egypt—чисто описательная статья.

Новое толкование некоторым микенским изображениям культовых сцен дает Emil Herkenrath—Mykenische Kultszenen.

Отражению *ἕρως ἡραῖος* в микенском искусстве посвящена статья G. W. Elderkin—The marriage of Zeus and Hera and its symbols.

Irene Ringwood Arnold—The shield of Argos—показывает, что бронзовый щит, служивший призом победителю на играх в Аргосе, имел первоначально культовое назначение.

Вопросу о дате железного века на Востоке посвящена полемика между A. M. Herz и Harry Craig Richardson.

С вопросами хронологии и истории I в. до н. э. увязана специально нумизматическая статья Agnes Baldwin Brett—A new Cleopatra Tetradrachm of Ascalon.

Archiv Orientalny, v. IX, № 1—2, 1937

František Lexa—Les participes indéclinables dans la langue ancienne égyptienne IV—продолжение специальной монографии, начатой в т. VIII (1936 г.) журнала. К статье приложены 16 таблиц иероглифических текстов.

Syrgus H. Gordon—Aramaic and mandaic magical bowls—дает фотографии, древнееврейскую транскрипцию, перевод и комментарии; эти магические тексты интересны не только для истории религии; в частности, содержащиеся в них библейские цитаты—самые древние образцы еврейского текста библии.

Valerie Hazmukowa продолжает начатую в т. VIII публикацию сборника древних коптских молитв по 4 рукописям Института востоковедения в Праге; дается текст, перевод и комментарии (Miscellaneous coptic prayers II).

Проблемы арабского литературоведения затрагивает в небольшой статье G. V. Grunebaum—Begriff und Aufgaben der arabischen Literaturwissenschaft.

Формальный анализ раннеисламских эпистолярных папирусных памятников дает Karl John—Vom frühislamischen Briefwesen. Studien zur islamischen Epistolographie der ersten drei Jahrhunderte des Hīra auf Grund der arabischen Papyri.

В статье дается текст и комментарии 17 писем I—III вв. хиджры.

Walter Petersen—Zur hettitischen Etymologie—дает сравнительно-исторический анализ 34 хеттских вокабул.

S. M. Katre—Sanskrit sripala and «divine fruit»—небольшая заметка.

Текст, расшифровку и перевод двух «хеттских» иероглифических надписей дает Bedrich Hrozny—Inscriptions «hittites» hiéroglyphiques des rois de Tuvana—Туана.

The Journal of Hellenic Studies, v. LVII, p. 1, 1937

W. H. Buckler—A charitable foundation of a. d. 237—дает новую комментированную публикацию (и факсимиле) греческой надписи, записанной впервые Рамсеем в 1883 г., об учреждении Варием Аврелием Марком фонда в 2 500 драхм, доходы с коего предназначены для раздачи хлеба жителям родного города.

M. Tierney—The mysteries and the Oresteia—исследует элементы мистерийных культов в классической трагедии.

Этрусскую вазу из собрания Родена, копирующую аттическую вазовую живопись, описывает N. Platine—An etruscan imitation of an attic cup. Интерес памятника в том, что оригинал, послуживший для него образцом, тоже сохранился (в Ватиканском музее).

11 кипрских надписей доримского периода (в том числе одну силлабическую) публикует T. V. Mitford—Contributions to the epigraphy of Cyprus.

S. Venton—Heraclès and Eurystheus at Knossos—публикует мраморный рельеф из Кносса, изображающий Геракла, укрощающего вепря.

Обширная статья N. G. L. Hammond—Diodorus' narrative of the sacred war—посвящена анализу текстов Диодора, касающихся «священной войны» и событий 357—352 гг. в Греции. Вопреки общепринятому мнению, автор отстаивает единство текста Диодора и соответственно этому решает ряд хронологических и исторических проблем этого периода.

The Journal of Egyptian Archaeology, v. XXIII, p. I, 1937

Philippus Miller публикует (с комментарием) стелу эпохи Ср. Царства, открытую в Абидосе Флиндерс Петри в 1902/03 г.

Kurt Flüger в краткой заметке касается вопроса о связи между египетским искусством III и V дин., минуя IV дин. (The art of the third and fifth dynasties).

R. O. Faulkner дает перевод и комментарий Бременского папируса II (The Bremner-Rhind Papyrus II).

Подробное описание живописи на стенах часовни Атет в Мэдүм, обильно иллюстрированное, дает William Stevenson Smith—The painting of the Chapel of Atet at Mēdūm.

Описанию различного рода веществ, применявшихся в древности для воскурений, посвящена статья A. L u c a s—Notes on Myrth and Stacte.

Интересные отрывки «Книги мертвых» эпохи XIX дин. публикует A l l a n W. S h o r t e r—The Papyrus of Khnemenhab in the University College London.

Древнеегипетской метрологии посвящена обширная статья A. S. H e m p e y—An Analysis of the Petrie Collection of Egyptian Weights.

Специального вопроса позднеегипетской грамматики касается заметка J a g o s l a v S e r n ý—The gender of tens and hundreds in late egyptian.

Другая заметка того же автора—Two puzzles of Ramesside hieratic—касается чтения двух неясных иератических знаков.

Большой интерес для истории классовой борьбы в эллинистическо-римском Египте представляет статья N a r h t a l i L e w i s—Μερσιφός ἀνακεχωρητότων: an aspect of the Roman oppression in Egypt. Автор в тексте и в аппарате с почти исчерпывающей полнотой собрал все папирусы и остраки, касающиеся ἀναχωρήσεις, запустения земли и уменьшения народонаселения в результате римского гнета.

P h i l i p p H. d e L a s u публикует оксиринхский папирус (факсимиле, текст, перевод и комментарий) 52 г. н. э., содержащий расписку об уплате долга.

В номере дана обширная библиография. 1-я часть дает систематический обзор папирусов, 2-я часть—обзор греческих надписей.

Journal of Roman Studies, v. XXVII, p. I, 1937

Номер посвящен Г. Стюарту Джонсу в связи с 70-летием со дня его рождения. Как обычно бывает в таких случаях, характер статей в номере чрезвычайно разнообразен. В статье Lesser Armenia and Galatia after Pompey's settlement of the East F. E. A d d o c k пытается путем сопоставления косвенных данных восполнить недостающие сообщения источников (πᾶλλήν δὲ καὶ ἑτέροις χώραν τε καὶ χρῆματα ἔδωκεν—Арр., Mithr. 105) о политическом устройстве Малой Азии, в частности, Малой Армении, после завоеваний Помпея.

Известный исследователь Малой Азии, соратник и продолжатель В. Рамсея, I. G. C. A n d e r s o n посвящает статью An Imperial Estate in Galatia двум надписям: одной греческой и одной латинской, доказывающим наличие императорского домена в Галатии, в районе нынешнего Иди-Агач. Статья—ценное дополнение к известному исследованию О. Гиршфельда об императорских доменах.

N o r m a n H. B a g u e s в статье The Death of Julian the Apostate in a christian legend разбирает армянскую легенду о смерти Валента, приведенную в «Истории Армении» Фауста Византийского (IV в.), доказывая, что это—трансформация христианской легенды о чудесной смерти Юлиана.

Статья H. I. B e l l—A latin registration of birth—разбирает латинский диптих (эпохи Адриана), содержащий регистрацию акта рождения сына у солдата.

W. W. B u c k l a n d в статье Civil proceeding against exmagistrates in the Republic разбирает вопрос о возможности гражданского иска к римскому наместнику в провинции по истечении его полномочий.

M. S a r u в небольшой заметке The municipal legislation of Julius Caesar касается некоторых частных вопросов муниципального устройства Италии.

M. P. C h a r l e s w o r t h в статье Flaviana комментирует некоторые биографические сведения античных авторов о Флавиях.

Фр. К ю м о н в интересной статье St. George and Mithra the cattle-thief показывает, что в мегрельской легенде о св. Георгии, сообщенной французским путешественником, посетившим Илори в 1672 г., сохранился христианизированный миф о Митре.

Т е п н е у F g a n k, исходя из данных амфорных клейм, исследует в заметке Notes on Roman commerce вопрос об импорте вина и масла из Испании в Италию в конце II в. н. э.

H u g h L a s t—The study of Persecutions—ставит некоторые методологические вопросы относительно юридического характера гонений на христиан до III в.

Д ж о р д ж М а к д о н а л ь д в статье Britania statim omnia доказывает при помощи археологических данных, что слова Тацита (Hist. I, 20) «perdomita Britania et statim omnia» не означают эвакуации занятых Агриколой областей.

Н. М а т т и н г л у разбирает интересный вопрос о реальном размере классового ценза в Риме (The property qualifications of the Roman classes).

Против известного тезиса Ренана, что если бы не христианство, митраизм стал бы мировой религией, выступает A r t h u r D a r b y N o c k в статье The Genius of Mithraism.

Евгения Стронг в статье *Terra Mater or Italia?* касается различных изображений *Terra Mater* и их толкования.

Характера пополнения сената Цезарем касается статья *Ronald Syme—Who was Decidius Saxa?*

Статья У. Вилкена—*Octavian after the fall of Alexandria*—посвящена двум системам датировки египетских памятников при Октавиане, в которых сказывается борьба между сенатской партией и императорской властью.

Adolf Wilhelm комментирует *Papyrus Tebtunis* 33.

Revue Archéologique, tome XI: a) Janvier—Mars, b) Avril—Juin
c) Juillet—Septembre, 1937

Ошибку в толковании Павсанием сцены битвы кентавров с лапифами на фронте храма Зевса в Олимпии объясняет *Emile Cahen* в статье *Le geste d'Apollon au fronton ouest d'Olympie*.

На большом эпиграфическом материале *A. Salatch* разъясняет смысл термина *imago clipeata* («*Imago clipeata et εἰκὼν ἐνοπλῆς*»).

Небольшое историко-археологическое исследование дает *C. E. Stevens—Un établissement celtique à la Croix de Hengstberg, Commune de Walscheid Sarrebourg (Moselle)*.

Технике строительства мостов у римлян посвящена статья *Georges Mathérat—La technique des ponts-de-fascines de César*.

Новые материалы по истории эпохи свайных построек содержит статья *C. F. A. Shafffer—Matériaux nouveaux pour l'étude de la civilisation lacustre*.

G. Contenu дает обзор раскопок в Западной Азии за 1935—1936 гг.

P. Devambert—*Deux piliers décorés trouvés à Syzique*—подробно анализирует две декоративные статуи сатиров, датируемые эпохой Антонинов.

Для истории культа Зевса представляет интерес заметка *P. Guillon* о найденном в 1934 г. межевом столбе с греческой надписью V—IV вв. («*Borne thasienne d'un lieu de culte de Zeus*»).

M. Th. Schmitt—*Subsericae vestes*—касается техники производства шелковых материй в Римской империи.

W. Deonna в статье *L'art de la Grèce archaïque* пытается установить хронологическую грань между архаическим и классическим греческим искусством.

N. Plautine на основе большого материала доказывает, что подпись на Луврской вазе G 105 (...im. s) надо читать «*Onesimos*» (*Note sur le nom du peintre céramiste «Onésimos»*).

G. Kazarov посвящает заметку новооткрытому изображению «фракийского всадника» (*Un nouveau monument du cavalier thrace*).

По поводу вновь найденной архаической статуи итальянского воина *V. Vasanoff* пытается отвергнуть этрусское влияние на римский *imperium* в Лациуме (*Le «guerrier di capestrano» et les origines de l'imperium*).

Тема статьи *Henri Focillon—L'église Saint-Etienne de Vignory, ses dates de construction*—относится к эпохе средневековья.

Интересную заметку о технике судостроения и навигации дает *Hermine de Saussure—De la marine antique à la marine moderne*.

Revue des études anciennes, tome XXXIX, № 1—3, 1937

André Aymard в статье *Un ordre d'Alexandre*, анализируя фрагментированный папирусный текст речи Гиперида против Демосфена, доказывает, что доставленный Никанором указ Александра περί τοῦ τοῦς κοινῶς συλλήγουσ не говорил о роспуске κοινῶν, а, скорее, касался культа Александра.

Продолжая свои предшествующие изыскания, *Léon Herrmann* пытается показать, что в *epist. 1, 18* Гораций имеет в виду противопоставить Проперция Виргилию («*Un diptyche de Propertius et de Virgile peint par Horace*»).

Georges Méautis—Eleusinia—дает ряд *Einzelforschungen*, касающихся элевсинских мистерий.

A. Piganiol помещает заметку *La date du troisième incendie de Delphes*, предлагая дату 89—88 гг.

H. Rolland—Fouilles de Saint-Blaise—дает подробное описание раскопок 1935—1936 гг. в устье Роны, где под развалинами галло-римского укрепления найдены остатки крепостной стены греческого типа.

В связи с публикацией *Bilder griechischer Vasen* (вышло 11 выпусков) *Charles Ducas* посвящает статью эволюции стиля вазовой живописи (*Du style sevère au style libre*).

На основании анализа литературных и, особенно, эпиграфических данных *William Seston*—*Chronologie du règne de Constantin le Grand*—устанавливает хронологическую последовательность магистратур Константина I (консулат, trib., pot., imper.).

В № 3 *P. Monte* дает обширный обзор публикаций и изданий по египтологии (*Chronique égyptologique*).

Раскопками в *Chassenon* посвящена статья *P. Barbier*—*Une bourgade gallo-romaine. Chassenon, ses monuments et ses puits*.

Revue des études grecques, Janvier—Mars, 1937

A. Piganiol—*Deux notes sur l'expédition de Sicile*—два этюда; в одном автор устанавливает (отчасти на основании даты праздника Адониса) дату отплытия афинской эскадры в Сицилию в 415 г., в другом—точное местоположение Трогила в Сицилии.

Victor Coulon—*Observations sur divers passages d'Aristophane*—филологические изыскания.

Michel Feue—*Τριακονταμέρος*—полагает, что в надписи из Ликаты (Сицилия), опубликованной в *REG*, XLVII, 1935, речь идет о должностных лицах и читать надо τὸ(ς) τριακονταμέρος.

René M. Guastalla—*Un effet de symétrie dans l'Iliade. Les deux retours d'Hector à Troie*—касается метода творчества Гомера (II, VI 242 sqq.—XXIV 718 sqq.).

В номере дана обширная хроника археологических исследований (88 страниц).

Revue de l'histoire des religions, tome CXV, № 2—3, 1937, Mars—Juin

René Dussaud в статье «*Le nom ancien de 'Ay en Palestine*» доказывает, что упоминаемый в Библии город Гай (всегда с определенным членом—*ha'aj*)—нарицательное имя «развалин» существовавшего в III тысячелетии города *Beth-Nadad*.

Roger Cailliois посвящает обширную статью (продолжение следует) представлениям о полуденном бесе в греческой литературе, мифологии и культуре («*Les démons de midi*»).

Против тезиса Ш. Виролло о господстве митаннийцев над вновь открытым в Рас-Шамре финикийским городом Угарит выдвигает лингвистические и исторические доводы *Raumont Weill*—*Sur la situation historique et politique de Ras-Shamra*.

E. Bicker в большой статье *Un document relatif à la persecution d'Antiochos IV Epiphane* доказывает, что обращение самаритян к Антиоху и ответ последнего, приведенные у Иосифа (*Ant.*, XII, 5, 5), подлинны. Аргументирует автор, главным образом, доводами дипломатики.

J. Przulski в статье *Linguistique et mythologie comparée* критикует книгу *E. Benveniste et L. Renou*—*Vṛṭra et Vṛṭragna, étude de mythologie indo-iranienne*, особенно тезис авторов, будто «*un fait mythologique est au premier chef un fait de langue*».

Tome CXVI, № 1, Juillet—Août, 1937

E. Dhorme продолжает начатую в № 1 за 1936 г. статью *Quelques prêtres assyriens d'après leur correspondance*, используя опубликованные Гарпером и Ватерманом 4 тома «*Royal correspondance of the assyrian empire*». Помимо наблюдений о религии ассирийцев и взаимоотношениях между царской властью и жречеством, статья содержит и ряд новых толкований текстов.

На основе нового издания К. Зете «*Urkunden des alten Reichs*» *Jean Sainte-Fare Garnot* пытается найти в египетской религии эпохи V дин. элементы учения о загробном суде и загробной жизни не только для царя и его приближенных, но и для всех без различия.

Gabriel Monod-Herzen—*Essai sur le totémisme Soudanais*—находит в пережитках тотемизма у суданских негров, кроме «естественного», еще и «благоприобретенный» тотем—«тана».

Roger Cailliois—*Les démons de midi*—продолжение статьи, помещенной в предыдущем номере.

Revue Hittite et Asianique, Fasc. 25 et 26, 1937

J. Д е н у продолжает свою ценную справочную работу по турецкой топонимике. В основу данной статьи положена новая турецкая карта 1933—1934 гг. (Index toponymique turc pour l'archéologie hittite).

Статья J. P r z y l u s k i—Les suffixes *-n* et *-m* et la flexion nominale en hittite et en Indo-Européen—трактует вопрос хеттской грамматики с точки зрения сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков.

L. D e l a p o r t e—Le relief rupestre d'Ivriz—дает подробную историю этого памятника, причем показывает, что Отгер, открывший якобы этот памятник около середины XVIII в., сам его не видел. Статья идет в двух номерах журнала.

L. O p p e n h e i m—Was bedeutet *ari* in den hurritischen Eigennamen—приходит к неутешительному выводу, что в настоящее время вопрос неразрешим.

Fasc. 27 et 28, 1937

P. M e r i g g i дает список более 400 хеттских иероглифических знаков в разных вариантах, с подробным комментарием (Listes des hiéroglyphes hittites).

Текст и исторический комментарий документа из архива Богазкеоя, КUB XXIII, 103 дает E. C a v i g n a c—КUB XXIII, 103. Dudhalijas et Tukulti Ninurta (1260).

Вопросам грамматики хеттского языка посвящены статьи A l b e r t C a n u—La désinence *-t* de *yaḥat*, *yaḥat* I-e p. singulier préterit. médio-passif и J. P r z y l u s k i—Etat absolu et thèmes nus en Indo-Européen.]

Syria, tome XVIII, fasc. 1, 3, 1937

H e n r i S e y r i g—Antiquités syriennes; статья содержит три этюда (19—21). В первом автор устанавливает, что найденное изображение на свинцовой тессере принадлежит пальмирскому царю Геродиану, упоминаемому в греческой надписи, в свое время опубликованной Клермон-Ганно. Второй этюд посвящен описанию одежды и оружия пальмирцев. Третий дает описание и характеристику некоторых пальмирских скульптур.

Большой интерес представляет отчет A n d r é P a r r o t о третьем годе раскопок в Мари; описан храм Иштар, дворец и документы. Всего найдено около 13 000 текстов, в том числе переписка царя Зимрилыма, в частности, с Хаммураби (Les fouilles de Mari, troisième campagne) (hiver 1935/36).

C h. V i r o l l e a u d продолжает публикацию и комментирование текстов Ras Shamra —La déesse Anat, Poème de Ras Shamra. Продолжение статьи в вып. 3.

A.-G. B a r r o i s—Les installations hydrauliques de Megiddo—описывает гидравлическое сооружение приблизительно XII в. до н. э., открытое экспедицией Чикагского университета.

Очень интересны опубликованные F. T h u r g e a u - D a n g i n три правовых документа из Рас-Шамры. Один из них представляет акт отпуска на волю рабыни и вместе с тем брачный контракт.

Новое толкование известного пальмирского тарифа транзитных пошлин 137 г., сохранившегося на греческом и арамейском языках (русский перевод см. А. Р а н о в и ч—Первоисточники по истории раннего христианства, стр. 52—54), дает D a n i e l S c h l u m b e r g e r—Réflexions sur la loi fiscale de Palmyre.

В 1912 г. начата реставрация храма Бела в Пальмире. Этой работе посвящена статья M i c h e l E s o c h a r d—Consolidation et restauration du portail du temple de Bél à Palmyre.

Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г.

Как и в предшествующие годы, экспедиционная работа московских археологов проводилась в самых разнообразных районах Союза ССР. В этой разбросанности пунктов обследования нет ничего необъяснимого: до сих пор, несмотря на огромные, казалось бы, скопления археологического материала в музеях, даже в Европейской части Союза, где раскопки начаты около 100 лет тому назад, большинство важнейших исторических пунктов совершенно не затронуто обследованием. Это затрудняет исследование стадийного развития древнейших обществ: непосредственный переход общественной группы с одной ступени на другую может быть показан на вещевом материале в исключительно редких случаях. Понятно, что в таких условиях обнаружение новой «культуры» — комплекса вещевого материала, связанного с определенным типом жилищ, погребальных или иных сооружений и характеризующего с необходимой отчетливостью стадию развития общества данной области, является важным событием.

Кадры археологов не настолько велики, чтобы обслужить в одинаковой степени весь ряд первоочередных проблем, выдвигаемых изучением истории. Перед археологами стоит задача — изучить наш палеолит и в кратчайший срок ликвидировать отставание в этой области. Вполне понятно в нашей многонациональной стране стремление воссоздать историю отдельных народов, входящих в дружную и тесную семью, спаянную Сталинской Конституцией. Отсюда — многообразие экспедиционной тематики.

Кры́мская экспедиция Антропологического института МГУ (О. Н. Бадер) произвела обследование палеолитических памятников восточной части горного Крыма — в Карасубазарском, Зуйском, Старо-Крымском и Алуштинском районах. Открыто около 10 стоянок, большей частью тарденуазского времени, на Демерджи и Караби-Яйле; закончена раскопка грота Буран-Кая, где в культурном слое азийской эпохи обнаружены, между прочим, кости быка. Наиболее интересны раскопки в пещере Чагарак-Коба, в которой, кроме мустьерских кремневых орудий, открыто значительное количество костей носорога, пещерного льва и гиены, дикой лошади, медведя, сайги и др.

Десни́нская экспедиция ИИМК Академии наук УССР и Гос. музея антропологии (М. В. Воеводский) производила в 1937 г. обследования и раскопки палеолитических стоянок в Новгород-Северском и Гремячском районах Черниговской области. Второй год раскопок 2-й Чулатовской стоянки дал на площади 200 кв. м два кострища, мастерскую кремневых и костяных орудий и несколько тысяч готовых изделий, датируемых позднемадленской эпохой; кость встречалась почти исключительно как поделочный материал.

Вторая тема работ экспедиции — продолжение раскопок стоянки на окраине г. Новгород-Северска, давшей в прошлом новый вид орудий — «гигантолиты» и часть ребра мамонта с резьбой, должно быть, магического характера; прекрасно сохранившийся фаунистический материал содержит большое количество костей леммингов; датируется стоянка несколько более ранним временем, чем предыдущая.

На протяжении 33 км побережья Десны предварительное обследование установило 10 палеолитических стоянок, из которых 1-я Пушкаревская имеет насыщенный слой,

давший на 25 кв. м около 1 000 орудий вблизи двух кострищ. По аналогии с Костенковской стоянкой она относится к позднеориньякскому времени.

И л ь с к а я экспедиция (проф. В. А. Городцов) продолжала раскопки палеолитической стоянки у ст. Ильской на Северном Кавказе. Целью работ 1937 г. было доследование площадки стоянки и поиски жилищ (гrotто и т. п.). В основном слое были собраны орудия, подтверждающие датировку его солютрейским временем; среди немногочисленных орудий из кости определен обломок кирки. Изучение фаунистического материала установило преобладание в нем костей гигантского оленя; кроме него, отмечены мамонт, благородный олень, зубр, лошадь, осел, гиена.

Выше обнаружен культурный слой мадленской эпохи; открыты очаг из крупных камней и орудия, материалом для которых служили яшма, кремль и доломит; отмечается присутствие пластинчатых ножей, микролитических круглых скребков и узких пластин из доломита с поперечным слегка зашлифованным рабочим краем.

Третий год работ К р ы м с к о й палеолитической экспедиции ГИМ (Д. А. Крайнов) отмечен раскопками в пещере Замиль-Коба № 2, давшими особенно важный материал по древнейшей истории горного Крыма.

В пещере Замиль-Коба № 2 вскрыта площадь 180 кв. м и разобран культурный слой мощностью 3 м, вплоть до скалистого дна пещеры. Исследователь определил здесь 12 слоев, часть которых оказалась немymi и разделяющими культурные отложения различных эпох. Первый, верхний слой принадлежит татарской средневековой культуре; третий—таврской, датированной V—IV вв. до н. э.: в пятом открыты следы так называемой Кизил-кобинской культуры; седьмой слой, конца неолита или начала бронзы, дал большое число находок: орудия из камня и кости, интересную мотыгу из рога оленя, обломки орнаментированной глиняной посуды, отмечаемой для Крыма впервые, украшения из зубов животных и кости, принадлежащие между прочим, оленю и кабану; кроме того, обнаружен зуб человека. В девятом слое открыто три кострища, большое число каменных орудий, кости животных и раковины; этот слой относится к раннему неолиту. Десятый и одиннадцатый слои исследователь на основании предварительного анализа определяет, как относящиеся к двум стадиям тарденуазской эпохи; находки в них не так многочисленны, как в расположенных выше, а кострища одиннадцатого слоя отличаются небольшими размерами. Наконец, двенадцатый слой не содержит культурных остатков. Раскопки пещеры дали до 300 каменных орудий, значительное число костей животных и рыб, керамику, относящуюся к четырем эпохам, и пр. Культурный слой, сохранивший памятники древнейшей истории и более позднего времени, вплоть до ранней стадии классового общества, заслуживает самого серьезного внимания.

Культурный слой площадки перед пещерой Замиль-Коба № 1, содержащий кремневые резцы, нуклеусы, ножевидные пластины, микролиты, скребки, скобели и т. п., кости кабана, оленя и косули, относится исследователем к тарденуазской и азильской эпохам.

К а р е л о - Б е л о з е р с к а я экспедиция ГИМ и МОГАИМК (А. Я. Брюсов), закончив обследование намеченного первоначально района, предприняла в 1937 г. маршрутную рекогносцировку по речным долинам восточного берега Белого озера и западного—Чарондского. Кроме того, на небольшом островке, обычно недоступном для работы из-за высокого уровня воды, на Сиверском озере у г. Кириллова, был заложен шурф, обнаруживший культурный слой с костями животных и керамикой; последняя аналогична открытой в 200 км к северу, на оз. Лаче. Экспедиция обнаружила и несколько новых стоянок; наиболее интересными признаны стоянки у с. Погостище на левом берегу р. Модлоны и у устья р. Перешной на правом берегу р. Модлоны, где в толще намывной глины, налегающей на древнюю дюну, найдено большое число каменных и костяных орудий, костей животных и керамики; в слое намечаются 2 горизонта.

На р. Еломе, в 9 км от истока, при разработке глины для кирпичного завода был обнаружен культурный слой и погребение человека, лежавшего на спине, головой на юг; ко времени приезда экспедиции кости погребения были затеряны, и утрачена возможность определить точно время погребения; шурф доказал присутствие культурного слоя с обломками сосудов, орудиями из кремня и костями животных.

Обследование стоянки у с. Салменицы на берегу оз. Сандер (открыта Б. Ф. Земляковым) дало большое число орудий из кремня и кварца и наконецик дровтика из шифера. Эта стоянка датируется началом III тысячелетия до н. э.

С а я н о - А л т а й с к а я экспедиция ГИМ и ГАИМК см. статью С. В. Киселева в настоящем номере.

Т р и п о л ь с к а я экспедиция МОГАИМК и ИИМК Академии наук УССР см. статью Т. С. Пассек в настоящем номере журнала.

Чувашская экспедиция Центрального Чувашского музея и МОГАИМК (О. Н. Бадер) продолжала раскопки Балановского могильника в Козловском районе ЧАССР и открыла в 1937 г. 48 погребений, не закончив обследованного всего могильного поля. Значительное количество вскрытых могил позволило установить типичные особенности их устройства и определить характерный инвентарь мужских, женских и детских погребений. Как и в предшествующие годы, наблюдалась необычная для ранне-бронзовых погребений сохранность вещей, сопровождавших погребения, в частности — керамики; последняя отличается хорошей формовкой; часть сосудов близка фатьяновским; орнамент расположен в верхней части сосудов. Из отдельных предметов необходимо отметить бронзовый вислобушный топор, небольшие топоры из глины, бронзовые шилья и украшения в виде колец, трубочек и пр., а также «грёбень» из метакарпальных костей, должно быть, лося, вправленных в деревянный брусок.

Этот чрезвычайно важный памятник принадлежит если не варианту Фатьяновской культуры, то ее близкому аналогу, датируясь 1-й половиной II тысячелетия до н. э.

Окская экспедиция Высших музейных курсов (О. Н. Бадер) произвела в 1937 г. обследование долины р. Оки от Рязани до Касимова. Наиболее важным достижением экспедиции следует признать обнаружение 6 стоянок Поздняковской культуры (северный вариант срубно-хвалынской) 2-й половины II тысячелетия до н. э. и раскопки одной из них, начатые у оз. Подборного близ г. Касимова; на ее поверхности были замечены 6 продолговатых впадин; в процессе раскопок выяснилось соответствие их древним землянкам; площадь, раскрытая в текущем году, захватила часть двух землянок размером около 9×15 м. В культурном слое обнаружены кости лошади, свиньи и коровы; среди вещевого материала нужно отметить найденную в землянке разбитую каменную мотыгу.

Северная экспедиция ГИМ (М. Е. Фосс) имела в 1937 г. задачей рекогносцировку побережий рр. Сухоны и Юга, поскольку значительная часть Северной области — ее восточная часть — остается до сего времени неизученной. Обследования в районе В. Устюга охватили берега Сухоны на протяжении 45 км, ее притоки — Верхнюю и Нижнюю Ергу и р. Юг с Лузой на расстоянии 50 км. Основным пунктом работ экспедиции в этом районе является донная стоянка близ с. Мармулино на р. Юге. Предварительный анализ вещевого материала дает основание датировать стоянку началом I тысячелетия до н. э. и признать ее типичной для восточной части Северной области, заселенной в начале влажного субатлантического периода.

В этом же районе экспедиция обследовала городище «Орлец» у с. Троицы, относящееся к XVII в., памятники которого крайне редко являются объектом археологических работ.

На побережьях Сухоны разведка проводилась, кроме того, в окрестностях г. Тотмы; здесь также на дюнах высоко над современным уровнем реки были открыты на обоих берегах две стоянки.

Кавказская экспедиция ГИМ (Е. И. Крупнов), проведенная совместно с Ингушетским музеем краеведения и Северо-Осетинским музеем, работала в 1937 г. на территории Северо-Осетинской и Ингушетской АССР. В первой были произведены контрольные раскопки на могильнике «Верхняя Рутка» близ с. Кумбулте; он был известен погребениями середины I тысячелетия н. э.; экспедиция открыла нетронутую могилу, в инвентаре которой были обнаружены «скифские» бронзовые наконечники стрел, а также большая бронзовая булавка и пряжка, обычные в памятниках Кобанской культуры. К ней же относится найденный раскопками клад бронзовых предметов, не замеченных грабителями и отчасти принадлежащих Кобанской культуре. Таким образом, возвращение археологов к этому, казалось бы, исчерпанному памятнику доставило новые данные о скифской культуре в горном районе Кавказа; вместе с этим вновь встает вопрос о недостаточной точной датировке Кобанской культуры. Продолжение работ, начатых в 1935 г. в окрестностях с. Верхней Кобани, подтвердило правильность датировки могильника в ур. «Загли Барзонд» ранней порой бронзовой эпохи.

К значительно более позднему времени — к средневековью — относятся два святилища у сс. Кумбулта и Донифарс со своеобразными складами жертвенных приношений — черепов и рогов охотничьих животных. К более поздней эпохе — XVII—XVIII вв. — относятся обследованные экспедицией надземные склепы у сс. Лизгор и Донифарс, а также каменные погребальные ящики Галиатского могильника.

Работы в Чечено-Ингушетской АССР были проведены в окрестностях с. Алхасте на берегу р. Ассы, где следует отметить селище, занимающее большую территорию; его культурный слой достигает 1 м мощности; при разведочных раскопках здесь было обнаружено значительное количество обломков орнаментированной керамики, подделки из кости и два обломка бронзовых украшений. До обработки всего материала селище можно датировать приблизительно I тысячелетием до н. э.

Из других памятников этого же района следует упомянуть катакомбное погребение второй половины I тысячелетия н. э., имеющее некоторое сходство с аланскими погребениями. Наконец, раскопано три кургана XIV—XV вв. н. э., связанные культурой с населением Малой Кабарды.

Никопольская экспедиция, организованная Никопольским краеведческим музеем при содействии МОГАИМК (Б. Н. Граков), продолжила обследование курганного поля близ г. Никополя. Раскопано три небольших скифских кургана с погребениями в катакомбах (IV—III вв. до н. э.). Кроме того, начато раскрытие большого кургана, надсыпавшегося три раза; пока в нем обнаружено 26 погребений, большей частью ямной культуры. Обследование дюнных стоянок левого берега Днепра открыло вещевой материал, характерный для скифской культуры IV—III вв. до н. э.

Усть-Чусовский отряд Камской экспедиции ГАИМК (А. В. Збруева) закончил в 1937 г. раскопки Конецгорского селища на правом берегу р. Чусовой, близ ее устья, и продолжал работу на селище у оз. Грязного, у впадения Чусовой в Каму. В первом пункте установлено, что узкая и длинная яма, открытая в прошлом году, является большой землянкой и оканчивается узким выходом на северо-западный склон мыса. В культурном слое попрежнему встречались предметы, датирующие селище Ананьинской эпохой; заслуживают внимания находки зернотерок, каменных пестов, бронзовых наконечников стрел, железных ножей и, особенно, глиняных изображений человека и фигурок, должно быть, служивших для какой-то игры.

Во втором пункте, у оз. Грязного, были обнаружены 2 землянки 4×4 м, соединенные узким проходом. На дне землянок около очагов и стен обнаружены, между прочим, кремневые наконечники стрел, скребки и ножи, а также—два топора-молота и кирка из камня. Эта стоянка относится ко времени появления в крае первых металлических орудий.

Внеплановая экспедиция для раскопок Торфельного городища близ Орджоникидзеграда, на левом берегу р. Десны, была организована МОГАИМК (Е. И. Горюнова). Небольшая площадь городища подсыпана и, кроме вала, окружающего ее, защищена вторым у подножья городища, с напольной стороны. Мощность культурного слоя 50—80 см. Значительную часть площади занимала большая продолговатая землянка; ее плетневые стены были обмазаны глиной; куски этой обмазки насыщают культурный слой. Значительные скопления образуют в нем обожженные глиняные метательные шары; из других глиняных изделий интересны: детская погремушка, катушки и пряслица, украшенные ямочным орнаментом и имеющие знаки собственности, а также подставки в виде вертикальной пластины с расширенным основанием, выемкой в верхнем краю и круглым отверстием в центре; назначение их не выяснено. Предварительное определение костей из культурного слоя установило принадлежность их лося, медведю, бобру, лошади и корове. Находки грузил указывают на занятие обитателей городка рыболовством. Железные предметы немногочисленны и отличаются небольшой величиной; ножи имеют слегка выгнутый обухом, а топор-колуна напоминает плоский утюг. Кость заменяла высоко ценившееся железо, что подтверждается находкой струга из ребра крупного животного. Среди найденных украшений необходимо отметить бронзовые серьги в виде колпачков, аналогичные скифским золотым IV в. до н. э., булавки: бронзовую в виде пера и железные с эсвидно загнутым кольцом. Особый интерес представляют две небольшие фигурки лося из глины.

Городище является памятником так называемой Дьяковской культуры, было обитаемо членами одного родового коллектива и датируется последними столетиями перед началом нашей эры.

Фанагорийская экспедиция ГИМ (А. П. Смирнов) и МИИ (В. Д. Блаватский) работает с 1936 г. на городище Таманского полуострова, предполагаемом месте города эллинистического и римского времени—Фанагории. В 1937 г. продолжалось раскрытие культурного слоя в северо-западной части городища. За последний рабочий период раскопана площадь 257 кв. м; мощность культурного слоя достигала 5 м. Стратиграфически он делится на 10 напластований. Древнейший, десятый сверху слой, относящийся к V—IV вв. до н. э., находится в настоящее время ниже уровня моря, почему раскопки требовали непрерывного удаления воды, просачивавшейся в выемку. Среди отдельных находок необходимо отметить обломки архаических, округлых в профиле амфор и чернолаковой посуды. Архитектурных остатков этот слой не содержит. В вышележащем слое обнаружена часть вместилища, напоминавшего формой и величиной ванну; стенки ее образованы из слоя черепков, промазанного изнутри глиной; последняя сохранила следы сильного и неравномерного обжига; в археологической практике подобное обжигательное сооружение открыто впервые; назначение его пока не установлено. В этом же слое было открыто основание очага из сырцового кирпича; очаг имел подковообразную форму; его размеры: 0,9 и 0,6 м; в высоту сохранился на

0,2 м. Начиная с этого слоя и до позднейшего встречаются остатки вымосток, стен и водосточков, перекрывающие одни другие и говорящие о неоднократном возведении новых сооружений над остатками старых и о частичной реставрации и перделке последних. Следующий, восьмой слой дал, между прочим, скопление глиняной черепицы—как бы пласт, образовавшийся из упавшей крыши; в этом же слое обнаружены обломки местной лощеной керамики, терракотовых статуэток, монеты и части резной костяной шкатулки; дата слоя—конец IV—начало III вв. до н. э. В покрывающем его седьмом слое открыта яма для хранения зерна, выложенная камнем; она имела грушевидную форму; глубина ее равнялась 1,34 м, поперечник устья—0,7 м и дна—1,16 м. Из находок в слое отмечаются сильно окисленные боспорские монеты и обломки мегарских чаш. Шестой слой, относящийся к I в. до н. э., дал много медных боспорских монет, глиняные пирамидальные грузила и куски штукатурки с цветной обмазкой. Такой же вещевой материал с добавлением фрагмента статуэтки сидящей женщины, части руки мраморной статуи, глиняного светильника и 8 резных костяных ложек, не получивших окончательной отделки, обнаружен в пятом слое, относящемся к I в. н. э.

Архитектурные остатки четырех верхних слоев сохранились неудовлетворительно из-за расхищения камня на постройки, распушки и кладоискательских ям; отдельные предметы и их обломки также зачастую обнаруживаются во вторичном залежании. Среди находок необходимо отметить обломок скифского бронзового псалия с головой грифона, глиняную статуэтку Артемиды с ланью, торс Афродиты, обломок женской фигуры, светильники эллинистический и византийский и т. п.

Продолжение раскопок некрополя на холме к западу от городища дало 53 могилы, как эллинизированных горожан, с деревянными саркофагами и гробами, краснолаковыми и стеклянными сосудами, светильниками и т. п., так и населения, державшегося старых местных верований, что подчеркивается скорченным положением погребенных и захоронением в одной могиле собаки. Обнаружена также двухкамерная катакомба с 5 или 6 погребениями вблизи от катакомбы, вскрытой экспедицией 1936 г.; обе катакомбы оказались уже ограбленными. Из вещей, оставленных грабителями, особенно интересны: пластинчатая серебряная фибула, небольшие серебряные пряжки от портупей, мечи, краснолаковое блюдо и стеклянные сосуды.

Х о р е з м с к а я экспедиция ГАИМК (А. И. Тереножкин) в 1937 г. работала в Каракалпакской АССР, к северу и северо-востоку от Турткуля. Интересны два района вдоль старых высохших арыков. В одном на полосе до 5—6 км в длину и до 1,5 км шириной открыт замок Беркут-Кале, с поселками ремесленников, двумя укрепленными усадьбами по концам и 60 укрепленными постройками в промежутке между ними. Кроме небольшой разведки на площади поселка у центрального замка, обследована жилая башня одной из средних построек. Обычно башня входит в переднюю сторону четырехугольной ограды со сторожевыми башнями по углам и хозяйственными постройками внутри двора. Башня стоит на цоколе до 4 м высотой. Ограда сохраняется в высоту до 8—9 м; все осмотренные сооружения—глинобитные. В обследованной башне выяснена планировка помещений, среди которых интересно хранилище для воды, запасавшейся в 14 крупных глиняных корчагах. Комплекс находок ярко освещает объем хозяйства владельца; кости животных принадлежат корове, лошади и дикой козе. Среди найденных зерен удалось определить пшеницу, просо, ячмень, «джугару», «маш» (сем. бобовых), хлопок; косточки плодов принадлежали урюку, персикам и винограду; встречены также резаные сушеные груши. Благодаря сухости почвы удалось обнаружить клочья ваты, куски войлока, бараньей кожи, одежды из меха и часть полы стеганого на вате халата. Из остальных предметов можно отметить оттиски печатей на комьях глины. Датируются эти постройки V—VIII вв. н. э.

Разведка в окрестностях Беркут-Кале обнаружила на поверхности почвы значительное количество более древних предметов: «скифских» бронзовых стрел, монет парфянского типа, бус, бронзовых украшений, большое число пряслиц и пращевых камней и т. п.

В расстоянии около 15 км от этого района открыт подобный же второй, также на берегу старого арыка; на нем находятся развалины двух торгово-ремесленных городков Гульдурсун-Кала и Коват-Кала; постройки сохранились особенно хорошо близ второго; на некоторых заметна отделка стен полуколоннами. В этом же районе у мазара Наримджан-Баба раскопан дом, давший материал бытового и хозяйственного характера: металлические украшения, посуду, умывальники, жернова, очаги, печи для лепешек (тандыр) и образцы строительного материала. Близ этого же городка раскопана часть кладбища; из 28 обнаруженных погребений часть принадлежала мусульманам, остальные—с расчлененными костяками—населению, державшемуся местных, древних традиций.

Памятники этого района датируются X—XIII вв., но встреченные в раскопках монеты принадлежат периоду от начала н. э. до XIV в.

Разведка у Аяз-Калы открыла 2 замка V—VII вв. и крепость VIII—IX вв.; в долине обнаружена еще одна крепость, предположительно относимая к первым векам нашей эры. Кроме того, осмотрены близ Шаббая развалины Пиль-Кана, подобные одной из крепостей Аяз-Калы VIII—IX вв. и крепость Шурахан X в.

Из сверхплановых экспедиций, осуществленных московскими археологами в 1937 г., необходимо отметить раскопки Гочевского городища Белевского района, Курской области, проведенные для Курского областного музея (Б. А. Рыбаков). Высокий правый берег р. Псел в районе обследования имеет два мыса на расстоянии около 250 м один от другого; с напольной стороны каждый огражден валом и рвом; еще один вал, проходящий позади городищ, замыкает площадь селища, защищенного с реки этими двумя городищами; за валом начинается известный Гочевский курганник, насчитывавший более трех тысяч насыпей. Раскопки начаты на западном городище, где раскрыта часть площади и в двух местах прорезан вал, достигающий в высоту 7 м и насыпанный спустя значительный промежуток времени после возникновения поселка на мысу; под насыпью обнаружено продолжение культурного слоя площади городища, а в сложную конструкцию вала вошли прослойки и линзы, где встречены наиболее древние находки: бронзовый втульчатый наконечник стрелы с шипом на пластинчатом пере и обломки керамики, украшенной бугорками, выдавленными изнутри сосуда.

Нижний горизонт культурного слоя, относимый к VII—X вв., заключал в себе очаги двух типов; полость первого имеет яйцевидную форму; в глиняные стенки изнутри вставлены глиняные конусы; кроме отверстия вверху, имеется второе—сбоку; второй тип представляет глубокий навес, три стенки которого вылеплены из глины, а свод образован глиняными конусами, скрепленными также глиной. Землянок в этом нижнем слое не обнаружено. Как указывалось, часть древнего культурного слоя пошла на сооружение вала, что произошло в X в.; к X—XI вв. относится верхний горизонт культурного слоя. В нем пока открыта одна жилищная яма полукруглой формы, примыкающая к подошве вала, с пологими стенками и очагом из камня.

Предварительное определение выделило из фаунистического материала кости лося, медведя, коровы и лошади; кости рыб и чешуя открывались большими скоплениями; в одном обломанном сосуде сохранилась сплошная масса каких-то зерен и стеблей. Керамика городища однообразна; горшки и корчаги нижнего слоя отличаются толщиной стенок; украшением служил зубчатый пояс из отгисков палочки, обвитой бечевкой. Керамика является основной массой находок; кроме упомянутых типов сосудов, необходимо упомянуть о находках обломков глиняных сковород. Глиняные грузила в виде усеченных конусов орнаментированы ямками; глиняные пряслица обнаружены обычной формы. Изделия из железа немногочисленны; кроме узкого топора, следует отметить небольшие серпообразные ножи с отверстием у основания пластины. Среди костяных предметов выделяется крупная изогнутая игла, покрытая зубчатым орнаментом; ее тыльная часть обработана в виде звериной головы с раскрытой пастью.

Раскопки, произведенные ранее на Гочевском курганном некрополе, определили принадлежность его радничам X—XII вв., которые, очевидно, были обитателями селища и городищ. Относительная однородность вещевого материала культурного слоя в целом позволяет предположить и в VII—X вв. принадлежность поселка славянам,—факт, в случае подтверждения дальнейшими раскопками, исключительной научной важности, так как революционной археологии, несмотря на огромное число обследованных памятников, не удалось открыть славянских древностей раньше IX—X вв. Только за последние годы некоторые городища и курганы, открытые в Воронежской области, определены, как славянские VII—IX вв. Продолжение раскопок на Гочевском городище и селище, а также разведка на территории курганника являются неотложной задачей большого научного значения.

Верхнекамский отряд Камской экспедиции ГАИМК (М. В. Талицкий) второй год ведет раскопки Роданова городища, расположенного на правом берегу р. Камы, 50 км ниже Березняков. Площадь городища, около 2 000 кв. м, несомненно выдается из линии берега, с напольной стороны обнесена невысоким дугообразным валом, обнаруженным в процессе работы при разборе культурного слоя; в насыпи вала открылись ряды небольших пятен, указывающих на один или два плетня. Это ограждение отвечает позднему поселению, которое исследователь датирует X—XIII вв. Относящиеся к этому времени землянки городища имели небольшие размеры; пол их был смазан глиной, а покрытие—из соломы. На относительно небольшой площади, открытой в 1937 г. (320 кв. м), было обнаружено около 20 остатков этих землянок; обычной принадлежностью их являлись очаги и ямы-кладовые. На большем участке удалось открыть связь верхнего слоя с нижним, относящимся к IX в.; землянки этого слоя отличаются большой величиной, имея также очаги и ямы для хранения припасов. Особенностью древнего поселка были усадьбы, огражденные плетнем

и включавшие землянки и ямы (хранилища). Поселок защищался ровиком, следы которого открыты под валом.

Быт населения освещается в значительной степени характером находок, среди которых нужно выделить кости животных; предварительный разбор установил принадлежность их диким и домашним животным, в числе которых отмечается лошадь; в соответствии с этим заслуживает упоминания находка двух горбуш (примитивные косы). На роль земледелия в хозяйстве указывают находки сошника и круглого жернова. Сношения с крупными промышленными центрами, скорее всего с болгарскими городами, подтверждаются находками обломков сфероконических сосудов и поливной посуды; даже в нижнем слое, оставшемся от поселка с более примитивным хозяйственным укладом, были обнаружены привозные призматические сердоликовые бусы и значительное количество бус более ранних, может быть VIII в. Необходимо отметить, что в городке X—XIII вв., несмотря на его небольшие размеры, существовало ремесленное производство; в одной из раскрытых землянок обнаружены скопления шлака и два глиняных сопла. Не останавливаясь на перечислении других категорий находок, необходимо упомянуть о костяных ложках, украшенных резными головами животных.

В 1937 г. закончилась пятилетняя работа Суварской экспедиции МОГАИМК и ГИМ (А. П. Смирнов). На территории этого болгарского города, одного из крупнейших на Средней Волге, определяется три слоя: первый—X в., второй—монгольский—XI—XII вв. и третий—XIII—XIV вв. Доследование центрального кирпичного здания, стоявшего на перекрестке двух главных улиц, установило, что оно являлось дворцом, имело размеры 20 × 7 м, было двухэтажным, снаружи отчасти или целиком украшалось голубыми и темнозелеными изразцами и профилированными кирпичами; внутри стены были оштукатурены. Кругом площади, занятой дворцом, и по городским улицам располагались деревянные дома горожан с глинобитными печами и ямами для хранения зерна. Тип этих построек однороден во всех горизонтах культурного слоя; очевидно, монгольское завоевание не внесло коренной ломки в условия жизни Суvara. Город имел две деревянные стены; внутренняя, с валом и рвом, являлась более серьезной защитой, чем внешняя—тын на валу. Внутренняя стена XI—XII вв. имела башни; раскопками остатков одной из них установлена ее восьмигранная форма и поперечник, равный 4,5 м. С восточной стороны к городу прилежала слобода, в которой, судя по найденному вещевому материалу, жили ремесленники, главным образом, металлурги. Среди находок последнего года наибольший интерес представляют: поддельная монета X в., осколки китайской фарфоровой посуды, обнаруженные около дворца, и обломки глиняной поливной, обычной в обиходе горожан; кроме того, найдены бронзовые украшения и резная кость, служившая для отделки различных бытовых предметов.

Эски-Керменская экспедиция Севастопольского музейн. объединения и ГАИМК (из Москвы—Е. В. Веймарн), ведущая с 1928 г. раскопки средневекового города Эски-Кермен (в 12 км к юго-западу от г. Бахчисарая), продолжала раскрывать в 1937 г. оборонные сооружения с пещерными и полупещерными казематами, обследовала район восточных крепостных ворот и жилые комплексы внутри города; последние относятся к X—XIII вв. Раскопки подтвердили прежние заключения о гибели города после большого пожара и разграбления. В одном из обследованных подвальных помещений найдены костяки трех взрослых и трех детей, очевидно, искавших там убежища и погибших после обвала горевшего здания; с ними были обнаружены ценности, захваченные в минуту опасности: золотая византийская монета (XII—XIII вв.), перстень и др. В процессе раскопок собрано большое число отдельных предметов, жерновов, гребней для расчески шерсти, цельный пифос и т. п., а также многочисленные обломки керамики.

Обследованный слой расчленяется на три горизонта, соответствующие трем периодам жизни города, связанным с крупным строительством и реконструкцией его; следует отметить, что планировка последнего периода разнится от предшествующей.

Вышгородская экспедиция ИИМК Академии наук УССР и ГИМ (Л. А. Голубева, А. Д. и З. А. Маневские и С. А. Тараканова), начавшая в 1934 г. раскопки древней великокняжеской резиденции Вышгорода (в 60 км выше Киева по Днепру) избрала для обследований 1937 г. три объекта. Во-первых, частично раскопан фундамент церкви, выстроенной до 1115 г. Вторым пунктом обследования был вал детинца; в его толще открыт деревянный сруб—так называемый «тарас», забитый глиной и являющийся одним из звеньев бревенчатой конструкции, идущей в основании всего вала. Третьим, наиболее интересным объектом раскопок было раскрытие 800 кв. м восточной части детинца; здесь обнаружены расположенные параллельными рядами усадельные участки с землянками и ямами очагов, защищенных навесами на столбах. Землянки в среднем имели размеры 4 × 5 м; глубина ям небольшая; в углах сохранились следы столбов, поддерживавших кровлю; кроме очагов и предочажных ям, в нескольких случаях были обнаружены земляные лежанки. Иногда вещевой мате-

риал ясно указывал на профессию хозяина жилища; так, скопления шлака, инструменты, медный штамп и глиняные черепки с остатками эмали и крупинками серебра характеризовали жилища ремесленников—металлургов и ювелиров; интересной находкой производственного значения является льячка в форме птицы. Мастерская гончара с горном для обжигания посуды была открыта за валом, на посаде. Экспедиция собрала большое число обломков сосудов со знаками мастеров; был обнаружен также фрагмент поливной статуэтки, изображавшей мужчину в колпаке. Кроме сосудов местной работы, найдены обломки амфор, служивших для перевозки с юга вина. На промыслы населения указывают обнаруженные в культурном слое грузила от неводов, большое количество костей животных, а также зерен и косточек плодов. Вместе с обычными для Киевской земли крупными литыми медными «тельными» крестами были найдены крестик и перстни из янтаря.

Весь комплекс находок указывает на образование культурного слоя в XI—XII вв.

Новгородская экспедиция ГИМ (А. В. Арциховский) закончила в 1937 г. раскопки на Славне, начатые в 1932 г. Каменная городская стена постройки 1335 г. была прослежена на пространстве, доступном для раскопок, в длину на 200 м. Значительный интерес попрежнему представляют части жилых и производственных деревянных построек, прекрасно сохранившиеся, благодаря местным почвенным условиям, ниже основания стены; наиболее древние из них относятся к X в. Среди обнаруженного при раскопках вещевого материала выдающийся интерес представляют памятники политического строя города—вислые свинцовые печати; на одной из них—надпись: «Савина печать тиюна новгородского», на другой: «Печать новоторжского наместника». Среди произведений изобразительного искусства необходимо отметить костяную бляшку с резной маской мужчины в стиле рукописного орнамента. Вещевой материал, характеризующий производства и ремесла новгородцев XI—XIII вв., в раскопках 1937 г. представлен, между прочим, кузнечными клещами длиной около 1 м, фрагментами керамики с клеймами, указывающими на преемственность этого производства у представителей трех поколений одной и той же семьи; интересны также пять жомов из массивных деревянных обрубков для производства масла; архаичность этого способа подтверждается находкой аналогичного предмета на Урале в слое, датированном концом II—началом I тысячелетия до н. э.

В 1937 г. начала работы Мордовская экспедиция ГИМ и МОГАИМК (А. Е. Алихова), задачей которой является исследование памятников по истории мордвы. Проверка литературных указаний на мордовский могильник в г. Горьком (на кладбище у церкви Покрова) не дала положительных результатов, может быть, из-за условий работы. Второй пункт раскопок был намечен в г. Наровчате, Куйбышевской области, в центре территории, заселенной мордвой. Здесь, в пригороде Старая Сотня, на улице и вусадьбах был обнаружен мордовский могильник XIV в., эпохи татарского господства в районе. На могильнике, частично обследованном 10 лет тому назад Московским антропологическим институтом, экспедиция вскрыла 46 погребений, ориентированных головой на юг. Исследовательница отмечает, что большинство обнаруженных женских погребений отличалось положением на правом боку, подогнутыми ногами и помещением кистей рук у лица. Деревянный или лубяной футляр для косы, покрытый медной витушкой, встречен у части женских погребений; иногда витушка заменена ремнем, обвитым медной проволокой. Среди украшений наиболее обычным является застёжка—сюльгам. Из мужских погребений, сопровождаемых обычным инвентарем, выделяется одно, в котором ориентировка была обратная—головой на север; под черепом обнаружены три серебряные татарские монеты XIV в., чеканенные в г. Мухси.

Археологические раскопки в районе Большой Москвы и по Москве-реке между Царицыном и с. Беседями проводились МГУ и Высшими музейными курсами (О. Н. Бадер); эти работы вновь подтвердили густоту славянского населения области в период, непосредственно предшествующий возникновению крупного центра—Москвы. Аналогичные раскопки были произведены для студентов МГУ коллективом ГИМ (А. В. Арциховский) близ ст. Поваровка, Октябрьской ж. д., и для Московского Дома пионеров и октябрят у с. Пузиково, Подольского района (А. Б. Рыбаков).

Д. Эдинг

МАТЕРИАЛЫ
ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ
НАРОДОВ СССР

Акад. С. А. ЖЕБЕЛЕВ

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Кто были изначальными обитателями Причерноморья? На этот вопрос могут дать ответ исследователи, работающие в области так называемой первобытной археологии. По примеру Тальгрена (*La Pontide préscythique*), теперь нередко называют этот период «до-скифским», хотя правильнее было бы называть его «до-киммерийским», поскольку пребывание киммерийцев в Северном Причерноморье является фактом, засвидетельствованным письменными памятниками¹.

Если оставить в стороне все еще возбуждающие споры стихи о киммерийцах в «Одиссее» (XI, 12—19), все же должно считаться с тем, что киммерийцы упомянуты в одном из самых ранних памятников античной письменности, тогда как в гомеровском эпосе упоминания о скифах *expressis verbis* не содержится, хотя автор или авторы «Илиады» и имеют их, надо полагать, в виду, говоря о «доителях кобылиц, млекоедах» (XIII, 1—7)².

Первое вполне определенное упоминание о киммерийцах в Северном Причерноморье содержится в «Скифском рассказе» Геродота³. Он говорит, что страна, занимаемая в его время скифами, прежде принадлежала киммерийцам (IV, 11), что последние вытеснены были из нее скифами и, бежав в Азию, обосновались, повидимому, на том месте, где потом была Синопа (IV, 12). Ни Геродот, ни кто-либо другой не говорит, откуда и как попали

¹ И археологические памятники говорят о том же. См. С. П. Шестаков, Киммерийці в археології України (сборник в честь Д. И. Багалея, 1927), 302 сл., где указана и соответствующая литература предмета.

² Первое вполне определенное упоминание о скифах сохранил короткий отрывок приписанной Гесиоду поэмы «*Κατάλογος*» (fr. 55 Rzsch). Вопрос о киммерийцах у Гомера хорошо изложен Леманн-Гауптом в его руководящей статье «*Kimmerier*» в RE, XI (1922), 397—434 сл., в особенности стр. 425. Что касается разногласия ученых насчет гомеровских киммерийцев, то достаточно указать, что за последние годы почти одновременно двое исследователей приходят к диаметрально противоположному мнению: R. Hennig, *Die Geographie des homerischen Epos* («*Neue Wege zur Antike*» Heft 10, Lpzg, 1932), 77 ff., утверждает, что гомеровские киммерийцы ни в каком отношении к Северному Причерноморью не стоят, тогда как В. Lavagnini, *Un nuovo elemento per la cronologia dell'Odyssea* («*Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa*», IV (1935), 255 сл.), полагает, что гомеровские киммерийцы тождественны историческим киммерийцам.

³ Отмечу, что Леманн-Гаупт, тщательно разобрав свидетельства Геродота о киммерийцах, приходит к выводу, что в своей основе эти свидетельства, подкрепляемые ассирийскими клинописными текстами, оказываются *durcharaus zutreffend* (RE, XI, 398).

киммерийцы в Северное Причерноморье, и на вопрос этот можно будет попытаться ответить лишь после того, как сведен будет в одно целое весь археологический материал, усвояемый или могущий быть усвоенным киммерийцам, и когда наметятся места их пребывания вне Скифии. Работу эту нужно будет производить осторожно, чтобы не отнести к киммерийцам то, что им, быть может, и не принадлежит. Геродот не говорит о том, вся ли Скифия принадлежала киммерийцам или часть ее. Он указывает (IV, 12) только на то, что в его время еще существовал целый ряд топонимических данных, свидетельствующих о пребывании киммерийцев в Скифии: Боспор Киммерийский (Керченский пролив), Киммерийские укрепления, Киммерийские переправы, Киммерийская область⁴. Получается впечатление, что главное местопребывание киммерийцев сосредоточено было в пределах теперешнего Керченского полуострова, но как далеко оно шло на запад в Крыму и на север в степной полосе, мы сказать не беремся: тут опять-таки нужно было бы иметь в распоряжении систематизированный археологический материал. Если верить Геродоту, то около Тиры (Днестра) ему, во время его пребывания в Скифии, показывали могилу киммерийских царей (IV, 11). Однако весь рассказ, сопровождающий это указание, носит новеллистический характер, и поводом к сочинению его могла послужить показанная Геродоту около Тиры какая-то могила, которая в обиходе могла прослыть за могилу киммерийских царей. Таким образом, граница киммерийских владений в западном направлении остается под вопросом; но что им принадлежал теперешний Крым, это можно принять с большой долей вероятности.

Киммерийцы, как сказано, были вытеснены из своих владений скифами. По свидетельству Геродота, киммерийцы спаслись на южный берег Черного моря и обосновались сначала на том месте, где впоследствии находилась Синопа. Трудно допустить, чтобы это выселение было поголовным; часть киммерийцев должна была остаться в Северном Причерноморье. И вполне допустимо предположение, что остатками киммерийцев, осевшими там, было то племя, которое, по греческой терминологии, называлось таврами. Было ли это одно из киммерийских племен, или же тавры представляли собою часть киммерийцев, по неизвестным причинам оставшуюся на прежнем месте жительства, или, наконец, они загнаны были скифами в горную часть Крыма, получившего по имени их название Таврического полуострова, или просто Таврики, мы сказать не можем. Геродот, главный источник о таврах, рисует их грубым и жестоким племенем, жившим разбоем и войной, приносящим человеческие жертвы (IV, 103). По словам других древних писателей (Diod. III, 43, 5; Mela II, 11; Tac. Ann. XII, 16), главным промыслом тавров было пиратство, причем отправлялись они на него обыкновенно из бухты, лежавшей на южном берегу Крыма и называвшейся «Гаванью примет». Эту бухту отождествляют с теперешней Балаклавой⁵. Тавры продолжали жить в горном Крыму в качестве само-

⁴ Под Киммерийскими переправами, служившими границей между Европой и Азией (IV, 45), — в античном понимании этого термина — естественнее всего разуметь наиболее узкую часть Киммерийского Боспора, а под Киммерийской областью, вероятнее всего, северо-восточную часть Керченского полуострова. Список местностей, связанных с киммерийцами у Геродота, можно еще дополнить: а) Киммерийским селением, лежавшим при входе в Киммерийский Боспор, к югу от устья Антикита, и б) Киммерийским городом на Керченском полуострове (Str. XI, 494). Ср. Lehmann-Haupt, RE, XI, 434.

⁵ Некоторые, в том числе Herrmann в статье «Тауроί» (RE, V, A, 22 сл.), связывают с этой бухтой рассказ «Одиссеи» (X, 77—98) о приключениях Одиссея у лестри-

стоятельного племени вплоть до конца II в. до н. э., когда они были покорены полководцем Мифрадата Евпатора Диофантом, о чем говорится в херсонесском декрете в честь последнего (IosPE I² 352-Dittenberger, Syll³. 709), после чего вошли, вместе со всем Таврическим полуостровом, в состав Понтийского царства Мифрадата. Позднее тавры, повидимому, смешались со скифами и назывались тавро-скифами. О таврах сохранились, повидимому, в различных местах горного Крыма памятники материальной культуры (см. ук. статью Herrmann'a со ссылками на литературу предмета).

Основное туземное население Северного Причерноморья были скифы. Скифами, в частности геродотовой Скифией, у нас занимались с давних пор, начиная с Ф. З. Бауера, одного из первых наших академиков, напечатавшего еще в 1728 г. статью «О местоположении Скифии, каково было в лета Геродотовы»; скифами занимались античники, русские историки, лингвисты, просто любители просвещения; все они занимались, однако, частями «скифской проблемы», а не всею ею в совокупности. Причина понятна. Скифская проблема—сложная проблема, потому что правильный подход к ее разрешению зависит от точного истолкования письменных источников, Геродота в первую очередь, к Скифии и скифам относящихся, и от надлежащего привлечения к делу и лингвистических и вещественных данных⁶. А последние с каждой правильно поставленной раскопкой в Северном Причерноморье накапливаются и будут накапливаться все больше и больше. Однако полезно было бы и теперь подвести итоги того, что уже сделано, выделив из результатов раскопок то, что имеет непосредственное отношение к скифам. Эти вещественные данные следует, разумеется, поставить в связь с данными письменных источников. При этом, пожалуй, правильнее было бы начать с рассмотрения последних, поскольку они, в большинстве случаев, и лучше изучены и представляют менее контроверз, чем источники археологические⁷.

В пределах настоящей статьи невозможно, конечно, говорить о скифской проблеме во всей ее совокупности: это предмет слишком обширный, сложный и во многих случаях спорный⁸. Хотелось бы только наметить те пункты

гонов. Но тут мы сталкиваемся с тем же вопросом гомеровской географии, о которой говорили выше по поводу киммерийцев.

⁶ Лишь Н. Я. Марр оставил после себя две большие работы: «Гермин «скиф», 1922 г., и «Скифский язык», 1926 г. Обе эти работы теперь вошли в V т. Избранных работ Н. Я. Марра, I—43, 191—223. В том же томе рассеяно и в других местах немало замечаний, к скифам, с лингвистической точки зрения, относящихся. Н. Я. Марр разбирал скифскую лингвистическую проблему с точки зрения нового учения о языке. Но для того, чтобы эта проблема была рассмотрена вплотную, необходимо, по правилу *audiat et altera pars*, разобрать и доводы «индоевропейцев».

⁷ Все источники, как греческие, так и латинские, относящиеся к скифам, собраны и переведены, как известно, в труде В. В. Латышева «*Scythica et Caucasia*», завершеном более 30 лет тому назад. Большею частью пользуются только переводами, данными в этом труде, не сверяя их с подлинниками. Хотя, в общем, переводы эти вполне удовлетворительны, но в некоторых, и иногда важных, случаях они требуют большей точности. Сверх того, некоторые из приведенных древних текстов имеются теперь в новых, более исправных изданиях, по которым переводы и следует сличать с подлинниками. Нужно отметить, что в «*Scythica et Caucasia*» имеется немало, так сказать, балласта, ничего, в сущности, не дающего для уяснения связанных со Скифией вопросов. Все это говорит за то, что одной из очередных задач является новое издание материала, относящегося специально к Северному Причерноморью, причем к этому изданию желательно было бы присоединить и реальный комментарий.

⁸ Хорошую ориентировку дает К. Kretschmer в своих статьях «*Scythae*» и «*Scythia*» в RE, II A. 1923, 923—946, дополнением к которым могут служить статьи в Real-

этой проблемы, которые предварительно нуждаются в специальных исследованиях. Скифия—обширная область, простирающаяся от Нижнего Истра (Дуная) до Танаиса (Дона). В ней обитали многие скифские племена, с которыми на севере соседнили племена нескифские. Эти скифские и нескифские племена ученые старались локализовать на современной карте. В одних случаях удалось добиться более или менее точных результатов, в других—точность все еще не достигнута, так что вопрос о локализации нуждается в пересмотре, в результате которого и должна была бы явиться этнографическая карта Скифии и соприкасающихся с ней областей. Равным образом, такой же пересмотр желателен и по вопросу о том, какое положение занимали скифы в среде европейских народов, так как на этот счет давались и даются разнообразные ответы, в зависимости от того, с какой точки зрения к нему приступали: антропологической, лингвистической, исторической. Необходимо всестороннее изучение вопроса на основе всего имеющегося материала, чтобы прийти к тому или иному определенному выводу. Так же сложен и не может считаться решенным вопрос о том, были ли скифы в населенной ими земле автохтонами или же они пришли в нее из других мест, и тогда—откуда именно.

В исторический кругозор скифы вступают с того момента, как они входят в соприкосновение с киммерийцами (см. выше). Реальность и этого факта некоторыми отвергается, иными словами, берется под подозрение достоверность свидетельства Геродота. Но это, повидимому, уже гиперкритика. Если статья на ее почву, пришлось бы распротиться, если не со всеми, то, может быть, со многими показаниями о Скифии, даваемыми Геродотом, знакомящим не только с географией и этнографией Скифии, но и с ее социальным и бытовым укладом. Ко всякому показанию Геродота нужно относиться бережно, и если, по тем или иным соображениям, приходится то или иное показание отвергнуть или видоизменить, нужно делать это, соблюдая правила исторической критики. Ценное дополнение к показаниям Геродота, касающимся скифского быта, дают, конечно, вещественные находки в скифских курганах, рассеянных по степной полосе. Их прежде много раскапывали, но большей частью раскапывали ненаучно, гонялись за находками вещей из благородных металлов ради пополнения этими вещами музейных коллекций. Прошлого теперь, разумеется, не поправить, хотя надлежало бы доследовать то, что в свое время упущено было сделать, по крайней мере, при раскопке крупных курганов. Теперь раскопки курганов, за редкими исключениями, не производятся, и об этом надо пожалеть. Равным образом, нужно пожалеть и о несостоявшемся предприятии б. Академии истории материальной культуры—издании полного *Corpus tumulorum*, куда должно было войти не только описание курганов с подробным перечислением найденных в них вещей, но и достойное воспроизведение последних. Ибо то, что было издано в прежнее время в различных публикациях, начиная с «Древностей Восточной Киммерийской», далеко не стоит на должной высоте, а некоторые замечательные памятники (хотя бы, например, вещи, найденные при раскопках кургана Солохи) полностью и вовсе не изданы. А как все эти и им подобные памятники из скифских могил были бы важны для характеристики скифов и их культуры, которая хотя и стояла в течение долгого времени под значительным влиянием культуры эллинской, но тем не менее за все

время своего существования сохраняла свои национальные черты и вкусы, имела свое собственное, скифское, производство. Нужно приветствовать, что теперь этому производству уделяется достаточное внимание, и продукты его не выбрасываются за борт, как негодный хлам, а подвергаются серьезному изучению.

Хотя мы и теперь обладаем достаточным количеством скифского материала, а в будущем, при интенсивно проводимых раскопках на почве Скифии, будем располагать им в еще большем количестве, все же историю Скифии, как таковой, вряд ли удастся воссоздать. Тут всегда будет давать себя чувствовать крайне ограниченное количество сведений о Скифии в письменных источниках. В самом деле, главный источник о ней—Геродот—сообщает краткие сведения о начальном этапе истории Скифии—о вторжении скифов в Европу и о проникновении их в Азию, где они господствовали, по его словам, в течение 28 лет и проникли даже в Египет⁹. Далее Геродот излагает, сравнительно кратко, скифский поход Дария, материалами для чего Геродоту могли служить сведения, полученные им от его персидских осведомителей, рассказы понтийских и, главным образом, ионийских греков. Этот материал Геродот свободно обработал, снабдив его сочиненными им речами действующих лиц и своими собственными соображениями¹⁰. Дальнейшие известные нам факты из истории Скифии, являющиеся в полном смысле *disiecta membra*, теснейшим образом переплетаются с историей греческих колоний Северного Причерноморья. Но если для воссоздания истории Скифии, как сказано, мы не располагаем необходимым материалом, то для исторического эскиза скифской культуры, во всех ее разнообразных проявлениях и на различных стадиях ее развития, в нашем распоряжении имеется достаточное количество данных, почерпаемых как из письменных (помимо Геродота, в особенности в приписываемом Гиппократу трактате *περί ἀέρων ὑδάτων τόπων*), так, главным образом, из вещественных источников, и подвести итоги этому, пожалуй, пришла пора. При этом для заполнения лакун придется обратиться не к каким-либо далеким аналогиям, а прежде всего к аналогиям, географически близким: я имею в виду результаты археологических исследований, интенсивно и с успехом за последнее время ведущихся в Румынии, Болгарии и Венгрии. Нужно иметь в виду, что когда политическая роль скифов была сыграна, их имя, а в связи с ним и элементы их культуры не исчезли всецело, хотя имя «скифы» стало употребляться в широком значении и служило для обозначения всех кочевых племен, населявших европейскую и азиатскую Сарматия, и распространилось, в конце концов, даже на Северную Азию¹¹.

Термин «Сарматия», сменивший термин «Скифия», получил свое название по имени сарматов, которое вытеснило прежнее их название «савроматы». Теперь никто уже не сомневается в этнической принадлежности сарматов к скифскому племени. Поздние писатели сопоставляют иногда сарматов со скифами; но «скифов» в собственном смысле, т. е. скифских

⁹ Этот эпизод в истории скифов подлежит ведению, прежде всего, востоковедов, поскольку здесь, наряду со свидетельствами Геродота и незначительными дополнениями к нему других античных писателей, важное значение имеют восточные источники.

¹⁰ Ср. Jacoby, RE, Suppl. II, 433 сл.

¹¹ О Сарматии и сарматах ориентирующие статьи К. Кречмера в RE, I A, 2542—2550; II A, 1—13, с дополнениями соответствующих статей из «Лексикона» Эберта. См. также Cambridge Ancient History, XI (1936 г.), 91—104 (M. Rostovtzeff).

сколотов, следует, во всяком случае, отличать от сарматов. Близкое родство сарматов со скифами сказывается не столько в бытовом отношении (бытовые черты у всех кочевых племен являются более или менее общими), сколько в языке, потому что, по словам Геродота (IV, 117), сарматы говорят по-скифски, хотя и не совсем чисто; вероятно, сарматская речь представляла собою особый диалект скифского языка. Во время Геродота сарматы обитали еще к востоку от Танаиса (Дона). У Диодора Сицилийского (II, 43) сохранилась заметка, что сарматы пришли в Северное Причерноморье из Мидии (Плиний, N. H. VI, 19, называет их прямо *Medorum suboles*). Из показаний различных древних писателей, с Геродотом во главе (см. IV, 110—116), приходится заключать о том важном значении, какое в быту сарматов имела женщина—явный показатель о существовании у них в свое время матриархата. Еще в перипле, слывшем под именем перипла Скилака (fr. 70, 71) и относящемся к середине IV в. до н. э., сарматы характеризуются, как *γυναικοκρατοῦμενοι*, управляемые женщинами. Эта бытовая черта, роднящая сарматов с такими племенами, как ликийцы, лидийцы, карийцы и пр., заслуживала бы специального рассмотрения.

О том, что было с сарматами до начала II в. до н. э., мы не осведомлены. Около этого времени они, под воздействием начавшегося передвижения племен, обитавших, грубо говоря, к востоку от Танаиса, вынуждены были перейти эту реку, вытеснить большую часть живших там скифов с тем, чтобы занять их место. По свидетельству Диодора (II, 43), сарматы подвергли опустошению значительные участки Скифии и заняли их. После того как сарматы перешли Танаис, они, естественно, должны были вступить в общение с греческими колониями в Крыму, что, в свою очередь, побудило и греков обратить на них внимание. С тех пор и сведения о сарматах в памятниках античной письменности становятся и чаще и обильнее. На основе этих сведений мы имеем возможность составить себе представление о тех отдельных племенах, на которые делились сарматы; и поэтому было бы желательно более или менее точно локализовать эти племена, так же, как и скифские, на современной карте, при помощи тщательного разбора указаний древних писателей и археологических находок. Вообще же было бы целесообразно объединить рассмотрение всех вопросов, связанных со скифами и сарматами, в одно целое, поскольку те и другие представляют собою единый этнический комплекс, с теми или иными, впрочем, разновидностями. К рассмотрению этого комплекса можно было бы присоединить и разбор известий древних писателей о тех племенах, которые соседствовали со скифами и сарматами.

Помимо тавров, скифов и сарматов, представлявших собою туземное население Северного Причерноморья, в нем обосновалось и население пришедшее—греки. Греками Северного Причерноморья наука занималась больше, чем его туземцами, и по вполне понятной причине. Историческая традиция сохранила в трудах античных писателей значительное количество сведений, хотя и в разрозненном виде, о северочерноморских колониях. Помимо этого, мы обладаем документальными источниками—надписями и монетами, а также большим запасом вещественного материала, поскольку он уже открыт и пущен в научный обиход. И несмотря на это, нужно признать, что истории северочерноморской колонизации во всем ее объеме у нас до сих пор не имеется¹².

¹² «Исследования об истории и государственном устройстве Ольвии» В.В.Латышева, вышедшие в свет 50 лет тому назад, были построены исключительно на литературных

Греки, преимущественно ионийские милетцы, познакомились с берегами Северного Причерноморья, вероятно, уже в первой половине VII в., но правильно организованная колонизация его началась лишь с первой половины VI в. Этой правильно организованной колонизации, исходившей по почину метрополии, выславшей колонию, должно было предшествовать основание торговых факторий, возникновение которых обязано было частной инициативе милетских мореходов. Самой ранней из основанных Милетом колоний в Северном Причерноморье была Ольвия, лежавшая на правом берегу Гипаниса (Буга), в километре расстояния к югу от теперешнего села Парутина¹³. Древние хронографы относили основание Ольвии к середине VII в. Возможно, что эта дата должна быть понижена на несколько десятилетий; во всяком случае, вряд ли Ольвия была основана позднее середины VI в. Существеннее, однако, то обстоятельство, что возникла она на месте существовавшего там ранее скифского поселения¹⁴. Это подтверждается, между прочим, и составом архаического некрополя Ольвии, являющегося, по своему характеру, некрополем смешанным, греко-скифским.

В течение второй половины VI в. возникли милетские колонии в восточной части Крыма, на Керченском полуострове: Пантикапей (Керчь) и Феодосия; тогда же на Таманский полуостров выведена была из ионийского Теоса колония Фанагория, к которой, немного времени спустя, присоединились милетские колонии Гермонасса и Сады (Κήποι)¹⁵. Все эти города составили то ядро, из которого возникло Боспорское государство¹⁶. Не ранее середины V в., но и не позднее конца этого века, Гераклея Понтийская, колония дорийских Мегар, вывела свою колонию в Херсонес Таврический (около Севастополя), бывший единственным дорийским городом в Северном Причерноморье, сохранившим за все время своего существования дорийский характер, хотя бы в своем говоре. Вероятно, впрочем,

источниках и надписях, частично с привлечением нумизматического материала, но без привлечения материала археологического, которого, впрочем, в то время, когда писалась книга Латышева, и не было, так как правильно поставленные и систематически проводимые Б. В. Фармаковским раскопки Ольвии начались только с первых годов XX в. Все же книга Латышева и по сие время сохраняет свое значение. Зато ни для Херсонеса, ни для Боспорского государства сочинений, равноценных монографии Латышева, не имеется, хотя отдельные вопросы, связанные с Херсонесом и Боспором, прекрасно разработаны. Это нужно, в особенности, сказать о нумизматических трудах А. Л. Бертъе-Делагарда и А. В. Орешникова, о капитальной работе М. И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России» (СПб, 1914), равно как и о ряде его статей, посвященных Северному Причерноморью в античную эпоху.

¹³ Против Березанского лимана лежит каменистый и необитаемый остров Березань. При раскопках, производившихся на Березани в первом десятилетии XX в., открыто было милетское, вероятно, рыбацкое поселение, может быть, даже милетская фактория, так как предполагают, что в давнюю пору лиман соединялся с берегом. Возникает вопрос, не являлось ли это поселение первоначальным местом, где обосновались милетцы до возникновения Ольвии. Вопрос этот не утратил своего интереса и теперь, хотя на Березани дальнейших раскопок не производилось; на основании найденного при прежних раскопках материала, главным образом, керамического, следовало бы постараться выяснить взаимоотношения между Ольвией и Березанью, и тогда, быть может, оказалось бы возможным установить и приоритет или Березани или Ольвии.

¹⁴ Ср. Н. Я. Марр, Ольвия и Альба Лонга. «Изв. Акад. наук», 1925, 663 сл. Жебелев, Счастливые города. Сборник статей в честь Н. Я. Марра (издание ГАИМК).

¹⁵ Местоположение двух последних колоний пока не удалось установить с точностью.

¹⁶ Подробности у Жебелева, Возникновение Боспорского государства. «Изв. Акад. наук», 1930, 799 сл.

что до водворения гераклейцев в Херсонес там существовала ионийская фактория¹⁷.

Итак, на протяжении, примерно, полутора веков в Северном Причерноморье возникло три главных очага эллинизма: на крайнем западе Ольвия (сюда же нужно отнести лежавшую к югу от нее Тиру, б. Аккерман) на левом берегу Буго-днестровского лимана, Херсонес—на южной оконечности Крыма, города Боспорского государства, с Пантикапеем и Фанагорией во главе, по обоим берегам Керченского пролива (Феодосия уже в первой половине IV в. вошла в состав Боспорского государства). Помимо перечисленных городов, возникли с течением времени и другие, менее значительные. Все эти греческие города были расположены на морском берегу или в непосредственной близости от него; во внутреннюю часть Северного Причерноморья греки не углублялись. Самым крайним распространением их на севере нужно считать лежавший в устьях Танаиса (Дона) одноименный город, вошедший с течением времени в состав Боспорского государства, которое представляло собою наиболее обширное из греческих колониальных образований в Северном Причерноморье, так как в состав его к концу IV в. входил не только весь Керченский полуостров до Феодосии включительно, но и Таманский полуостров, а также территория по нижнему течению Гипаниса (Кубани) и его притоков, приобретенная, так же как и Феодосия, в результате завоевательной экспансии правителей Боспора. Южной границей Боспорского государства должно считать селение Батà около теперешнего Новороссийска¹⁸. Что касается Херсонеса, то в состав его входил не только Гераклеийский полуостров, но и ряд укрепленных пунктов на западном берегу Крыма¹⁹. Владения Ольвии, повидимому, ограничивались территорией, занимаемой самим городом; впрочем, быть может, это предположение придется изменить, после того как будет исследована в археологическом отношении территория, к Ольвии примыкающая.

Что влекло милетцев на такую далекую окраину от центра греческого мира, какой являлось Северное Причерноморье? Природные богатства последнего, в первую очередь, зерновой хлеб и рыба, затем домашний скот, мед, воск, соль; наконец, немалую притягательную роль играла и возможность переброски в материковую Грецию, на острова Архипелага и в Малую Азию рабской силы из туземцев Северного Причерноморья²⁰. Таким образом, при основании колоний в Северном Причерноморье преследовались преимущественно торгово-экономические цели и ими обусловлена была вся экономическая политика, например, Боспорского государства, наилучше нам известная. Особенно важную роль играл, конечно,

¹⁷ Подробности у Жебелева, Возникновение Херсонеса Таврического. «Доклады Акад. наук» 1930, 157 сл.

¹⁸ Подробности у Жебелева, Образование Боспорского государства. «Изв. ГАИМК» вып. 104, 1934, 7 сл.

¹⁹ Подробности у Жебелева, Херсонесская присяга. «Изв. Акад. наук», 1935, 315 сл.

²⁰ Подробности у Жебелева, Основные линии экономического развития Боспорского государства. «Изв. Акад. наук», 1934, 589 сл., 661 сл. Сказанное в этой работе о Боспоре, *mutatis mutandis*, вполне приложимо и к Ольвии, уступавшей, конечно, Боспору в своем экономическом развитии. Что касается Херсонеса, то он находился за все время своего существования в античную эпоху в постоянных сношениях со своей метрополией Гераклеей и, вероятно, туда, главным образом, вывозил излишки своих природных богатств, в том числе также и зернового хлеба. См. Жебелев, Херсонесская присяга. «Изв. Академии наук» 1935, 923 сл.

хлебный экспорт, поскольку материковая Греция, за исключением немногих ее областей и некоторых островов Архипелага, никогда не в состоянии была прокормиться своим хлебом.

Греческие колонии Северного Причерноморья в пору их независимого существования никогда не представляли собою чего-либо похожего на единое греческое государство на далекой окраине. Ольвия, Херсонес, города Боспорского государства не состояли ни в каком-либо союзе между собой объединении, ни в подчиненном отношении друг к другу. Ольвия и Херсонес все время оставались демократическими республиками по типу греческих полисов. И отдельные города Боспорского государства были организованы в своем внутреннем управлении по типу полиса, но они уже в начале V в. (до 480 г.) объединились вокруг Пантикапея и правящей в нем тогда династии Археанактидов, ведшей свое начало от милетца Археанакта, который, надо полагать, был *οικιστής* Пантикапея, т. е. организатором колонии. От Археанактидов власть перешла в силу неизвестных нам причин в 438 г. в руки Спартокидов (по имени первого правителя этой династии Спартока). Правившие на Боспоре Спартокиды в течение V и IV вв. носили официально титул архонтов (пожизненных) по отношению к греческим городам, входившим в состав государства, царями же они именовались лишь в отношении к подвластным им туземным племенам на азиатской стороне Боспора. Лишь с конца IV—начала III в. Спартокиды приняли царский титул в отношении всего Боспорского государства, которое с этого времени и до конца своего существования в IV в. н. э. имеет *de iure* право на то, чтобы именоваться Боспорским царством. Впрочем, *de facto* и власть боспорского архонта была властью монархической, но не тираннической в античном понимании этого термина (некоторые античные писатели называют, правда, боспорских архонтов-царей «тираннами», но такое обозначение их документально не засвидетельствовано и, по существу, неправильно).

Существование греческих колоний Северного Причерноморья обусловлено было, в первую очередь, теми отношениями, в каких находились они к окружавшему их и отчасти проживавшему в них туземному населению, прежде всего, к скифам в Ольвии и на Боспоре, к таврам в Херсонесе.

До второй половины III в. до н. э. мы ничего не слышим о каких-либо враждебных столкновениях между греками и туземцами. Напротив, есть все основания думать, что туземные верхи, владевшие большими участками плодородной земли, обрабатываемой рабами, вошли в тесный контакт с греками, поскольку это могло сулить туземным верхам только выгоды, так как они получали возможность вступить с греками в постоянный товарообмен. На Боспоре Спартокиды приложили все усилия к тому, чтобы вовлечь туземные верхи в круг своих коммерческих интересов. Сближение греков с ними повело к тому, что эллинизация среди них стала развиваться быстро и успешно. Однако, начиная с последних десятилетий III в. до н. э., степную полосу Северного Причерноморья стали наводнять, как указано было выше, сарматские племена и вытеснять из нее скифов. Процесс вытеснения скифов сарматами происходил, конечно, постепенно. Прежде всего он отразился на Ольвии, которая лежала далеко от греческих колоний, находившихся в Крыму. «Протогеновский декрет» (IosPE 1² 232-Dittenberger, Syll³. 495), относящийся ко времени не позднее 213/2 г., рисует тревожное положение Ольвии, страдающей от напора на нее скифских племен и вынужденной спасаться от них «дарами» скифским царям и царькам.

Но щедрость Протогена, а может быть, и других ольвиополитов не могла помочь беде, и Ольвия была вынуждена, в конце концов, признать над собою с конца III в. суверенитет скифских царей. В первой половине II в. скифы, которых продолжают вытеснять из степной полосы сарматы, сосредоточиваются в степном Крыму, что создавало явную угрозу Херсонесу. Опираясь на свои связи с Гераклеей, Херсонес ищет поддержки против скифов у понтийского царя Фарнака. А когда в конце II в. напор скифов стал угрожать самому Херсонесу и его независимости, херсонесцы были вынуждены отдаться под защиту одного из преемников Фарнака, Мифрадата Евпатора, избрав его своим «предстоятелем» (*προστάτης*), иными словами, отдав свое государство под покровительство и защиту понтийского царя.

Важным фактором во всей обстановке середины II в. в Крыму было то, что скифы, бывшие и действовавшие до тех пор вразброд, начали постепенно объединяться. В тылу у Херсонеса образовалось объединенное Скифское государство (с центром около нынешнего Симферополя), во главе которого стал царь Скилур, способный, понимающий свои задачи правитель. Он заручился союзом с одним из самых сильных сарматских племен, с роксоланами, поселившимися по северо-восточному берегу Мэотиды (Азовского моря). Став господином Ольвии, Скилур стал стремиться расширить границы своего царства в юго-восточном направлении. Тут взоры Скилура должны были направиться прежде всего на Херсонес, как на удобный и хорошо защищенный порт (напасть открыто на Херсонес Скилур, быть может, и не решался до поры до времени, имея в виду, что Херсонес был в союзе с Понтийским царством). Царство Скилура правильно характеризуется не как скифское, а как греко-скифское царство, заключавшее в себе много элементов, заимствованных из обихода греческих колоний. После смерти Скилура власть перешла к его старшему сыну Палаку, продолжавшему политику своего отца. Политика же эта состояла в том, чтобы вытеснить с приморской полосы греков и, заняв их место, получить те выгоды, которыми пользовались греки, обладавшие непосредственным доступом к морю. Для греческих колоний Северного Причерноморья, для которых в течение долгого времени окружающее их туземное население было исключительно предметом эксплуатации, создавалась теперь серьезная опасность, которую Херсонес думал предотвратить при помощи могущественного Понтийского царства. Это было тем более необходимо, что Палак успел уже завладеть теми укрепленными пунктами, принадлежавшими Херсонесу, которые находились на западном побережье Таврики. Примеру Херсонеса вскоре последовало и Боспорское царство. Его царь Перисад, не будучи в состоянии противодействовать напору скифов, отрекся от престола и передал власть Мифрадату Евпатору. Последнему не без труда, однако, удалось укротить скифов, угрожавших Херсонесу.

А в Боспорском государстве, в связи с отречением Перисада от престола, произошло восстание скифских рабов под руководством раба Савмака, провозгласившего себя царем и удерживавшего власть в своих руках, по меньшей мере, в течение года, пока восстание не было подавлено, и опять-таки не без труда, военной силой, посланною Мифрадатом. Об этом первом, насколько известно, революционном восстании, имевшем место на территории СССР, я говорил подробно в одной из своих работ («Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре», «Изв. ГАИМК», вып. 70, 1933) и здесь возвращаться к этому не буду.

После подавления восстания весь Таврический полуостров вошел в состав Понтийского царства²¹. Жители Таврики были обложены ежегодной данью, должны были, сверх того, удовлетворять Мифрадату натурой, поставлять для его армии живую силу, главным образом, конечно, из среды туземного населения. После смерти Мифрадата Таврика переживает долгий период почти непрерывной борьбы за власть между его преемниками. При этом нужно отметить тот факт, что претенденты на боспорский престол ведут борьбу между собою, опираясь, главным образом, на скифов и сарматов, служивших в большом числе в их армии. С другой стороны, в то же время скифские и сарматские племена, жившие в степной полосе, примыкающей к Таврике, постоянно тревожат ее своими набегами. Все это должно было отразиться на ее экономическом благосостоянии. Та основа, на которой оно покоилось в свое время, испытывала серьезные затруднения из-за военных действий, происходивших тогда на морских путях сообщения²².

Приблизительно одновременно с тяжелыми событиями, происходившими на Таврическом полуострове, Ольвия жестоко пострадала от разгрома, нанесенного ей западными соседями, гетами, нашествие которых на Ольвию может быть приурочено к 60—50 гг. I в. до н. э. Город был разорен, можно сказать, до основания. Жители разбежались, вероятно, в греческие города Таврического полуострова. Однако лишь только миновала беда, ольвиополиты собрались на старое пепелище и занялись восстановлением города. Характерно отметить, что этого желали и окрестные и проживавшие в городе скифы. Они указывали на то, что после разорения Ольвии прекратился приток туда греческих купцов из-за границы, а между тем, скифы нуждались в них, чтобы сбывать им свои товары и получать от них товары греческие. Со времени восстановления Ольвии начинается новый, римский период ее истории, который может быть прослежен на протяжении почти трех столетий. Характерной чертой этого периода является начавшееся уже раньше все большее и большее скрещивание греческих элементов ее населения с туземными, скифскими. Мы ничего не слышим о том, чтобы теперь скифы тревожили город своими набегами; это зависело, вероятно, от того, что Ольвия получала для своей обороны военную силу от римлян. До Септимия Севера, когда Ольвия была присоединена к римской провинции Нижней Мёзии, она продолжает оставаться *civitas libera* и сохраняет свой демократический строй. Разрозненные известия об Ольвии доходят до IV в.

Для Таврического полуострова I век до н. э., как было указано, является мрачной эпохой. Его материальное благосостояние начинает возрождаться лишь со времени утверждения Римской империи, со времени установления *pacis Romanae*. Вплоть до IV в. римское правительство очень бережно относилось к Боспорскому царству, в состав которого входил и Херсонес, временами, однако, получавший, не без содействия, надо полагать, своей метрополии, Гераклеи, «свободу» и пользовавшийся тогда автономией.

²¹ Входила ли Ольвия формально в состав Понтийского царства, остается под вопросом. Но, несомненно, и она стояла в какой-то зависимости от понтийского царя. Подробности—в имеющей вскоре появиться моей особой статье.

²² Включение Таврики в состав Понтийского царства повело, между прочим, к тому, что в нее устремились переселенцы из областей, подвластных Мифрадату и его преемникам. В числе этих переселенцев были и евреи, наличие которых в Боспорском царстве, а также, вероятно, и в Ольвии, в императорский период засвидетельствовано документально.

Римское правительство не обратило Таврический полуостров в провинцию. Оно ограничилось тем, что прочно установило свой суверенитет над Таврикой. Никаких дальнейших завоеваний здесь Рим не предпринимал, о расширении границ, о завоевании того, что лежало за пределами полуострова, не заботился; он хотел прежде всего использовать в своих интересах природные богатства Боспорского царства. Поэтому римское правительство принимало все меры к тому, чтобы наладить с ним торговые сношения, старательно поддерживать их, охранять от всех помех, могущих препятствовать этому. К тому же Таврика была расположена слишком далеко от Рима, как административного центра империи. Поэтому подчинение Боспорского царства посылаемому из Рима правительственному агенту вряд ли могло бы служить для осуществления тех целей, которые Рим прежде всего преследовал. И вот Боспор, его европейская и азиатская части, был предоставлен управлению местных наследственных царей. Таким путем имперское правительство избавлялось от необходимости регулировать отношения Боспорского царства с окрестными туземными племенами, являвшимися беспокойной массой, от которой временами нужно было обороняться. Но Рим хорошо сознавал, что местной власти было бы не под силу вести оборону собственными силами, без римской поддержки. Поэтому в главных пунктах Таврики, специально созданных и укрепленных, были поставлены римские гарнизоны, откомандированные из римской провинции Мёзии, а в черноморских водах стояла римская эскадра, взятая из Равеннского флота. Помимо этого, боспорские цари, юридически независимые, но фактически стоявшие как бы в вассальных отношениях к римскому императору, ежегодно получали из Рима «подарки», т. е. денежную субсидию, шедшую, главным образом, на содержание боспорской армии, задача которой состояла в том, чтобы отражать происходившие по временам набеги окрестных племен. Благодаря сложившемуся положению, Боспорское царство получило возможность восстановить свое благосостояние, нарушенное понтийской оккупацией и связанной с нею внутренней неурядицей, и просуществовать до IV в. н. э. включительно.

Экономическое развитие Боспорского царства в эпоху империи шло, в существенных чертах, по тому же руслу, что и раньше. Боспор и теперь вел оживленную торговлю, главным образом, хлебом и рыбой. Изменились лишь центры, куда экспорт направлялся. Вместо материковой Греции (главным образом, Афин), островов Архипелага и отчасти М. Азии, этими центрами стало теперь преимущественно Южное и Западное Причерноморье, где стояли римские армии. Экспорт должен был усиливаться особенно в то время, когда римские императоры передвигали большие войсковые части с востока на запад и обратно. Не прекратились торговые сношения и с туземными племенами, обитавшими к северу и северо-востоку от Боспора. Сношения эти шли, скорее всего, через Пантикапей и достигали Танаиса, расцвет которого падает как раз на императорскую эпоху.

Экспорт, как и прежде, влек за собою импорт тех товаров, в которых нуждались Боспорское царство и соседние с ним области. О наличии этого импорта свидетельствует инвентарь боспорских и херсонесских погребений эпохи империи. Этот инвентарь почти столь же богат, что и в эпоху высшего процветания Боспора в IV и в первой половине III в. до н. э. Обилие содержащихся в этом инвентаре предметов из драгоценных металлов говорит о том, какое большое количество их обращалось

в Боспорском царстве. Ибо едва ли было бы правильно думать, что все предметы из драгоценных металлов, находимые в погребениях, ввозились. Очевидно, часть их выделывалась в местных мастерских, существование которых мы, несомненно, должны предполагать и в предшествующее время. Этот сложный вопрос, т. е. разграничение предметов привозных и предметов, изготовлявшихся на месте приезжими или местными мастерами, может послужить предметом специального исследования, материала для которого имеется уже достаточно. Даже беглые наблюдения над характером погребального инвентаря показывают, что в I в. н. э. он остается еще, в значительной части, чисто греческим или исполненным в греческих традициях. Зато в погребениях II и III вв., наряду со старым, появляется и нечто новое, и оно свидетельствует о значительной эволюции в сторону усиления «варваризации» всего жизненного уклада Боспора, т. е. проникновения элементов туземной культуры в культуру греко-римскую. Начало этого проникновения восходит бесспорно к самому моменту появления греков в Северном Причерноморье. Ибо «варваризация» греков, живших в «варварском» окружении, была столь же естественна и неизбежна, как и «эллинизация» «варваров», по крайней мере, верхних слоев их. Безошибочно можно утверждать, что и Боспор, и Херсонес, и Ольвия без тесных связей с туземным населением не могли бы существовать, поскольку они были зависимы от него в значительной степени во всем направлении своей экономической жизни. С другой стороны, и туземцы должны были многое воспринять от греков. В результате постепенной ассимиляции пришлого и туземного населения должна была создаться в Северном Причерноморье та своеобразная «греко-варварская» культура, которая придает ему во всех отношениях такой своеобразный облик, какого мы не встречаем нигде в другом месте античного мира. Эти своеобразные свойства Северного Причерноморья уже сами по себе заслуживают того, чтобы история его в античную эпоху стала предметом тщательного изучения.

Плодотворность его зависит в немалой степени от обогащения наших источников. Быть может, судьба пошлет нам это обогащение и в виде литературных источников, но она уже, несомненно, сулит его в виде источников документальных (надписей и монет) и всякого рода памятников материальной культуры, добываемых в результате раскопок древних городов и селений Северного Причерноморья. Истекшие 20 лет воочию убеждают нас в этом. За этот период времени возобновились раскопки в Ольвии, в Херсонесе, на Керченском полуострове, на месте древнего Танаиса и в других местах Северного Причерноморья. Вот краткие сведения о результатах этих раскопок.

В Ольвии раскопки велись совместно Академией наук УССР и б. Академией истории материальной культуры. При них был открыт значительный участок в центральной части верхнего города с его главной улицей, а также большое число частных жилых зданий и производственных комплексов (зернохранилище, кузнечно-литейная мастерская эллинского и эллинистического времени). В крайней северо-восточной части города, у северной городской стены, был раскопан большой квартал IV—II вв. до н. э.; расположенные на нем два здания представляют большой интерес для характеристики городского строительства в эллинистическую эпоху. В нижнем городе было открыто здание пекарни II—III вв., полуподвальное, с четырьмя большими печами. Производились раскопки и на ольвийском некрополе (склепы римского времени, а также могилы различных типов

и разных эпох). В 1937 г. открыты были в нижнем городе остатки оборонительной стены I в. н. э. Со стороны верхнего города к этой стене были пристроены жилые здания, вплотную примыкающие друг к другу. Но самая важная находка—это открытие в верхнем городе архаического некрополя середины VI в. до н. э.; было раскопано 11 погребений, и в них найдено много экземпляров архаической керамики. В верхнем городе открыто также новое здание, состоящее из двора, мощеного каменными плитами, и ряда помещений. Ольвийские раскопки сопровождались находками многочисленных и разнообразных предметов (свыше 20 000) греческого и местного производства.

Наиболее важные результаты херсонесских раскопок, производившихся на средства местного музея, выразились в следующем: открыт ранний некрополь V—IV вв. до н. э., отдельные погребения в котором принадлежат греческому и туземному населению; открыты архитектурные комплексы IV—II вв., один из которых имел производственное назначение (красильное производство, керамическая мастерская); открыты два больших здания римского времени, служившие рыбозасолочными цистернами; на Гераклейском полуострове открыто большое здание с жилыми, хозяйственными и оборонительными сооружениями. В 1937 г. при раскопках некрополя открыто 20 могил и 4 склепа, вырубленные в скале, относящиеся к I—III вв.; между Стрелецкой и Песочной бухтами, в расстоянии полукилометра от Херсонеса, открыты большие комплексы эллинистической и римской эпох. Нечего и говорить, что и херсонесские раскопки сопровождались находками многочисленных и разнообразных предметов промышленного производства. Попутно надо отметить, что наряду с открытием памятников, относящихся к античному времени, идет и открытие памятников Херсонеса средневекового, также замечательных.

На Керченском полуострове, помимо археологических разведок, производившихся в различных пунктах Керченским музеем, с 1932 г. велись на средства ГАИМК и при поддержке Управления новостроек систематические раскопки в двух пунктах: в теперешнем Камыш-Буруне (к югу от Керчи), на месте древней Тиритаки, и в Мирмекии, к северо-востоку от Керчи. Раскопками, далеко не законченными, удалось установить, что оба эти поселения возникли еще в VI в. до н. э. и существовали вплоть до IV в. н. э. включительно. При раскопках Тиритаки обнаружены памятники не только греческие и римские, но также и памятники туземного производства, восходящие к доколониационному периоду. В римское время Тиритака являлась крупным рыбопромышленным центром, заготавливавшим консервированную рыбу: раскрыты многочисленные остатки рыбозасолочных хозяйств, применявших при производстве огромные цементированные ванны; к римскому же времени относятся две замечательные винодельни. Такие же три большие винодельни и ряд отдельных орудий производства открыты были и при раскопках в Мирмекии. В 1937 г. открыли в Мирмекии оборонительную стену с башнями, построенную в начале IV в. до н. э., постройки, принадлежащие большому раннеримскому хозяйству (цементированные цистерны, вероятно, для засола рыбы).

Продолжалась археологическая работа и в станице Елисаветинской, где был расположен первоначально древний Танаис, переместившийся в эллинистическо-римское время в теперешнюю Недвиговку. При раскопках и разведках был найден богатый керамический материал, отчасти

привозной, отчасти местный²³. На азиатской стороне Боспора в 1936 г. начаты раскопки Московским историческим музеем на месте Фанагории. Наконец, должно отметить также небольшие археологические работы в Краснодарском районе, в Азово-Черноморском крае.

Все перечисленное мною лишь в главных чертах показывает, как оживленно шла археологическая работа в Северном Причерноморье. Все эти полевые работы сопровождались составлением участниками их обширных и обстоятельных отчетов, к опубликованию которых только с этого года приступлено. На эту сторону дела, т. е. на своевременную публикацию отчетов, должно быть обращено самое серьезное внимание, ибо, как справедливо замечено одним из покойных крупных археологов (Т. Виганд), раскопки, не сопровождающиеся печатными отчетами о них,—ничто. Пояснять это не приходится: пока отчеты о произведенных раскопках не опубликованы, результаты их для научно-исследовательской работы—мертвый капитал.

Существенно необходимо также организовать раскопочные работы так, чтобы ежегодно археологическая кампания в том или другом месте продолжалась возможно более продолжительное время, а не месяц-два, как это происходило и происходит теперь из-за недостатка средств, часть которых ежегодно должна уходить еще на всякого рода организационные работы и приспособления к данной археологической кампании. Наконец, нужно постоянно помнить о том, чтобы раскопочная площадь охранялась от могущего произойти ее разрушения и порчи. Археологическая работа в Северном Причерноморье дала много, многие работники, и работники энергичные, отдают ей свои силы и свои знания и на практическом и на теоретическом поприще²⁴. Но нужно думать и о грядущей смене, о создании молодых кадров, которые должны включиться в работу своих старших товарищей хорошо вооруженными, чтобы тем самым обеспечить дальнейшее изучение истории Северного Причерноморья в античную эпоху во всех ее проявлениях²⁵.

²³ Этот материал подвергся детальному обследованию в работах Т. Н. Книпович—Опыт характеристики городища у ст. Елисаветинской и Торговые сношения греков в области реки Танаиса в VII—V вв. до н. э. «Известия ГАИМК», вып. 104.

²⁴ В дополнение к указанным выше работам, появившимся за последние 20 лет, нужно отметить также работы Т. Н. Книпович об ольвийской керамике римского времени и об ионийских вазах, найденных на Таманском полуострове, работы А. Н. Зографа в области античной нумизматики Северного Причерноморья, работы В. Ф. Гайдукевича о керамических обжигательных печах римского времени, его же и Б. Н. Гракова работы о боспорских черепичных клеймах и пр. Все эти работы помещены в изданиях ГАИМК. Херсонесский музей опубликовал три выпуска «Херсонесского сборника».

²⁵ Об очередных археологических задачах этого изучения см. Жебелев—Введение в археологию, I, 1923, 149 сл. К ним нужно присоединить еще подготовительные работы по составлению археологической карты Северного Причерноморья.

ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ БЕЛОРУССИИ¹

История Белоруссии еще далеко не изучена. Целый ряд важнейших проблем и вопросов еще не подвергался исследованию в марксистской исторической науке.

Белорусский народ, как и остальные народы Союза, должен знать свою историю. Он должен знать, как в долгой, тяжелой и упорной борьбе против многовекового феодально-крепостнического рабства, капиталистической эксплуатации и постоянного национально-колониального гнета трудящиеся Советской Белоруссии вместе с остальными трудящимися прежней царской России добились своего освобождения от всех и всяческих эксплуататоров, обрели свою советскую государственность и вместе с народами великого Советского Союза стали, под руководством партии Ленина—Сталина, активными строителями коммунизма.

Изучение истории белорусского народа, как и других народов Союза, должно начинаться с самых древнейших времен. Без освещения вопросов самого отдаленного прошлого нельзя изучить средневековье, невозможно понять борьбу общественных классов и их идеологию в феодально-крепостническую, а отчасти даже и в капиталистическую эпоху. Это положение, имеющее силу по отношению к истории любого народа, в особенности актуально по отношению к истории белорусского народа.

Подлинно научного изучения истории Белоруссии до советской эпохи не существовало. Напрасно мы будем искать в дворянской и буржуазной историографии работ, которые пытались бы дать объективное изложение истории белорусского народа. Правда, и русские великодержавники и польские и белорусские националисты много писали об истории Белоруссии. Но все они освещали вопросы истории Белоруссии, исходя из своих интересов, выполняя социальный заказ своего класса. Если русские великодержавники не признавали за белорусами даже права называться народом и вовсе отрицали историю белорусского народа, если польские шовинисты рассматривали и продолжают рассматривать белорусские земли, как «вотчину великой Польши», то белорусские контрреволюционные националисты, стремившиеся в послеоктябрьский период занять руководящее положение на белорусском историческом фронте, подчиняли изучение прошлого Белоруссии задачам борьбы против советской власти,

¹ Статья составлена группой сотрудников Института истории Академии наук БССР под редакцией акад. Н. М. Никольского.

задачам реставрации в БССР капитализма и отрыва ее от СССР, блокируясь в этой борьбе и с русскими великодержавниками и с польскими фашистами. Белорусские буржуазные националисты совместно с матерыми шпионами и агентами фашистских государств, пролезая на ответственные участки советских научно-исследовательских и учебных учреждений БССР, самым беззастенчивым образом занимались фальсификацией истории Белоруссии. Все эти, ныне разоблаченные и уничтоженные враги народа фальсифицировали историю древности и средних веков, создавая легенды о «золотом веке» Белоруссии в прошлом, когда в действительности крестьянские массы и городские низы несли тягчайшее ярмо крепостного рабства. Не в меньшей степени фальсифицировали они и период капитализма. Они развивали теорию «самобытности» исторического развития Белоруссии, говорили о бесклассовости белорусского народа. Рука об руку с белорусскими буржуазными националистами шли еврейские националисты-бундовцы и контрреволюционные троцкисты. Они извращали историю рабочего класса, историю партии и историю революционного движения в Белоруссии и протаскивали антиленинские установки в истории аграрного и крестьянского вопроса.

Одним из участков вредительской работы контрреволюционных «историков» и «этнографов» являлся и древний период истории Белоруссии. Они измышляли фашистские «теории» о «расовой чистоте» племени, составивших белорусский народ, о происхождении белоруссов от каких-то никогда не существовавших легендарных «вологов», о якобы самостоятельной государственной жизни белорусского народа в IX—XIII вв. Политический смысл этих теорий заключался в том, чтобы доказать, что история белорусского народа не имеет ничего общего с историей русского народа.

Отсюда понятно, какая большая и ответственная задача ложится на работников исторического фронта БССР. Это—задача ликвидации вредительства в исторической науке и постановка изучения исторического прошлого Белоруссии на подлинно-научные рельсы марксистско-ленинской исторической методологии.

Лишь в последние годы исследовательские учреждения БССР, в частности Институт истории Академии наук, приступили к этой работе. Исходным моментом марксистско-ленинского изучения истории БССР они поставили задачу по освоению исторических источников путем опубликования богатейшего фонда документов и материалов по истории Белоруссии. Институтом истории издано уже несколько томов таких документов по средней и новой истории. Работа в этом направлении продолжается и будет вестись и дальше еще более энергичными темпами. Параллельно ведется работа по составлению первого марксистского очерка истории Белоруссии от древнейших времен и до наших дней победного шествия социализма под знаменем Сталинской Конституции. В связи с работой над очерком истории Белоруссии ведется попутное изучение ряда отдельных проблем, в том числе и по древней истории Белоруссии.

К числу важнейших проблем древней истории Белоруссии, в порядке их важности и актуальности, необходимо, на наш взгляд, отнести следующие:

1) изучение последней стадии доклассового общества, совпадающей с процессом разложения родового строя и образования в его недрах общественных классов;

2) возникновение территориальной (соседской) земледельческой общины и борьба ее с выделившейся из родового общества господствующей верхушкой;

3) ранние феодальные объединения на территории Белоруссии (Полоцкое, Турово-Пинское княжества) в период Киевского государства (XI—XIII вв.);

4) идеология на последней стадии доклассового общества и на ранней ступени феодального общества.

Разумеется, означенные проблемы вовсе не исчерпывают круга вопросов древней истории Белоруссии. Но они нам представляются стержневыми проблемами, постановка и разрешение которых необходимы для уяснения исходных пунктов как общего процесса исторического развития Белоруссии в последующие эпохи, так и некоторых отдельных составных элементов этого процесса. Марксистская историческая наука обладает достаточными средствами и данными для правильной постановки и разрешения этих проблем.

Вот некоторые замечания по первому пункту.

Историческое развитие Белоруссии, как и преобладающего большинства европейских стран, характерно тем, что классовое общество и государство сложились на ее территории в форме феодальной общественно-экономической формации, а не рабовладельческой. Существовавшие здесь первобытные формы рабства не получили развития по направлению к формированию рабовладельческой общественно-экономической формации; здесь имел место «основной факт—переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству» (Ленин, О государстве, т. XXIV, стр. 367). Однако нужно отметить, что элементы рабовладения («невольная челядь») на общем фоне феодально-крепостнических отношений сохранились здесь еще довольно долго, вплоть до XV—XVI вв. Об этом свидетельствует ряд государственных актов Великого княжества Литовского, в подчинении у которого находилась в этот период Белоруссия.

Проследить, как и каким путем родовая общинная собственность превратилась в феодальную, а свободный общинник и раб-челядинец—в феодально зависимого крестьянина, нельзя без внимательного рассмотрения тех общественных отношений, которые имели место среди славянского населения, жившего на территории Белоруссии еще до варяжских завоеваний, до образования «империи Рюриковичей». Судя по данным дошедших до нас начальных летописей, договоров с Византией и древнейшей редакции «Русской Правды», появившихся в период Киевского государства, варяги уже не застали ни в Новгороде, ни в Киевской Руси родовой строй в его целостном виде. Не застали варяги этот строй и на территории Белоруссии, куда они могли проникнуть из-за Балтийского моря по Западной Двине. Наличие у славянских племен Восточной Европы своих местных князей (у древлян—князь Мал), несмотря на известную патриархальность в отношениях между князем и племенем, свидетельствует все же о том, что родовой строй доклассовой эпохи, эта,—по словам Энгельса, «удивительная организация во всем ее младенчестве и простоте»,—уже фактически перестал существовать. Славянские местные князья, по крайней мере, в период варяжских завоеваний, являлись уже не прежними родовыми старейшинами, не слугами общества, а были тем элементом в обществе, который стремился это общество подчинить себе, становился над этим обществом. Вот почему древнейшие исторические источники, дошедшие до нас со времени Киевского государства, зафиксировали только некоторые,

правда, еще довольно значительные, пережитки родовых отношений у восточных славян.

Конечно, на основании только этих источников мы не можем изучить все специфические черты родового строя у славян на стадии его разложения, т. е. в период, непосредственно предшествовавший варяжским завоеваниям. Тут необходимо привлечь дополнительный материал, в первую очередь—археологический, а также и этнографический.

БССР богата археологическими памятниками, выявленными в преобладающем большинстве в советскую эпоху. В Советской Белоруссии открыто несколько палеолитических стоянок, ранее вовсе неизвестных. Неолит, который до революции был известен в Белоруссии в виде единичных стоянок, в настоящее время представлен сотнями вновь выявленных стоянок. Таким образом, археологический материал дает возможность вплотную подойти к изучению истории первобытно-коммунистического общества на территории Белоруссии.

Начало изучению истории четвертичного человека на территории БССР было положено только после революции. Достигнутые результаты являются весьма важным успехом советской археологии, и на них следует остановиться подробнее.

Первая стоянка палеолита в БССР была найдена в 1926 г. около дер. Бердыжа (б. Гомельский округ), на р. Соже (К. М. Поликарпович). К 1929 г. относится находка стоянки в Юровичах, б. Мозырского окр., на р. Припяти (К. М. Поликарпович). В этом же году были сделаны находки в деревне Клеевичах, б. Могилевского окр., на р. Беседи, которые предположительно можно рассматривать, как палеолитические.

Все перечисленные стоянки были обнаружены в результате систематических поисков и разведок, проведенных на протяжении ряда лет по Верхнему Днепру и рекам его водосбора—Припяти, Сожу, Беседи, Ипути. Разведки были увязаны с исследованием мест находок остатков четвертичной фауны. Таких мест в БССР известно более 130; из них обследовано около 35 пунктов.

Остатков, бесспорно отвечающих времени нижнего палеолита, в БССР еще не найдено. Предположительно может быть отнесено к нижнему палеолиту одно орудие типа мустьерского «заостренного скребла», найденное на р. Беседи, около м. Светиловичи. Можно далее предполагать, что к памятникам нижнего палеолита относятся находки в д. Клеевичах, б. Могилевского окр. Здесь, в нижнем горизонте риссвюрмских песков над мореной рисского возраста были встречены, вместе с весьма немногочисленными остатками мамонта и лошади, кремни с ретушью. Однако нельзя с определенностью сказать, нанесена ли эта ретушь рукой человека или произошла под влиянием чисто механических причин.

Верхний палеолит на территории БССР известен пока в двух местах. Первое местонахождение, верхнеориньякская стоянка у дер. Бердыжа, раскапывалось несколькими экспедициями б. Института белорусской культуры и Академии наук БССР в 1926—1929 гг. Исследованная до сих пор площадь стоянки достигает 120 кв. м. Это весьма важное местонахождение и до настоящего времени не может считаться достаточно изученным. Раскапывался все время, по условиям залегания стоянки, не центр ее, а периферия, с большими скоплениями костных остатков и незначительным количеством кремневых орудий и обломков, при полном отсутствии каких-либо изделий из кости.

Фауна стоянки представлена 7 видами. Среди них первое место занимает мамонт, 35 экземпляров. Кроме мамонта, здесь найдены остатки лошади, быка, зубра, бурого медведя, песца, волка и суслика.

Инвентарь стоянки характеризуется, главным образом, наконечниками с выемкой. Орудий и кремневых отбросов здесь встречено, в сравнении с большим количеством остеологического материала, немного. Производство орудий имело место здесь же, на стоянке. Это доказывается значительным количеством кремневых жезлаков, нуклеусов и мелких кремневых отщепков и чешуек. Орудия Бердыжской стоянки аналогичны по своему характеру соответствующим находкам Боршева 1 и Гагарина (Дон) и лёссовых стоянок Моравии (Пшедмост) и Австралии (Виллендорф).

Другое местонахождение, Юровицкая стоянка, раскапывалось в 1929 и 1931 гг. Эта стоянка гораздо беднее материалом. Фауна представлена пока только мамонтом (15—20 экз.) и лошастью. Из инвентаря два года раскопок доставили на 40 исследованных квадратных метров всего около 30 экземпляров кремня. Почти единственной формой орудия, которая до сих пор здесь встречена, является острие типа *La Gravette*. Была найдена также одна пластинка с оббитым краем. Стоянка относится, по видимому, к нижнемадленской эпохе.

Эпипалеолит на территории БССР, как, впрочем, и во всей Восточной Европе, до революции почти не исследовался. В БССР исследования его начались с 1924 г. в б. Гомельском окр., попутно с разведками в районах рр. Днепра, Припяти, Сожа и др. Исследования ограничивались, главным образом, сбором подъемного материала на стоянках.

Характерную черту кремневого инвентаря более ранних из этих стоянок представляют наконечники стрел со стерженьком (типа *Fort Robert*), затем нередко резцы, скребки на конце узких пластинок и скребки высокой формы.

По инвентарю эти стоянки стоят близко к стоянкам Северной Украины, непосредственным продолжением которых они являются. На западе они граничат с подобными же стоянками Виленщины и Понеманья. Последние, в свою очередь, напоминают по своему характеру как стоянки Польши, где наиболее старую культуру с таким инвентарем представляют свидерские (или хвалибеговичские) находки, так и стоянки Южной и Юго-западной Прибалтики («культура *Lungby*»).

Памятники типа тарденуаз представлены в БССР поверхностными подъемными находками на рр. Днепре (редко), Припяти и Соже. Характерными особенностями инвентаря стоянок эпохи тарденуаз БССР являются микролитичность кремневых изделий, присутствие трапециевидных форм наконечников стрел и небольших остриев в виде пластинок с оббитым краем. Любопытно, что некоторые типы инвентаря тарденуазских стоянок встречаются и в неолите БССР, уже вместе с керамикой.

Распространяясь на юге на Украине, на севере тарденуазские стоянки имеют свою границу, поскольку на основании наличных материалов ее можно определить, приблизительно, на линии, которая идет от Брянска на северо-запад через Чериков на р. Соже и м. Новый Быхов на Днепре к р. Друти, направляясь далее на запад в Виленщину.

Памятники типа *к а м п и н ь и*, которые стоят уже на границе эпипалеолита и неолита («протонеолит»), выявлены лучше всего на Соже, где обнаружены стоянки этого типа. Здесь встречены такие характерные формы, как овальный *п и к*, в одном случае *т р а н ь ш е*, наконец, грубые резцы. Подобные находки обнаружены на Среднем Соже около Чечерска

и особенно около г. Черикова. Овальный пик известен и в одной находке с Днепра (Новый Быхов). В последнее время памятники типа кампиньи были обнаружены на Верхнем Днестре (ряд месторождений в Западной области и в верховьях Западной Двины). На запад от БССР они хорошо представлены в Виленщине, на юг—в Волини.

Таким образом, изучение палеолита и эпилеполита БССР, несмотря на достигнутые в последние годы успехи, все еще находится на стадии накопления фактического материала. Однако и по имеющимся уже фрагментарным данным можно прийти к некоторым заключениям о процессе заселения территории Белоруссии и о развитии на этой территории древнейших стадий первобытно-коммунистического общества.

Обнаруживается, что человек появился на территории БССР не позднее, чем в позднеледниковое (последлурмское) время в результате весьма длительного процесса расселения на громадных пространствах, которые постепенно выходили из сферы непосредственного влияния ледника и заселялись соответствующей флорой и фауной. По мере отступления ледника на север и постепенного потепления климата, что совершалось весьма медленно, на протяжении тысячелетий, шло такое же медленное, для небольшого отрезка времени мало приметное, заселение человеком новой территории. Объяснение тех перемен и различий, которые нашли свое отражение в памятниках палеолита и эпилеполита, нужно искать в условиях материального производства первобытно-коммунистического общества этих эпох. Освоение вновь занимаемых территорий, богатых реками, последующее надвигание лесов, приспособление к новым хозяйственным условиям—все это не могло не способствовать изменению облика культуры общества палеолитической эпохи.

Что касается эпохи неолита, то она представлена громадным количеством местонахождений (около 800), выявленных, главным образом, в южной половине БССР, по рр. Днестру, Сожу, Припяти, Березине и др. Более ранние из этих местонахождений характеризуются частично шлифованными каменными орудиями и керамикой с гребенчатым орнаментом. В более позднее время, которое можно условно назвать, по аналогии с ближайшими территориями, бронзовым веком, широкое распространение получают целиком шлифованные каменные орудия (например, типа фатьяновских), в керамике—шнуровые и линейные элементы².

Неолитические стоянки дают материалы, главным образом, для характеристики эпохи родового общества. Ранние неолитические стоянки происходят из эпохи материнских родов; поздние стоянки относятся к патриархальному периоду. Для древней истории в Белоруссии в собственном смысле этого слова основной археологический материал дают раскопки городищ и селищ, относящихся к периоду около начала и к первым векам н. э., когда происходит разложение родового строя, появление имущественного неравенства и возникновение классов.

На территории Белоруссии обнаружено до сих пор уже свыше 80 городищ, из которых подавляющая часть относится к периоду разложения родового строя, а остальные—к эпохе раннего феодализма. К сожалению, пока произведены раскопки только около десятка городищ и разведано около 100 городищ, и потому собранный материал еще нельзя признать

² Главнейшая литература по каменному веку в БССР указана в списке (41 назв.) при работе К. М. Поликарповича «Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья» (Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V, Лгр. 1934, стр. 75—87).

достаточным для разработки истории разложения родового строя в полном объеме.

Разведки и раскопки городищ эпохи разложения рода обнаруживают пока следующие характерные черты. Как всегда, городища расположены на берегах рек, обнесены валом и тыном, остатки которого обнаружены в ряде мест. Внутренняя селищная площадь городищ невелика—от 1 000 до 2 000 кв. м. Отсюда можно заключить, что городища были укрепленными центрами родовых общин. В этом отношении городища эпохи разложения рода редко отличаются от позднейших городищ IX—X вв., которые имеют площадь до 1 га и опоясаны сильными укреплениями. От построек внутри городищ встречаются обугленные остатки дерева, всегда есть остатки каменных очагов. Инвентарь, кроме каменных зернотерок, железный. Железо выплавлялось тут же, на склонах городищ, в глиняных плавильных печах, из местной болотной руды. Целый ряд остатков свидетельствует о том, что в производстве основное место занимало земледелие. В Банцеровском городище найдены зерна проса, занимающего первое место, затем зерна пшеницы и гороха; ржаные зерна не попадались. Из земледельческих орудий в городищах найдены железные серпы, косы, а также уже упомянутые каменные зернотерки. Из других орудий встречаются железные топоры. Из домашних животных обнаружены кости быков (коров), лошадей, овец, коз, собак. Однако остатки показывают, что продолжает играть значительную роль и охота. Об этом свидетельствует значительное количество костей диких животных—лося, медведя, бобра, а также болотных и других птиц.

Эти результаты раскопок неолитических стоянок и городищ первых веков н. э. показывают, что перспективы археологического исследования для реконструкции родового строя и процесса его разложения в Белоруссии вполне благоприятны. Дальнейшие раскопки, несомненно, дадут новый богатый материал, который заполнит все имеющиеся сейчас пробелы. Этот археологический материал должен быть дополнен тем материалом, какой мы можем извлечь из целого ряда пережитков родового строя, сохранившихся в белорусском фольклоре и в старом крестьянском обычном праве. Особенно важны с этой стороны обряды и обычаи, связанные с семейным бытом,—свадебные и похоронные; обряды и обычаи, связанные с рождением; обычаи, регулирующие взаимоотношения между отцом и членами семьи—женой и детьми. Эти обряды и обычаи записывались в XIX в. и в начале XX в.; в той форме, в какой они были записаны, в них обнаруживается ряд наслоений различных эпох. Посредством критического анализа, исходящего из марксистских положений по истории семьи и рода, вполне возможно с достаточной точностью выделить из этих обрядов их наиболее древнюю основу. Тогда выступят черты материнского права, вслед за ними пойдут богато сохранившиеся пережитки отцовского права. Материалы этой последней категории записаны и переданы в очень значительном количестве Шейном, Бессоновым, Романовым и другими прежними этнографами; кроме того, значительные записи имеются в архиве секции этнографии Академии наук БССР. Однако к указанной критической обработке этих материалов еще почти не приступлено. Можно указать только работу Владимирского-Буданова «Черты семейного права Западной России в половине XVI в.»³, в которой описано и комментировано обычное украинское и белорусское семейное право, в том числе тра-

³ В «Чтениях в Истор. обществе Нестора Летописца» т. IV, 1890.

диционные формы брака без церковного венчания и обычаи гражданского развода по инициативе жены (белор. «прочки и разлучины»), восходящие в своей основе еще к эпохе материнских родов.

Кроме того, необходимо привлечь также материал обычного права, связанного с производством. Последнее тоже сохраняет остатки первобытных коммунистических отношений; например, так называемая т о л о к а является несомненно остатком коллективной формы обработки земли родовой эпохи. Предварительная разведка с этой целью фольклорного материала обнаруживает также следы родовой коллективной организации всех основных земледельческих работ и приемов животноводства. Кроме исследований наличного материала, тут необходимо произвести дополнительное собирание материала, ибо дореволюционные собиратели этой областью очень мало интересовались.

Второй, не менее актуальной и важной проблемой, имеющей самую тесную связь с рассмотренной выше проблемой разложения рода, является вопрос о земледельческой (сельской, соседской) общине. Сельская община выросла из родовой общины, когда в последней появилось после распада крупной патриархальной родовой семьи мелкое индивидуальное хозяйство (хозяйство небольшой моногамной семьи), возникло имущественное неравенство и зарождались классовые отношения. Эта земледельческая, или «сельская», община, которая, по словам Маркса, «повсюду представляет с о б о ю с а м ы й н о в ы й т и п общины и, так сказать, последнее слово архаической общественной формации», являлась одновременно «переходной фазой к вторичной формации», к обществам, «покоящимся на рабстве и крепостничестве» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 694—695). Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивают ту огромную историческую роль, какую обычно играла община в Европе как в период формирования феодального общества, так и в процессе исторического существования феодализма на последовательных этапах его развития. Так, например, говоря о значении германской общины—марки, Энгельс подчеркивал, что варвары «по меньшей мере, в трех важнейших странах, Германии, Северной Франции и Англии, сумели сберечь в феодальном государстве осколок настоящего родового строя в форме сельских общин (марка) и тем самым дали угнетенному классу, крестьянам, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права, территориальную сплоченность и средства к сопротивлению, каких в готовом виде не нашли ни древние рабы, ни современные пролетарии...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1-я, стр. 132—133).

Встречающиеся в «Русских Правдах» термины «вервь» и «мир» свидетельствуют с полной очевидностью о наличии у славянского населения, входившего в состав Киевского государства, в том числе и у населения теперешней Белоруссии, сельской общины—марки. Труды Маркса и Энгельса дают ценнейшие методологические указания в вопросе об общине, об этапах ее развития, о происхождении сельской общины из общины более архаического типа, о характерных чертах и судьбах земледельческой общины. Этими указаниями мы и должны руководствоваться при реконструкции сельской общины на территории Белоруссии в IX—X вв. н. э. Проследившая дальнейшие судьбы крестьянской общины уже в пределах феодального государства, мы должны выяснить, как и в какой степени она на территории Белоруссии играла роль организующего средства в борьбе угнетенных крестьянских масс против гнета крепостников-помещиков.

Акты Великого княжества Литовского дают по этому вопросу чрезвычайно ценный материал («копа», «копные суды», «громада»). Крестьянскую общину стремилась разрушить и разрушала фискальная политика феодального государства. Господствующий класс—князья, паны, шляхта—чувствовал, что общинная организация придает борьбе поработанных крестьянских масс против феодально-крепостнического гнета огромную силу сопротивляемости. Крепостники предпринимали все средства, чтобы сломить общину или приспособить к своим целям. Волочная земельная помера, проведенная на территории Белоруссии и Литвы в XVI в., в основном была направлена против общинной организации крестьянства. Наконец, важность изучения крестьянской общины подчеркивается также необходимостью разоблачения фальсификаторских концепций контрреволюционных националистов, отрицавших существование крестьянской общины в Белоруссии.

Задача реконструкции сельской общины IX—X вв. может быть, несомненно, разрешена, так как, кроме указанного летописного и юридического документального материала, для этой цели может быть использован также фольклорный и этнографический материал и записи старого обычного права, а в известной степени, для характеристики техники общинного хозяйства, также и археологический материал. Этнографический материал позволяет реконструировать некоторые производственные моменты, например, соединение в древних сельских общинах земледелия с домашней промышленностью. Фольклор и обычное право содержат целый ряд пережиточных элементов, восходящих к древней эпохе и позволяющих приподнять завесу над административной и производственной организацией общины в области земледелия и скотоводства. Работа эта только еще начинается и ведется в секции этнографии и фольклора Академии наук БССР. Приводится в известность и собирается материал; делаются первые попытки систематизации этого материала и реконструкции некоторых отдельных сторон древнего общинного быта.

Третья проблема, проблема истории ранних феодальных объединений, возникших на территории Белоруссии в XI—XIII вв., тоже еще не изучена. Имеющиеся монографии буржуазных исследователей о Полоцкой, Турово-Пинской, Смоленской землях (Данилевича, Голубовского, Грушевского и др.) ограничиваются в основном перечнем княжеских династий, подробным описанием политических интриг в княжеско-боярской среде. Хозяйственная жизнь областей, социальные отношения, классовая и политическая борьба, быт населения почти не отражены в буржуазной историографии. Совершенно неудовлетворительно, даже с точки зрения требований буржуазной науки, использованы такие важные исторические источники, как летописи и иностранные хроники. Археологический материал, которым оперировали дореволюционные буржуазные историки, не может идти ни в какое сравнение с обилием новых фактов, которые, как мы видели, в настоящее время стали достоянием исторической науки в результате новейшего открытия и изучения памятников материальной культуры раннего средневековья на территории Белоруссии.

Контрреволюционные националистические белорусские «историки», проводя свою антисоветскую изменническую линию в области истории раннефеодальной эпохи, пытались отрицать тот несомненный факт, что величайшее завоевание белорусского народа—государственность—является

результатом только Великой Октябрьской социалистической революции. В противовес этому положению они усматривали проявление «древней белорусской государственности» еще в удельных княжествах XII—XIII вв. (Полоцкое, Турово-Пинское, Минское, Друцкое и т. д.). Образовавшиеся в XIV в. Великое княжество Литовское националисты характеризовали в качестве якобы «федеративного» княжества и дали ему название «Литовско-Белорусского государства». Эта фальсификация проделывалась при вопиющем игнорировании действительных фактов, которые показывают, что в X—XII вв. удельные княжества, существовавшие на территории Белоруссии, находились в определенном подчинении Киевскому великокняжескому столу. Равным образом, лишь при помощи самой беззастенчивой подтасовки исторических фактов, к которой прибегали националисты, можно «открывать» существование белорусской государственности в эпоху средневековья, когда в действительности белорусский народ находился под гнетом литовско-польских феодалов, или, наконец, «отыскивать» элементы этой государственности в период польской Речи Посполитой, в составе которой Белоруссия находилась на положении угнетенной колонии. Энгельс в статье «Какое дело рабочему классу до Польши» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1-я, стр. 158), говоря о Великом княжестве Литовском, замечает: «Но уже с 1390 г. собственно Польша была объединена с Великим княжеством Литовским, которое составляло, до последнего раздела 1794 г., нераздельную часть Польской республики». Исторические источники, при их внимательном рассмотрении, целиком подтверждают это положение Энгельса и не дают никаких данных о существовании белорусской государственности в дооктябрьский период.

Из советских историков проблеме феодальных отношений в Киевском государстве посвятил монографию акад. Греков. Но работа акад. Грекова ставит вопрос в общем масштабе и не дает специального рассмотрения феодальных отношений в белорусских землях.

Отсюда вполне понятна важность марксистского освещения и специального изучения исторического развития Белоруссии в период Киевского государства. Внимательный анализ летописных сведений и иностранных хроник, дополненный богатыми, еще до сих пор не использованными археологическими материалами, даст возможность воссоздать более или менее полную картину раннего средневековья Белоруссии.

Четвертая проблема—это проблема идеологии на последней стадии первобытно-коммунистического общества и на раннефеодальном этапе истории Белоруссии. Изучение идеологий на разных этапах общественно-экономической истории и классовой борьбы является вообще одной из самых важных задач марксистской исторической науки. Дело здесь не только в том, чтобы на конкретном материале показать и доказать, что «не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» («Нем. идеол.», 1924, стр. 17). Дело еще заключается в том, что идеологии всякого рода, будучи продуктами реальной жизни, в свою очередь, «оказывают обратное влияние на все общественное развитие, даже на экономическое» (Энгельс к Конраду Шмидту 27 окт. 1890 г., см. Письма М.—Э., под ред. Адоратского, изд. 2-е, стр. 312). Таким влиянием в докапиталистическую эпоху больше всего пользовалась религия; так, по выражению Энгельса, в средние века «всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать религиозную форму» (Энгельс, Люд. Фейербах, изд. 2-е, стр. 76). Религия, как «один из видов духовного гнета» (Ленин, Соч., т. VIII,

стр. 419), господствует над сознанием человека и его деятельностью еще в эпоху первобытно-коммунистического общества, когда в религиозных образах, созданных человеком, отражаются господствующие над людьми силы природы. С переходом к классовому обществу к силам природы присоединяются непонятные и по видимости «сверхъестественные» общественные силы; тогда фантастические образы сил природы «приобретают общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил» («Анти-Дюринг», изд. 6-е, стр. 229—230). Также уже в раннефеодальную эпоху к «доисторическому содержанию» религии присоединяются верования и культы классового общества, создаются так называемые исторические религии, в образовании которых весьма видную роль играл «сознательный поповский обман» (М. и Э., Соч., т. XV, стр. 602). Таким путем сложилось церковное христианство и все его средневековые разновидности, которые во всей средневековой Европе играли огромную, временами руководящую роль во всей общественно-политической жизни и не утратили своего влияния в буржуазных странах до наших дней.

В истории Белоруссии религиозные моменты играли огромную роль в быту белорусского крестьянства и трудящейся еврейской бедноты. Тяжелое положение угнетенных трудящихся создавало благоприятную обстановку для распространения религиозного дурмана, которым охватывали сознание масс эксплуататорские классы и их церковные агенты. Поэтому неудивительно, что этнографические и фольклорные памятники дают богатый материал для характеристики религиозной идеологии и религиозного быта. В этом материале сохранился целый ряд элементов «доисторического содержания» в верованиях белорусского народа. Таким образом, в нашем распоряжении имеется достаточный и весьма ценный материал для разрешения проблемы ранней идеологии.

В области изучения этой проблемы секция этнографии и фольклора Академии наук БССР ведет большую работу и дала уже две небольшие специальные монографии акад. Н. М. Никольского. В первой монографии—«Міфалогія і абрадовасць валочобных песень»—реконструируется весенний магический цикл, связанный с посевом и восходящий к родовой эпохе, и выясняются связанные с этим циклом мифы. Вторая работа—«Жывелы ў звычайх, вераннях і абрадах беларускага сялянства», исходящая из положения Энгельса: «сначала свято то, что мы переняли из животного царства, з'в е р и н о е», стремится вскрыть остатки «животного сознания природы» и «природной, естественной религии» и спуститься к дорелигиозному периоду и к первым истокам религии. Но этого еще недостаточно; необходимо изучить монографически и другие важные моменты, в особенности весь комплекс анимистических верований, и свести весь этот материал в одно целое.

Что касается религии раннефеодального периода, когда христианская религия, смешавшись с прежней религией белоруссов, приняла своеобразную синкретическую форму, то эта работа пока еще по-настоящему не начата. То, что сделано в этой области, относится, главным образом, к русским народным верованиям. Материал, имеющийся по отношению к белорусской религии феодального периода, частично выясненный в указанных работах, показывает, что синкретизм «доисторического содержания» и исторического христианства был здесь гораздо сложнее, поскольку, кроме православия, крестьянская масса испытывала также тяжелый гнет католицизма и испытала даже некоторое влияние еврейских народных

верований. Таким образом, работа над исследованием идеологии раннефеодального периода не вышла еще из стадии первоначальных разведок материала. Обработка еще вся впереди.

Таковы четыре основные проблемы древней истории Белоруссии. Совершенно понятно, что они должны быть разрешаемы в постоянном контакте с изучением соответствующих проблем древней истории других народов Союза. Сравнительное изучение тут должно оказать огромные услуги. Во главу угла должны быть поставлены руководящие установки Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. При неуклонном следовании путями марксистско-ленинской исторической методологии будет, несомненно, полностью обеспечено успешное разрешение этих важнейших и труднейших проблем.

С. П. ТОЛСТОВ

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

I

Социологизаторы-схематики «школы» Покровского в период своего влияния на историческом фронте свысока третировали богатые культурные традиции народов нашей родины. Развернувшаяся после исторических указаний товарищей Сталина, Кирова и Жданова борьба за подлинную историческую науку нашла, в частности, свое выражение в той большой победе советских историков, которой является выход в свет «Краткого курса истории СССР».

Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на учебник по истории СССР отмечает как крупное достижение авторов учебника тот факт, что их учебники «перестали быть историей одного только великорусского народа, однако же задача—ввести в качестве субъектов истории также и другие народы, поработанные царской монархией и освобожденные от национального гнета Великой социалистической революцией, не решена ни одним из авторов учебников»¹.

Работа над решением этой задачи становится почетным и ответственным заданием для всего нашего исторического фронта.

В этой работе должны по-новому зазвучать вопросы древней истории нашей родины. Если понятие древней истории СССР в рамках исторических построений «школы» Покровского было либо просто пустым звуком, либо приурочивалось к истории Киевского государства, хронологически лежащего в границах средневековья, то сейчас это понятие наполняется новым, исключительно богатым содержанием.

Пора серьезно задуматься над тем, что древняя история СССР должна занять несравненно большее место в практике нашего преподавания, в нашей исторической—научной и популярной—литературе.

Наш народ должен знать имена великих деятелей истории античной Греции и Рима, должен воспринять все лучшее, что дала нам культура классической древности, но отнюдь не меньше внимания должно быть нами уделено истокам культуры нашей родины, историческим традициям народов той шестой части земной суши, над которой развевается знамя социализма.

В создаваемой сейчас общими усилиями коллектива советских исследователей пятитомной древней истории СССР история Среднеазиатских республик должна занять одно из почетных мест.

¹ Сб. «К изучению истории», Партиздат, 1937, стр. 37.

Двенадцать лет назад, в исторические дни национального размежевания Средней Азии, его великий инициатор товарищ Сталин в своем приветствии парторганизации вновь образованной Таджикской республики писал:

«Таджики имеют богатую историю; их организаторские и политические способности в прошлом ни для кого не составляют тайны. Работники Таджикистана, подымайте культуру своей страны, развивайте ее хозяйство, помогайте труженикам города и деревни, сплывайте вокруг себя всех лучших сынов своей родины и покажите всему Востоку, что вы являетесь лучшими потомками своих предков, крепко держащими в своих руках знамя освобождения». (Цитируется по тексту приветственной телеграммы в экспозиции Музея народов СССР.)

Эти слова великого вождя народов показывают нам всю важность изучения богатой истории как таджикского народа, так и народов других братских республик Средней Азии, богатой истории одной из древнейших культурных областей нашей родины.

Древняя история народов Средней Азии, несмотря на недостаточность наших сведений (в значительной мере объясняемую великодержавническим презрением буржуазной науки к истории бывших колониальных народов), исключительно красочна и богата яркими событиями. Ряд имен, который сохранила нам история, достоин того, чтобы их знал каждый советский человек. История Средней Азии содержит немало фактов героической борьбы с иноземными захватчиками; эти факты и до сих пор не мешают помнить фашистским любителям чужих земель. Культура древней Средней Азии, с каждым днем все больше раскрывающаяся под лопатами советских археологов, заслуживает того, чтобы занять одно из выдающихся мест среди культур древнего мира.

Та огромная роль в культурной истории средневекового Востока, которую сыграли народы нашей Средней Азии, давшие миру таких людей, как великий бухарец Авиценна, математик—хорезмиец Мухаммед ибн-Муса ал-Хорезми, имя которого в исковерканной на греческий лад форме звучит до сих пор в слове «логарифм», философ ал-Фараби, астрономы Ахмед-ал-Фергани, уроженец Хорезма ал-Бируни и многие другие, может быть понята до конца лишь в свете богатейшего культурного наследства, полученного народами средневековой Средней Азии от их близких и отдаленных предков.

II

Нельзя сказать, что древняя история Средней Азии была обижена вниманием европейской историографии XIX—XX вв. Можно назвать целую плеяду авторов, русских и иностранных, сделавших немало для выявления источников древней истории Средней Азии, для разработки вопросов хронологии, исторической этнографии и географии стран, лежащих между Каспийском морем и Китаем, Памиром и степями Казахстана. Нельзя не отметить заслуг Дегиня, Абеля Ремюза, Иакинфа Бичурина, позднее—Жюльена, Шаванна, Пельо и др., введших в научный оборот огромные материалы китайских источников для истории Средней Азии. Нельзя не подчеркнуть значение работ Риттера, Томашека, Маркварта, Захау, Лерха, Друэна, сделавших очень много для разработки вопросов хронологии и исторической географии. Многочисленные археологические экспедиции

последних десятилетий в смежную со Средней Азией китайскую провинцию Синь-цзян, из которых нужно отметить большие работы английской экспедиции Аурель Стейна, французской—Пельо, русской—Ольденбурга, немецкой—Лекока и др., дали обширные материалы, проливающие свет на целый ряд исключительно важных вопросов древней истории нашей Средней Азии. Эти экспедиции дали такие результаты, как открытие древне-согдийской письменности и обнаружение ряда документов на языке Согдианы, наиболее ранние из которых восходят ко II в. н. э., установление факта широкой колонизационной деятельности согдийцев—выходцев из долины Зеравшана—в Восточном Туркестане, вплоть до Китайской стены и т. д.

Однако в центре научно-исследовательских интересов подавляющего большинства представителей буржуазной историографии стояли прежде всего вопросы этнических взаимоотношений древних народов Средней Азии, и сам интерес к ней определялся господством в XIX в. гипотезы о среднеазиатской прародине индоевропейцев. Успех гипотезы Латама о европейском центре возникновения индоевропейских языков перевел интерес к древней Средней Азии в другую плоскость. Из «прародины» индоевропейцев она превратилась в их крайний восточный «форпост», и не случайно поэтому с конца XIX в. взоры большинства европейских исследователей устремляются не на бассейн Окса и Яксарта, а на Китайский Туркестан.

Этим определяется тот факт, что, несмотря на наличие обширной литературы по древней истории Средней Азии, эта древняя история до сих пор, по существу, не создана.

Нельзя не выразить большого сожаления, что для автора, которому наука обязана подлинным открытием средневековой истории Средней Азии,—В. В. Бартольда,—вопросы древней, домусульманской истории этой страны составляли периферию его научных интересов. Правда, Бартольду принадлежат многочисленные экскурсы в область доарабской истории Средней Азии в его основных трудах (в капитальном «Туркестане», «Очерках культурной жизни Туркестана», «Истории орошения Туркестана», «Сведениях об Аму-Дарье и Аральском море» и, наконец, в «Истории изучения Востока в Европе и России»). Домусульманскому периоду посвящен также ряд специальных его работ, начиная с ранних этюдов—«О христианстве в Туркестане в домонгольский период»² и «Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии»³—и кончая работами последних лет его жизни—«Восточно-иранский вопрос»⁴ и «К вопросу о языках согдийском и тохарском»⁵.

Мимо этих работ не вправе пройти ни один исследователь древней истории Средней Азии, но это все же только экскурсы и этюды, не идущие ни в какое сравнение с монументальными исследованиями В. В. Бартольда по вопросам среднеазиатского средневековья.

Вопросы социально-экономической и политической истории древних народов Средней Азии оставались, за редкими исключениями, вне поля внимания исследователей. Сколько-нибудь серьезной археологической работы, которая, несомненно, является в настоящее время важнейшим источником новых материалов, по существу, не велось.

² «Записки Вост. отдела Русск. Археологического общества», VIII, 1893.

³ «Среднеазиатский вестник», июль 1896.

⁴ «Известия РАИМК» т. II, П., 1922.

⁵ Сб. «Иран», т. I, Л., 1927.

Американская экспедиция Пумпелли, открывшая в 1903—1904 гг. в Анау, близ Ашхабада, памятники земледельческой культуры энеолита и бронзового века, датированные сперва Пумпелли IX тысячелетием до н. э., а затем, на основе более трезвых расчетов, отнесенные большинством исследователей к IV—III тысячелетиям, является единственным крупным археологическим предприятием на территории нашей Средней Азии до Октябрьской революции. Наши сведения об археологии Средней Азии (если не считать работ по изучению памятников средневековой мусульманской религиозной архитектуры) исчерпывались случайными находками и кустарными раскопками отдельных любителей древности.

Великая Октябрьская социалистическая революция определила коренной перелом в работе по изучению отдаленного прошлого народов Средней Азии.

Всякого, кому знакома Средняя Азия недавнего прошлого, не могут не поразить гигантские перемены, происшедшие на протяжении двух десятилетий, из которых почти половина была занята тяжелой борьбой с вооруженными бандами контрреволюции, басмаческими шайками, наймитами империализма, заливавшими кровью молодые республики, трудящиеся которых строили социализм, держа наготове винтовку. Вопреки подлым ухищрениям наймитов империалистических разведок, Ходжаевых, Икрамовых и им подобных, народы Средней Азии, при неизменной помощи русского пролетариата, добились огромных успехов. Место отсталой колонии далеко не передовой царской империи, место живых осколков средневековья—Бухарского и Хивинского ханств,—волею трудящихся масс, победивших под руководством пролетариата и его авангарда—партии Ленина—Сталина, заняли цветущие братские республики Советского Востока—Узбекистан с Каракалпакской АССР, Туркмения, Таджикистан с Горно-Бадахшанской АО, Киргизия. Место полуфеодальных порядков занял колхозный строй. Десятки тысяч пролетариев—узбеков, туркмен, таджиков, киргизов—работают на созданных Октябрем предприятиях тяжелой и легкой индустрии. Место старозаветных мектебов и колонизаторских русско-туземных школ заняла самая передовая в мире советская школа.

Расцвет во всех областях хозяйства и культуры выразился в большом размахе научной работы. Помимо огромной работы, проведенной центральными учреждениями Москвы и Ленинграда (работы Института востоковедения и Института истории Академии наук над публикацией архивных фондов по новой и средней истории Средней Азии, археологические экспедиции Академии наук, Академии истории материальной культуры и ее московского отделения, Государственного Эрмитажа, Музея восточных культур и других учреждений, этнографические экспедиции музеев Москвы и Ленинграда и т. д.), на местах развернулась широкая сеть исследовательских и музейных учреждений, за короткое время сумевших добиться исключительно богатых результатов. Достаточно отметить разнообразные археологические исследования Узбекстанского комитета по охране памятников старины и искусства, охватившие большую часть территории Узбекистана, весьма плодотворные работы Института туркменской культуры (ныне Институт истории Туркменской ССР), работы Таджикского филиала Академии наук, особенно раскопки согдийского замка на горе Муг, давшие результаты мирового значения, работы музеев Ташкента, Ашхабада, Сталинабада, Ленинабада, Фрунзе и других городов Средней Азии, чтобы составить себе представление о грандиозности мас-

штаба развернувшихся в Средней Азии после Октября исторических исследований.

Однако мы ни в какой мере не можем удовлетвориться уже достигнутым. Находки последних лет сигнализируют нам о том, что в песках пустынь Средней Азии, на загложших много столетий назад оросительных системах стоят почти нетронутые временем развалины городов, лежат в развалинах целые области, о которых ничего или почти ничего не знает наука. Почва Средней Азии обещает нам множество богатейших открытий, которые, несомненно, поставят Среднюю Азию—один из древнейших культурных районов Старого света—в один ряд со странами, история которых до сих пор составляет основное содержание истории древнего Востока—Месопотамией, Египтом, Сирией, Малой Азией;

III

В Бегистунской надписи Дария, сына Гистаспа (521—468 гг. до н. э.), мы впервые читаем имена народов и стран древней Средней Азии. Среди областей, подчиненных «царю стран», мы находим имена Маргианы, Хорезма, Бактрии и Согдианы.

Время, предшествующее включению этих областей в состав колоссальной древнеперсидской державы, раскинувшейся от Египта и Малой Азии до Памира, освещено историческими источниками крайне слабо. Но то, что мы знаем, позволяет заключить о сложной и богатой истории среднеазиатских стран до того, как над ними стали господствовать цари династии Ахеменидов, и о том большом культурном вкладе, который народы Средней Азии внесли в сокровищницу древней иранской культуры.

Открытая экспедицией Пумпелли в 1903—1904 гг. культура Анау осталась вплоть до Октябрьской революции единственным памятником первобытной истории Средней Азии, освещающим, притом далеко не полным светом, лишь сравнительно небольшой отрезок истории сравнительно позднего этапа доклассового общества Средней Азии. Энеолит и бронзовый век одного из районов Южной Туркмении—вот все, что может быть зачислено в актив дореволюционной первобытной археологии Средней Азии.

Истекшее двадцатилетие значительно обогатило наши познания древнейшего периода истории наших Среднеазиатских республик, углубив их хронологически и расширив географически.

За послереволюционные годы были впервые открыты памятники истории Средней Азии, относящиеся к более раннему, чем Анау, периоду и восходящие, возможно, к самым первым этапам неолита. Сюда, прежде всего, относится ряд находок на территории Туркменской ССР стоянок первобытных бродячих охотников, пользовавшихся орудиями микролитического типа, близкими к тем, которые характеризуют в Европе переходную стадию от палеолита к неолиту. Находки таких стоянок были сделаны в ряде пунктов Каракумской пустыни (Кызыл-такыр в Центральных Каракумах, Дуз-Юзи и на побережье Каспия и др.)⁶.

Однако систематическое изучение памятников этого рода до сих пор еще не поставлено, и доанауский период истории Средней Азии попрежнему остается темным.

⁶ А. Марущенко, У истоков культуры. Следы протонеолитических культур в Каракумах. «Туркменоведение», 1931, № 7—9, стр. 71—74.

Несравненно богаче собранные за последние два десятилетия материалы, характеризующие этапы первобытной истории Средней Азии, современные Анау и более поздние. В самой Туркмении к памятникам анауского типа могут быть причислены исследованные советскими археологами Ак-Тепе близ Ашхабада, Намазга-Тепе близ Каахка и ряд других аналогичных местонахождений⁷. Памятники этого типа отмечены также для бассейна реки Зеравшана, для района Термеза и, особенно, для Ферганской долины, где в 1930—1933 гг. были поставлены разведочные работы Государственной Академией истории материальной культуры совместно с среднеазиатскими научными учреждениями⁸.

Эти материалы не только позволяют установить распространение культуры, представленной в различных слоях Анау, на большую часть территории Средней Азии, но и дают возможность внести целый ряд новых моментов в наши сведения о характере этой культуры.

Весьма существенной является установленная исследованиями последних лет закономерность распространения этих памятников в районах предгорий, на местах выхода в равнину небольших речек. Мы можем отсюда сделать ряд существенных выводов о характере древнейшего оросительного земледелия в Средней Азии, предшествовавшего созданию мощных систем искусственного орошения. Бродячее охотничье население раннего неолита, переходя к земледелию, оседало именно в таких местах, где использование для самотечного орошения воды небольших, выходящих из гор речек не требовало создания крупных оросительных каналов, необходимых для использования вод больших среднеазиатских рек. Можно считать в основном установленным, что освоение для земледелия среднего течения, а тем более—низовьев больших рек, представляло следующий этап в развитии ирригационного хозяйства, предпосылкой для которого являлось предгорное оросительное земледелие анауского типа.

Эти исследования установили вместе с тем значительную стойкость анауской культурной традиции.

Здесь надо отметить работы экспедиции Узкомстариса, проводившиеся в 1934 г. в долине реки Чирчика⁹. Исследованные экспедицией «тепе» (холмы, состоящие из напластований культурных остатков, накопленных в течение многих веков, как и знаменитые анауские холмы) дали культуру примитивных земледельцев и скотоводов, которые жили в глинобитных, позднее—возводившихся из сырцового кирпича, постройках, возделывали ячмень и пшеницу и разводили свинью, барана, лошадь и верблюда. Наряду с железными орудиями, обитатели «тепе» оставили еще каменный и костяной инвентарь. Руководитель раскопок датирует эти памятники серединой первого тысячелетия до н. э.¹⁰ Есть основания считать, что они охватывают и более поздний период, вплоть до первых веков нашей эры.

В анауской традиции укрепленных родовых поселений-городищ может получить свое разрешение одна из наиболее существенных проблем древней истории Средней Азии—вопрос о «городах» древнейшей Средней Азии,

⁷ Д. Д. Букенич, Некоторые новые данные об Анау и Намазга-Тепе. «Туркменоведение», 1929, № 5. Ср. его же: «Neues über Anau und Namazga-Tepe», «Eurasia Septentrionalis Antiqua», V, 1930; «История первобытного орошаемого земледелия», «Хлопковое дело», Ашхабад, 1924.

⁸ Сборник «Археологические работы на новостройках в 1932—1933 гг.», «Известия ГАИМК», № 110, 1935, стр. 120.

⁹ Г. В. Григорьев, Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935.

¹⁰ Григорьев, цит. соч., стр. 39.

об исключительной многочисленности которых для эпохи второй половины I тысячелетия до н. э. нам настойчиво сообщают античные (Арриан, Квинт Курций, Помпей Трог) и китайские (Ши-цзи, Цянь Хань-шу) источники.

Всего вероятнее видеть в этих городах укрепленные поселения земледельческих родов, близкие по своему характеру к тому типу поселений оседлых индейцев степной полосы Северной Америки, которые известны под названием п у э б л о¹¹.

Воспоминания о древних укрепленных родовых поселениях Средней Азии и Восточного Ирана мы находим и в Авесте при описании постройки легендарным Йимой (Джемшидом иранского эпоса) укрепленного поселения—«вага»: «И Йима сделал ту ограду длиною в лошадиный бег по всем четырем сторонам, жилищем для людей; длиною в лошадиный бег по всем четырем сторонам, загоном для скота. Туда он провел воду по пути длиною в хатр; там построил улицы, там построил жилища, дом и столб и окружной вал»¹².

Однако, если пережитки первобытного общественного уклада продолжают сохраняться на протяжении многих веков после того, когда Средняя Азия входит в поле зрения письменных памятников, начиная с первых веков первого тысячелетия до нашей эры мы можем нащупать первые признаки крупного сдвига в общественном укладе народов Средней Азии, постепенно втягивающихся в рабовладельческую систему классического Востока.

Указания—правда, туманные и спорные—некоторых античных историков (Ктесий, Полиен и др.) и различно толкуемые данные нескольких ассирийских документов («черный обелиск» Салманасара, анналы Тиглатпилесера III и др.) позволяют предполагать, что уже в первые века первого тысячелетия до н. э. народы Средней Азии находились в сношениях с Ассирийским царством и, может быть, отдельные ассирийские отряды проникали до границы Средней Азии.

Если вопрос о политических связях среднеазиатских стран с Ассирийской державой остается спорным (в противоположность Томашеку, Дункеру и другим авторам XIX в.¹³ новейшие европейские исследователи, как, например, Прашек, склонны относиться к известиям о походах ассирийцев в Среднюю Азию более чем скептически¹⁴), то экономическая и культурная связь Средней Азии с Ближним Востоком не подлежит сомнению. Одним из важных документов такой связи является нахождение при исследовании египетских памятников еще II тысячелетия до н. э. изделий из ляпис-лазури среднеазиатского происхождения. М. Е. Массон, на основании данных новейших раскопок в Месопотамии и в Мохенджо-Даро в Индии, устанавливает проникновение бадахшанского лазурита в ту и другую сторону еще в III тысячелетии до н. э. (см. его «Из истории горной промышленности Таджикистана», Л., 1934, стр. 16).

У Ктесия есть указания, что племена бактрийцев вместе с среднеазиатскими кочевниками-скифами принимали участие в борьбе племен Западного Ирана, положивших основу Мидийскому государству, против Ассирии.

¹¹ См. Л. Г. Морган, Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1934, стр. 89 сл.

¹² Вендидад, II, 97 сл.

¹³ M. D u n k e r, Geschichte der Arier in der Alten Zeit, 1867, S. 476. W. T o m a s c h e k, Centralasiatische Studien, I, Sogdiana, Wien, 1877, S. 4.

¹⁴ P r a š e k, Geschichte der Meder und Perser, I, Gotha, 1906, S. 53.

Есть все основания предполагать, что в тех грандиозных событиях, которые потрясли могущественные державы Востока—Халдское царство и Ассирию—в VII в. до н. э., когда отряды неведомых варваров—киммерийцев и скифов—обрушились на их границы, когда пророки Палестины со страхом и надеждой прислушивались к грому конных полчищ «сынов Тогармы» и египетские фараоны были вынуждены покупать у скифов неприкосновенность своих границ,—среднеазиатские кочевые племена играли далеко не последнюю роль.

Нельзя не отметить того места, которое отводит Средней Азии священная книга древнего Ирана Авеста и иранский эпос, дошедший до нас частью в передаче античных авторов, частью в бессмертном творении Фирдауси. Мы считаем необходимым подчеркнуть, что вряд ли можно признать убедительными доводы новейших зарубежных авторов, с настойчивостью стремящихся принизить роль Восточного Ирана и Средней Азии в формировании великой Персидской державы Ахеменидов. Никак нельзя считать опровергнутым мнение, господствовавшее в науке XIX в.¹⁵, что именно древняя Бактрия была древнейшим центром иранской культуры, что здесь, раньше, чем в Иране, возникла государственность и именно здесь лежит родина и религии Авесты и древнеиранского эпоса. Во всяком случае, географической ареной, на которой действуют герои и Авесты и древнейших разделов Шах-намэ, является «страна, где управляют и предводительствуют многочисленными войсками мужественные вожди, где высокие горы, изобилующие пастбищами и водами, производят все необходимое для скотоводства, где полноводны глубокие озера, где судоходные реки с широкими руслами стремят свои бурные волны к Искате (имя, несомненно, родственное греческому Σχιδαι и, может быть, находящееся в связи с «горами Аскатанка», помещаемыми Птолемеем на с.-в. Средней Азии), к Моуру (Мерв), Харева (Герат), Гау (местность в Согдиане), Сугда (Согдиана), Каиризао (Хорезм)»¹⁶.

Тенденция новейших, по преимуществу немецких, авторов к перенесению на запад истоков иранской культуры и гиперкритика в отношении многочисленных указаний источников на древность и значение политических образований Средней Азии и Восточного Ирана связаны с общей исторической концепцией фашиствующих ученых. Мы видим здесь пресловутый «северный» миф, стремление во что бы то ни стало привести «арийцев» и «арийскую культуру» в Азию из Европы, с северо-запада на юго-восток, а с этим не вяжется существование на далеком Востоке древних политических центров у народов, несомненно, говоривших на языках индоевропейской системы тогда, когда в самой Европе, за очень незначительными исключениями, об индоевропейцах можно говорить лишь в весьма условном смысле.

Во всяком случае, упорная традиция Авесты, иранского эпоса, исторических преданий, передаваемых античными и армянскими авторами, о существовании в Бактрии, т. е. в Южном Таджикистане и Северном Афганистане, в доахеменидский период достаточно мощного политического центра, ведшего войны с Ассирией и сыгравшего крупную роль в формировании государства Ахеменидов, не может быть столь легко сброшена со счетов.

¹⁵ См. T o m a s c h e k, *Centralasiatische Studien I, Sogdiana*, Wien, 1877, S. 5 ff. Е г о ж е, *Baktrianoi* у Pauly-Wissowa, II, S. 2806. Также W. G e i g e r, *Ostiranische Kultur im Altertum*, Erlangen, 1882, и др.

¹⁶ Я ш т, X, 14.

Подчинение Бактрии, Согдианы, Маргианы и Хорезма власти династии Ахеменидов, происходящей из Юго-западного Ирана, открывает новый этап политической истории среднеазиатских стран. По той особой роли, которую в дальнейшем Бактрия играла в ахеменидской Персии, выступая в качестве крупнейшего религиозного и политического центра, наместниками которого неизменно бывали ближайшие родственники ахеменидских царей, можно предположить, что Бактрия присоединилась к Ирану в качестве, если не равноправного, то привилегированного, по сравнению с другими, союзника. Что же касается остальных районов Средней Азии, то власть персов в них или не установилась совсем или была крайне непрочной. Основатель персидского могущества Кир погиб в войне против кочевников нынешней Туркмении—массагетов. Женщина—вождь массагетских племен Томирис, по переданному Геродотом (1, 205) преданию, перед боем с Киrom обещала полностью насытить его жажду крови— и выполнила это обещание, бросив отрубленную голову «царя царей» в наполненный кровью мешок.

В период кризиса персидской державы в 523—522 гг. восстала ранее подчиненная персам Маргиана—район нынешнего Мерва. Попытка Дария подчинить среднеазиатских скифов была столь же неудачна, как его попытка покорить скифов Северного Причерноморья. Свободолюбивые кочевники степей нашей родины сумели и тут и там дать персидским захватчикам суровый отпор, и в степях Средней Азии Дария едва не постигла участь Кира¹⁷.

Если в V в. Хорезм признавал верховную власть «царя царей», и хорезмийские солдаты служили в персидских гарнизонах Египта¹⁸, то в IV в. мы видим в Хорезме самостоятельное государство, возглавляемое независимыми царями, ведущими переговоры с македонским завоевателем¹⁹.

Войска Александра Македонского, вторгнувшись в 329 г. на территорию Средней Азии, встретили решительное сопротивление со стороны населения Согдианы, горцев Верхней Аму-Дарьи и кочевников—скифов и массагетов. Весьма показательным, что в то время как для разгрома огромной персидской монархии Александру понадобилось пять лет и три генеральных сражения, завоевание сравнительно небольшой территории Согдианы отняло у него целых три года. Здесь с боя пришлось брать каждую деревню; немедленно после ухода главных сил Александра только что подчиненное население поднималось вновь. Не раз македонские отряды терпели жестокие поражения. Вождь борьбы за независимость, согдиец Спитамен, одна из наиболее героических фигур древней истории нашей родины, оказывался неуловимым для македонян. Разбитый в культурной полосе, он уходил в пустыню и вновь возвращался во главе скифских и массагетских отрядов, к которым немедленно присоединялось оседлое население. Только мерами жесточайшего террора, стерши с лица земли десятки городов и деревень, истребив, по данным Диодора Сицилийского, до ста двадцати тысяч согдийцев, обратив в рабство тысячи людей, обезглавив восстание путем изменнического убийства Спитамена и подкупа части бактрийских и согдийских вождей, Александр добился относительного закрепления своей власти в Согдиане.

¹⁷ Полиен, Стратегемы, VII, гл. XI, 6, 8.

¹⁸ E. d. Meyer. *Der Papyrus fund von Elefantine*. Leipzig, 1912, S. 28. Цит. по В. В. Бартольд, Восточно-иранский вопрос, стр. 365.

¹⁹ Арриан, IV, 15; Курций, VIII, 1.

После смерти Александра (323 г.) и длительных усобиц между македонскими полководцами Средняя Азия вошла в состав обширной азиатской монархии Селевкидов.

Восстания населения Средней Азии, повидимому, почти не прекращались. Во всяком случае, до нас дошли сведения о разрушении «варварами» построенного македонянами в бассейне реки Мургаба (нынешний Мервский оазис) города Александрии Маргианской.

Около 250 г. до н. э. разражаются одновременно два восстания против Селевкидов. Одно, в западной части Средней Азии, в нынешней Туркмении, в бассейне реки Теджена, охватило племена парнов и даев и привело к образованию независимого от македонских завоевателей Парфянского царства. Центр Парфии впоследствии был перенесен в Ктесифон, но развалины одной из ее столиц, г. Нессы, и до сих пор сохранились к западу от Ашхабада и с 1934 г. изучаются туркменистанскими археологами.

Доклад научного руководителя раскопок тов. Марущенко, сделанный на III Международном конгрессе иранского искусства и археологии, вызвал исключительный интерес присутствовавших на конгрессе ученых различных стран.

Другое восстание в Средней Азии против Селевкидов носило иной характер. Это был переворот, возглавленный наместником Бактрии, греком Диодотом, который провозгласил себя независимым от Селевкидов царем Бактрианы и положил основание так называемому Греко-Бактрийскому царству. Здесь, в противоположность Парфии, у власти осталась незначительная кучка потомков македонских завоевателей, сумевшая удержать власть над Бактрией и Согдианой еще примерно в течение столетия.

В 140 г. до н. э., однако, и этот последний центр господства греко-македонской военщины в Средней Азии испытал судьбы Парфии. Уже для первой половины II в. до н. э. до нас дошло свидетельство Помпея Трога о восстании согдийцев против ведущих непрерывные династические войны греко-бактрийских правителей²⁰, а около 140 г. в борьбу включаются массагетско-скифские племена, которых китайские источники называют юе-чжи.

В результате бактрийские греки оказываются отброшенными за Гиндукуш, в их североиндийские владения, где им удается продержаться еще около 100 лет. Восточная же часть Средней Азии, вместе с территорией Восточного Афганистана, входит в состав независимого туземного государства, возглавленного царями из юе-чжийского рода кушанов, объединившими первоначально разрозненные скифско-юе-чжийские государства, сложившиеся на развалинах Греко-Бактрии. К началу нашего летоисчисления юе-чжийским царям удается подчинить себе и значительную часть территории Северной Индии (Индо-скифское, или Кушанское, царство).

К этой же эпохе относится появление на востоке Средней Азии новых завоевателей в лице окрепшей и вступившей на путь территориальных захватов в «Западном крае» Китайской империи.

В 126 г. до н. э. Среднюю Азию посетил первый китайский путешественник Чжан-цзянь, прибывший в качестве посла императора У-ди к юе-чжи и оставивший краткое, но исключительно содержательное описание государств Средней Азии²¹. В частности, в нем содержится характеристика могущественного государства Канцзюй (или Кангюй) на Сыр-Дарье, о

²⁰ Justinus, Trogi Pompei Historiarum Philippicarum Epitoma, XLI, 6.

²¹ Ши-цзи, цзюань 123. Цзянь Хань-шу, цзюань 61.

котором ничего не говорят другие источники, если не считать отдельных упоминаний его имени (Kangha) в Авесте.

В 104—101 гг. по следам Чжан-цзяна китайские войска появляются на границах Средней Азии и вторгаются в Ферганскую долину (Давань древнекитайских хроник).

Первый поход оказался совершенно неудачным. Китайская армия вернулась с большими потерями, растратив силы на безуспешную осаду укрепленных поселений, и, по словам китайской хроники, «из целой армии осталось не более двух из десяти человек». Во второй поход была двинута после длительной подготовки огромная армия в 60 000 человек, причем она добилась более чем сомнительного успеха, удовольствовавшись выдачей ферганцами табуна превосходных «небесных лошадей».

«При всем том,—меланхолично заключает свое повествование об этой бесславной для восточных завоевателей войне китайский хронист,—китайцы не могли вступить в город и пошли в обратный путь».

Если китайцам удалось подчинить себе близкий Средней Азии по культуре Восточный Туркестан, то их попытки превратить государства Средней Азии в вассалов «Срединного государства», не прекращавшиеся до VIII в. н. э., вели, самое большее, к незначительным и весьма кратковременным успехам, выражавшимся в номинальном признании теми или иными правителями мелких среднеазиатских княжеств суверенитета Китая.

Период вхождения Средней Азии в систему могущественного Кушанского царства является наиболее блестящим периодом истории древней Средней Азии. Именно к этому периоду относится возникновение лучших образцов так называемого греко-бактрийского искусства. К этому периоду относится и недавно найденный в Аму-Дарье близ Термеза великолепный фриз с горельефным изображением музыкантов²².

Район Термеза, содержащий богатые памятники как «греко-буддийской» культуры, расцветшей под гегемонией кушанских царей, так и более поздних периодов, сделался объектом начатых в 1925 г. и исключительно широко поставленных систематических археологических работ, в которые активно включились научные учреждения Узбекистана, Москвы и Ленинграда и богатые результаты которых подготавливаются в настоящее время Узкомстарисом (Узбекистанским комитетом по изучению и охране памятников старины и искусства) к опубликованию²³.

Подлинный синтез греческой культуры с культурой туземной осуществился тогда, когда была сброшена власть ничтожной кучки греко-македонской военщины, в течение века господствовавшей над долинами юго-востока Средней Азии. Парфянское царство к западу от Аму-Дарьи и Кушанское к востоку, оба явившиеся результатом борьбы среднеазиатских народов против иноземного гнета и объединившие в крупные политические организмы разрозненные племена и города Средней Азии и сопредельных областей Востока, характеризуются богатым расцветом ремесел и торговли. Именно в этот период согдийцы проникают до Китайской стены, согдийские колонии возникают далеко на Востоке, в Восточном Турке-

²² М. Е. М а с с о н, «Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э.», Ташкент, 1933.

²³ О раскопках см. Б. П. Д е н и к е, Экспедиция Музея восточных культур в Термез. «Культура Востока», т. I, М., 1927; Д е н и к е, Экспедиция Музея восточных культур в Среднюю Азию 1927 г. «Культура Востока» М., 1928; М. Е. М а с с о н, Археологические работы в Узбекистане за последние годы (1933—1935). «Соц. наука и техника», № 11. Ташкент, 1936 и др.

стане, Монголии, согдийские купцы живут в городах Китая. Именно к этому периоду относится возникновение древнейших памятников согдийской письменности²⁴. Парфия и Кушанское царство являются важнейшими звеньями в экономических связях между Китаем и Римской империей. Средоточием этих связей становится Мерв—древняя Антиохия Маргианская.

Мало еще оценен тот большой вклад, которым культура древнего Китая обязана народам Средней Азии. В области сельского хозяйства китайцы заимствовали из Ферганы культуру винограда и люцерны. В области промышленности Китай получил от народов Средней Азии искусство изготовления стеклянных изделий.

Из Индии в Среднюю Азию проникает буддийская религия, принятая кушанскими царями, наиболее выдающийся из которых Канишка (конец I и начало II в. н. э.) сыграл крупную роль в разработке догматики северного буддизма в качестве организатора четвертого буддийского церковного собора. Через Среднюю Азию лежал один из главных путей проникновения буддизма из Индии в дальневосточные культурные страны.

Общий кризис рабовладельческого мира, опрокинувший Римскую империю и разрушивший государство древнего Китая, не миновал и Средней Азии. В V в. Кушанское царство падает под ударами варварских племен, выступающих здесь под тем же именем, что и в IV в. в Китае и в IV—V вв. в Европе—под именем гуннов. «Белые гунны», или эфталиты, завоевавшие Среднюю Азию, повидимому, явились объединением близко родственных основателям Кушанского царства массагетских племен, той части их, которая осталась в стороне от первого завоевания и сохранила древний родо-племенной уклад. Основанное эфталитами государство просуществовало, однако, не долго. В середине VI в. оно вошло в состав нового, несравненно более обширного политического объединения кочевых племен и городов-оазисов, охватившего территорию от Аму-Дарьи до Китайской стены и от Южного Алтая—до Памира.

Это государство, выступающее в истории под именем тюркского каганата (правители его носили, как впоследствии хазарские цари, титул каганов), в период своей наибольшей экспансии посылало войска даже на территорию Восточной Европы.

Хазарское государство, сыгравшее столь значительную роль в истории Восточной Европы, первоначально (до конца VI в.) находилось в политической связи с каганатом древних тюрков и, вероятно, в известной зависимости от него. Государственное устройство тюркского каганата оказало крупное влияние на политический строй Хазарии.

В период своего расцвета каганат ведет дипломатические сношения одновременно с Китаем и с Византией, его послы посещают Константинополь и заключают союз с греческим императором против общего врага—сасанидского Ирана. Небезынтересно будет при этом отметить, что первым послом тюрков в Византию (в 567 г.) был согдиец Маниах и поводом к заключению союза тюрков с греками были препятствия, чинимые иранским правительством согдийской торговле на Ближнем Востоке²⁵.

²⁴ См. Н. Reichelt, Die Sogdischen Handschriftenreste des Britischen Museums, II, Heidelberg, 1931; О. Розенберг, О согдийцах. «Записки коллегии востоковедов», I, 1925, стр. 81 сл. Его же, Согдийские старые письма, ИОН, 1932, № 5, стр. 445 сл.; R. Gauthiot, Essai de Grammaire sogdienne, I, Paris, 1914—1923, p. IV sq.

²⁵ Cp. E. d. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidentaux, SPB. 1903, p. 234 sq.

IV

С древнейших времен основанное на искусственном орошении земледельческое хозяйство оазисов Средней Азии существовало бок-о-бок с кочевым скотоводческим хозяйством населения окружающих эти оазисы степей и пустынь. Древнее разделение труда между скотоводами и земледельцами накладывает свой отпечаток на всю историю среднеазиатских народов. Центрами оживленного обмена между теми и другими рано становятся многочисленные среднеазиатские города.

Как мы уже отметили выше, Средняя Азия с самых первых шагов своей истории может быть охарактеризована, как страна исключительно развитой городской жизни. Мараканда (позднейший—Самарканд) уже во времена Александра была городом, имевшим, вероятно, по преувеличенным сведениям греческих авторов, около 11 километров в окружности. Помпей Трог называет первого греко-бактрийского царя Диодота «правителем тысячи бактрийских городов» (*mille urbium bactrianarum praefectus*)²⁶. Чжан-цзянь, рассказывая о Фергане, говорит о «семидесяти с лишком больших и малых городах»²⁷.

Если основная масса «тысяч» среднеазиатских городов представляла собой, по всей вероятности, лишь укрепленные поселения родовых земледельческих общин, то, вместе с тем, такие города, как Мараканда, Бактры и др., упоминаемые историками походов Александра, являются, несомненно, в эту эпоху уже городами в подлинном смысле, имеющими внутри городских стен цитадели и рынки, как Кирополис на Яксарте, осаду которого Александром подробно описывает Арриан²⁸.

Древний среднеазиатский город, основные черты общественного строя которого начали складываться еще во времена Александра и который достиг своего расцвета к периоду арабского завоевания, был мало похож на позднейшие средневековые города. На обширной площади внутри кольца городских укреплений, пересеченной многочисленными каналами, были разбросаны укрепленные усадьбы, окруженные садами и пашнями. Каждая такая усадьба «кед», обнесенная стенами и имеющая башню («кешк»), служащую убежищем в случае нападения и местом хранения запасов продовольствия и, на случай осады, воды,—была местом обитания большой патриархальной семьи, перераставшей у аристократии в рабовладельческую «familia» и включавшей, помимо родственников хозяина, также и клиентов (поступавших под его «покровительство» бедняков) и рабов. Глава семьи—«кедхуда», «господин кеда»—был неограниченным властелином по отношению к членам «кеда», обладая далеко идущими правами над их личностью. Характерно, что одним и тем же термином—«худа»—обозначался глава семьи, царь, бог. Совокупность «кедов» образовывала городскую общину, каждая из которых вместе с примыкавшими к городу сельскими местностями оазиса, нередко окруженного со стороны пустыни кольцом «длинных стен» (своего рода «Китайская стена» в миниатюре), представляла собой самостоятельное государство, возглавлявшееся царем, ограниченным в своей власти советом глав аристократических семей города. Царская власть окружалась религиозным ореолом. Царь был одновременно верховным жрецом и как бы воплощением божества. Своих царей имели не

²⁶ Justinus, XLI, 4, 5.

²⁷ Ш и-цзи, цзюань 123, стр. 3 в: «Ю чен го у ши. Ци шу и да сяо ши-шюй чэн».

²⁸ Арриан, IV, 3.

только значительные города, но нередко и те селения, которые позднейшие авторы называют деревнями (например Вардана в окрестностях Бухары).

Цари отдельных городов-государств выступают под различными местными титулами (ихшиды в Самарканде, афшины в Фергане и Осрушне—области нынешнего Ура-тюбе, бухар-худаты в Бухаре, хорезмшахи в Хорезме). Китайские источники сообщают интересные подробности о пышном придворном быте среднеазиатских городских царств, о золотых, украшенных изображениями животных, престолах среднеазиатских царей, о причудливых царских одеждах, о возглавляемых царями религиозных церемониях и т. д.

Если низший слой общества составляли рабы и находящиеся на положении полурабов клиенты («кедиверы»), то командующее положение занимала аристократия крупных землевладельцев, обрабатывавшая свои поля руками рабов и кедиверов. Представители этой аристократии носили название «дихканов», имя, которое лишь значительно позднее, в средние века, получило свое современное значение—«крестьянин».

Вооруженную силу, на которую опирался правящий класс городов-государств Согдианы, Бактрии, Маргианы и Хорезма, составляли, с одной стороны, привилегированное ополчение аристократической молодежи, выступавшей в бой верхом на конях, и с другой—отряды вооруженных рабов—«чакиров», которыми располагал каждый из представителей аристократии.

Рядом с дихканами стояли богатые купцы, по своему положению мало чем отличавшиеся от них.

Место между рабами и кедиверами, с одной стороны, и дихканами и купцами—с другой, занимал слой лично свободных ремесленников и земледельцев, также живших в своих «кедах» и составлявших основную массу населения, образуя вместе с аристократией противостоящий рабам (bapak) слой «азатов»—свободных граждан города-государства.

Наряду с частной собственностью на землю продолжали существовать сильные элементы общинно-родового уклада, сказывавшиеся как в экономической сфере, так и в области семейных отношений и идеологии. К сожалению, наличный материал не позволяет пока дать полную характеристику сельской общины; больше сведений мы имеем об отражении общинного уклада в семейных отношениях и надстроечных явлениях.

Можно констатировать наличие таких архаических явлений, как мужские дома (biuyut nigān у ал-Бируни) и связанные с ними коллективные трапезы²⁹, и даже пережитки группового брака, сохраняющиеся у рядовых членов сельских общин, нередко принимая свойственную периоду распада группового брака форму полиандрии, в противоположность основанной на полигамии familia аристократии и купечества³⁰. Однако мы можем проследить, что рост имущественной дифференциации вел к сокращению этой прослойки и превращению все большей и большей части свободных производителей, членов большесемейных и сельских общин, в «кедиверов» и рабов аристократии, в руки которой переходила и значительная часть ранее принадлежавших мелким свободным производителям и общинам земельные владения.

Центр города составлял «ках»—дворец городского царя, представлявший, повидимому, увеличенный в размерах «кед», рынок и культовые уч-

²⁹ См. Ал-Бируни, изд. Sachau, 1923, стр. 234—235.

³⁰ См. Negsakhу, стр. 73.

реждения—храмы и монастыри различных религий, получивших к моменту арабского завоевания широкое распространение в Средней Азии. Кроме древнего зороастрийского культа, самый центр возникновения которого, возможно, лежал в Средней Азии, мы встречаемся здесь с проникшим из Индии буддизмом и занесенными из Передней Азии христианством и манихейством. Надо отметить также наличие иудейских общин, особенно в Хорезме³¹. Это, ввиду близкого соседства Хорезма с Хазарией, где иудаизм, как известно, был господствующей религией, представляет интерес для истории культурных взаимоотношений между Средней Азией и Восточной Европой³².

К II в. нашей эры относятся древнейшие дошедшие до нас памятники письменности среднеазиатских народов, написанные особым алфавитом на согдийском языке. Алфавит согдийских документов сложился на основе сирийского арамейского алфавита, что говорит о прочных культурных связях между Средней Азией и Восточным Средиземноморьем.

Вэй-цзе, китайский посол, посетивший Среднюю Азию в начале VII в., пишет, характеризуя жителей среднеазиатских городов: «жители все—искусные торговцы; когда мальчику исполняется пять лет, его начинают учить грамоте; когда он начинает читать, его заставляют учиться торговому делу; прибыль высоко ценится большинством жителей».

Это и многочисленные другие свидетельства говорят о высоком развитии торговли и об относительно очень высоком культурном уровне городского населения Средней Азии. Арабские источники эпохи завоевания рассказывают о наличии, в частности, в домусульманском Хорезме обширной местной литературы, в том числе—местных хроник, уничтоженных якобы завоевателем Хорезма—Кутейбой ибн-Муслимом. Это подтверждается наличием в средневековом Хорезме глубоко идущей местной исторической традиции, отраженной в дошедших до нас фрагментах истории Хорезма ал-Бируни.

Работы Хорезмской археологической экспедиции Московского отделения ГАИМК, проводящейся под руководством автора настоящей статьи, дали в 1937 г. новые материалы, позволяющие выяснить характер древнехорезмийской письменности и вместе с тем подвести документальную базу под данные ал-Бируни. Экспедицией в правобережной части Хорезма был собран значительный нумизматический материал III—VIII в. н. э. (до 150 монет и фрагментов). Коллекция почти целиком состоит из меди, причем в ней почти полностью отсутствуют монеты смежных территорий. Это дает право с уверенностью заключить, что эти монеты чеканились именно в Хорезме. Отдельные случайные экземпляры монет этого типа публиковались и ранее, но ввиду неопределенности места их происхождения, не могли быть определены (Ed. Thomas, *Indo-Parthian Coins*. «Numismatic Chronicle», 1870, p. 139 f.; А. К. Марков, *Неизданные арсакидские монеты*, СПб. 1892, стр. 34 сл., ср. рецензию Ed. Drouin в «Revue Numismatique», 1893, p. 129). В коллекции преобладают монеты с изображением безбородой головы

³¹ Ср. К. А. Иностранцев, *О домусульманской культуре Хивинского оазиса*. Ж. М. Н. П., 1911, февраль, стр. 294.

³² Даваемая выше характеристика общественного уклада среднеазиатского города-государства I тысячелетия нашей эры сформулирована и обоснована нами в нашей работе «Тирания Абуля», «Исторические записки», 1938, т. 2 (печатается). Ср. характеристику среднеазиатского города, даваемую В. В. Бартольд в «Истории культурной жизни Туркестана», стр. 35 сл.

царя, повернутой вправо, в меняющихся от правителя к правителю сложных головных уборах. На обороте—изображение всадника, повернутое вправо и окруженное надписью, в которую включена тамга правителя. Всего в коллекции представлены монеты не менее чем двадцати правителей. Алфавит надписей, несомненно, арамейского происхождения. Сделанные нами первые опыты дешифровки алфавита обнаруживают связь его, с одной стороны, с пехлевийским алфавитом позднеаршакидских монет, с другой—с алфавитом монет бухар-худатов и древнетюркским руническим письмом. Весьма вероятно, что именно хорезмийское письмо сыграло роль посредствующего звена в переходе от арамейских шрифтов Передней Азии к рунической письменности среднеазиатских кочевников³³.

Памятники древнетюркской рунической письменности, основным районом распространения которых являются Монголия и Минусинский край, известны и на территории Семиречья. В частности, в последние годы был открыт и исследован ряд новых надписей в долине р. Таласа (М. Е. М а с с о н и С. Е. М а л о в, Таласские эпиграфические памятники. Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, М.—Л., 1936).

О высоком уровне хозяйственного и культурного развития свидетельствуют и археологические памятники. Так, результаты раскопок самаркандского городища Афрасиаб, в течение ряда лет осуществлявшихся ветераном среднеазиатской археологии В. Л. Вяткиным,—хотя по своему масштабу эти раскопки лишь в ничтожной мере отвечают исторической значимости этого первоклассного памятника,—все же дают нам яркую картину хозяйства и быта цветущего среднеазиатского города накануне арабского завоевания, великолепные образцы художественной промышленности, керамики, стеклянных изделий и т. д.³⁴

Характеристика общественного уклада населения городов и оазисов Средней Азии накануне ее завоевания арабами, построенная на основании анализа письменных источников, в результате новейших археологических

³³ Первые 5 (считая справа) знаков повторяются на всех без исключения монетах второй группы. Установление места происхождения монет позволило гипотетически предположить, что здесь мы имеем известный титул древнехорезмийских правителей, зафиксированный для эпохи арабского завоевания—«хорезмшах». Действительно, первый знак (см. надпись у М а р к о в а, цит. соч., стр. 34, там же, табл. IV, № 32, 33) оказывается очень близким к X монет бухар-худатов, к Q архонских текстов и X аршакидско-пехлевийских монет. Второй знак—тождествен с R монет бухар-худатов и близок к R орхонского и аршакидско-пехлевийского шрифта. Третий знак, который я читаю, как Z, близок к S аршакидско-пехлевийского, египто-арамейского и других семитических алфавитов и к S² орхонско-енисейских надписей. Четвертый знак близок к M большинства развившихся на арамейской базе алфавитов. Пятый знак—сложный по начертанию—несомненно является лигатурой двух или трех знаков, причем первый из них по начертанию близок к S ряда алфавитов—в том числе—орхонского, в связи с чем я считаю наиболее вероятным видеть здесь лигатуру титула ŠAH или ŠHY. В целом, повторяющаяся часть монетных надписей читается XRZM ŠAH (XRZM ŠHY). Установление чтения 6—7 знаков позволило подойти к чтению остальных, меняющихся частей надписей. На четырех серебряных хорезмийских монетах Исторического музея нами прочтено XRZM ŠAH XRZD, т. е. хорезмшах Хурзад (имя, зафиксированное у Табары). На другой монете я читаю ŠAWŠ, вероятно, имя отмеченного ал-Бируни хорезмшаха Шауша. Чтение носит, естественно, пока сугубо гипотетический характер. Возможно, что пятый знак является лигатурой LK—тогда вместе с четвертым эта часть слова будет читаться MLKA—арамейская идеограмма титула «шах». В таком случае первые знаки надписи должны получить иное истолкование.

³⁴ В. Л. В я т к и н, Городище Афрасиаб. Ташкент, 1927. Ср. также С. T r e v e r, Terracottas from Afrasiab. М.—Л., 1934.

исследований получает новую документальную базу. Археологические работы, проводившиеся в 1937 г. Хорезмской экспедицией Московского отделения ГАИМК, дали ряд памятников, которые позволяют составить достаточно полное представление об общественном быте населения в V—VIII вв. Сотрудником экспедиции А. И. Тереножкиным был открыт целый оазис около 6 километров в длину и 1 километра в ширину, опустевший около VIII в. Развалины крепости Беркут-кала в центре этого оазиса и двух меньших крепостей на его концах, наряду с развалинами нескольких десятков укрепленных усадеб с башнями внутри ограды, возведенными на достигающих четырех метров высоты глинобитных массивных площадках и служившими, как показали рекогносцировочные раскопки некоторых из башен, местом хранения припасов и, на случай осады, воды,—дают богатый материал для характеристики не только жилой архитектуры, но и общественного быта древней Средней Азии.

Повидимому, аналогичный характер носят памятники, открытые в том же 1937 г. экспедицией Узкомстариса в южной части Кызыл-Кумов, на границах Бухарского оазиса³⁵.

Анализ этих материалов позволяет с уверенностью отбросить легенду о «замках феодалов», в качестве которых рисовался некоторым исследователям³⁶ хорошо известный из арабских источников этот тип³⁷ укреплений. Перед нами, несомненно, явление, которое скорее может быть сопоставлено с родовыми башнями Сванетии и других областей Кавказа или аналогичными сооружениями Афганистана. Это—укрепленное жилище земледельческой большесемейной общины, жилище, пережитком которого является существующий до сих пор в том же Хорезме тип крестьянской усадьбы (так называемая «курганча», буквально «крепостца»). Проведенное А. И. Тереножкиным обследование развалин крупных крепостей показывает, что они построены по тому же основному принципу, отличаясь от рядовых усадеб с башнями, главным образом, своими размерами.

Все это позволяет считать с полной несомненностью доказанным дофеодалный характер общественного уклада Средней Азии до арабского завоевания, отсутствие закрепощенного крестьянства. Вместо него налицо слой свободных производителей, живущих большесемейными общинами, из которых выделяется могущественная аристократия рабовладельцев, землевладельцев и купцов—те дихканы древней Средней Азии, которых еще В. В. Бартольд вполне основательно сопоставлял с базилевсами древней Эллады³⁸.

³⁵ Ср. заметку в хронике в газ. «Известия» № 265/6427 от 15/XI 1937 г., стр. 4.

³⁶ Ср. О. Розенберг, Согдийские старые письма. ИОН, 1932, № 5, стр. 451; С. Тревер, Terracottas from Afrasiab. М.—Л., 1934, pp. 15—16; А. Ю. Якубовский, Городище Миздахкан. ЗКВ V, 1930, стр. 555. Под давлением показания Макдиси (ВДА III, стр. 288), говорящего о наличии вокруг г. Миздахкана в Хорезме 12 000 «замков», А. Ю. Якубовский вынужден признать, что «это по всей вероятности укрепленные небольшие хуторского типа усадьбы, которые в своих основных чертах дожили до наших дней, как одна из характерных особенностей Хорезма». Это не мешает автору несколькими строками ниже заявить: «Можно с определенностью сказать, что Хорезм в X в. находится на той стадии развития феодального общества, которая включает в себе все признаки разложения» (!). Впрочем, автор в своем выступлении на пленуме ГАИМК в марте 1935 г. вынужден был признать ошибочными развивавшиеся им ранее взгляды на характер общественного строя домусульманской Средней Азии и констатировать дофеодалный характер господствовавших в эту эпоху отношений. К сожалению, А. Ю. Якубовский не расшифровал, что он разумет под «дофеодалным» строем.

³⁷ См. о нем у В. В. Бартольда в «Истории культурной жизни Туркестана», стр. 34 сл.

³⁸ В. В. Бартольд, Несколько слов об арийской культуре, стр. 22.

Сочетание архаических, восходящих к родовому строю элементов общественного строя с резко выраженным классовым расслоением, с пышным расцветом городов, торговли, политической жизни, письменности, сложной религиозной идеологии является одним из наиболее характерных признаков общественного строя дофеодальной Средней Азии, ближе всего напоминающего ранние этапы развития рабовладельческих обществ древнего Востока и доклассического периода истории Греции и Италии³⁹.

Общественный уклад кочевых племен Средней Азии отличался чертами значительно большей примитивности.

Правда, налицо было уже довольно развитое рабство, да и свободное население расслоилось на богатых и бедных, причем последние, как и в городах, как правило, попадали в положение клиентов (тат, угуш) богатых владельцев многочисленных стад.

О резкой классовой дифференциации у кочевников Средней Азии уже до начала н. э. говорят, помимо письменных источников, также и исследованные М. В. Воеводским, М. П. Грязновым и А. И. Тереножкиным курганные могильники Семиречья (бассейны рек Таласа и Чу и озера Иссык-Куля), относящиеся к первым векам до и после начала нашей эры и совершенно справедливо рассматриваемые А. И. Тереножкиным⁴⁰, как памятники упоминаемого китайскими хрониками народа усуней. Эти памятники дают два резко различных между собой типа погребений; в одном из них полностью отсутствуют признаки родового принципа группировки погребений, и покойников не сопровождает оружие; здесь поэтому можно видеть погребения многочисленных посаженных на землю рабов усуньской аристократии.

Наряду с этим сохранились обильные пережитки патриархально-родового уклада, первобытных демократических традиций, накладывавшие свой отпечаток на все стороны общественной и политической жизни кочевых народов и являвшиеся для кочевников источником силы в их столкновениях с более развитыми городами-государствами оазисов. Именно в силу этого, при создании обширных политических объединений Средней Азии, более отсталые кочевые племена, как правило, играли роль объединителей разрозненных городских общин. Возникавшие на этой базе государственные образования долго сохраняли внешние формы архаической конфедерации племен. Поскольку можно проследить, и государство юе-чжи, и эфталитское государство, и тюркский каганат представляли собой господство союза кочевых племен (в государстве юе-чжи, повидимому, пяти, в тюркском каганате—девятнадцати племен) над конгломератом подчиненных ему племен кочевников и городов-государств оазисов. Не входившие в состав союза-гегемона племена и города полностью сохраняли свое политическое устройство и обязаны были лишь уплачивать определенную дань союзу-гегемону⁴¹.

³⁹ Характерно, что близость общественного строя древней Средней Азии к ранней античности не ускользнула, помимо Бартольда, и от других наиболее серьезных представителей буржуазной историографии. Так, по Н. А. R. Gibb'y (*The Arab Conquests in Central Asia*, London, 1923, p. 3) общественно-политический строй домусульманской Средней Азии «strikingly reminiscent of the Hellenic city-states».

⁴⁰ А. И. Тереножкин, Археологические разведки по реке Чу в 1929 г., «Проблемы ИДО» 1935, № 5—6, стр. 140.

⁴¹ Общественному строю кочевников древней Средней Азии (хуннов, тюрков-тюю) посвящен целый ряд вышедших за последние годы работ А. Н. Бернштама. Давая много нового в освещении общественных отношений этих народов, в частности, показывая сложное переплетение в их быту многочисленных пережитков родового строя

Однако более пристальный анализ позволяет охарактеризовать древние среднеазиатские государства как орудие господства блока аристократии кочевых племен и городов над мелкими, независимыми производителями, клиентами и рабами кочевья и оазиса.

Об этом убедительно говорит установленный нами недавно (на основании данных, содержащихся в книге бухарского историка X в. Нершахи и показаний китайских хроник династий Суй и Тан) факт имевшего место в 80-х годах VI в. н. э. демократического движения в Бухарском оазисе, в котором городской плебс и низы тюркских племен выступали совместно против согдийской аристократии и правящей группировки каганата⁴².

Вождь восстания, Абруй, как удалось доказать, был тюрком, сперва возглавившим восстание демократических низов тюркских племен в восточной части каганата, а затем бежавшим на запад и нашедшим опору в бедняках и кедиверах бухарского оазиса.

Дихканы и богатые купцы Бухары были вынуждены эмигрировать на восток и отдаться под покровительство тюркского кагана. Насколько серьезным было это восстание, можно судить по тому, что оно было подавлено войсками каганата лишь с помощью военной интервенции со стороны Китайской империи. Абруй был казнен, а восставшие, как говорит наш источник, «стали слугами и клиентами возвратившихся эмигрантов».

Восстание Абруя явилось предвестником того глубокого социально-политического кризиса, который каганат пережил в следующем VII в., когда его правители вынуждены были купить победу над демократическими движениями признанием верховной власти своего недавнего данника Китая. Лишь в конце VII в. мы видим попытку восстановить каганат вновь. Но в это время на границах Средней Азии появляются новые завоеватели — арабы.

V

История эпохи арабского завоевания Средней Азии обогатилась в последние годы источниками первостепенного значения. Мы имеем в виду произведенные экспедицией Академии наук СССР в 1933 г. раскопки на горе Муг в верховьях Зеравшана (Таджикская ССР)⁴³. Как показало исследование найденных здесь многочисленных документов (81 документ на бумаге, коже и дереве, из них 8 китайских, 1 арабский, 1 на неизвестном языке, остальные согдийские), этот замок являлся последним убежищем Дивастича, титулуемого в документах «согдийским царем, самаркандским господином», в его борьбе против арабских завоевателей в 722 г.⁴⁴

с элементами развитых классовых отношений, А. Н. Бернштам, отдавая дань социологическому схематизму, склонен модернизировать общественный строй тюрков VI—VIII вв., находя в нем элементы феодализма. Наша точка зрения на этот вопрос обоснована нами в работах «Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах», «Изв. ГАИМК», вып. 103, 1934, и «Военная демократия и проблема генетической революции» в журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7—8.

⁴² Это движение было объектом нашего рассмотрения в докладе, читанном нами на сессии группы истории Академии наук в июне 1937 г., и в работе, цитированной выше и печатающейся в т. 2 «Исторических записок».

⁴³ См. Согдийский сборник, Л., 1934.

⁴⁴ В историческом этюде А. А. Фреймана, Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане. II. Дивастич-Тархун («Доклады группы востоковедов». Труды Института востоковедения Академии наук, XVII, М.—Л., 1936,

Блестящий анализ арабского документа, являющегося письмом Дивастича к арабскому наместнику Хорасана ал-Джарраху-ибн-Абдаллаху, данный В. А. и И. Ю. Крачковскими, вскрывает перед нами бурную трагическую эпоху арабского захвата и той героической борьбы, которую вели народы Средней Азии против завоевателей. В. А. и И. Ю. Крачковские справедливо отмечают, что «продвижение арабов в Среднюю Азию шло медленно и с большим напряжением. Здесь они встретились с едва ли не наиболее культурной из всех завоеванных ими стран, подчинение которой требовало немало усилий и совершалось с значительными колебаниями»⁴⁵. От первых набегов арабов в 640—650-х годах до окончательного подчинения Средней Азии завоевателями лежит почти столетний период упорной борьбы, постоянных восстаний. Да и вряд ли можно говорить о полном подчинении Средней Азии арабам, ибо в 747 г., когда в Мерве вспыхнуло восстание Абу-Муслима, низвергнувшее омейядскую династию, подчинение Средней Азии было далеко не закончено, а с приходом к власти Аббасидов уже трудно говорить о халифате, как об арабском государстве, ибо туземная знать, в том числе и среднеазиатская, входит как равноправная составная часть в пестрый в этническом отношении, под поверхностным налетом арабской культуры, господствующий класс мусульманской империи. Впрочем история судеб Средней Азии после арабского завоевания выходит за рамки нашей статьи, относясь уже к истории среднеазиатского средневековья, хотя феодальные элементы хозяйства, как отметил уже В. В. Бартольд, получают господство не раньше XI в., когда после караханидского и особенно сельджукского завоевания широко распространяются бенефициальные формы землевладения («икта»), быстро перерастающие в законченную систему феодальных отношений.

Находки на горе Муг, являясь первоклассным источником для истории арабского завоевания, дают в то же время богатейший материал для исследования внутреннего общественного строя Согдианы VIII в. и самых разнообразных сторон ее культурной жизни. Хозяйство согдийского царя, организация сбора повинностей с населения, отношения царя с его слугами, отношения между различными политическими центрами, социальная терминология, история календаря⁴⁶, не говоря уже о богатейшем языковом материале—вот неполный перечень вопросов, получающих новое освещение в материалах документов из замка на горе Муг.

Окончательное опубликование архива Дивастича явится вкладом совершенно исключительного значения в древнюю историю Средней Азии.

Широкое развертывание археологических работ в Средней Азии позволяет не сомневаться в том, что за открытием на горе Муг в ближайшие годы последует открытие новых письменных документов, которые позволят перевести историографию древней Средней Азии на более высокую ступень, превратив ее из науки, опирающейся пока на скудные данные по преимуществу иноземных нарративных источников, в науку, базирующуюся на материале актов документов, подкрепленных всей совокупностью данных по истории материальной культуры исследуемой эпохи.

стр. 161 сл.) делается интересная попытка идентифицировать Дивастича с другим, гораздо более известным и арабским и китайским источником, согдийским деятелем эпохи арабского завоевания—Тархуном.

⁴⁵ Согдийский сборник, стр. 70—71.

⁴⁶ Ср. ч. 1 цитированной выше работы А. А. Фреймана, Согдийский календарь («Доклады группы востоковедов», стр. 133 сл.)

VI

Наш очерк был бы неполон, если бы мы не коснулись в пределах, лимитируемых задачами и размерами настоящей статьи, большой проблемы, занимавшей, как мы отмечали, в течение многих десятилетий центральное место в европейской историографии среднеазиатской античности. Речь идет о проблеме этногенеза.

Традиционная концепция этногенеза народов нашей Средней Азии, базирующаяся на этно- и глоттогонических построениях сравнительного языкознания, резко разрывает историю древних народов Средней Азии и народов средневековья и нового времени. Исключение делается лишь для таджиков, которые одни рассматриваются в качестве потомков древнего коренного населения Средней Азии. Что же касается тюркоязычных народов Средней Азии—узбеков, туркмен, киргизов, каракалпаков, казахов,—то они неизменно рассматриваются как потомки поздних пришельцев с востока, оттеснивших и лишь частично ассимилировавших древних «иранских» кочевников среднеазиатских степей и «иранское» оседлое население оазисов.

Так, В. В. Бартольд в своем прекрасном «Очерке истории туркменского народа»⁴⁷ начинает историю туркмен с X в. н. э.⁴⁸ Историю узбеков, как правило, начинают с XIV—XV вв. Содержательный «Очерк истории каракалпаков» П. П. Иванова⁴⁹ также не восходит дальше X в.

Этот подход, несомненно, находит свое оправдание в том, что, действительно, все отмеченные народы консолидировались как особые этнографические единства сравнительно поздно. Это, однако, в одинаковой мере относится и к таджикам, которые сложили свой язык и выделились как особый народ также лишь в средние века.

Но это положение относится в большей или меньшей мере ко всем народам средневековья и нового времени, когда крупнейшие социальные сдвиги, смешение и взаимная ассимиляция различных этнических элементов везде привели к образованию новых этнических комплексов, и по языку и по названию часто очень далеких от своих предков. Однако никому не придет в голову рассматривать историю французов в отрыве от истории Галлии и считать их, на основании их названия, пришельцами из Германии или, на основании их языка,—пришельцами из Италии. Испанцы не думают отказываться от своих иберийских предков, и англичанин вовсе не начинает своей истории с высадки англо-саксов на берега Альбиона.

Истекшее двадцатилетие и в этом вопросе наметило решительный перелом. Я имею в виду выход в 1926—1928 гг. работ проф. Л. В. Ошанина, посвященных проблеме происхождения туркмен⁵⁰. Проф. Ошанин убедительно доказывает, что преобладающий среди туркмен антропологический тип восходит к антропологическому типу древнейшего скифо-сар-

⁴⁷ Сб. «Туркмения» (изд. Академии наук СССР, Л., 1929 г.). Этот труд, а также его очерки, посвященные истории киргизов, таджиков, и лекции по истории тюрко-монгольских народов являются крупным вкладом в послеоктябрьскую историографию народов Средней Азии.

⁴⁸ Если не считать нескольких строк на стр. 7 цитированного труда, где делается попытка проследить несколько более древние исторические связи предков туркмен.

⁴⁹ Материалы по истории каракалпаков. Сборник. «Труды Института востоковедения Академии наук СССР», т. VII, М.—Л., 1935, стр. 9 сл.

⁵⁰ Л. В. Ошанин, Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения. Изв. Средазкомстарис, I, Ташкент, 1926, стр. 131 сл. Его же, Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен. Изд. Средазкомстарис, III, Ташкент, 1928, стр. 85 сл.

матского населения степей Средней Азии, что, следовательно, не отрицая отдельных включений иного происхождения, в своей массе туркменский народ является автохтоном Средней Азии, а не поздним пришельцем с востока. Эта теория находит свое подтверждение и в историко-этнографическом материале. Уже Вивьен де Сен-Мартэн отметил возможность рассматривать имя крупнейшего из туркменских племен—теке, как дериват передаваемого античными источниками имени населения Южной Туркмении—дахов или даев (Dahae, Δάαι)⁵¹.

Нам уже пришлось выдвинуть положение, что имя огузов, под которым выступают туркмены в раннесредневековых источниках, представляет собой закономерный вариант древнего имени Аму-Дарьи—Окс, в форме Окуз употреблявшегося еще в XVI в., а может быть—и позднее⁵².

Имя второго по величине туркменского племени—йомудов, или точнее йомутов (yo-mut ← *yor-mut), населяющих Северо-западную Туркмению, является закономерной (спирантно-шипящей) разновидностью хорошо известного имени древних восточноевропейских кочевников—сармат (√ sarmat)⁵³.

Среди туркменских племен Юго-восточной Туркмении зафиксировано небольшое племя олам или алан (Alan)—название, носимое также одним из подразделений племени салыров⁵⁴.

Туркмены-аланы, отличающиеся от окружающих салыров и эрсари рядом этнографических черт (строгая племенная эндогамия и тенденция к браку внутри рода, белая одежда, женские танцы и др.), особенно любопытны тем, что у них сохранилось предание о приходе их в места теперешнего обитания с полуострова Мангышлак, где у них якобы имелось «большое укрепление под названием Алан».

Развалины Алан-кала имеются на северо-западной окраине Хорезма, на подъеме к плоскогорью Усть-Урт.

Если мы вспомним, что китайские источники⁵⁵ упорно связывают страну Янь-цай или А-лань-я, т. е. страну аланов, с бассейном Аральского моря, то свидетельство туркменской этнонимии станет особенно существенным, подчеркивая необходимость учета аланской проблемы при разработке вопросов туркменского этногенеза.

Нельзя не отметить также попытки Аристова искать в туркменском племени сакар в бассейне Средней Аму-Дарьи осколки древних сакарауков или сакараулов, упоминаемых античными авторами в числе племен, участвовавших в завоевании греко-бактрийского царства в половине II в. до н. э.⁵⁶

Однако выяснение исторических корней туркмено-огузских племенных союзов раннего средневековья не может пройти мимо большой и сложной проблемы исторической этнографии Средней Азии и сопредельных стран—проблемы массагетов. Мы не можем останавливаться здесь подробно

⁵¹ Vivien de Saint-Martin, *Études de géographie ancienne et d' ethnographie asiatique*, Paris, 1850, t. II, стр. 267.

⁵² С. П. Толстов, *Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен*. «Проблемы ИДО», 1935, № 9—10, стр. 16.

⁵³ Считаю себя обязанным указать, что эта наша идентификация, бывшая предметом обсуждения при последней нашей встрече с Н. Я. Марром зимой 1934 г., получила с его стороны полное одобрение.

⁵⁴ А. Бахтиаров (Г. Карпов), *Осколки «исчезнувших» аланов*. «Туркменоведение», № 8—9, 1930, стр. 39—40.

⁵⁵ См. Цзянь Хань-шу, цзюань 96, стр. 28 и др.

⁵⁶ «Живая старина», 1899, вып. III—IV, стр. 416.

на этой проблеме, имеющей обширную литературу и требующей специального исследования. Однако нельзя не остановиться на нескольких моментах, заставляющих нас подчеркнуть особое значение массагетской проблемы для исследования этногонии туркмен. Во-первых, если принять выдвинутое еще Клапротом и поддержанное целым рядом исследователей отождествление имени массагетов античных авторов с юе-чжи китайских источников, территория древних массагетов—юе-чжи—будет почти полностью совпадать с территорией огузских племенных союзов раннего средневековья, простираясь от Каспийского моря через пустыни Средней Азии до бассейна Сыр-Дарьи и дальше, отдельными вкраплениями среди других народов до Великой китайской стены, к северо-западу от которой китайские источники констатируют после оттеснения юе-чжийцев из Монголии и Восточного Туркестана хуннами наличие остатков первых под названием «малых юе-чжи».

Имя огуз оказывается, как известно, зафиксированным для территории Монголии в орхонских текстах эпохи второго тюркского каганата (конец VII и начало VIII в. н. э.). Этот факт, служащий обычно аргументом в пользу утверждения позднейшей миграции огузов на запад, сперва в бассейн Сыр-Дарьи, а затем и на территорию Туркмении, при учете отложения имени огузов в древнейшем наименовании Аму-Дарьи и при принятии гипотезы о крупной роли массагетско-юе-чжийских элементов в формировании огузских племенных союзов раннего средневековья, может получить и новое, более вероятное объяснение. Мы можем искать его в раннем распространении массагетов, юе-чжи из Средней Азии, где они фиксируются уже в VI в. до н. э., на восток, в Монголию, где мы знаем их не ранее III в. до н. э., и в участии осколков древних массагетско-юе-чжийских объединений в формировании тюркского каганата VI—VIII вв.

В пользу этого говорит тот факт, что Птолемей (VI, 13) локализует часть массагетов на верхнем течении Сыр-Дарьи, рядом с комарами и каратами, т. е. далеко на восток от основных местобитаний массагетов.

Другой очень существенный аргумент дает анализ титула вождей огузских племенных союзов Средней Азии в X—XI вв. я б г у или д ж а б г у. Неоднократно указывалось на генетическую связь этого титула с титулом кушанских, т. е. юе-чжийских (resp. массагетских) царей, зафиксированным нумизматическими данными в форме Javuga (Kušanajavugasa)⁵⁷ и китайскими источниками в форме хи-хэу (по Шаванну, древнее чтение—уар-хеу)⁵⁸.

Уже Маркварт совершенно основательно указал на связь этого титула с чжао-ву—титулом владетельных фамилий юе-чжийского происхождения, правивших в домусульманской Согдиане.

Факт наибольшей устойчивости кушанского титула именно в туркмено-огузской среде не может не остановить на себе внимания.

Наконец, должна быть отмечена еще одна существенная историческая деталь. Туркменский фольклор, зафиксированный Абул-Гази, сохранил нам весьма интересные предания о «девушках, бывших беками огузова племени»⁵⁹.

Анализируя эту легенду, мы не можем не отметить, что именно для массагетов—юе-чжи—по античным и китайским источникам мы можем уста-

⁵⁷ J. Kennedy, The Secret of Kanishka, URAS, 1912, Juli, p. 668—669.

⁵⁸ E. Chavannes, Les pays d'Occident d'après le Heou Han Chou, p. 43.

⁵⁹ «Родословная туркмен», стр. 73—74.

новить наиболее позднее, по сравнению с другими племенами европейско-азиатских степей, сохранение гинекократии. По Геродоту (I, 205 сл.), во главе массагетов во время борьбы их с Киром, как мы уже видели, стояла «царица».

В отчете Чжан-цяня, в рассказе о завоевании юе-чжийцами Бактрии, мы читаем: «Так как царь (ван) Больших юе-чжи был уже убит западными варварами (хуннами), поставили «царем» его жену»⁶⁰.

Важно отметить, что и гораздо позднее мы встречаем сведения о существовании гинекократии у кочевников Арало-Каспийских степей. Византийское посольство Валентина, направлявшееся в 575 г. к правителю тюрков, в районе Аральского моря вступило в земли Аккагас—имя женщины, которая управляла этой частью скифов»⁶¹.

Массагетская Томирис, юе-чжийская женщина—ван, Аккагас—правительница приаральских «скифов» VI в. и семь девушек, «бывших беками огузов», составляют цепь, связывающую между собой массагетов, юе-чжи и огузов-туркмен. Потомки племен, сохранивших пережитки гинекократии и в V и во II вв. до н. э., когда у их соседей давно сложились патриархально-родовые отношения, потомки племен, донесших эти пережитки до VI в. н. э., естественно, сохранили в своем фольклоре наиболее яркие отголоски эпохи, когда женщины стояли во главе племенных союзов их предков.

Вся совокупность данных, которыми располагает на сегодняшний день наука, позволяет с уверенностью утверждать, что основу этнографического массива туркменского народа составляют древние дахо-массагетские и сармато-аланские племена Арало-Каспийских степей.

Эпоха тюркского каганата, охватывавшего сложными политическими связями огромную территорию от Юго-восточной Европы до Китайской стены, была эпохой особо интенсивных этнических смешений, эпохой инфильтрации в состав формирующегося туркменского народа многообразных этнических элементов, нередко генетически связанных с отдаленными территориями.

Среди имен туркменских родов мы встречаем, например, текинский род «tamıaç-bidon»—имя, которое на древнетюркском языке означает не более не менее как «китайский народ». Не менее любопытно наличие в составе племени сарыков рода tibet.

Вероятно, и то и другое имя восходит к периоду тюрко-китайских войн VI—VII вв. и активных столкновений тюрков с тибетцами на восточных границах Средней Азии в VII—VIII вв. н. э., когда на запад, в район огузских кочевий, выводились многочисленные китайские и, вероятно, тибетские военнопленные, в качестве рабов огузской аристократии сажавшиеся на землю и с течением времени, ассимилировавшись в новой среде, образовавшие новые родовые подразделения туркмен, до XX в. донесшие в своем названии память о событиях полуторатысячелетней давности.

Во всяком случае, история династии Тан сообщает нам о наличии на территории Средней Азии многочисленных поселений китайцев, увезенных в свое время тюрками в плен⁶².

Распад тюркского каганата и консолидация новых племенных союзов на территории степей Средней Азии ведут к новым внутренним перегрупп-

⁶⁰ Цянь Хань-шу, цзюань 61, стр. 2 а: «Да-юе-ши ван и вэй ху со-ша, ли ци фужень вэй ван».

⁶¹ Chavanes, Documents, p. 240.

⁶² Иакинф, Собр. свед., III, 224.

пировкам племен, к внедрению осколков распадающихся союзов в состав вновь возникающих объединений.

К половине VIII в. складываются карлукский союз в Семиречье и восточной части бассейна Сыр-Дарьи и огузский союз, с центром на нижнем течении этой реки⁶³.

Материал, характеризующий историю этого политического образования до сельджукского завоевания, собран В. В. Бартольд и останавливаться на нем мы здесь не будем. Отметим лишь, что, во-первых, огузы выступают уже в эту эпоху отнюдь не в качестве «чистых кочевников», соединяя кочевое скотоводческое хозяйство с элементами оседлости и земледелия и даже городской жизни⁶⁴, во-вторых,—политическое объединение, возглавлявшееся ягбу огузов, не представляло прочного единства, оставляя почти полную независимость входившим в его состав племенам⁶⁵.

В рамках этого слабо сколоченного объединения, между VIII и XI вв., и протекал процесс взаимодействия аборигенных дахо-массагетских и алано-сарматских элементов с самыми разнообразными этнографическими включениями, занесенными на территорию Средней Азии в период войн каганата на востоке и западе. Итогом этого процесса явилась та совокупность племен различного происхождения и сложного этнографического состава, которая зафиксирована в генеалогии Махмуда Кашгарского и последующих авторов.

Несмотря на свою внешнюю стройность, как бы фиксирующую традиционную структуру естественно выросшего племени, генеалогии Махмуда Кашгарского и Рашид-ад-Дина несут на себе печать искусственной конструкции, освящающей родословной традицией исторически сложившееся объединение племен.

Так, имя печенегов, в обеих генеалогиях являющееся именем туркменского «рода», одновременно у того же Махмуда Кашгарского является именем самостоятельной народности, а в восточных, русских и западных хрониках мы неизменно встречаемся с противопоставлением огузов и печенегов.

Следовательно, народ печенегов и огузский «род» печенегов—понятия отнюдь не тождественные, и в последнем мы должны видеть включенные в состав огузского союза группы печенежского происхождения, совершенно так же, как это мы видим в современной туркменской этнонимике.

Еще более характерным является «род» (resp. племя) кайыг (кайы), упоминаемый обеими древнейшими родословными в составе 24 «родов» огузов.

У Махмуда Кашгарского (I,30) наряду с этим это племя фигурирует в числе племен, о которых он пишет: «у каждого племени из них (особый) язык, и вместе с ним они хорошо знают тюркский».

Это свидетельство со всей определенностью говорит, что еще в XI в. в составе огузского союза были племенные группы, настолько слабо ассимилированные, что сохраняли еще язык нетюркской системы⁶⁶.

⁶³ Бартольд, Туркестан, II, стр. 206. Е го же, Очерк истории туркменского народа, стр. 14 сл.

⁶⁴ Бартольд, цит. соч., стр. 15—16.

⁶⁵ Там же, стр. 17.

⁶⁶ Текст Махмуда Кашгарского, давшего блестящую классификацию тюркских языков XI в., может быть понят только в том смысле, что «особый язык» кайыг был нетюркским языком. Каков был этот язык—пока решить невозможно. Нам думается, что нет никаких оснований вслед за Марквартом, не знавшим, впрочем, свидетельства Махмуда Кашгарского и опиравшимся на другие данные. (Ауфи и др.), приписыва-

Генеалогия Рашид ад-Дина сохраняет следы незавершившегося процесса ассимиляции огузских племен еще в XIV в. В ней отличаются от огузов в собственном смысле, но тем не менее включаются в генеалогию на правах клиентов, племена канглы, кыпчак, карлук и калач. Повидимому, и здесь мы должны, как в случае с печенегами, видеть включение в состав огузских союзов VIII—XI вв. частей больших племенных объединений, не только не входивших целиком в огузский союз, но и противостоявших ему. Следом этого является наличие рода кыпчак в составе современного туркменского племени али-или и двух родов карлык в составе племени аравахи.

Дальнейшая история туркменских племен ведет к все большему и большему углублению этого процесса перекрестной инфильтрации этнических элементов.

Туркменская этнонимика, как в зеркале, отражает многообразные включения, различными путями видоизменявшие этнографический состав туркменских племен.

Туркменские роды «татар», «мангыт», «мугол» в составе племен эрсари, йомудов и олам являются следом периода монгольского господства. Роды «узбек», «казах», «калмык», «курд» отражают позднейшие этнические взаимоотношения.

Мы остановились более подробно на проблеме этногенеза туркмен, бывшей объектом нашего специального исследования. Однако в таком же плане вопрос может и должен быть поставлен и в отношении узбеков, каракалпаков, киргизов и казахов.

Мы не будем уже говорить о том, что оседлое узбекское население Хорезма до сих пор сохранило культурные традиции своих отдаленных предков-хорезмийцев, что потомки древних обитателей сыр-дарьинских и ферганских городов-государств сейчас составляют значительную часть узбекского народа, что, наконец, древние согдийцы являются предками узбеков отнюдь не в меньшей степени, чем предками таджиков. Мы должны подчеркнуть, что и среди тех элементов узбекского народа, которые до недавнего времени сохраняли, а частью сохраняют и теперь традиции кочевого и полукочевого быта и родо-племенные деления, налицо мощный пласт, восходящий к древнейшему населению среднеазиатских степей.

Уже Аристов поставил вопрос об исторической связи большого племенного союза раннего средневековья, вошедшего в качестве родовых подразделений в состав узбекского, казахского и каракалпакского народа и носящего имя канглы, — с кангюй, образовывавшими по данным китайских хроник еще во II в. до н. э. сильное политическое объединение в бассейне Средней Сыр-Дарьи⁶⁷. Тому же автору⁶⁸ принадлежит идентификация другого племенного подразделения, наличествующего как у узбеков, так и у казахов, у й ш и н о в или у й ш у н о в — с усунями, кочевниками, фиксируемыми китайцами во II в. до н. э. и в последующие столетия — в Семиречье и вряд ли не тождественными с асианами античных авторов.

Не подлежит сомнению наличие в составе узбекского народа мощного юе-чжийско-эфталитского этнического пласта. Нельзя не отметить указа-

вать кайыг монгольское происхождение (J. M a r q u a r t, Über das Volkstum der Kommanen, S. 39 ff., 187 ff.). Нам представляется гораздо более осторожным видеть в кайыг одно из туземных племен, сохранивших еще в XI в. дотюркский строй речи.

⁶⁷ «Живая старина», 1896, в. III—IV, стр. 292.

⁶⁸ Там же, стр. 350 и 352.

ний китайских хроник на юе-чжийское происхождение правящей фамилии согдийских княжеств⁶⁹ и данные Нершахи, говорящие о наличии достаточно многочисленных кушанских, т. е. юе-чжийских, элементов в составе купеческого населения согдийских городов, в частности—Бухары⁷⁰.

Вообще, изолированное рассмотрение кочевого и оседлого населения невозможно уже для древнейших времен, к которым относятся многочисленные указания китайских хроник о роли кочевников в формировании населения среднеазиатских городов⁷¹, являющихся связующим звеном между кочевой степью и земледельческими оазисами.

В этой же связи вопрос об исторических корнях тюркоязычия оседлого населения той части Средней Азии, которая явилась территориальной базой формирования узбекского народа, не может решаться так просто, как это имеет место у очень многих авторов, рисующих тюркизацию населения оазисов Узбекистана, как очень поздний процесс.

Не отрицая, конечно, фактов поздней узбекизации таджикского населения некоторых районов, частью и до сих пор двуязычных, мы, тем не менее, должны рассматривать самый процесс выработки тюркских языков Средней Азии в плане длительной, уходящей далеко в дохристианскую эру исторической взаимосвязи разноплеменного оседлого и кочевого (скифо-массагетского) населения степей и оазисов бассейна Окса и Яксарта.

Уже Нельдеке и Гудшмит отмечали наличие среди дошедших до нас обломков сакской, массагетской и парфянской речи элементов, находящихся свои наиболее близкие параллели в тюркских языках.

Путь к решению проблем этногонии Средней Азии намечен Н. Я. Марром как в его многочисленных работах по скифскому вопросу, так и в его исследованиях, посвященных происхождению тюркских языков и убедительно показавших глубокие связи тюркских языков с древними языками Средиземноморья. Эти последние работы, как и установление близости вершикского или буришского языка южных склонов Гиндукуша с яфетическими языками Кавказа, равно как и прослеживание распространения яфетических элементов далеко на северо-восток, вплоть до обнаружения их в речи енисейских палеоазиатов—кетов⁷², позволяют поставить вопрос о яфетической стадии в развитии языков как оседлого, так и кочевого населения Средней Азии. Нельзя не отметить также установления Н. Я. Марром близости к яфетическим языкам одного из древнеписьменных языков Восточного Туркестана⁷³, так же, как неоднократно отмечавшихся черт сходства между тохарским языком древних документов, открытых в Восточном Туркестане, и хеттским языком и языками Кавказа⁷⁴.

Тюркские и индоевропейские элементы в языках народов Средней Азии могут оказаться в одинаковой степени результатом исторической трансформации древних яфетических языков, причем тюркская речь, в осталь-

⁶⁹ Chavannes, цит. соч., стр. 10, 26, 133 сл. и др.

⁷⁰ Description topographique et historique de Boukhara par M. Nerchakhy. Publié par Ch. Schefer, Paris, 1892, стр. 49.

⁷¹ Ср., например, Иакинф, Собр. свед., III, стр. 223 сл.

⁷² Н. Я. Марр, От шумеров и хеттов к палеоазиатам. ДАН, 1926, ноябрь—декабрь, стр. 135.

⁷³ Н. Я. Марр, Новый среднеазиатский язык и его числительные (в освещении яфетической теории). ДАН, 1926, ноябрь—декабрь, стр. 133 сл.

⁷⁴ Hüsing, Völkerschichten in Iran. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd. XLVI, 1916; J. Strzygowski, Altai-Iran und Völkerwanderung, Leipzig, 1917; E. Meyer, Geschichte der Altertums, I, 2, 1909, 808; В. В. Бартольд, Восточноиранский вопрос. «ИРАИМК», II, 1922, стр. 364.

ном не менее далеко, чем индоевропейская, отошедшая от исходных форм, сохранила в своем агглютинирующем строе большее количество грамматических элементов первобытных племенных языков, предшествовавших образованию как индоевропейской, так и тюркской систем.

Ключ к вопросу о причинах этого факта—в тех более широких возможностях межплеменной коммуникации, которые дает агглютинирующий строй по сравнению с флективным, в чем мы каждый день убеждаемся на практике, наблюдая быстрое усвоение тюркской речи любой иноязычной средой, при крайней затруднительности обратного процесса.

В условиях обширных кочевых империй III в. до н. э.—VIII в. н. э., являвшихся многоязычными конгломератами разнообразных племен, это направление развития было наиболее естественным. В естественно слагающихся межплеменных аргос этих империй мы и должны искать зародыши тюркской системы, творчески переработавшей разнообразный лингвистический материал. Поэтому вряд ли не бесплодны споры о принадлежности, например, термина *х а т у н*—титул согдийских и тюркских цариц—к тюркской или иранской языковой системе. Этот термин—лишь одно из многочисленных свидетельств о том, что в основу тюркских и индоевропейских языков Средней Азии легли одни и те же доисторические яфетические языки; но процесс скрещения и трансформации их пошел различными путями у обитателей горных долин Таджикистана и в тех областях, где древняя неразрывная связь между оседлым и кочевым населением способствовала выработке на их основе более архаической по своему строю, но более приспособленной к изменчивому общественному быту подвижных племен степей тюркской речи узбеков, туркмен, каракалпаков, киргизов и казахов.

Марксистская разработка вопросов этногонии народов Средней Азии еще целиком впереди. Эти вопросы лишь мимоходом затронуты Н. Я. Марром. Однако уже того, что мы знаем сейчас, достаточно, чтобы отвергнуть раз и навсегда традиционный разрыв между историей древних народов Средней Азии, имена которых сходят с исторической арены к началу средневековья, и современными среднеазиатскими народами, якобы поздними пришельцами на своей родине, чуждыми якобы древним культурным традициям великого Среднеазиатского Двуречья.

История согдийцев, бактрийцев, хорезмийцев, массагетов, даев, саков, усуней, эфталитов, тюрков древней Средней Азии—это история прямых предков народов цветущих республик Советского Востока, народов, показавших на деле, что в их лице мир имеет достойных потомков создателей блестящей культуры среднеазиатской античности.

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

К ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ КАЗАХСТАНА И КИРГИЗИИ

Царизм поставил Казахские степи и Семиречье в положение колоний, служивших источниками сырья для русской промышленности и выкачивания торговых прибылей. Военно-колониционный режим создал невыносимо тяжелое положение для развития хозяйства коренного населения, подвергавшегося жестокой эксплуатации со стороны местной феодально-родовой знати и мусульманского духовенства.

Победа социализма под руководством великой партии Ленина—Сталина превратила эти отсталые царские колонии в цветущие советские социалистические республики—Казахстан и Киргизию.

Укрепилось господство колхозного строя, выросли цветущие города, фабрики и заводы. Турксиб, авто- и аэротранспорт изжили бывшее бездорожье страны. Густая сеть национальных школ, сотни техникумов, университеты, опера, театры, сотни газет на национальных языках произвели культурную революцию.

«Решение ЦК партии и правительства о преподавании истории идет навстречу выросшим культурным запросам масс, обязывает к коренной реорганизации постановки преподавания истории в школе. Это делает работу по составлению истории казахов неотложным и насущным делом»¹. То же самое вполне приложимо и к Киргизии.

До Октябрьской революции историко-археологические работы в Казахстане и в Киргизии велись небольшой и малоподготовленной группой краеведов-любителей. Размеры работ были так незначительны, что мы не имеем фактической возможности указать ни одной крупной и научно обставленной археологической работы. Особо следует выделить только труды акад. В. В. Бартольда, освещающие историю Семиречья, но основная часть их падает уже на послереволюционный период.

В настоящее время изучение прошлого Казахстана и Киргизии сделало большой шаг вперед. Важную роль в этом сыграла деятельность институтов национальной культуры² Академии наук СССР, Академии истории материальной культуры и Исторического музея в Москве.

Чувствительный ущерб историко-археологическим работам нанесли социологизаторы и прочие вульгаризаторы марксизма, воспитанные

¹ См. Предисловие к сборнику «Прошлое Казахстана в источниках и материалах».

² Казахский институт национальной культуры реорганизован в 1936 г. в филиал Академии наук СССР.

«школой» М. Н. Покровского, срывавшие и тормозившие развитие живой научно-исследовательской деятельности и публикацию конкретных исторических и археологических материалов.

Древние народы Казахстана и Киргизии внесли богатый вклад в мировую историю и историю народов СССР.

«... давление избытка населения на производительные силы заставило варваров с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства... Только оставаясь в небольшом числе, они могли продолжать быть варварами. То были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земель для каждого индивидуума, как то имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население вынуждено было пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе»³. Это замечание Маркса ставит ряд археологических и исторических проблем также перед исследователями истории Казахстана и Киргизии.

Древнейшие археологические памятники, открытые на территории Казахстана и Киргизии, относятся к неолитической эпохе.

Неолитические стоянки чаще всего встречаются на песчаных дюнах и на берегах рек. Они известны по берегам р. Урала, в Актюбинском районе, близ г. Казалинска и г. Туркестана, в низовьях рек Чу и Таласа и в Караганде. На стоянках находят кремневые и кварцевые вкладыши микролитических форм, небольшие скребки, резцы и листовидные наконечники стрел. Судя по имеющимся данным, основным занятием человека здесь служила охота и, возможно, рыбная ловля. Несмотря на незначительное количество находок, имеются основания связывать кремневую индустрию этих стоянок с индустрией неолитических стоянок в Калмыкской автономной области, Украине и Крыму. Впрочем, часть этих неолитических стоянок может относиться к началу металлического периода⁴.

Переходя к описанию памятников бронзовой эпохи, прежде всего следует отметить успехи нашей археологии в области исследования Андроновской культуры, обнаруженной впервые по курганным могильникам близ с. Андропова, Минусинского края. С. А. Теплоухов, определяя границы распространения Андроновской культуры, указывает, что следы ее можно найти не только близ Минусинска, но также и на значительной части Казахстана⁵.

В течение последнего десятилетия в северной половине Казахстана зарегистрировано множество курганных могильников и селищ Андроновской культуры. Открытия эти подтвердили правильность наблюдений Теплоухова и установили, что Андроновская культура сыграла весьма крупную роль в прошлом Казахстана⁶.

³ Маркс — Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278—279.

⁴ Б. Н. Граков, Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Казиздат, 1930, стр. 8—9; Археологические работы на новостройках. «Известия ГАИМК», вып. 110, стр. 41—42 и 110—115.

⁵ С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, Л., 1927, т. III, вып. 2, стр. 85—90.

⁶ М. П. Грязнов, Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Казаки, Л., 1927, стр. 172—221; Его же, Казахстанский очаг бронзовой культуры. Казаки, Л., 1930, стр. 149—162; Археологические работы на новостройках. «Известия ГАИМК», вып. 110, стр. 42 и 92—95.

Могилы Андроновской культуры имеют вид маленьких земляных насыпей, окруженных кольцеобразными оградами из камней. Погребения совершались в неглубоких ямах. Покойники лежат по одному или по два в одной яме, скорченно на боку, головой на запад. В головах покойников ставилось по одному или по два глиняных сосуда. При скелетах часто встречаются украшения и реже—орудия труда. Поселения Андроновской культуры лучше всего известны в Северном и Северо-западном Казахстане. Они сильно превосходят по своим размерам и по насыщенности культурного слоя стоянки неолитической эпохи.

О. А. Гракова путем многолетних раскопок около п. Алексеевского на р. Тоболе, в Кустанайском районе, выяснила чрезвычайно интересный комплекс, который состоит из остатков поселения, места жертвоприношений и могильника. На поселении вскрыта большая площадь, давшая представление о планировке древнего селения и устройстве жилищ. Здесь найдено множество различных бытовых предметов и костей животных⁷. Население Казахстана и Киргизии вело в ту пору оседлый образ жизни. Оно занималось мотыжным земледелием и пастушеским скотоводством, а охота и рыбная ловля отошли на задний план.

Инвентари погребений и приурочиваемые к Андроновской культуре случайные находки в Казахстане дают представление о сложности хозяйства и общей высоте развития материальной культуры. Глиняная посуда, изготовлявшаяся без гончарного круга, отличается тщательностью отделки, богатством и разнообразием стройных геометрических узоров. Техника литья и выделки бронзовых орудий стояла на значительной высоте. По данным статистики случайных находок предметов и орудий из бронзы, первое место занимает район Семипалатинска, недра которого богаты медной рудой. Возможно, что тут находился один из центров древней добычи руды и плавки из нее необходимых в быту и хозяйстве предметов. Об этом же красноречиво свидетельствуют бесчисленные так называемые «чудские» копии, места старинных разработок, исследование которых позволяет ближе ознакомиться с древней техникой горных работ и объемом добычи руды. Среди крупных бронзовых орудий особенно характерны массивные топоры, длиной до 27 см, имеющие большой гребень на обухе; «плоские топоры», мотыги, бронзовые серпы, кинжалообразные ножи и кинжалы с обособленными рукоятками, шилья, кирки. Не менее разнообразен комплекс металлических украшений, среди которых часто встречаются бронзовые браслеты и серьги, обложенные золотом, простые бронзовые браслеты, серьги, подвески, бусы, пронизки и т. д.

Сложная хозяйственная деятельность и общественная жизнь вызывали потребность в связях и торговом обмене с племенами на соседних землях. Приручение лошади дало человеку, населявшему степи и полупустыни, удобное и быстрее средство сообщения. Культурная общность порождала особенно тесную связь с народами Алтая и Минусинского края. Западные связи отразились в том, что многие украшения и орудия труда находят себе полные аналогии в Кобанской культуре Кавказа, в Сейменской и Маклашеевской культурах Волги, Камы и в Срубной культуре степей Поволжья и Украины. Вопрос о среднеазиатских связях остается пока не разработанным.

⁷ О. Krivtsov - Grakov, Une trouvaille d'objets de l'âge du bronze dans la région du haut Tobol, Eurasia Septentrionalis Antiqua, IV, стр. 116—125, «Сообщения ГАИМК», 1931, № 1, стр. 39, «Советская археология», III, стр. 269.

Примерно в VIII—VII вв. до н. э. произошел переход от бронзы к железу, как к более совершенному материалу. К переходной эпохе относится ряд случайных находок бронзовых и железных ножей с кольцевидными и овальными навершиями ручек, боевые клевцы, кинжалы, имеющие аналогии в Ананьинской культуре Прикамья и культурах Минусинского края. Одновременно произошли крупнейшие изменения в хозяйстве и образе жизни древних насельников Казахстана и Киргизии. Старое земледельческо-пастушеское хозяйство сменяется кочевым скотоводством, которому было суждено сыграть колоссальную роль во всей дальнейшей истории этих стран вплоть до наших дней. Переход от земледелия к кочевничеству охватил не только Казахстан и Киргизию, но почти все сопредельные степи на востоке и на западе.

Мотыжное земледелие в зоне полупустынных степей служило надежным источником питания при условии использования наиболее плодородных участков земли. Таких земель было немного, и они могли прокормить лишь небольшое население. Естественный прирост населения требовал более интенсивных форм ведения хозяйства и более рационального использования естественных богатств страны, в виде беспредельных пастбищ, лежавших втуне до той поры.

Первые греческие известия, восходящие к V в. до н. э., называют обитателей степей Казахстана и Киргизии кочевниками, «саками», родственными скифам Причерноморья. В китайских летописях II в. до н. э. они называются народом «сэ», древнее чтение «сэк». По Геродоту (VII, 64), саки носили на головах высокие и острые кверху войлочные шапки, носили штаны, были вооружены луками, кинжалами и боевыми топорами. Сакская конница проявила смелость в сражениях во время греко-персидских войн (IX, 71).

К VI—IV вв. до н. э. относятся погребения в курганах около с. Покровки близ Илецкой Защиты. В этих могилах покойники лежат на спине, головой на запад. Вместе с ними клались обезглавленные туши баранов, части коней и коров. Инвентарь, сопровождающий погребения, сходен со скифским юга Европейской части СССР. Он богат оружием и роскошной конской сбруей. Среди предметов вооружения часто встречаются короткие железные мечи и кинжалы с рукоятками, имеющими сердцевидную крестовину и навершия в виде двух завитков, и бронзовые трехгранные втульчатые стрелы. Оружие и сбруя отделаны в зверином скифо-сибирском стиле, который изобилует фантастическими изображениями лосей, львов, грифонов и драконов. «Трудно сказать,—пишет Б. Н. Граков,—насколько далеко простирается на восток указанная отрасль скифской культуры Уральского бассейна, но находки вещей скифской культуры, особенно богатого звериного стиля, распространяются до Семипалатинска и Семиречья»⁸.

К III в. до н. э. облик материальной культуры степняков сильно изменился. Так, Б. Н. Граков пишет: «в эллинистическую эпоху от Саратова и Покровка до Оренбурга, Актюбинска и Кустаная существует слабо расчлененная в отдельных местностях культура»⁹. Вследствие общности с культурой народов той же эпохи, обитавших в Причерноморских степях и на Северном Кавказе, она получила в археологии название Сарматской. Отличие погребений около Покровки от погребений описывае-

⁸ Б. Н. Граков, Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана, 1930, стр. 14.

⁹ Там же, стр. 14—15.

мой группы так велико, что единственное объяснение ему можно было искать в явлениях миграции. Новейшие наблюдения устанавливают ряд переходных ступеней, позволяющих говорить о постепенной трансформации местной культуры¹⁰.

В сарматское время покойников хоронили под курганами, в глубоких ямах, вытянуто, головой на юг. Дно могилы посыпалось мелом. Могильная яма часто окружалась кольцом из камней. Обычай украшать оружие и сбрую в зверином стиле почти совершенно исчезает. Среди предметов вооружения выделяются кинжалы и мечи с рогатым навершием и перекрестием в виде прямого бруска. Вместе с трехперыми бронзовыми наконечниками начинают встречаться трехлопастные черенковые стрелы из железа.

Социальное и имущественное неравенство, сложившееся в результате развития общества, получает в эту эпоху отражение и в погребальном обряде. Могилы бедных кочевников содержат небольшое количество предметов; например, при мужском погребении на р. Суундуке, в бассейне Урала, был найден только железный кинжал и кусок трута¹¹.

Примером богатого погребения служит курган около с. Красногорского, на пути из Оренбурга в Орск. Он имел в высоту до 4 м. На глинобитной площадке, сооруженной над четырехугольной могильной ямой, был сожжен огромный костер, в пепле которого оказалось много костей различных животных, три железных кинжала и один или два медных котла. Костяк человека не имел головы. На нем в разных местах найдено 6 бронзовых наконечников стрел, причем один из них оказался вонзенным в правую лопатку с наружной стороны. Погребенный был убит в бою. Под костяком были видны остатки кожи от плаща, по контуру которой лежало более 100 золотых трубочек, у правого бедра лежал характерный кинжал или короткий меч в деревянных ножнах, обложенных тонким листовым золотом¹².

Богатейшие курганы этого рода, раскопанные в 1911 г. около с. Прорховка, близ Оренбурга, дают любопытные данные о культурных и торговых связях с Причерноморьем, Минусинским краем, Алтаем, наконец, Ираном. Почти все ценные вещи оказались предметами иранского экспорта; из Ирана шли серебряные блюда, печати, ожерелья, подвески, нашивные бляхи. На одном блюде читается персидская надпись арамейским шрифтом: «чаша Атромитра»¹³.

Северо-восточный Казахстан теснее всего был связан с Алтаем и Урянхайским краем. Здесь, при раскопках могильных сооружений, имеющих вид каменных колец или земляных насыпей, были обнаружены погребения людей и лошадей с остатками различного инвентаря. В числе предметов нет ни одного железного, но, по аналогии с находками на Алтае за пределами Казахстана, они, несомненно, относятся к ранней поре железных орудий. Тут нашли: нож минусинского типа, с ручкой, украшенной стилизованной головкой животного, бронзовые зеркала, точильные бруски, костяное шило, гребень и трехгранные бронзовые и костяные черешковые стрелы¹⁴.

¹⁰ Неопубликованный отчет Б. Н. Гракова о работах в Западном Казахстане в 1928 и 1930 гг.

¹¹ Археологические работы на новостройках, т. II, стр. 95.

¹² Отчет Археологической комиссии, 1903, стр. 126 сл.

¹³ Материалы по археологии России, вып. 37.

¹⁴ С. И. Руденко, К палеоантропологии Южного Алтая. Казаки, Л., 1930, стр. 136—143 и «Известия Арх. ком.», вып. 62.

Адрианов, производя на Майэмирской степи раскопки кургана, обставленного по подошве большими камнями, нашел под одним из них ком, состоявший из бронзовых удил и смятых золотых листков. После расправки золота выяснилось, что оно служило облицовкой деревянных украшений конского убранства богатого погребения, разграбленного в древности. Повидимому, кладоискатель, добыв драгоценности, спрятал их временно в приметном ему месте. На бляхах восстанавливаются красивые стилизованные изображения барса или пантеры. Стиль и техника звериных изображений этих золотых пластин очень хорошо известны по раскопкам больших каменных курганов (керексур) Алтая, раскопанных ранее Радловым, а в недавнее время Грязновым. Наиболее пышно и полно погребальный обряд подобного рода сохранился в условиях вечной мерзлоты под насыпью знаменитого Пазырыкского кургана, исследованного Грязновым. находка Адрианова говорит о распространении Пазырыкской культуры в пределах Казахстана, но как далеко она шла на запад, мы еще не можем сказать.

Во время образования первого известного в истории кочевого государства хуннов на границах Китая (1-я половина II в. до н. э.) произошло передвижение из Центральной Азии в современное Семиречье народа юе-чжи. Юе-чжи, вытеснив из Семиречья сакские племена, были в свою очередь, оттеснены сильным народом, который называется в китайских летописях «усунь». Усуни занимали обширную территорию, доходившую на восток до оз. Эби-нора, а на запад до Ферганы. По китайским летописям народ усуней насчитывал 630 тысяч душ, или 120 тысяч кибиток, и мог выставить 188 800 вооруженных воинов¹⁵.

У усуней оказалась в подчинении оставшаяся в Семиречье часть сакских и юе-чжийских племен. Китайское правительство посылало к вождям (гуньбо) усуней постоянные посольства с дарами, рассчитывая использовать их для войны против хуннов, теснивших с севера китайские пределы.

Китайская царевна, отданная в 107 г. до н. э. в дипломатических целях замуж за усуньского гуньбо, рассказывает в песне о своем пребывании на далекой чужбине:

«Выдали меня родственники
в дальнюю сторону;
отдали в чужое царство
за усуньского царя.
Живет в бедной хижине,
обтянутой войлоками,
пища его—мясо,
питье его—молоко»¹⁶.

В таком же виде вырисовывается быт и остального населения усуней: «Земли ровные и травянистые; страна дождливая и холодная. Горы покрыты хвойным лесом и деревом мань. Земледелием не занимаются, а со скотом перекачывают, смотря по воде и траве; в обыкновениях сходятся с хуннами. В сем владении много лошадей; богатые содержат оных от 4 до 5 тысяч голов. Народ суров, алчен, вероломен; вообще склонен к хищничеству. Владение сие почитается наисильнейшим»¹⁷.

¹⁵ И а к и н ф, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, СПб, 1851, ч. III, стр. 64.

¹⁶ Там же, стр. 67.

¹⁷ Там же, стр. 64.

В 1929—1930 гг. Киргизский научно-исследовательский институт, при участии Воеводского и Грязнова, организовал археологические разведки и раскопки в долине р. Чу и на побережье оз. Иссык-Куля. Раскопки курганов близ г. Токмака и г. Каракола обнаружили погребения, относящиеся к первым векам до н. э. и, повидимому, принадлежащие усуням¹⁸.

Курганы усуньского времени располагаются в группах (родовых кладбищах) несколькими параллельными цепочками, вытянутыми в меридиональном направлении. Под курганом хоронилось от одного до трех покойников. Могильные ямы бывают окружены на поверхности земли кольцом из больших камней. Все богатые могилы оказались разграбленными в древнее время. Несмотря на это, в кладоискательских ямах удалось найти множество тонких золотых листочков, золотых и бронзовых пронизок от ожерелий, фрагменты деревянных краснолаковых китайских чаш, золотой перстень с изображением оленя и золотой перстень с изображением дракона, две золотые бляхи бактрийской работы с изображением Силена и стилизованной кошачьей головы, большое количество глиняной посуды и обломок двустороннего меча.

В могилах простых кочевников инвентарь состоит из глиняных сосудов, деревянных блюд и отдельных бронзовых вещей (зеркало с ручкой в виде грифона, головная булавка с фигуркой птицы и пр.).

Замечание китайского летописца о сходстве в обычаях между усунями и хуннами находит себе новое подтверждение в сходстве погребениям и инвентарям между керексурами Монголии, Алтая и Семиречья.

Череп из усуньских курганов Семиречья были изучены Т. А. Трофимовой, по определению которой они принадлежат к памиро-ферганскому типу, что опровергает гипотезу буржуазных историков, причислявших усуней к северной (нордической) расе¹⁹.

Глиняная посуда из усуньских могил имеет круглодонную форму. Она изготовлялась без гончарного круга, на тканом шаблоне (судя по отпечаткам на внутренней стороне дна), в виде чашек, глубоких мисок и больших котлов.

На берегу р. Чу, около ГЭС, при впадении р. Аламедина, были обнаружены остатки селища. Культурный слой его был насыщен фрагментами грубой посуды усуньского типа; тут же встречались пряслица цилиндрической формы, грузила и кости различных животных.

Открытие селища около Чуйской ГЭС вносит некоторые коррективы в китайские известия, совершенно умалчивающие о наличии оседлых поселений в усуньскую эпоху на территории современной Киргизии и в юго-восточном углу Казахстана.

В период господства усуней среднее течение р. Сыр-Дарьи было занято племенами кан-гуй. К северо-западу от Кан-гюя, у Аральского и Каспийского морей, китайцы помещают народ янь-цай. Относительно последнего В. В. Бартольд замечает, что «китайцы упоминают о «переименовании» этого народа в а-лань-я, из чего видно, что речь идет об аорсах или аланах классических авторов»²⁰. Восточная часть Казахстана была занята сильными народом юе-бань.

¹⁸ А. И. Тереножкин, Археологические разведки по р. Чу в 1929 г. Проблемы истории докапиталистических обществ, ГАИМК, 1935, № 5—6, стр. 139—142 и неопубликованная статья М. В. Воеводского и А. И. Тереножкина, Археологическое изучение республик Средней Азии за 1917—1937 гг.

¹⁹ Т. А. Трофимова, Краниологический очерк татар Золотой Орды. «Антропологический журнал», М., 1936, № 2, стр. 183—185.

²⁰ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 5, ср. Иакинф, III, стр. 121.

В первой половине I века до н. э. один из хуннских шань-юев (вождей), Чжи-чжи, не устояв в борьбе против другого хуннского шань-юя, откопчал к стране усуней, а отсюда направился в Кан-гюй, куда дошло с ним около 3 000 человек²¹.

В 93 г. н. э. произошло второе крупное переселение хуннов на запад, вызванное военными действиями китайцев, засухами, падежом скота и голодом. По мнению Иностранцева, они жили в первой половине II в. н. э. к западу от Алтая, и быть может, в землях Кан-гюя. От IV в. н. э.²² дошли известия от том, что хунны овладели областью А-лань-я, которая называется в это время у китайцев «Су-дэ»²³. Этот ход событий подводит нас к так называемой эпохе переселения народов. Археологические памятники Казахстана и Киргизии, относящиеся к этой эпохе, насчитываются единицами²⁴. Так, можно упомянуть два погребения, открытые в 1925 г. близ станции Шипово, около Уральска, погребение в кургане около Карагача в Акмолинской области, погребения на р. Тер-Бутаке, открытые Нефедовым в 1887—1888 гг. и Петри—в 1899 г. близ г. Кустаная, погребение, обнаруженное в 1928 г. близ Бармашинского лесного техникума в Щучинском районе, Петропавловского округа²⁵.

В качестве примера приведем описание мужского и женского погребений в курганах около станции Шипово, которые отличаются интересным обрядом и сравнительно большим количеством вещей, положенных с покойниками.

Мужское погребение совершено под небольшим курганом, в засыпке которого встречены следы тризны по покойнике, в виде костей овец. На береговом гробовище лежали деревянное седло и конская сбруя, отделанные листовым золотом. На шее покойника обнаружено ожерелье, состоящее из обложенного золотом шнура. Покойник был одет в шелковый кафтан малинового цвета с запахивающимися бортами и длинными, ниже пальцев руки, рукавами. На груди, по нижнему краю кафтана и на рукавах были нашиты ромбовидные бронзовые бляшки, крытые золотыми листочками. Кафтан подпоясан поясом с бляшками и кинжалом. На руках находились браслеты. Кроме того, при покойнике найдены деревянная кружка, остатки нагайки и плоское бронзовое зеркало. Череп покойника имел сильную искусственную деформацию.

Женщина была погребена в глубокой могильной яме, головой на с.-с.-в. На ее голове находилась бронзовая, покрытая золотыми листками диадема с расположенными в три ряда 63 цветными стеклами. На шее оказалась бронзовая гривна, покрытая золотыми листками. Около ушных отверстий одна золотая, а другая бронзовая серьга. На поясе сохранилась железная пряжка, а на ногах были, повидимому, башмаки с серебряными золочеными пряжками. У западной стены могилы обнаружены остатки деревянной коробочки, железный нож, обломок бронзового зеркала и косяк ягненка²⁶.

К той же эпохе IV—V вв. н. э. относится часть погребений, открытых Гейкелем в верхней долине р. Таласа.

²¹ К. Иностранцев, Хунну и гунны, Л., 1926, стр. 97.

²² Там же, стр. 98—99.

²³ Там же, стр. 100.

²⁴ Цит. работа Б. Н. Г р а к о в а, стр. 16—17.

²⁵ М. Н. Л е н т о в с к и й, Памятники древней культуры в южной половине Петропавловского округа Казахской ССР, стр. 12—13.

²⁶ «Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области», Саратов, 1926, т. I, стр. 13—15: Т. М. М и н а j e v a, Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Šipovo, ESA, IV, S. 194—210.

Отличительной особенностью вещей из погребений эпохи переселения народов является обычай украшать вещи золотом, серебром и дорогими камнями в так называемом готском стиле.

Деловые согдийские документы первых веков н. э., обнаруженные в местности по Булунциру, наводят на мысль о раннем проникновении согдийской колонизации с берегов Аму и Сыр-Дарьи в Центральную Азию. Прямой путь этой колонизации мог лежать только вдоль Южного Казахстана и через Киргизию. Все же проблема такой ранней согдийской колонизации остается пока открытой вследствие отсутствия о ней фактических письменных и археологических свидетельств. Вполне достоверные данные о согдийской колонизационной струе, идущей вдоль северных предгорий Тянь-Шаня, относятся лишь ко времени, непосредственно предшествовавшему арабскому завоеванию Средней Азии²⁷.

В первой половине VI в. н. э. в Центральной Азии образовалось могущественное государство Ту-гю. В состав его западных владений входили почти все земли современной Киргизии и Казахстана. В промежутке между 563 и 567 гг. тюрки ту-гю победили эфталитов, господствовавших в Средней Азии, и расширили свои владения до берегов р. Аму-Дарьи. С той поры, по словам В. В. Бартольда, область к востоку от Аму-Дарьи, служившая границей тюркского государства с сасанидской империей, стала для иранцев Туркестаном, т. е. «страной турок»²⁸.

В 576 г. из Согдианы было отправлено тюркское посольство в Византию с целью налаживания транзитной торговли китайским шелком. Во главе ответного посольства из Византии был отправлен киликиец Земарх. Он оставил интересное описание резиденции тюркского хакана Дизабула и упоминание ряда географических пунктов. Дизабул принял посольство в шатре на двухколесной повозке, которую могла тянуть одна лошадь. Хаканские шатры были богато украшены пестрыми коврами, золотом и серебром. Рассказ Земарха содержит в себе древнейшее упоминание г. Тараза, а вместе с тем и древнейшее письменное свидетельство о городской жизни в Казахстане и Киргизии. К сожалению, о самом городе Земарх не сообщает никаких подробностей. По описанию Земарха, его обратный путь в Византию лежал через рр. Их, Даих (Яик, Урал) и Атиль (Волга)²⁹. Древними связями Тараза с внутренними областями Согда пронизано замечательное предание о возникновении города Бухары, записанное в X в. Нершахи³⁰. Как это обстоятельно вскрыл С. П. Толстов в своем докладе «Тирания Аброя», на сессии Исторической группы Академии наук СССР, предание Нершахи имеет достоверную основу, а события, изложенные в нем, восходят к VI в. н. э.

Китайский паломник Сюань-цзян, проехавший в 630 г. из г. Аксу через оз. Иссык-Куль, р. Чу и город Тараз в г. Самарканд, составил весьма ценное описание пути. По Сюань-цзяну, страна от р. Чу до Железных ворот (к югу от Шахрисябза) называлась «Сули»³¹. Берега Иссык-

²⁷ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 11—12.

²⁸ Там же, стр. 10.

²⁹ E. d. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidentaux, SPB, 1903, pp. 234—239.

³⁰ М. Нершахи, История Бухары, перев. Н. Лыкошина под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897, стр. 11.

³¹ «В названии «Сули» видят китайскую транскрипцию слова «сулик», диалектического изменения народного названия «согдийцы». Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 18. Ср. его же, К вопросу о языке согдийском и тохарском, сб. «Иран», Л., 1927, 1, стр. 30, 32—33.

Куля и рр. Чу и Таласа имели многочисленное население. На р. Чу близ современного г. Токмака описывается большой город Суяб; к западу от него располагалось около десяти городов; на пути из Суяба в г. Тараз (ближе к последнему) находилась благодатная местность Мынг-булак, место ежегодных летовок тюркского хакана. Город Тараз превосходил размерами г. Суяб. Близ него находился небольшой городок, населенный тюркизированными китайцами. На дальнейшем пути из Тараза в Чач (около современного Ташкента) упоминается еще несколько городов. Население городов занималось торговлей и земледелием. В Тараз и Суяб приезжали для торговли купцы из разных стран. Города управлялись независимыми друг от друга правителями, подчинявшимися непосредственно власти тюркского хакана³².

Китайцы, озабоченные укреплением своего влияния на западе, произвели несколько удачных вторжений в пределы современного Семиречья. Им удалось разбить тюркские отряды, и сам хакан тюрков погиб в сражении около современной ст. Луговая (Турксиб). Все дело управления в этих областях перешло временно в руки китайских чиновников. О силе их полномочий свидетельствует то, что они могли диктаторски распоряжаться в делах такой отдаленной от Китая провинции, какой был Чач, стоявший на месте современного Ташкента³³.

Арабские войска, оккупировав в VIII в. двуречье Аму и Сыр-Дарьи, особенно упорное сопротивление встретили на востоке в лице тюркских отрядов. В 751 г. арабы дошли до долины р. Таласа и нанесли решительное поражение китайцам близ г. Тараза, чем надолго определились границы сфер влияния этих двух великих культур средневековья. В области, расположенные к востоку от Сыр-Дарьи, арабская культура проникала крайне медленно. Например, область Тараза в полной мере вошла в состав саманидского государства только в самом начале X в. Крупнейшие успехи мусульманской культуры в Южном Казахстане и Киргизии падают, собственно говоря, на время правления караханидов (XI—XII вв.), как это удастся выяснить на основании археологических исследований. В частности, при караханидах устанавливается чеканка мусульманских монет в Исфиджабе, Таразе и Алмалыке. Лучшие описания средневековых городов и селений Притяньшанья мы находим у арабо-персидских географов X—XI вв.

В конце правления караханидов начинается упадок местной городской земледельческой культуры. Полная гибель ее наступила после монгольского завоевания. Города и селения начали появляться вновь по рр. Чу и Таласу через несколько столетий в результате кокандской экспансии начала XIX в.

Археологическими разведками, охватившими главнейшие районы Киргизии и Южного Казахстана, выявлено огромное количество памятников второй половины первого тысячелетия н. э. Удобные для искусственного орошения долины горных рек и речек почти сплошь заняты развалинами укрепленных городов, селений, крепостей и деревень. В горах и по водоразделам всюду встречаются большие курганные могильники позднекочевнического периода.

Историческая география позволяет установить местоположение главных культурных центров страны, какими были Суяб и Тараз и ряд дру-

³² Histoire de la vie de Hiouen-Thsang, trad. par St. Julien, P., 1853, p. 58 sq.

³³ И а к и н ф, III, стр. 244.

гих городов, упоминаемых в арабских и китайских источниках. Новые материалы позволяют отказаться от старого объяснения появления здесь городской культуры местоположением страны на торговом пути из Китая в Среднюю Азию. Торговые связи с отдаленными странами оставили глубокий след на материальной культуре здешнего городского и земледельческого населения, но одних торговых связей было бы недостаточно для объяснения всей культурной жизни страны. Причины лежат гораздо глубже—они заключаются в исключительном богатстве ее естественных производительных сил, среди которых первое место занимает плодородие лёссовидных почв, богато орошенных водами горных потоков. Это привлекало колонистов с Зеравшана и многочисленные группы местных кочевников, обращавшихся к земледелию.

Среднее и нижнее течение р. Сыр-Дарья, служа связующим звеном с культурными центрами Средней Азии, играло исключительно важную роль в истории кочевых народов Казахстана. На Сыр-Дарье располагались земли древнего Кан-гюя китайских летописей, в ее низовьях находился Дженд—средневековый двойник Хорезма. Берега Сыр-Дарьи привлекали к себе, как и Притяньшанье, многочисленных колонистов из Согды; наконец, они являлись излюбленным местом зимних стойбищ кочевников. Вследствие этого следует ожидать, что в недалеком будущем археологические работы по Сыр-Дарье займут одно из первых мест в Казахстане.

Исследование развалин городов, селений, кладбищ, курганных могильников и мавзолеев монгольской эпохи только еще начинается. О роли их для изучения прошлого Казахстана и Киргизии красноречивее всего свидетельствует, например, открытие несторианских кладбищ XIII—XIV вв. около г. Фрунзе и г. Токмака, вызвавшее в свое время большой интерес.

Известно, что письменные источники крайне скупо освещают вопрос образования казахского и киргизского народов. Пробудившийся в наши дни интерес к истории нельзя уже удовлетворить имеющимися в научном обращении отрывочными и случайными историческими сведениями, а также бесконечными вариантами их интерпретации. Круг этих источников может быть значительно расширен путем археологического исследования древних казахских и киргизских могильников и мест зимних стоянок.

Несмотря на раннее проникновение мусульманских проповедников в Казахстан и Киргизию, успехи ислама были там крайне незначительны. Киргизы в XVI и XVII вв. не считались мусульманами даже в такой степени, как казахи. По словам османского турка Сейфо (1582 г.), казахи были мусульманами канопитского толка, тогда как киргизы не были «ни кафирами, ни мусульманами»³⁴.

Незначительность успехов мусульманской религии, естественным образом, отразилась на сохранении старинного обряда погребения у обеих народностей вплоть до XIX, а может быть, и до XX в. Известный хан Средней и Малой казахских орд Абу-л-Хайр был погребен в 1749 г. по мусульманскому обряду, однако его положили в «одежде обыкновенной и с некоторыми военными снарядами, как-то: саблю, копьем и со стрелами». На могилах лиц, отличавшихся большой храбростью, ставились копейные древки, колчаны со стрелами, клался порох и свинцовые пули³⁵.

³⁴ В. В. Бартольд, Киргизы, стр. 38—39.

³⁵ Н. П. Рычков, Дневные записки 1771 года, стр. 16, 45—46.

Стены многих казахских и киргизских мавзолеев второй половины XIX в. покрыты многокрасочной росписью, изображающей боевые и бытовые сцены из жизни умершего и разнообразные предметы утвари и оружия, как-то: самовар, подносы, чашки, кумганы, нагайку, саблю, боевой топор, лук со стрелами, ружье и т. д.³⁶

Эти данные показывают, что у нас имеются все шансы на получение, в результате раскопок поздних могильников, археологических материалов, которые помогут разобраться в истории материальной культуры казахов и киргизов и проследить ее древние связи. Только на основании подобных работ может быть организован также сбор полноценных и исторически датируемых антропологических материалов, без которых, при современном состоянии науки, немислима разработка вопросов этногенеза.

---

³⁶ Кроме фресок в мавзолеех, самобытное казахское и киргизское искусство представлено большим количеством изображений, которым до сих пор, без особой дифференциации, приписывалась чрезмерная древность.

С. А. ТОКАРЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ЯКУТСКОГО НАРОДА¹

1

Древнейшая история Якутского края изучена еще очень слабо. В разных местах Центральной Якутии, по берегам Средней Лены, Алдана, Вилюя и других рек не раз находились неолитические орудия—шлифованные каменные топоры и пр. Повидимому, богатые рыбой реки и озера Якутии с древних времен давали пропитание рыболовецкому населению, происхождение и быт которого, однако, нам еще совершенно неизвестны.

На территории Якутии известны и находки бронзовых орудий, например, знаменитый меч из окрестностей оз. Сильгумджа (Вилюйского округа), длиной около 70 см. Но, по всей вероятности, эти предметы попадали сюда с юга: обработка бронзы едва ли была известна жителям Якутии.

В более позднее время мы находим здесь железо. Время появления его, как и время существования более ранних культур, трудно определить даже предположительно. Трудно также сказать, связан ли переход к железной технике в Якутском крае с расселением здесь тунгусских охотничье-оленоводческих родов или с более поздним моментом прихода с юга скотоводческих групп.

Появление и развитие скотоводческой культуры в бассейне Средней Лены есть факт огромнейшего значения, наложивший совершенно особый отпечаток на всю дальнейшую историю Якутского края. Вопрос о происхождении этой самой северной в мире скотоводческой культуры есть в то же время вопрос о происхождении ее носителя—якутского народа. В настоящее время это основная проблема древнейшей истории Якутии.

По этому вопросу существует целая литература. Еще в конце XVII и в XVIII в. было высказано мнение (Исбранд Идес, Страленберг, Миллер и др.) о том, что якуты—народ южного происхождения, живший некогда в Прибайкалье, а позже вытесненный оттуда на север. Эта точка зрения

¹ Материалом для настоящего очерка послужили, главным образом, архивные документы, хранящиеся в Москве (ГАФКЭ—фонды Сибирского приказа и Якутского областного управления), Ленинграде (Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР—якутские акты, Архив Академии наук СССР—фонд Миллера), Иркутске (якутские столбцы Иркутского музея) и Якутске (Центрархив ЯАССР—фонды Якутской воеводской канцелярии и др.). Для эпохи XIX в. использована историко-этнографическая литература, особенно материалы «Сибиряковской экспедиции» 1894—1896 гг., опубликованные, в основном, в сборнике Павлинова, Виташевского и Левентяля, «Материалы по обычному праву и общественному быту якутов», Ленинград, 1929, а также другие печатные источники. По новейшей эпохе часть материала собрана экспедицией Музея народов СССР в 1934 г.

господствует и доныне. Большинство исследователей относит переселение якутов на Среднюю Лену к эпохе XIII—XIV вв., некоторые (Г. В. Ксенофонов)—к более раннему времени. Другие авторы склонны помещать прародину якутов не в Прибайкалье, а на Верхнем Енисее. В последнее время стали обращать внимание на сложный и, повидимому, разноэтничный состав самой якутской народности: в ней оказалось немало элементов не только тюркского и монгольского, но и тунгусского и даже палеоазиатского происхождения. В связи с этим сама проблема формирования якутского народа представляется более сложной, чем это казалось раньше. Наметилась даже новая точка зрения, согласно которой формирование якутской народности, как этно-культурного целого, происходило на месте ее теперешнего обитания, причем в состав ее вошли как группы местного, севернотаежного происхождения, так и пришлые с юга степные скотоводческие элементы.

В пользу этой новой точки зрения, защищаемой, в частности, автором настоящей статьи, свидетельствуют факты и языковые, и этнографические, и исторические.

Данные лингвистики при решении проблемы якутского этногенеза использовались до сих пор лишь односторонне: принято ограничиваться указанием на турецкую структуру якутского языка и причислять его поэтому без оговорок к турецкой группе языков. Однако уже акад. Радлов подчеркивал (1908 г.) наличие в якутском языке, помимо турецкого слоя, иных, очень многочисленных элементов, частью монгольского, частью неизвестного происхождения. Исследования Радлова привели его к выводу, что якутский язык—по происхождению не турецкий и даже не монгольский, а язык неизвестной принадлежности, однако рано подвергшийся монголизации, а позже тюркизации, причем последнее тоже происходило не в один, а в два приема. В настоящее время как будто намечается возможность связать этот дотурецкий и домонгольский субстрат якутского языка с тунгусскими, а может быть, отчасти и с палеоазиатскими диалектами северной тайги.

Что касается этнографических данных, то они тоже говорят о сложном характере якутской культуры. В последней обнаруживается, наряду с элементами степного, кочевнического происхождения (скотоводство, некоторые формы одежды и пр.), очень мощный и, повидимому, более древний культурный пласт севернотаежного происхождения; сюда относятся охота и рыболовство, оленеводство, тип жилища, некоторые элементы костюма, шаманские верования и обряды и пр.

Обратившись к данным этнонимии, мы находим в числе названий родо-племенных группировок якутов часть таких, которые связывают якутов с кочевническим югом (батулинцы, туматы, эргиты, хоринцы и др.), но часть и таких, которые скорее сближают якутов с тунгусами и могут быть поняты, как названия древних автохтонных племенных групп (бетунцы, оспеки и др.).

Все эти и некоторые другие факты приводят к выводу о том, что процесс формирования якутской народности был сложным процессом, протекавшим с участием как местных охотничье-рыболовецких групп, обитавших исстари в ленско-алданско-вилуйском междуречье, так и пришлых с юга скотоводческих элементов. Последние, принесшие с собой более высокий тип хозяйства и культуры, получили, очевидно, преобладание в создававшемся новом этническом целом; с этим связаны, например, тюркские элементы якутской речи. Но это проникновение с юга кочевнических

(тюркских и монгольских) элементов нельзя представлять себе таким упрощенным образом—в виде массового переселения целого народа,—как это делают сторонники традиционной теории «южного происхождения якутов». Это было медленное, разновременное просачивание, шедшее с разных сторон и разными путями (с верховьев Лены на Вилюй и на Среднюю Лену, с Шилки по Олекме и Алдану на Среднюю Лену), с неоднократным обратным движением, с сохранением связей между Средним Приленьем и Прибайкальем с верховьями Амура. Взаимоотношения же между пришлым и местным населением были гораздо более сложны и разнообразны, чем это опять-таки изображает старая теория, говорящая о «вытеснении» пришельцами-якутами аборигенов-тунгусов. Скорее следует предполагать преобладание мирных экономических и бытовых отношений между этими группами, что и привело мало-помалу к их сближению и слиянию в единую якутскую народность.

Однако все эти вопросы и вся эта древнейшая эпоха истории Якутии представляют собой в настоящее время лишь область догадок и предположений. Точные исторические известия о Якутии и якутах мы имеем только с момента появления здесь русских, т. е. с 30-х годов XVII в.

2

По многочисленным документам эпохи завоевания Якутии царизмом мы можем составить себе достаточно полное представление о социально-экономическом строе, быте и культуре якутов первой половины XVII в.

Якуты заселяли тогда, как и теперь, Ленско-Амгинское и Ленско-Вилюйское междуречья и часть бассейна Вилюя; вне этой компактной территории якуты жили близ устья р. Олекмы и на р. Яне. Они не имели единой общественно-политической организации, а делились на целый ряд независимых друг от друга племен («джон»): Самыми крупными из последних были племена мегинцев, кангаласов, намцев, бетунцев, борогонцев, батурусов; численность каждого из этих племен составляла (судя по русским ясачным книгам) от 2 до 5 тыс. человек. Помимо этого, известно несколько десятков более мелких племен или родо-племенных групп, частью независимых, частью входивших в то или иное из крупных племен.

Во главе племен и отдельных их подразделений стояли «тойоны», или «князцы» по терминологии русских документов,—военно-рабовладельческая аристократия. Это были военные вожди племен и родов. Во главе вооруженных отрядов, состоявших из их сородичей, рабов и всякого рода зависимых людей, тойоны совершали грабительские наезды на соседние роды и племена, угоняли у населения скот, захватывали рабов. Тойоны постоянно воевали друг с другом, устраивая взаимные вооруженные набеги. Русские документы середины XVII в. содержат немало описаний таких тойонских набегов.

Из множества мелких тойонов, возглавлявших небольшие родо-племенные группы, выделялись более крупные князьки, господствовавшие над целыми племенами. Самым известным из якутских тойонов в эпоху появления русских был кангаласский князь Тыгын, власть и могущество которого признавали не только кангаласцы, но и многие мелкие тойоны других племен. О Тыгыне, о его богатстве, силе, о его войнах и победах над другими племенами у якутов сохранились предания до настоящего времени. В этих преданиях фигура Тыгына, изукрашенная разными леген-

дарными чертами, превратилась в эпический образ героя-богатыря. Основываясь на этом, многие исследователи отрицали даже историческое существование Тыгына, видя в легендах о нем лишь собирательный образ древнего якутского тойоната. Это мнение, однако, ошибочно. Документы того времени содержат прямые упоминания о «Тынине», кангаласском князце (погибшем, повидимому, в 1631 г.), и еще более о его многочисленных сыновьях, племянниках и внуках.

Из других крупных тойонов надо упомянуть намского Мымака, борогонского Лёгёя (Логуя русских документов), батурусского Очая, мегинских Буруху и Киртея и др.

Тойоны были владельцами больших стад скота, который в то время был уже предметом частной собственности и составлял главное богатство якутов. В русских актах упоминаются в отдельных случаях сотни голов рогатого скота и лошадей даже у средних и мелких тойонов.

Тойонский скот выпасался на общинных пастбищах. Общинно-родовое пользование пастбищными угодьями сохранялось у якутов не только в ту эпоху, но и гораздо позже, что, однако, нисколько не мешало тойонам фактически захватывать эти угодья, пуская на них свой скот. Но у якутов уже тогда существовало не только пастбищное, но и сенокосное хозяйство. Право пользования сенокосными угодьями, которых в таежной Якутии было не так много, составляло в эпоху появления русских предмет ожесточенной борьбы среди якутского населения. Как раз в это время шел процесс постепенного разложения общинной собственности на сенокосные угодья и развития частной собственности на них. Об этом свидетельствует целый ряд жалоб и споров о владении покосными угодьями; эти жалобы попадали в русский суд и дошли до нас. Самое раннее из таких дел относится к 1654 г.; оно касается спора между крупным мегинским тойоном, внуком Киртея—Девуни и средним тойоном того же мегинского племени Нокочо,—спора о праве владения одним сенокосом. Чем позже, тем чаще встречаются в документах подобные дела; за 1650-е годы упомянутое дело является единственным, за 1660-е годы их известно 5, за 1670-е—12 и т. д. Захватывали землю в частное пользование, главным образом, тойоны, хотя известны случаи присвоения земли и представителями других слоев населения.

Свое хозяйство тойоны вели, используя труд рабов. Русские документы называют этих рабов «холопами» (повидимому, перевод якутского «кулут») или иногда якутским словом «бокан» и сообщают нам о них очень много ценных сведений. Судя по ним, рабов было не так много: у отдельных тойонов было по 15—20 «холопей», более крупные цифры нам неизвестны; значительно чаще упоминаются 1—2—3 раба у одного владельца. Но и этого небольшого количества рабов хватало, чтобы обслуживать несложное хозяйство тойона, пасти и кормить его скот, косить сено, ловить рыбу, исполнять домашние работы и т. д.

Рабы имели по большей части свою семью и жили иногда в юрте хозяина, иногда своей особой юртой. Они владели даже небольшим имуществом: в документах упоминаются изредка 1—2 коровы, иногда 1 лошадь в хозяйстве раба; впрочем, очень вероятно, что этот скот принадлежал хозяину раба и предоставлялся последнему лишь в пользование.

Тяжелое положение большинства рабов, эксплуатация их хозяевами приводили, несмотря на сохранение внешней патриархальности в отношениях, к примитивным формам протеста со стороны рабов. Наиболее частой формой этого протеста был побег раба от хозяина. За вторую поло-

вину XVII в. по документам можно насчитать до 50 случаев таких побегов. Нередко побег был даже коллективным: бежали все рабы данного владельца. Например, в 1664 г. у намского тойона Ники, сына Мымака, бежало 11 его «холопей»; в том же году у тойона Селбуя Одураева бежало 8 рабов «с женами и с детьми своими»; в 1671 г. от бетунского тойона Акона бежали 8 «рабочных якутов» и 5 «жонок рабочих» и т. д. В подобных фактах, наряду с некоторыми другими, можно видеть зародышевые формы классовой борьбы.

Помимо настоящих рабов—«кулотов» («боканов»), существовала еще группа зависимых людей, которых наши источники именуют «вскормленниками». Это были в большинстве случаев бедные сородичи, воспитанные тойонами и бывшие на положении полурабов, мало отличающихся от подлинных рабов.

Тойоны и рабы составляли меньшинство населения. Основную же массу его составляли свободные общинники—«улусные люди», или «улусные мужики» наших источников. Это была в имущественном отношении далеко не однородная масса: более зажиточные ее слои примыкали к мелкому тойонату, наименее же обеспеченная часть, лишенная скота, составляла особую социальную группу «балыксытов»—буквально «рыболовов»; эта неимущая часть улусного населения кормилась, главным образом, рыбой и сосновой корой, обычной и в позднейшее время пищей якутской бедноты. Выражения: «живет на озерах и кормится рыбой и сосной, а скота у него ничего нет»,—встречаются довольно часто в документах того времени.

Этот низший слой свободного населения пополнялся за счет разорения членов родовых общин в результате, главным образом, тойонских военно-грабительских набегов. Очень часто, однако, «балыксытство» было лишь промежуточной ступенью для разорявшихся общинников, которая вела их в дальнейшем к закабалению и порабощению у того или иного тойона. Класс рабов в значительной мере рекрутировался именно таким путем.

Родо-общинный быт у якутов того времени уже не господствовал, он разлагался под влиянием частной собственности и имущественного расслоения,—но пережитки его были еще сильны. Соблюдались родовые обычаи—экзогамия, кровная месть и выкуп за убийство. Межродовые столкновения, угон скота у чужеродцев и т. д.—все это было обычным явлением. Община распадалась, но она оставалась еще свободной: никаких оснований говорить о закреплении ее тойонами у нас нет. Нет данных также предполагать наличие прочно сложившихся форм эксплуатации тойонами свободных общинников. Тем самым не подтверждается высказывавшееся не раз историками мнение о господстве у якутов феодализма уже в эпоху до царского завоевания. Можно говорить, самое большее, лишь о предпосылках или зародышах феодального развития в ту эпоху.

Порождением древнего родо-племенного строя якутов был тот богатый, разнообразный, высокохудожественный народный эпос, который сохранился до наших дней и лишь в советскую эпоху подвергся серьезному изучению. Якутские богатырские сказания—«олонхо»—рассказы о подвигах древних витязей, о их силе, удали, блеске и пышности их жизни, якутские сказки, космогонические мифы и другие произведения народного творчества, отличающиеся богатством и поэтической образностью языка,—принадлежат к числу ценных памятников мирового фольклора.

3

Завоевание Якутии царизмом было продолжением того движения на восток, которое началось во второй половине XVI в. колонизационной деятельностью Строгановых и походом Ермака и которое имело своей основной целью стремление к захвату богатой пушным сырьем Сибири. Освоив в 1620-х годах бассейн Енисея, царские служилые люди и промышленники к началу 1630-х годов появляются на Лене.

Завоевание Ленского бассейна началось одновременно с двух сторон. В 1629 г. на Вилюе появился отряд мангазейских казаков, пришедших через Нижнюю Тунгуску. В 1631 г. вниз по Лене спустился отряд енисейского атамана Галкина. Енисейские служилые люди под командой сотника Петра Бекетова построили в 1632 г. на правом берегу Лены в земле бетунцев «острог» и, опираясь на него, в течение 1632—1633 гг., после сравнительно слабого и разрозненного сопротивления отдельных племен и их тойонов, подчинили себе все ближайшие якутские племена: мегинцев, дубсунцев, бетунцев, намцев, кангаласов и некоторых других.

Это подчинение выражалось в том, что тойоны—«князцы» племен и отдельных родов—принесли «шерть» (присягу) на верность московскому царю, уплачивали «ясак» соболиными шкурками и обязывались и в дальнейшем, «по вся годы», вносить этот ясак «с себя и с своих улусных людей».

С подчинением якутов Московскому государству для них началась полоса тяжелого колониального угнетения. Формы этого угнетения с годами менялись, менялась система управления завоеванным краем, оставалось неизменным тяжелое положение якутской массы.

Первые годы после завоевания Якутии были ознаменованы величайшим хаосом в колониальном хозяйничанье завоевателей. В новый край, богатый дорогой пушшиной, нахлынули в большом числе служилые люди под командой своих атаманов—мангазейские, енисейские, томские и др. Отряды служилых людей ездили по якутским улусам, собирали ясак на «великого государя», еще больше грабили сами для себя, торговали привозимыми безделушками, выменивая на дешевый бисер ценные соболи мехи и пр. Друг на друга эти отряды смотрели как на нежелательных конкурентов, и нередко были случаи столкновений и даже вооруженных стычек отдельных отрядов; в этих стычках участвовали иногда и якуты, сводившие таким путем свои межплеменные счеты; так, например, известно вооруженное столкновение в 1639 г. между отрядом томских казаков (атамана Копылова) и отрядом енисейского сына боярского Парфена Ходырева; к первому присоединились якуты накарцы, мегинцы и кангаласы, ко второму—сыланцы и батулинцы. Кроме служилых людей, в еще большем количестве бродили по Якутии группы промышленников, которые хищнически истребляли соболей и не меньше казаков грабили и притесняли якутов.

Этот открытый грабеж вызвал ряд восстаний со стороны якутов. В конце 1633 г. восстали алданские якуты, и это восстание в начале 1634 г. перекинулось на Лену, где соединенные силы ряда якутских племен разбили русский отряд атамана Галкина и 2 месяца держали в осаде Якутский острог. Восстание, однако, не привело к полному успеху вследствие межплеменной розни и нерешительности вожаков. Летом 1636 г. началось новое восстание, поднятое сначала бетунцами и подхваченное кангаласцами, которые при этом, однако, нападали не столько на русских, сколько на подчинившихся последним борогонцев—своих старых врагов. Только

в начале 1637 г. тому же Галкину удалось, взяв штурмом укрепления кангаласцев, подавить восстание и принудить якутов уплатить ясак. В конце 1639 г. вновь вспыхнуло восстание в восточных—алданских—улусах, взрывшееся в истреблении нескольких русских отрядов и групп служилых и промышленных людей. В этом восстании руководящую роль играл некто Оилга, представитель низов якутского населения, бескотный «балыксыт»; тойоны же в большинстве были на стороне завоевателей.

Эти восстания якутов и тот хаос в способах эксплуатации Якутского края, бывший непосредственной причиной их,—все это побудило московское правительство попытаться внести некоторый «порядок» в систему управления Якутским краем. В 1638 г. сюда были назначены особые воеводы.

Первый воевода, Петр Головин, приехавший в Якутский острог в 1641 г., сразу ввел режим самой жестокой эксплуатации населения, сильно повысив ясачное обложение и перейдя от первоначальной системы взимания ясака с целых родов—через их тойонов—к поголовному и индивидуальному обложению якутов. В этих целях он велел провести перепись скота и рабов по всем улусам. Эта мера, испугавшая и якутских тойонов и улусную массу, послужила поводом к новому и наиболее крупному, хотя и кратковременному, восстанию якутов в феврале—мае 1642 г. В этом восстании участвовали бегунцы, кангаласцы, мегинцы, намцы, одеицы и некоторые другие племена. Было перебито несколько отрядов служилых людей, посланных воеводой для переписи. Намечалось взятие Якутского острога, убийство воеводы Головина. Но и на этот раз из-за розни между отдельными племенами, а еще более из-за трусости и предательства большинства тойонов, план восстания провалился. Царские войска по частям разбили ополчения восставших, после чего началась полоса жестоких репрессий. Воевода Головин казнил и заморил в тюрьме многих участников восстания, а на оставшееся усмирненное население наложил еще более тяжелый ясак.

4

Восстание 1642 г. было последней организованной попыткой сопротивления якутских племен царскому завоеванию. Подавление его было в то же время окончательным покорением и «замирением» коренных якутских улусов. Завоевание окраин Якутии—бассейна Индигирки, Колымы, Оленка, Анабары и др.—растянулось еще на ряд десятилетий: жившие там охотничьи тунгусско-ламутско-юкагирские племена долго и упорно отстаивали свою независимость. В центральной же части Якутии уже с 1640-х годов установился режим единообразной и систематической эксплуатации населения, режим регулярного и методического колониального грабежа.

Одной из главных форм этого грабежа была ясачная система. Со времени Головина был введен поголовный, со всех взрослых мужчин, ясак, размер которого весьма колебался, от 1 лисицы или 1 соболя до 20 соболей и больше с человека. Уже и само по себе это было тяжелым бременем для якутов, которые, в отличие от тунгусских племен, не были охотниками и с трудом, часто лишь путем покупки, добывали нужную для уплаты ясака пушнину. Но еще более отягчалось ясачное обложение системой вымогательств и притеснений.

Ясак собирался с якутов двумя способами. В одних случаях, особенно из ближайших «волостей», ясак привозился в город самими якутами,—

чаще их тойонами. Последние, конечно, извлекали из этого для себя известную выгоду, ибо контроль над ними со стороны улусного населения был весьма затруднителен; воевода, лично принимавший от тойонов ясак, тоже не забывал о своем барыше: многочисленные свидетельства говорят о постоянных хищениях и вымогательствах со стороны воевод при сборе ясака. Другой способ ясачного сбора состоял в объезде якутских улусов казаками—ясачными сборщиками. В этих случаях именно последние выступали в роли грабителей, присваивая в свою пользу значительную часть собираемой пушнины, попутно отнимая у населения скот и другое имущество. Этот вид промысла был настолько выгодным, что казаки откупали по особой таксе у воевод право ездить по волостям за сбором ясака. Сохранились многочисленные жалобы якутов на «ясачных сборщиков», которые «мучат нашу братью в улусах и разоряют». Особенно страдала от казачьих насилий и грабежей улусная беднота, которой нечем было от них откупиться. «А которые наша братья иноземцы скудные,—писали якуты в своей челобитной в 1690-х годах,—и дать им ясатчикам нечего, и тех скудных они, ясатчики, бьют на правеже без милости, и связанных водят с собой из волости в волость, а ночную порою вяжут тем иноземцам назад руки, нагих, и заворотя руки вешают ко грядкам и стегают плетьюми. А как они ясатчики ездят по улусам, и тех битых иноземцев вяжут на аркан человека по 10 друг за друга и за собою водят...».

Ясак был, однако, не единственной формой эксплуатации якутской улусной массы царизмом. На нее ложились и другие повинности, особенно подводная, которая при якутском бездорожье и больших расстояниях была особенно тяжела.

Страдали якуты и от гнета со стороны русского торгового капитала. «Торговые люди», а часто и те же казаки, привозили с собой в улусы вино и всякий дешевый товар и сбывали его туземцам по дорогой цене за пушнину, нередко в принудительном порядке, «наметывая сильно» свои «малые и худые товары». Путем такой своеобразной торговли те же ясачные сборщики добывали с якутов иногда в несколько раз больше соболей, чем собиралось в ясак.

Якутам все труднее становилось удовлетворять требования воевод, особенно в связи с тем, что их охотничьи угодья подверглись катастрофическому истощению благодаря хищническому промыслу русских искателей счастья, «промышленных людей». Эти последние, судя по цифрам собиравшейся с них «десятинной пошлины», промышленляли во много раз больше соболей, чем это делали якуты. И вот уже в 1649 г. из Якутского острога сообщали, что на ближайших реках якутам негде добывать ясак, так как торговые и промышленные люди «опромышляли» здесь всех соболей. В 1675 же году якутский воевода писал в Москву, что уже и «с дальних заморских рек промышленные люди все вышли в Якутский острог, потому что... на тех реках соболиных промыслов не стало».

Все это приводило к крайне губительным результатам для всего хозяйства края. Его природные богатства быстро истощались. Улусная масса беднела и разорялась. Собирать ясак воеводам становилось все труднее, несмотря на варварские методы его выколачивания. «И в том твоём, великого государя, недоплатном ясаке,—писал воевода Приклонский в Москву в 1682 г.,—те якуты стоят на правеже и в тюрьме сидят, потому что им, за скудостью, твоего, великого государя, ясаку и поминков платить нечем». Цифры ясачного сбора падали из года в год. Средний размер ясачного оклада упал за полстолетия, с 1655 по 1705 г., с 2,53 соболя с человека

до 0,66 соболя. Взамен соболя ясак приходилось собирать менее ценной лисицей, но и ее становилось мало.

Разоряемая масса улусного якутского населения попадала в кабалу к царским служилым людям, к купцам и к своим тойонам. «И многие из нас, сирот ваших,—жаловались якуты в 1660-х годах,—сбывая с себя вашего, великих государей, ясаку и поминков доимку, обнищали и обедняли и в холопство по дворам иззапродались, и в конец погибли и разорились, что было скотишку, то попродали, и детей своих и жен и родников служилым людям потому же иззапродали и иззакабалили в некупные большие долги». «А на которых на нашей братье якутах... ясачная доимка великая,—говорится в другой челобитной,—и те якуты детей своих продают меж себя якутам и служилым людям». И в самом деле, мы находим в документах множество упоминаний о «ясырях» (рабах) у русских казаков и купцов, и если часть этих ясырей была взята «на погроме» (при вооруженных нападениях на туземные улусы), то большая часть оказывается ясырями, купленными у их «родников».

Тойоны же только выигрывали от всей этой системы колониального грабежа. В их руки попадала часть собиравшегося ясака. Нередко воеводы делали тойонов поручителями за малоимущих плательщиков и этим прямо отдавали им последних в кабалу. А еще чаще разоренный якут и без этого попадал в долговую кабалу к своему тойону. Этим самым тойоны приобрели такую экономическую власть над массами улусного населения, которой они ранее не располагали. До царского завоевания тойоны эксплуатировали, главным образом, своих рабов. Теперь они получали больше возможностей эксплуатировать прежних свободных общинников.

Если тойонат, таким образом, с первых лет завоевания, во всяком случае с 1642 г., целиком перешел на службу царизму, то улусная якутская масса, разоряемая и угнетаемая, не могла примириться со своим все более тяжелым и безвыходным положением. После крушения последней попытки широкого и организованного восстания 1642 г., лишенная руководства своих военных вождей—тойонов, передавшихся царизму, улусная масса могла отвечать на колониальный гнет только двумя способами: или отдельными, разрозненными, но активными попытками сопротивления или—в пассивной форме—бегством.

И в самом деле, наши документы содержат в себе множество упоминаний об отдельных, хотя по большей части мелких, фактах вооруженного сопротивления якутов насилиям казаков и подьячих. То один, то другой якут, которого везли в город «для расправного дела» или с которого требовали подводы и т. п., «учинялся силен», «отбивался», «из лука стрелял», «бил и увечил», «ножом резал» служилых людей и т. п. Более крупный факт активного сопротивления известен в 1676 г., когда мелкий тойон Ярканской волости Балтуга Тимиреев со своими «родниками», в количестве 70—80 вооруженных людей, отказался повиноваться царским властям и вступил в бой с довольно крупным высланным против него отрядом. Попытка эта кончилась свирепой расправой над «изменниками». Несмотря на неизбежную неудачу всех подобных изолированных и разрозненных попыток, мысль об активном отпоре угнетателям не исчезала среди якутского населения. В 1690-х годах, в результате ставших невыносимыми вымогательств и насилий, у якутов было «промеж собою положено: самим всем пропасть и русских людей погубить». Для осуществления своих задач в борьбе с насильниками якутам нехватало лишь организованности.

Что касается пассивной формы протеста против гнета—бегства от насилий и эксплуатации, то оно приняло к концу XVII в. катастрофические размеры. В ясачных росписях отмечалось все больше и больше «сошлых» и «несыскных» якутов, о которых тойоны были вынуждены сообщать, «что те якуты родники их сошли в розные в дальние места», «в незнающие места» и т. п. Подсчет имен в таких росписях показывает, что число «сошлых и несыскных якутов» составляло в 1680-х годах от 30 до 70% всего населения волостей.

Разорение и обезлюдение коренных якутских улусов—таков был итог хищнической политики царизма в Якутии в XVII в.

5

С начала XVIII в. Якутия вступает в новый период своей истории. К этому времени ее роль, как поставщицы ценного пушного сырья, была, в результате истощения запасов последнего, уже сыграна. В то же время Якутии выпало на долю стать ближайшим тылом и базой для той завоевательной борьбы, которую царизм вел в течение первой половины XVIII в. на северо-востоке—на Камчатке, Чукотке и Алеутских островах. Через Якутию двигались туда и войска и научно-политические экспедиции (огромные экспедиции Беринга 1726—1743 гг., Биллингса 1785—1793 гг. и др.) со своими грузами. Это означало втягивание Якутского края в систему более тесных экономических и политических связей России. Постоянные и все более возрастающие грузовые перевозки—в Охотск, на Колыму и пр.—несли с собой новое отягощение повинностей якутов, но они же в дальнейшем, когда правительство с 1763 г. ввело систему платных перевозок, послужили новым средством обогащения якутского тойонства, из рядов которого выходили подрядчики, взявшие в свои руки эти перевозки.

В течение XVIII в. шел процесс дальнейшего политического и экономического усиления тойонского класса. Это было связано с политикой царизма, стремившегося через поддержку тойоната и союз с ним окончательно закрепить Якутию, как тыл в своей дальнейшей колониальной экспансии на восток. Царское правительство расширяло судебное-административные права тойонов. Инструкциями 1732 г. и особенно 1752 г. разбор и решение всех судебных дел между якутами, за исключением наиболее крупных, были целиком переданы в руки местных «князцов», с устранением от них русской администрации. В то же время в области ясачного обложения роль тойонов тоже увеличилась, особенно со времени разрешения (1727 г.) уплаты ясака деньгами или мехами по рыночной цене. Это открыло широкие возможности для тойонских спекуляций, и правительство еще более поощряло их, предписав (инструкцией 1731 г.) брать ясак за немущих якутов с их зажиточных сородичей, с тем, чтобы последние могли сами «с тех скудных людей оной долг выбрать по времени»; тем самым беднота прямо отдавалась в долговую кабалу тойонам.

В этот же период, в первую половину XVIII в., шел и ускоренный процесс концентрации земли в руках тойонов. Последние захватывали общинную землю под свои сенокосы. Часто это делалось под видом «покупки» от сородичей; памятником этого являются сохранившиеся от тех годов «купчие» на землю. Но часто захват тойонами общинных угодий происходил в самой грубой, незамаскированной форме; об этом свидетельствуют отдельные дошедшие до нас жалобы общинников.

Несколько позже, во 2-й половине XVIII в., царское правительство установило фактическое закрепощение улусной массы, введя систему «билетов», или «видов»; ни один якут не мог отныне отлучиться куда-либо из своей «волости» без специального «билета», который ему выдавал князец; в «билете» точно указывались срок, место и цель отлучки. Этим самым вводился режим личного прикрепления улусных якутов к своим тойонам.

Достигнув с помощью царской администрации полновластного положения в своих улусах, сосредоточив в своих руках основную массу земли, владея издавна стадами скота, якутские тойоны к концу XVIII в. образовали собой настоящий класс феодалов. Масса же улусного населения, лишившаяся пользования общинными сенокосными угодьями, политически подчиненная тойонам, превратилась из прежних свободных общинников в закрепощенное крестьянство, хотя форма закрепощения была здесь своеобразной.

В этих условиях основным типом отношений в якутском улусе стала особая форма феодальной эксплуатации тойонами зависимого населения—раздача скота на выпас и прокорм, так называемый «хасаас». Якуты—бедняки и середняки—принуждены были брать на кабальных условиях тойонский скот, давая владельцу большую часть получаемых продуктов (молоко, масло) и отвечая за пропажу или гибель скота. Эту своеобразную форму феодально-крепостнической ренты сами тойоны называли (в одном из документов начала XIX в.) «главнейшим, общим и необходимо нужным» из «взаимных обязательств якутов».

Установившийся таким образом в Якутии феодально-крепостнический по существу, хотя и в своеобразной форме, строй просуществовал в основном, при всех последующих изменениях, до самой революции.

6

С середины XIX в. старый патриархально-натуральный уклад якутского улуса начал изменяться под влиянием развития в России капиталистических отношений. Первым значительным толчком к этому было открытие в 1840-х годах золота на южной окраине Якутии—на рр. Олекме и Витиме.

Появление нового промышленного района на месте прежней глухой тайги оказало сильное влияние на экономику прежде всего ближайшего округа Якутской области—Олекминского. Прииски стали скоро близким и выгодным рынком, куда можно было сбывать мясо, масло, рыбу и сено. Эти товары в большом количестве стали доставляться туда и из Вилюйского и из Якутского, но особенно из Олекминского округа. Сбыт товаров на прииски с годами все возрастал; в 1894 г. туда было доставлено из Якутской области 150 тысяч пудов мяса, 2 700 пудов рыбы и пр., всего на 1 миллион рублей разных товаров.

Для тойонов, особенно олекминских, это означало не только появление нового выгодного извозного промысла, но и товарный выход продукции их хозяйства. Последнее стало быстро перестраиваться. Многие тойоны превратились в крупных предпринимателей; улусная же масса пролетаризировалась, из ее среды вербовались батраки тойонов и ямщики, отвозившие на кабальных условиях тойонские грузы на прииски.

Что касается коренных якутских улусов—Якутского и Вилюйского округов,—то в них старый уклад жизни держался гораздо прочнее, хотя и сюда проникали товарно-денежные отношения.

7

Движение протеста якутских народных масс против лежавшего на них двойного гнета—царского и тойонского—было долгое время сковано путами традиции, патриархальным авторитетом тойонов. Это движение проявлялось лишь в скрытой, глухой борьбе. Когда в эпоху первой русской революции (1905—1906 гг.) оно прорвалось, наконец, открытыми выступлениями, тойоны, пользуясь своим традиционным авторитетом, сумели направить протест народных масс в удобную для них сторону, предъявив правительству ряд требований довольно умеренного характера, смысл которых состоял в установлении независимости тойонской администрации от русской.

Народные якутские массы не получили разрешения своих нужд из-за поражения революции 1905 г., но она дала толчок более смелым их выступлениям. Самый больной вопрос—о земле—выдвигался в эпоху реакции не раз и на местах и в Якутске (конференция 1908 г.), и в 1916 г. на «совещании инородческих представителей» был решен в том смысле, что совещание постановило отменить ненавистную улусным массам «классную систему» землепользования. Но и это постановление фактически не было проведено в жизнь. Только социалистическая революция решила вопрос о земле в интересах трудящихся.

После падения самодержавия в Якутии началась ожесточенная борьба за Советы, продолжавшаяся до 1923 г. Вследствие малочисленности и слабости пролетарской прослойки борьба возглавлявших ее большевиков (бывших политических ссыльных и воспитанной ими молодой якутской организации) против блока эсеров, местной русской буржуазии и якутского тойоната, при чрезвычайной отдаленности от центров советской власти в Сибири и в России, была крайне трудна. Разгром колчаковских банд, ликвидация белогвардейско-тойонских восстаний 1921—1922 гг., разгром пепеляевской авантюры 1923 г.—вся эта героическая эпопея борьбы якутских народных масс, под руководством большевиков, за свое национальное и социальное освобождение составляет славнейшие страницы в истории якутского народа.

Созданная декретом ЦИК РСФСР 27 апреля 1922 г. Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика обеспечила возможность свободного социалистического развития якутских народных масс. Широкое колхозное движение, борьба с тойонством и ликвидация этого паразитического класса (1929—1930 гг.), начавшаяся индустриализация Якутии, сопровождающаяся созданием кадров национального пролетариата (Алданский промышленный район и др.),—все это уже привело к невиданному подъему хозяйства и культуры этой прежде отсталой окраины царской России.

Принятие в марте 1937 г. IX Всеякутским съездом Советов Сталинской Конституции было подведением итогов этих великих побед социализма и новым этапом движения Якутской АССР рука об руку с другими братскими республиками Советского Союза к новым победам, вперед к коммунизму.

С. В. КИСЕЛЕВ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ СИБИРИ ПЕРИОДА МЕТАЛЛА

Районы Южной Сибири, и прежде всего Минусинская котловина, несмотря на сравнительно большую изученность в довоенные годы, в отношении раннеметаллических эпох представляли собой белое пятно.

За советский период здесь достигнуты успехи. Уже в 1921—1922 гг. экспедицией Томского университета близ с. Батени, у подножия Афанасьевской горы, были вскрыты грунтовые могилы, отмеченные на поверхности кольцевыми выкладками камней и оказавшиеся древнейшими погребениями эпохи бронзы в Минусинском крае (т. н. афанасьевский тип). Здесь же были получены дополнительные материалы в 1925 г.

В 1928 и 1932 гг. экспедициями РАНИОН и Исторического музея под моим руководством был исследован *афанасьевский* могильник близ ст. Тесь на р. Тубе. В 1929 г. мною же для Минусинского музея был раскопан афанасьевский могильник около с. Сыда на р. Сыде. Наконец, в 1930 г. Минусинским музеем аналогичный могильник был исследован около улуса Красный Яр под южным склоном Оглахтинских гор. Могилы под Афанасьевской горой на поверхности отмечены кольцом камней, все остальные — небольшими округлыми курганными насыпями с каменным кольцом. Могильные ямы встречаются иногда по две под одним кольцом. Погребения индивидуальные, парные, пары с ребенком, женщины с ребенком и коллективные, до 8 человек мужчин и женщин. Встречаются ярусные погребения. Наиболее часто труположение скорчено на боку. Однако постоянно встречаются и остатки трупосожжений.

В инвентаре афанасьевских могильников больше всего сосудов. Они круглодонны и имеют сферическую или яйцевидную форму (рис. 1). Последние вместе с вазочками-курильницами составляют наиболее характерную особенность. Большинство сосудов покрыто елочным орнаментом.

Кроме того, в могилах найдены костяные и кремневые стрелки, медные шилья, копьевидные и листовидные ножи, каменные песты, секиры и так называемые колотушки. В настоящее время выяснена их принадлежность к меднорудному делу. Из животных в афанасьевских погребениях встречены корова, овца, лошадь, коза. Анализ погребений позволяет утверждать наличие родового строя на той стадии, когда мужчина начинает приобретать главное значение, чему способствует устанавливаемое скотоводство.

Своеобразная «афанасьевская» культура на Енисее, на основании наличия некоторых типических предметов, встречающихся и в степях

Причерноморья (курильницы, цилиндрики, колотушки), а также на основании даты сменяющих ее андроновских памятников, может считаться синхронной ямно-катакомбным погребениям в Европейской части Союза (III—начало II тысячелетия до н. э.). Но последние открытия показали, что мы имеем здесь дело с обширным пластом культур раннескотоводческого населения наших степей, стадияльная целостность которого не менее ярка, чем индивидуальные особенности отдельных (племенных) районов.

В последние годы на Алтае, в Ойротии, открыты очень близкие к «афанасьевским» местные памятники той же эпохи (могильник в урочище Куюм около с. Элекмонар, исследованный в 1932 г. Ойротским музеем

Рис. 1. Глиняный сосуд Афанасьевской культуры III—II тысячелетия до н. э. Тесь, Минусинского района, курган № 10

Рис. 2. Фигурка человека (кость). Неолитическое погребение на Афонтовой горе

Рис. 3. Глиняный сосуд Андроновской культуры II тысячелетия до н. э. Усть-Ерба, Хакассия, могила № 2

и в 1936 г. Гос. Эрмитажем, и могильник около с. Курота на р. Урсуле, исследованный мною в 1937 г. К ним близки два кургана, исследованные на р. Ян-Улаган, и могила, найденная еще в 1927 г. у с. Онгудай).

Обряд погребения, формы сосудов, медных украшений и каменных орудий здесь весьма близки к афанасьевским. Исследованный же в Куюме культурный слой говорит о полусоседлой форме скотоводства «афанасьевцев» Алтая.

В Красноярске у Юдиной дачи недавно открыты погребения неолитического типа, соответствующие по времени афанасьевским (рис. 2).

К ним близки китайские и глазковские Прибайкалья и Ангары (см. статью А. П. Окладникова).

Еще в 1914 г. были сделаны первые находки андроновских погребений около с. Андроновой, Ачинского округа, но только в советский период они научно исследованы и освещено их значение. С тех пор уже во многих местах на Енисее найдены «андоновские» могильники.

Так же, как и афанасьевские, андроновские могилы отмечены на поверхности насыпями и всегда положенными по кругу или овалу камнями.

В пределах оградки одна или несколько могильных ям. В большинстве ям находились срубы и рамы из бревен, ящики из больших плит и цисты,

сделанные искусно выведенной кладкой. Покойники также скорчены. Попрежнему большинство погребений одиночных, до 25% парных. Как новост, позднее распространяющуюся, можно отметить объединение одной насыпью нескольких парных погребений.

В инвентаре погребений главное место занимают горшки, но уже плоскодонные, украшенные чеканным зубчатым орнаментом в виде полос, заштрихованных треугольников и меандров (рис. 3). Кроме того, встречены большие сосуды. Эта посуда не только весьма близка к западносибирским и казахстанским, но живо напоминает керамику срубных погребений Южного Поволжья и донецких степей. Кроме керамики, найдены куски шерстяной ткани от одежд и шапочек, бронзовые бусы, костяные стрелы, игольники. Встречены также кости коровы, овцы и лошади. Особо следует упомянуть отдельные погребения собак.

В северных предгорьях Алтая местные андроновские погребения у с. Клетикова и Красный Яр также следуют за местными афанасьевскими (сходно и положение в степях Причерноморья, где ямно-катакомбные погребения служат основой для столь близких к андроновским срубных).

Установленное М. П. Грязновым различие между минусинской и приалтайской, с одной стороны, и западноказахстанской орнаментацией андроновских сосудов—с другой, также подтверждается; несомненно на то, что орнамент состоит из тех же элементов, располагается он в иных сочетаниях и в иных зонах. У края венчика обычно располагается ряд заштрихованных треугольников, большей частью косых, весьма редких на западе.

В 1926 г. Казахская экспедиция Академии наук СССР исследовала в Орских степях по рр. Киргильде и Терекле свыше 20 андроновских могил, по конструкции и обряду близких к восточным. Парных погребений здесь оказалось немного больше половины, одно содержало 2 мужских костяка и остальные были одиночными (костяки также скорчены). По инвентарю эти могилы были значительно богаче восточных, исключая разве только семипалатинские Каменского. Наряду с горшками здесь найдено также немало бронзовых изделий: браслеты трубчатые и заканчивающиеся спиралью, боченовидные бусы, пронизки, очковидные привески, пластинки различных форм. Кроме того, встречены бусы из белой пасты.

Едва ли не самым значительным событием в западносибирской археологии явились открытия, сделанные экспедицией Исторического музея под руководством О. А. Граковой в окрестностях с. Алексеевского на р. Тоболе в Кустанайском районе.

Здесь вскрыты землянки андроновского поселения, синхронный им могильник и жертвенное место.

Выдержанно-андоновскими являются горшки из жертвенного места, представлявшего скопление сосудов, расставленных по дюне. Во многих из них оказались зерна пшеницы и других злаков. Особо выделяются корчагообразные сосуды с суженным горлом, украшенные выпуклыми бордюрами венчиков и жемчужника. Они имеют совсем особый, «киммерийско-галыштадтский» облик. Из инвентаря стоянки несомненно оседлого населения должны быть отмечены зернотерки, костяные мотыги, обломки коленчатых ножей карасукского облика, серп, кости домашних животных, игры из астрагалов и фаланг лошади, горняцкая колотушка, вроде найденных в афанасьевских погребениях, и другие предметы. Эти раскопки выяснили длительность бытования андроновских форм у населения западно-

сибирских степей. «Гальштадтовидные» сосуды, обилие спирального орнамента в бронзе, столь распространенного в предскифскую эпоху на нашем юге и на Кавказе, наличие медных наконечников стрел, уже весьма близких к архаическим скифским, наличие каменных чаш, столь характерных для скифского этапа Южного Приуралья, и ряд других признаков позволяют предполагать значительную молодость западно-казахстанских и приуральских андроновских памятников. Наличие в одном комплексе с ними коленчатых карасукских ножей подтверждает их сосуществование с карасукскими более восточных областей. Повидимому, хронологическим различием с восточноандроновскими памятниками объясняются и те особенности, которые отметил в керамике еще М. П. Грязнов в 1927 г., но которые он объяснял исключительно географически. Однако это не означает, что весь западноказахстанский «андроновский» комплекс в целом позднее восточного. Среди накопленных раскопчных материалов находятся и весьма близкие аналогии, особенно в керамическом материале, типично-минусинским «андроновским» памятникам. Это ставит проблему раннего «андроновского» этапа в Южном Приуралье, хронологически и стадияльно параллельного восточным.

Из приведенных фактов видно, что советские археологические экспедиции вскрыли в степной полосе Сибири еще один своеобразный культурный пласт. Он представляет культуру патриархальных родов, полуоседлое скотоводство которых дополняется земледелием в размерах более значительных, чем это можно предполагать для афанасьевского времени. Андроновский слой не однообразен на своем протяжении от Урала до Енисея. Наряду с разительными параллелями встречаются местные различия, отражающие обособленность родовых групп, из которых он сложился.

Значение андроновского слоя огромно. Его своеобразие, повидимому, будут объясняться и особенностями развития скифского времени. В связи с этим встает вопрос и об отношении андроновских памятников к срубным, может быть, также местным вариантам одного культурного пласта необозримых степных пространств Сибири и Причерноморья.

Систематическое изучение и научное определение карасукских памятников началось только после Октября.

В настоящее время карасукские могильники на Енисее исследованы экспедициями Русского музея около с. Батеней, улуса Откинскогo и улуса Чиркова в Хакасии, около сс. Новоселова Сарагаш и Анаш в Новоселовском и Абаканском районах. Минусинский музей раскапывал их около с. Быстрой, улуса Подкунинского и улуса Мохова. С. В. Киселев изучил их около с. Быстрой и в с. Кривой около Минусинска, в Теси и Усть-Теси на р. Тубе, в Сыде и Усть-Сыде на р. Сыде, в Чирковом улусе на р. Уйбате и около с. Усть-Ерба в Хакасии. Г. П. Сосновский копал их около улуса Орак. Усть-Ербинский и оракский могильники оказались в непосредственной близости от андроновских могил. Преимущество карасукских от андроновских памятников доказывается топографией, содержанием погребальных инвентарей (карасукские вещи вместе с андроновскими) и конструктивными особенностями могильных сооружений. Антропологические материалы, обработанные Г. Ф. Дебецом, местами также подтверждают эту связь. Карасукские могильники все состоят, в отличие от более древних, из десятков и даже сотен могил.

Карасукские могилы на Енисее обычно отмечены с поверхности квадратными каменными оградками, но некоторые могилы еще с кольцами из камней, подобно афанасьевским и андроновским.

Курганные насыпи над карасукскими могилами в Уйбате отмечали более содержательные погребения. Карасукский могильник в Усть-Сыде состоял из одного значительного кургана, окруженного плоскими оградками.

Все карасукские погребения содержатся в неглубоких четырехугольных ящиках, покрытых плитой. Лишь изредка мы встречаем их по несколько в одной оградке (главным образом, детские). Несколько раз встретились двойные ящики. В одном из них оказалась женщина, убитая и сброшенная в скорченном положении спиной кверху.

Из инвентаря следует отметить бронзовые ожерелья из трубчатых пронизок и пуговиц, украшения кос в виде лапчатых привесок, нагрудники из рядов бронзовых обоймочек, отделку обуви медными заклепками. Найдены также коленчатые ножи, датирующие большую серию минусинских, прибайкальских и центральноазиатских изделий. Кроме того, обнаружены иголки и шилья в костяных футлярах.

Глиняные сосуды—очень часто круглодонные, округлых форм, с небольшой шейкой. Они украшены черточками, полосками ямок, а также сложным геометрическим и меандровым орнаментом, который роднит их с андроновскими. Кости животных в карасукских могилах находятся часто (лошадь, корова, баран).

Находки в карасукских могилах позволили датировать большие серии предметов, особенно коленчатых ножей. Последние, помимо Минусинского края, распространены также на восток до Нерчинска, найдены в Монголии и в Ордосе. Они чрезвычайно близки к монетным ножам чжоусского Китая. Возможно их южное, сравнительно с Енисеем, первоначальное распространение. То же можно сказать и о выемчато-эфесовых кинжалах. Проникновение новых людей на Енисей в карасукское время отмечает и антропология.

Замечательные скульптуры животных на рукоятках карасукских ножей—лося, оленя, быка, барана—свидетельствуют о реалистическом начале, послужившем базой для стилизуемых тагарских скульптур. Однако в карасукское время наличествовала и символизация; каменные изваяния с высеченными личинами, ставившиеся в честь предков на родовых угодьях, редко отличаются реализмом (рис. 4).

Расценивая карасукские материалы с Енисея, приходится прежде всего отметить рост родовых групп, отраженный в росте могильников, яркое выявление семейных связей, еще более патриархальных, и вместе с тем усиление кочевничества, новый рост скотоводства. Характерно, что к этому времени относятся очень скудные культурные слои стоянок (Анаш, Сарагаш и др.), подчеркивающие подвижность населения. Это подтверждает и наличие изображения кочевнической кибитки впервые именно на карасукском изваянии.

Связь с карасукскими материалами тех находок сейминского типа вещей—кельтов, кинжалов и копий, которые сделаны были на Енисее и в Прибайкалье, и чжоусские параллели уточняют вопрос о хронологии «карасука»,—последние века II и начало I тысячелетия до н. э.

В Прибайкалье и Забайкалье к этому времени относятся «гробничные» могилы. Север, судя по слоям Усть-Собакинской стоянки около Красноярска, консервирует старые формы. В Западной Сибири и на Алтае к западу до Караганды обнаруживаются местные формы «карасука» (могильники около Бийска, с. Камышенки, Суртайского и Крас-

ного Яра; в Караганде на р. Гурубай-нура и рудники в районе Каменогорска и около Борового и «Степняка»).

Объединение всего сделанного по памятникам карасукского типа в самых различных районах Южной Сибири вскрывает сейчас новый обширный пласт, обрисовывающий свои особенности не менее четко, чем андроновский, послуживший для него основой. Где причины этой трансформации, и почему ее избежала вся западная часть «андрона», — вопрос, еще нуждающийся в расследовании. Пока лишь отметим, что если для запада, судя по материалам О. А. Граковой, время позднего «андрона» характеризуется ростом земледелия и оседлости, то для востока, для минусинского, например, «карасука», характерным является, наоборот, переход к широкому овцеводству, усиление кочевания.

Эта ли перемена является основой для карасукской трансформации (и не осложнялась ли она внешними причинами, о которых говорят карасукская бронза в Северном Китае и антропологические данные), разрешат дальнейшие исследования.

Большие и маленькие курганы с четырехугольной оградкой из плит и высокими камнями по углам, а иногда и по сторонам ограды, являются в Минусинских степях господствующими памятниками следующей, тагарской эпохи. Они раскапывались во многих местах (свыше 200 курганов с более чем 600 погребений). Экспедиция Томского университета еще в 1921—1922 гг. исследовала тагарские курганы около сс. Алешина, Копьева и Бузунова. Затем экспедиции Русского музея раскапывали систематически различные типы этих памятников до 1929 г. в окрестностях с. Батени, около с. Лепешкиной, с. Сарагаш и по Нижнему Уйбату. Изучая в это же время район улуса Орак в Ужурском районе, Г. П. Сосновский исследовал несколько тагарских насыпей. Экспедиция Ачинского и Красноярского музеев раскопала около с. Ужур ряд тагарских курганов и исследовала позднее тагарский курган около Военного городка в Красноярском районе. С. В. Киселев в 1928 и 1932 гг. исследовал тагар-

Рис. 4. Каменное изваяние. Карасукская культура 11—1 тысячелетия до н. э. Уйбатский Чаа-тас, Хакассия

ские могильники около с. Кривой, Теси и заимки Усть-Тесь в Минусинском районе. В 1929 г. он же раскапывал около с. Быстрой под Минусинском и возле сс. Сыда и Усть-Сыда в Абаканском районе. В 1931 г. аналогичные работы производились в окрестностях с. Усть-Ерба, Баградского района.

В 1930 г. экспедиция Общества изучения Сибири исследовала тагарские курганы около улуса Откинського, улуса Мохова и с. Быстрой. Наконец, в 1935 г. при раскопках в районе Копчальского баритового рудника был зарегистрирован единственный пока случай тагарского погребения под каменным курганом.

Непосредственную связь тагарских памятников с предшествующими карасукскими мы видим не только в переживании в «тагаре» ряда карасукских особенностей—квадратности оградок, дополнительных оградок, каменных ящиков, оформления бронзовых предметов (особенно оружия), но и в частичном сосуществовании старых форм с новыми. Этот факт нам удалось обнаружить около Теси, где в 1932 г. в типично карасукской могиле мы вместе с архаическими вещами встретили тагарские плоскодонные сосуды.

Древнейшие тагарские курганы невысоки, овальные в плане, невелики по площади; на них четырехугольная оградка с камнями по углам и редко по середине сторон. Встречаются дополнительные оградки. На камнях местами наносились изображения животных, особенно оленя, людей, всадников, различные знаки—тамги и т. п.

Под насыпями в покрытых плитами ямах стоят срубы, реже встречаются ящики. Обычны две или три ямы для взрослых, в которых по строгому порядку лежат мужчины и одна или две женщины. Изредка встречаются и парные погребения в одной яме, даже при наличии под тем же курганом других одиночных или парных захоронений. Кроме того, почти в каждом кургане имеются детские погребения в маленьких ящичках. «Семейность» ритуала, выступавшая и в карасукских могилах, находит здесь яркое выражение.

Все покойники лежат теперь вытянуто. В головах у них большие баночные плоскодонные сосуды. В ногах остатки жертвенного лошадиного или бараньего мяса с ножом и вилкой-шилом. Покойники богато украшались бляшками, рубчатыми пронизками, медными и пастовыми бусами, бронзовыми коническими серьгами и круглыми зеркалами, костяными гребнями с изображением зверей, привесками и пуговицами с изображением головы лося или коня, фигурами барана или свернувшегося зверя. Все мужчины, а иногда и женщины, лежали с боевым кевцом, совершенно схожим с ананьинскими, с кинжалом, напоминающим скифские, или с топором, иногда украшенным фигуркой зверя весьма архаического, если равняться по шкале скифского искусства, стиля; постоянны также в значительном числе наконечники стрел, костяные и бронзовые, древнескифских форм. Эти курганы мы датирuem на основании параллелей с Ананьиным и скифскими памятниками VII—У вв. до н. э. Они представляют собой семейные усыпальницы населения оседлого, владевшего вершинами мастерства обработки бронзы, занимавшегося скотоводством и земледелием. О последнем говорит не только исследованная нами сложная оросительная система этого времени в долинах рр. Ербы и Теси, но и находки большого количества бронзовых серпов, частично, в могилах у женщин. Повидимому, новое поливное земледелие смогло конкурировать с усилившимся было скотоводством. Никаких признаков нарушения ста-

рого родового уклада не отмечают древнетагарские курганы. Лишь встречающиеся в курганах какие-то бедные боковые погребения, часто ориентированные иначе, чем основные, позволяют и здесь, при явном господстве отцовских форм рода, предполагать наличие несвободного слоя—патриархального рабства.

Следующая стадия, V—IV вв., характеризуется двойственностью форм погребений. С одной стороны, еще сохраняются старые формы, с другой—появляется новый обычай захоронения в одной большой камере нескольких человек (членов одной большой семьи).

Третья тагарская стадия, конец которой падает на время, близкое к началу н. э., характеризуется господством новых погребальных форм. Огромные и небольшие курганы содержат обширные бревенчатые камеры, одетые в берестяную обкладку, в которой сложены останки людей в очень большом количестве (до 150 человек). Часто встречается и трупосожжение. В инвентаре миниатюрные изображения заменяют почти все полагаемые вещи. Они делаются небрежно и дают лишь отдаленное представление о натуре. Впервые встречаются в это время изделия из железа (судя по случайным находкам, железо применялось и в предшествующей стадии). Звериный орнамент приобретает большую вычурность. Входит в обычай орнаментация листовым золотом, которым отделяются ткани, медные и даже глиняные бляшки. В некоторых погребениях этого времени встречаются и первые погребальные маски из гипсовидной самсы.

Тагарские поселения изображены на писаницах хребта Бояры около с. Копены. Здесь видны ряды бревенчатых домов, крытых соломой, с очагом внутри. На окраине одного «порядка» стоит войлочная колоколовидная юрта. Вокруг бродят стада и дикие копытные. Около домов люди в малицеобразных костюмах. Стоят «скифские» котлы и пр.

Невдалеке от Бояр в долине р. Ербы мы исследовали общинное укрепление. Оно окружено рвом и валом, но при значительной площади имеет скудный культурный слой, служа, повидимому, лишь временным убежищем на время опасности.

В материалах по тагарской эпохе очевидны нарушения прежнего родового единства (богатство отдельных погребений, различие размеров курганов, всевозможные знаки власти, знаки частного владения—инструменты для клеймения скота). Противопоставление родового поселения и замковища тоже указывает на ослабление старой общественой системы. Тагарское население, по археологическим и антропологическим данным, вполне автохтонно. Оно самостоятельно достигло замечательных результатов в бронзолитейном деле. На основе искусства карасукской эпохи тагарские мастера создали прекрасные образцы знаменитого сибирского звериного стиля.

Земледельческая культура для этой эпохи отмечена и в Красноярском районе. Исследования на Усть-Собакинской стоянке около Красноярска показывают, что, сохраняя в основном тот же быт, который рисуют нам материалы нижних слоев, ее население в тагарскую эпоху уже знало земледелие. Ближайшие аналогии тагарским памятникам доставили советские экспедиции 1927 и 1928 гг. в Танну-Тувинскую народную республику. Там, в окрестностях с. Туран и на урочище Улук-Ковы на Кемчике, были раскопаны курганы, содержавшие древнетагарские бронзы с прекрасной звериной орнаментацией. Аналогичные погребения мы исследовали в 1937 г. у с. Туяхта на Алтае.

Стоянки около с. Большереченского и на Чудацкой горе, курганы у с. Красный Яр и Березовки (р. Обь) дали бытовой материал, также во многом аналогичный тагарскому (баночные сосуды с жемчужником, ножи, кинжалы, наконечники стрел, удила) (рис. 5).

Культура позднетагарского облика также имеет параллели на Алтае. В 1929 г. были найдены небольшие каменные насыпи у склона возвышенности, на которой цепочкой протянулись знаменитые пазырыкские курганы около с. Улаган, Улаганского аймака, Ойротия. В погребениях оказались бронзовые миниатюрные изображения кинжалов и другого оружия, типичные для конца второй—начала третьей тагарской стадии.;

В Северном Казахстане эпоха, соответствующая тагарскому времени, еще мало изучена. Старые раскопки, например Кастанье, подтверждали известия греческих писателей о том, что Среднеазиатские степи были заняты племенами, скифскими по культуре.

В последних раскопках Карагандинской экспедицией ГАИМК были обнаружены погребения, относящиеся, повидимому, к этой эпохе.

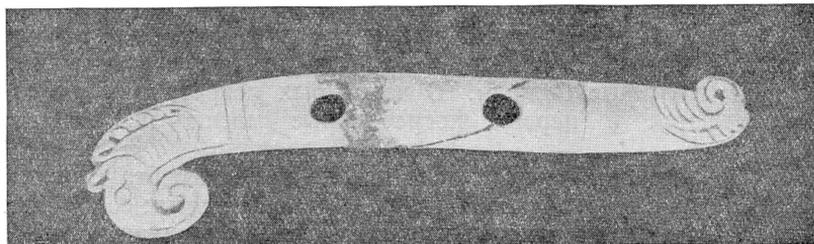

Рис. 5. Костяной псалий. Красный Яр, около Бийска. Курган IV—III вв. до н. э.

Время последних веков до н. э. представлено в казахстанских степях погребениями, близкими знаменитым Прохоровским III—I вв. Они характеризуются подкурганскими захоронениями, вытянутым положением покойников в глубоких ямах. Предметы звериного стиля здесь попадают уже весьма редко в чисто орнаментальных формах. Характерны железные кинжалы и длинные мечи с рогатым навершием и прямым перекрестием. Стрелы—бронзовые, узкие, трехгранные; попадают вместе с ними и железные. Часто встречаются круглодонные грушевидные сосуды. Нашивные золотые бляшки геометрических форм становятся весьма распространенными. После Октября подобные погребения, обычно называемые сарматскими, были открыты в Западном Казахстане на р. Терекле, в урочище Урал-Сарай. К ним примыкают погребения, раскопанные в 1927 г. на Орском тракте около поселка Нежинского. Позднейшим их вариантом (первых веков н. э.) являются погребения в катакомбах. Исследованные в окрестностях Оренбурга на левом берегу р. Урала в 1928 и 1929 гг. могильники содержали костяки с искусственной деформацией черепов. У находимых в них оружия, сбруи, керамики и украшений много сходства с предметами инвентаря кубанских сарматов.

Курганы сарматского типа были исследованы и на территории совхоза «Гигант» в Караганде экспедицией ГАИМК в 1933 г.

В 1936 г. курган этого же типа был исследован экспедицией ГАИМК на 14-м километре новой линии Орск—Аккермановка.

В 1926—1927 гг. около с. Мыс, близ Тюмени, на территории более древней стоянки были раскопаны 9 земляных курганов. При покойниках оказались горшки грушевидной формы, часто круглодонные, украшенные резным орнаментом в виде линий, лесенок и арок. Найдена глиняная тарелка с геометрическим орнаментом, пряслица, оселок, крючок от колчана и медные наконечники стрел, трехгранные, с невыступающей втулкой, особенно распространенные с III в. до н. э.

Мысовским аналогичны курганы, раскапывавшиеся в 1926 и 1927 гг. в Омском и Барабинском округах Омским музеем.

На восточной окраине Западносибирских степей советские экспедиции обнаружили памятники, весьма близкие к только что описанным сарматского типа.

Бийский музей исследовал их в самом городе Бийске, около с. Сростки и в большом числе около с. Быстрянского. Земляные курганы здесь весьма бедны — содержат лишь грушевидные сосуды с высокой шейкой, украшенной накладным орнаментом с нарезкой. Курганы же, одетые в каменную обкладку, дали ту же керамику, что и бедные, но с нею золотые украшения (например эсвидные серьги), геометрических форм нашивные листки, остатки железных предметов с золотой инкрустацией. Им соответствуют на Алтае большие каменные курганы.

В 1927 г. М. П. Грязнов раскопал большой каменный курган (диаметром 45 м, высотой 2 м) в урочище Шибе на р. Урсуле.

В 1929 г. им же был раскопан каменный курган еще больших размеров (диаметром 50 м) в урочище Пазырык близ Улаганского аймака.

Под обоими курганами оказались обширные могильные ямы (7×7×7 м), половину которых занимала погребальная камера в виде парного, вставленного один в другой сруба из тесаных бревен, с двумя потолками и досчатым полом. Выяснено, что покойники («хан» в Шибе был даже мумифицирован) лежали в приспособленных для переноски саркофагах, выдолбленных из огромных обрубков дерева. Саркофаг в Пазырыке был оклеен корой молодой березки и вырезанными из кожи фигурами птиц. Стены внутри камеры были завешаны войлочными коврами, украшенными каймой из разноцветных кусочков войлока, с изображением головы тигра в профиль. Оба кургана оказались сильно ограбленными. Поэтому в камерах были собраны лишь случайно уцелевшие вещи. В Шибе в камере было найдено большое количество тонких золотых нашивных пуговок и бляшек сарматского типа от одежд, различные фигурки, вырезанные из листочков золота и иногда раскрашенные красной и черной краской обломки железных предметов с золотой инкрустацией, набор раскрашенных украшений из рога лося и китайские лаковые чашечки, датированные проф. Умехара между 86 и 48 гг. до н. э. Но наибольшее богатство в обоих курганах было обнаружено в уцелевшей от грабежа северной половине ямы, вне погребальной камеры. Там лежали лошади. В Пазырыке, благодаря образовавшейся под курганом вечной мерзлоте, лошади сохранились целиком, в шкуре, и со всеми принадлежностями богато украшенной сбруи. Эти украшения все вырезаны из дерева и покрыты тонкими серебряными и золотыми листками. Они изображают фигуры зверей и маски людей в скифо-сибирском стиле (рис. 6). Подобные же изображения, составляющие целые сцены борьбы хищника с оленем или архаром, выполненные аппликацией из войлока и кожи, украшают мягкие седла, найденные на лошадях. Особо следует отметить находку лошадиных масок. Одна из них изображает крылатого грифона, весьма напоминающего грифонов

Аму-Дарьинского клада и древнекитайских ханьской эпохи. Он борется с хищником, распластавшимся по морде коня. Для другой лошади назначались искусственные оленьи рога, как бы превращавшие лошадей в оленя, и так же распластавшийся по морде хищник, пожирающий лошадей-оленя. Все эти вещи неизмеримо расширили представление о скифо-сибирском искусстве, показав на бесчисленных образцах торевтики искусство Алтая в III — I вв. до н. э.

Рис. 6. Деревянный резной псалий. Пазырык, Ойротия. Курган пленного вождя III—II вв. до н. э.

Из других предметов, найденных в том же Пазырыкском кургане, следует упомянуть щит, схожий со скифскими, обломки деревянных ложек, ярмо для запряжки двух животных, брошенную грабителями глаголевидную рукоятку от топора-кельта, мешок с зерном, привязанный к седлу.

Близкое к только что описанному погребение было вскрыто в 1934 г. около с. Каракол на р. Урсуле. Под каменным курганом, на глубине 5 м, здесь было обнаружено погребение старика и молодой женщины с тремя лошадьми, положенными в северной части могилы. Женщина была покрыта пеленою красного шелка, сплошь зашитого кольцевидными и квадратными золотыми бляшками. На ее шее была вызолоченная гривна, украшенная на концах головками барса. Здесь же оказались золотые серьги, сходные с находившимися в Быстрянских курганах. В головах стоял ларец с золотым убором, зеркалом и головной булавкой. На ларце стояла каменная курильница.

Близкие к этому курганы были раскопаны в 1935 г. в Курайской степи и около с. Туяхта и в 1937 г. около с. Курота на р. Урсуле.

Наряду с такими пышными погребениями на Алтае мы встретили и рядовые могильники, лишенные роскоши, вроде вскрытых на дворе Каракольской МТС.

Близкие к алтайским курганам, заслуженно пользующиеся уже мировой известностью погребения исследованы в урочище Ноин Ула в Северной Монголии советской экспедицией под руководством П. К. Козлова. Их оставили шаньюи и знать хунну. Всего было раскопано 7 больших земляных курганов и несколько малых.

Под большими курганами оказались обширные могильные ямы глубиной до 7 м. В них вел длинный дромос. В каждой яме стояла двойная (как и в Шибе и Пазырыке) погребальная камера, изнутри задрапированная материями. Саркофаг здесь был сделан из досок. Под саркофагом наиболее богатого кургана № 6 был разостлан ковер, украшенный аппликациями, изображающими борьбу лося с грифоном, яка с хищником и стилизованные растения (рис. 7). Очень хорошо сохранились погребальные флаги цилиндрической формы, напоминающие современные буддийские флаги «джансан». Удалось достать различные части одежды, шелковый халат, шаровары, шапочку и пр.

Замечательны лаковые чашечки и столики ханьского времени. На одной чашечке сохранилась надпись 2 г. до н. э. Из бытовых вещей следует отметить китайские зонты, части колесниц, уздечные наборы с удилами скифского типа, бронзовые котлы гуннских форм, большие корчагообразные сосуды, сходные с пазырыкскими.

Наряду с привозными китайскими и западными изделиями в ноинулинских курганах четко виден местный комплекс, богатый звериной орнаментацией и столь родственный алтайским находкам.

Рис. 7. Деталь ковра из кургана № 6, Ноин Ула, Сев. Монголия.
I в. до н. э.

Прекрасная коллекция северокитайских бронз, собранная Лу и недавно полностью изданная А. Сальмони, позволяет распространять аналогии нашим находкам на всю Монголию и Ордос. Мы видим, как широка была область, в которой создавались шедевры искусства Центрально-азиатских степей, подчеркивавшего силу и богатство степной аристократии.

Минусинский край в описываемую эпоху не являлся исключением в отношении общности степной культуры.

Наши исследования 1936 г. на Уйбатском Чаа-гасе обнаружили погребения, позволяющие со всей ответственностью делать подобные утверждения (см. нашу статью в № 1 «В. Д. И.»).

Если ряд вещей позволяет видеть в этих погребениях прямое продолжение культуры позднетагарских курганов, то керамика, маски (рис. 8) формы ковшевидных сосудов и пр. соединяют их с так называемыми таштыкскими могилами, открытыми впервые в оглахтинском могильнике, где были найдены китайские ткани ханьской эпохи. Различие с оглахтинскими лишь в обряде погребения: там—в большинстве случаев индивидуальные, в небольших срубках, здесь—коллективные, до 60 человек, в сложном подземном доме 9×9 м. Найденная нами художественная резьба настолько близка к ряду алтайских находок, что ясно устанавливает близость Минусинской котловины в отношении эволюции звериного стиля к окружающим ее областям.

От первых веков н. э. обнаружены интереснейшие памятники в северной части Сибири. Еще до революции к северу от ж. д. Ачинск—Красноярск был найден так называемый Ишимский клад. В 1926—1927 гг. совершенно аналогичная по составу находка была сделана в Нарымском крае на горе Кулайка. Вместе с ажурными, грубого литья фигурками животных были найдены некоторые предметы тагарского и таштыкского типа, позволяющие относить эту северосибирскую культуру, сближая ее также с памятниками типа Гляденово, к началу н. э.

Рис. 8. Погребальная маска Усть-Тесь, Минусинского района. Таштыкская культура, около начала н. э.

В последнее время особый вариант этой культуры, но, повидимому, относящийся к более позднему времени, был обнаружен в 1935 г. экспедицией ИАЭ в Салегарде. Здесь на жертвенном мольбище были открыты костяные предметы, украшенные сценами борьбы хищной птицы с травоядным лосем, оленем и другими мотивами, характерными для скифо-сибирского звериного стиля, продержавшегося на севере гораздо дольше.

Могильники эпохи орхонского письма, так называемые Чаа-тас, в Минусинском крае раскапывались еще до революции. Однако вследствие низкого уровня методических приемов их не поняли.

За последнее время они изучены в значительном числе.

Могильники Чаа-тас состоят или из маленьких каменных курганчиков или из больших каменных курганов, собранных в цепочки, тянущиеся с севера на юг. Большие обставлены высокими камнями, содержащими иногда орхоно-енисейские надписи.

В маленьких курганчиках погребения по ритуалу близки познеташтыкским, которые они, повидимому, и продолжают.

Большие курганы частью одновременны, частью позднее малых. Покойники в них сопровождалась богатым инвентарем. Найдены железные стрелы, стремена, удила, уздечные наборы, типичные для VI—VII вв. н. э. В одном из уйбатских курганов оказалась серебряная кружка с орхонской надписью на дне. Керамический материал аналогичен найденным в маленьких курганчиках.

К востоку от больших курганов встречаются каменные кольца. Под кольцами находили бедные погребения, может быть, рабов тех, кто похоронен среди высокопарных древнетюркских эпитафий.

В настоящее время общепринято считать описанные памятники кыргызскими (хягясскими, по китайским летописям).

Одиноко пока стоят три погребения, открытые в 1929 г. на Часовой горе, под Красноярском. В деревянных камерах из досок лежали там одиночные скелеты с богатым погребальным инвентарем: серебряные кубковидные сосуды, железные наконечники стрел, золотые серьги, седло с серебряными накладками (XII—XIV вв.).

Весьма близкую к описанной на Енисее картину представляют нам раскопки в соседних областях.

Так, в Бурят-Монгольской республике Г. П. Сосновский раскопал на р. Селенге ряд могил, давших весьма близкий к кыргызскому материал VIII—X вв. (Ильмова падь, Суентуй, Тонхарь).

Археологические изыскания советской экспедиции 1925 г. в Монголии на р. Толе также выявили погребения, весьма сходные по инвентарю с минусинскими Чаа-тас. Советская археологическая экспедиция в Танну-Тувинской республике открыла погребения VI—VIII вв. в ряде мест (около с. Атамановка на р. Элегеш, у с. Щеки, у с. Успенского, у с. Рыбного, на урочище Улук Ковы, у г. Байтах, у с. Туран и др.). Они содержат вещи, весьма близкие к обнаруженным на Чаа-тасе.

Алтай дал за советский период очень большой материал по погребениям периода орхонского письма.

Во время работ Саяно-алтайской археологической экспедиции ГАИМК и ГИМ в 1935 г. около с. Курай и около с. Туехта в Ойротии было раскопано по несколько курганов, содержащих весьма близкие друг другу погребения. В обширных могилах в колодах лежали покойники, одетые в богатые шелковые и шерстяные одежды и снабженные отделанным костью луком и берестяным колчаном со свистящими стрелами.

Кроме того, при покойниках или в отдельных тайничках найдены богато украшенные серебряными бляхами и пряжками пояса и уздечки, костяные рукоятки плетей, украшенные звериным орнаментом, ножи, вилки и серебряные кувшины. На дне последних, а также на концевой бляхе одного из поясов оказались орхоно-енисейские надписи, говорящие о принадлежности этих вещей окружению ханов и шадов VI—VIII вв. За небольшим забором из кольев в северной части могилы были положены два-три коня. Один из них во всех случаях был в полном сбруйном уборе с седлом на спине.

К этим курганам примыкает на Алтае большая группа каменных курганчиков с погребениями мужчин и женщин в сопровождении коня (до X в.). Подобные погребения были исследованы близ урочища Кудыргэ, на Чулышмане в Курайской степи около с. Туехта.

Из отдельных находок в курганах Кудыргэ отметим камень с выгравированными на нем заседланными конями, которых держат воины, ставшие на колени перед сидящей женщиной и ребенком в богатых одеждах. Сзади коней большое изображение лица усатого мужчины. Не есть ли это наглядное изображение уже классовых отношений, существовавших у алтайских племен и отраженных в различных типах погребений и терминологии степной аристократии орхонского образца? Благополучие этой аристократии покоилось на людях, подобных насильственно положенным в богатых курганах вместе со своим господином. Невольей, рабством веет от этих блестящих памятников.

Замечательно, что земледелие в эту эпоху очень широко применялось на Алтае, о чем говорят обширные оросительные сооружения и находка в одном из курганов Курайской степи вращающихся жерновов.

Исследования последних лет установили принадлежность к этому периоду и многочисленных каменных изваяний Алтая, изображающих усатую фигуру, держащую кувшинчик.

В степных предгорьях Алтая близки к описанным кочевнические погребения, вскрытые рядом исследователей в 1925—1930 гг. около с. Сростки близ г. Бийска. Их различия не только местного, но и хронологического порядка—ряд погребений здесь может быть отнесен к IX—X вв.

Весьма близки к сросткинскому два могильника, исследованные на р. Ине, в б. Кузнецком округе.

Исследования памятников послесарматского времени в Западной Сибири и Северном Казахстане пока еще явно недостаточны. Несмотря на то, что здесь вполне возможны находки вроде сделанной близ Щучьего и Акмолинска, когда в женской могиле с конем были открыты прекрасные вещи т. н. «готского» стиля и позднее римское стекло IV в., несмотря на особую важность этого района для решения вопросов истории кочевников, прямо связывающейся с историей казахов, внимание на соответствующих памятниках не сосредоточено. Можно отметить лишь отдельные находки.

Северные области Зап. и Вост. Сибири дали исследования городищ (Вознесенское под Омском XIII—XIV вв., Ермолаевское и Лодейское под Красноярском и Ачинское V—X вв.). В Прибайкалье и на Селенге к этому времени относятся городища, стоянки и могильники так называемой Курумчинской культуры, знаменитой высоким уровнем обработки железа, знанием даже чугуна.

Проделанная советскими археологами работа выдвигает ряд вопросов по древнейшей истории народов Сибири и дает возможность наметить некоторые линии их исторического развития.

В дореволюционной литературе о народах Сибири безраздельно господствовало мнение, что так называемые «инородцы» все находятся на стадии родового строя. Этим ряд классовых обществ включался в родовое общество и подрывалось учение о первобытном коммунизме. История народов не изучалась. Археологические открытия советских десятилетий перевернули представление об исконной отсталости населения Северной Азии и застойности его быта.

В настоящее время установлено, что в наиболее передовых степных районах Сибири еще в конце III тысячелетия до н. э. первобытные племена стали усиленно разводить скот и, повидимому, в связи с этим их родовой строй стал приобретать все более патриархальный характер. В так называемую Андроновскую и в Карасукскую эпохи племена различных районов Сибири строили свою жизнь по-разному. Одни решительно переходили к земледельческой культуре и становились почти оседлыми, как то имело место в Зап. Казахстане. Другие, на Среднем Енисее и, повидимому, на Алтае и в Восточном Казахстане, не сторонясь совершенно земледелия, сильно интенсифицировали скотоводство, переходя к системе кибиточного кочевания. Отсюда своеобразие быта каждого района, местами, особенно в Казахстане, осложненное своеобразием отношений в пунктах выработки медной и золотой руды. Для этого времени (II тыс. до н. э.) уже отмечается наличие патриархального рабства.

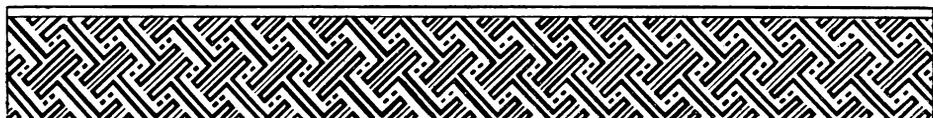
Дальнейшая история племен степной полосы Сибири современна скифам и сарматам Причерноморья. Изучение ее опровергло буржуазно-националистические теории об алтайской прародине финнов, скифов и т. п. Племена, сидевшие во II тысячел. в этих районах, оставались здесь и позднее, и лишь инфильтрация центральноазиатских элементов в начале н. э. стала изменять их первоначальный тип. Исследование их искусства, в котором одни видели прототип скифского, а другие—его окраинные наносные отголоски, показало его самостоятельность и генетическую связь с искусством предшествующего времени. В настоящее время настала пора уже дифференцированного рассмотрения так называемого «звериного стиля»; доказано, что он не вообще сибирский, но своеобразен для каждого района, отражая особенности в социальной жизни. Более прогрессирующий запад Сибири вряд ли в это время сильно отставал от скифских племен степей юго-востока Европы. Внутриродовые различия становились

здесь все более ощутимыми. Иной выглядит Минусинская котловина. Здесь задержалось применение железа, и бронзовая техника достигла небывалого расцвета. Здесь наряду с кочевничеством в это время возрождается земледелие на более высокой базе, ирригационное земледелие.

В последние века до н. э. уже во всех южных районах Сибири замечается возвышение родовой аристократии, явные признаки упадка старых родовых традиций. Наблюдается усиление военных столкновений, сопровождающихся известными перегруппировками населения. Семья становится теперь все более свободной от родовых ограничений. Эти внутренние изменения и влияние соседей (хунну и сарматов) изменяют внешний облик материальной культуры. Орнаментализм стремится пронизать все вещи изобразительного искусства, обстановку, одежду и т. п. Знатность, еще уживающаяся с родовым порядком, начинает пропагандировать свою исключительность: возникают огромные коруны—курганы с необычайно пышным ритуалом, сарматским—на западе, хуннским—на востоке. Рабство продолжает усиливаться. В половине I тысячелетия н. э. в ряде степных местностей Сев. Азии происходят крупнейшие перевороты. Родится классовое общество. Даже главы небольших племенных союзов стремятся стать эксплуататорами рабов и покоренных племен. Величайшее достижение эпохи—орхоно-енисейское письмо—пропагандирует исключительность прав новых господ на эксплуатацию и разорение своих сородичей. Анализ археологического материала доказывает родство культуры этой эпохи с предшествующей. Изучение своеобразия отдельных районов в археологическом отношении позволяет говорить здесь о конкретной истории отдельных племен и задаваться вопросом об их связи с исторически известным населением уже более позднего времени московского завоевания. Считавшиеся доселе неисторическими народы в социалистическую эпоху обретают не только свою блистательную новейшую историю, но и свое прошлое.

Северные, таежные районы Сибири развивались другими темпами и по-иному. Здесь долго царили архаические охотничье-рыболовецкие формы хозяйствования. Они консервировали старый неолитоидный быт, в который лишь случайно вкрапывались элементы достижений южных районов—отдельные металлургические изделия, иногда скотоводческие навыки. Особенно ярко это бросается в глаза на востоке, в Прибайкалье, в Приангарском крае и в Красноярском районе. Здесь бесспорно родовые отношения, открытые этнографами, представляют собой единственные исторически сложившиеся формы общественной жизни. Этого нельзя сказать о южных степных областях. И действительно, все этнографы, которые учитывали в последнее время археологические открытия, смогли более критически подойти к казавшемуся весьма идиллическим общественному укладу этих районов и открыть у считавшихся «родовичами»—тех же алтайцев, казахов, киргизов, хакасов—явное наличие эксплуататорских отношений, лишь замаскированных родовыми формами. Такое разоблачение, благодаря археологическим фактам, легенды буржуазной науки имело огромное значение, так как помогло правильно понять расстановку классовых сил в доколхозном улусе или ауле ряда народов Советской Сибири.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ПРИБАЙКАЛЬЯ

Неолитические погребения Западного Прибайкалья стали известны сравнительно рано. Специалистам хорошо известны классические в своем роде китойские находки ссыльнопоселенца, участника польского восстания 1863 г. Н. И. Витковского, сделанные шестьдесят восемь лет тому назад. Это было первое в России открытие такого рода памятника «лесного неолита». Материалы Китойского могильника впервые дали яркое представление о жизни людей неолита в Сибири. Они сразу же нашли признание в мировой науке и до сих пор, как мы увидим, не утрачивают своей выдающейся научной ценности. Сейчас в долине Ангары, где несколько десятков лет тому назад начинал свою научную деятельность археолога тельминский батрак и «поселенец» Витковский, только с 1932 по 1937 г. в области археологии сделано во много раз больше, чем за все время до Октябрьской революции. Обследована вся долина Ангары от Байкала до Братска на протяжении 1800 км, и впервые составлена ее археологическая карта—доведено до конца, вопреки «гнусу», тайге и ангарским порогам, дело, начатое тем же Витковским, который смог в царское время только бегло проехать вниз по Ангаре на ямских лошадях и лодках. Что касается неолита, то до революции, кроме Китойского, в литературе был известен один огромный, но целиком разрушенный могильник в Глазково. Теперь на Ангаре зарегистрировано 69 новых неолитических кладбищ, раскопаны многие десятки замечательных погребений.

Невиданный прежде размах археологических исследований, обусловленный бурным культурным ростом края, вниманием и постоянной поддержкой этой работы со стороны органов советской власти и общественности, сказался и на состоянии изучения памятников так называемого «сибирского неолита», т. е. по преимуществу неолита тайги Прибайкалья, на общих представлениях о нем. В первую очередь должны быть отмечены сдвиги во взглядах на последовательность смены неолитических памятников во времени—относительную хронологию местного неолита.

Раньше существовала абстрактная трехчленная схема: «раннего неолита», с оббитыми только орудиями; «среднего», с керамикой сначала, а затем и со стрелами; «позднего», с изделиями из нефрита и импортными вещами из бронзы. Анализ находок из поселений, в частности, известной байкальской стоянки Улан-Хада, которая считалась «естественной хронологической шкалой» для всех звеньев неолита, привел к выводам

о полном несоответствии старой схемы тем материалам, на которых она была построена. Особенное значение имели новые работы над материалами погребений неолитического времени в Прибайкалье. Эти погребения, впервые найденные в устье Китоа, являются пока единственным в своем роде по историко-археологической ценности источником такого рода.

Так, на восток от Байкала неолитические погребения известны только в двух-трех пунктах (окрестности Верхнеудинска, местн. Тулту, Дабан, Сретенск). На запад от Братска лишь в 1937 г. найдены неолитические погребения по Ангаре, на Енисее—в Базаихе, на «Астоитовой горе», «Перевозной» стоянке в Красноярске, на Алтае у Барнаула («Чудацкая гора»). Даже в Европейской части Союза, где издавна велись исследования лесного неолита—с «ямочно-гребенчатой» керамикой—только в последние годы найдены погребения (Ю. Олений остров на Ладожском озере, оз. Лаче, Языково).

Внимательный анализ богатых вещами, своеобразных и часто резко отличных друг от друга по ритуалу неолитических и примыкающих к ним раннеметаллических (энеолитических) погребений привел к выводу о их разновременности и об ошибочности старой схемы, согласно которой все погребения, где найден нефрит, относятся к «позднему неолиту», т. е. ко времени появления металлов в Прибайкалье. Наоборот, поселения, считавшиеся «раннеолитическими», удалось синхронизировать с определенными группами погребений, и притом даже не самыми ранними. Положено, следовательно, начало новой классификации памятников неолита Прибайкалья и периодизации их в рамках относительной хронологии; достигнуто основное условие для использования этих исключительно ценных находок, как исторического источника, раскрывающего существенные черты далекого прошлого Сибири.

Различные группы погребений и отчасти близкие к ним комплексы находок в поселениях по отдельным, наиболее ярким, находкам условно названы хиньской, исаковской, серовской, китойской, глазковской, тиверской. По названным группам памятников, по крайней мере, основным пяти,

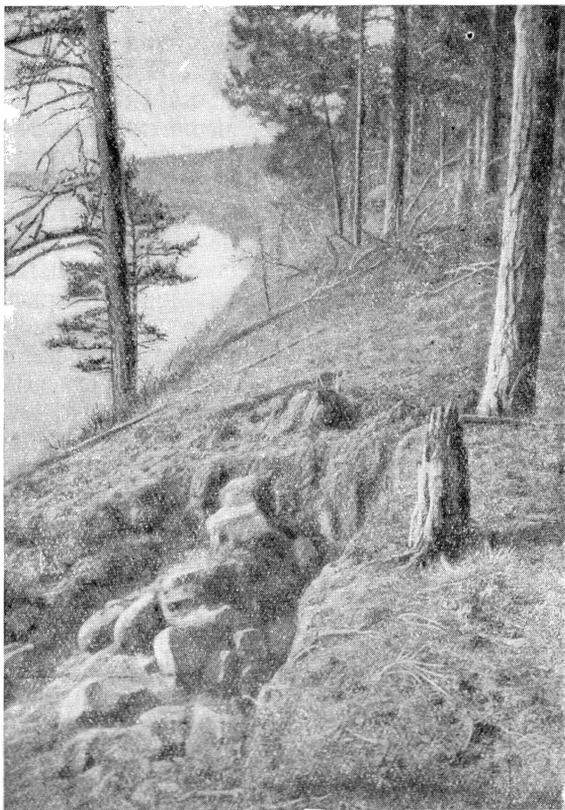

Рис. 1. Общий вид неолитического могильника на Ангаре. На переднем плане могильная кладка

за исключением малоизученной хиньской, могут быть условно обозначены и определенные стадии—отрезки неолитического времени, в течение которых они существовали. Сравнивая одну стадию с другой, нетрудно убедиться, что быт людей и культура их в неолите не оставались неизменными, что в них происходили глубокие сдвиги и неуклонно шло общее развитие, определявшее последовательную смену этих групп памятников.

Исаковская стадия

Могильники исаковской стадии найдены в нескольких местах Ангары. Наиболее обширный из них, Пономаревский, по своему расположению и характеру дает наглядное представление о неолитических могильниках Восточной Сибири вообще. Пономаревские погребения найдены на высоком правом берегу Ангары, на мысу в устье пади. Это место большую часть дня залито солнцем, оно защищено от ветров господствующей сверху возвышенностью коренного берега. С могильника открывается вид на широкий простор расстилающейся внизу речной долины, на изгибы реки и уходящую вдаль панораму левого берега. В неолите здесь кругом стояла глухая тайга, в лесу водились лоси, изюбры, дикие козы, медведи, иногда появлялся северный олень. В реке кишела рыба, водилось много водной дичи.

Рис. 2. Погребение исаковской стадии из Пономаревского могильника (№ 10). Справа, у руки, остатки нак. копья вкладышевого типа

Люди исаковского времени, хоронившие своих покойников на нынешнем Пономаревском мысу под мощными кладками из дикого камня, естественно, были охотниками по преимуществу. Они сопровождали мертвых «в далекий путь» прежде всего охотничьим вооружением. В их могилах найдены прекрасные по техническому совершенству и исключительные по размерам костяные наконечники копий длиной до 50 см, со вставленными в специальные пазы острыми ножевидными пластинками из кремня. Это было страшное оружие, ничем не уступавшее обычным каменным наконечникам копий. О наличии примитивного лука свидетельствуют характерные каменные наконечники стрел с асимметрично вогнутой базой (в виде хвоста ласточки).

Охотнику требовались и однолезвийные костяные кинжалы и ножи со вкладными лезвиями, кремневые ножи, сходные по форме с наконечниками копий, для свежевания зверя. Обилие шлифованных асимметричных в профиле тесловидных, иногда с желобчатым лезвием, орудий из кремнистого сланца может быть связано с потребностью в устройстве мелких ловушек, охотничьих изгородей и ловчих ям для крупного зверя. Домашнюю работу обслуживали полулунные ножи из сланца (для раскройки шкур, обработки дерева), скребки, иглы и шилья, игольники (футляры для игл) в виде гладких трубочек. Резким своеобразием по сравнению с находками в других областях отличается керамика, пред-

ставленная сосуда простейшей параболической формы с оттисками «плетенки» (грубой ромбической сетки) на внешней поверхности. Орнамент чрезвычайно прост и скуден—в виде одного пояска из круглых ямочек у

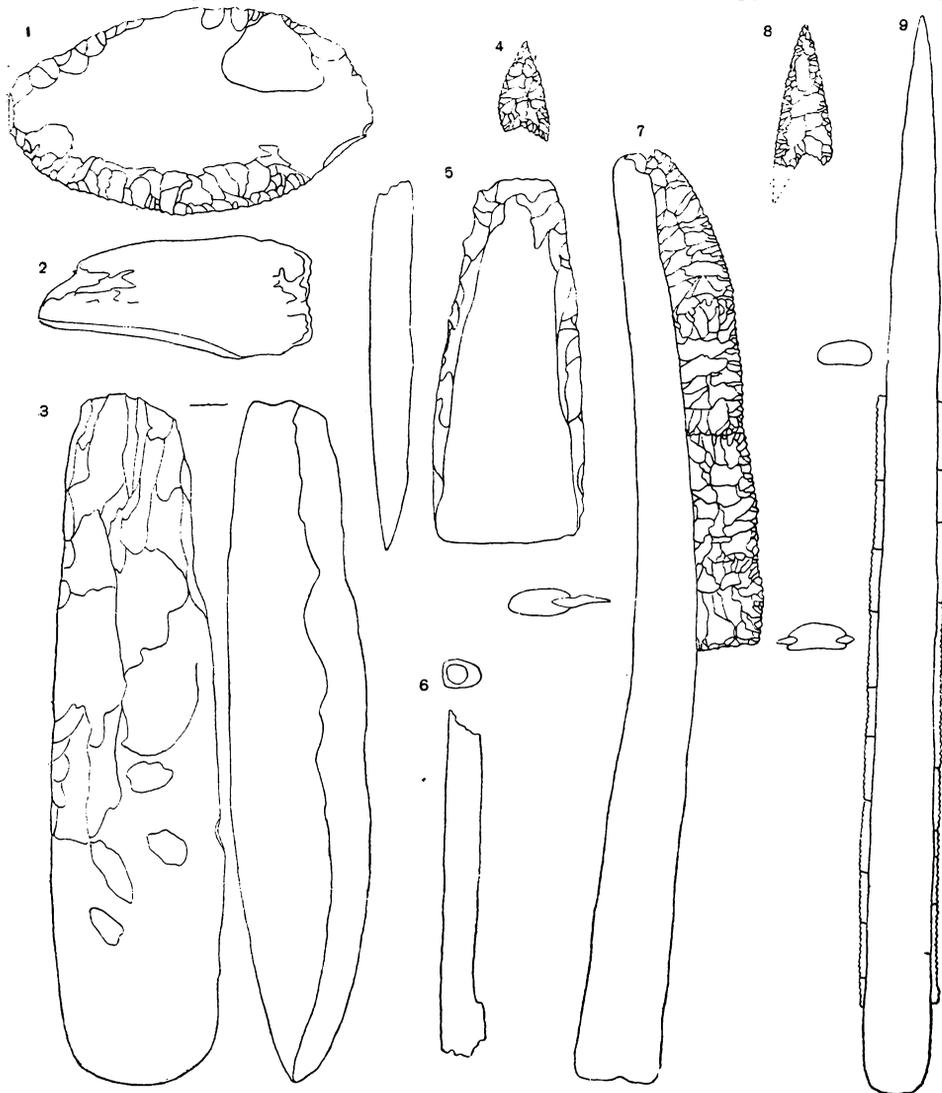

Рис. 3. ИСАКОВСКИЙ КОМПЛЕКС. 1—скребло, 2—нефритовый нож, 3—желобчатое тесло из сланца, 4, 8—кремневые наконечники стрел, 5—тесло из сланца, 6—игольник из кости птицы, 7—нож вкладышевый, кривой, 9—нак. копья, костяной, с вкладными лезвиями.

№ 1 из Исаковского могильника, № 2—9 из Пономаревского могильника, погреб. 10-е:

края сосуда. Древний охотник украшал себя целыми клыками кабана (в виде «диадемы» на лбу), грушевидными бусами из атрофированных клыков оленя.

Все исаковские находки производят впечатление глубокой архаичности и крепкой связи с еще более древним охотничьим бытом. Костяные

наконечники копий, например, близко напоминают такие же вещи из позднего палеолита Сибири, скребла тоже совершенно сходны с палеолитическими. Широкое употребление мамонтовой кости для изготовления не только украшений, но и оружия, также дает право вспомнить о людях

Рис. 4. Сосуд исаковского типа.
Пономарево, погр. 12-е.

древнекаменного века, о их резчиках и скульпторах, достигших в свое время поразительного совершенства в обработке бивней мамонта.

В исаковских памятниках можно видеть отражение очень древних традиций, восходящих к верхнему палеолиту Сибири и имеющих в своей основе сохранение и развитие элементов древнего охотничьего производства и быта, слагавшегося в течение многих тысячелетий.

В связи с этим следует указать, что более глубокое изучение соотношения самых ранних (типа Мальты, Бурети) и позднейших палеолитических памятников Сибири приводит, во-первых, к выводу об их прямой, но не примитивно-эволюционной связи; во-вторых, о том, что так называемые «мустьероидные» элементы, характерные для позднего палеолита, обозначают не переживание «древнего», а становление «нового» в технике и быту. Отсюда же следует вывод о генетической связи так называемого позднего палеолита и ранних звеньев развитого неолита и, следовательно, иной, чем прежде, взгляд на проблему раннего «докерамического неолита» в Сибири, как совпадающего с мнимо-«архаичным» поздним палеолитом («мезолитом», по принятой на Западе терминологии).

Серовская стадия

Погребения следующего, серовского, комплекса очень близки по ритуалу и формам захоронения к исаковским. Сближает их и ориентировка (преобладают погребения, в которых костяки обращены головой на северо-восток, север, т. е. глазами к солнцу). Инвентарь, однако, сильно усложняется по составу и становится гораздо более развитым по форме вещей и специализированным по функциям, чем раньше. Резкий прогрессивный сдвиг в технике отражен особо отчетливо появлением особого типа лука (16 экземпляров). Лук состоял из дерева, но был снабжен двумя длинными (около 65 см каждая) костяными пластинами-обкладками и был равен в длину человеческому росту¹.

Тот же прогрессивный сдвиг отражен изменениями, наблюдающимися в керамике. Происходит смена прежних параболических сосудов новыми — «митровидными», т. е. обладающими отчетливо выраженной шейкой и выделенным венчиком. Есть подвесные сосуды — «фляги» с ушками. Кроме ямочного, появляется гусенично-«гребенчатый» и «гребенчатопунктирный» орнамент; орнамент композиционно усложняется и обогащается. Следы сетки-плетенки намеренно устраняются, сглаживаются. Характерно появление скульптурных фигурок рыб из камня, которые могли служить, судя по сравнительным этнографическим данным (эвенки

¹ Неолитическое население Прибайкалья было относительно низкорослым.

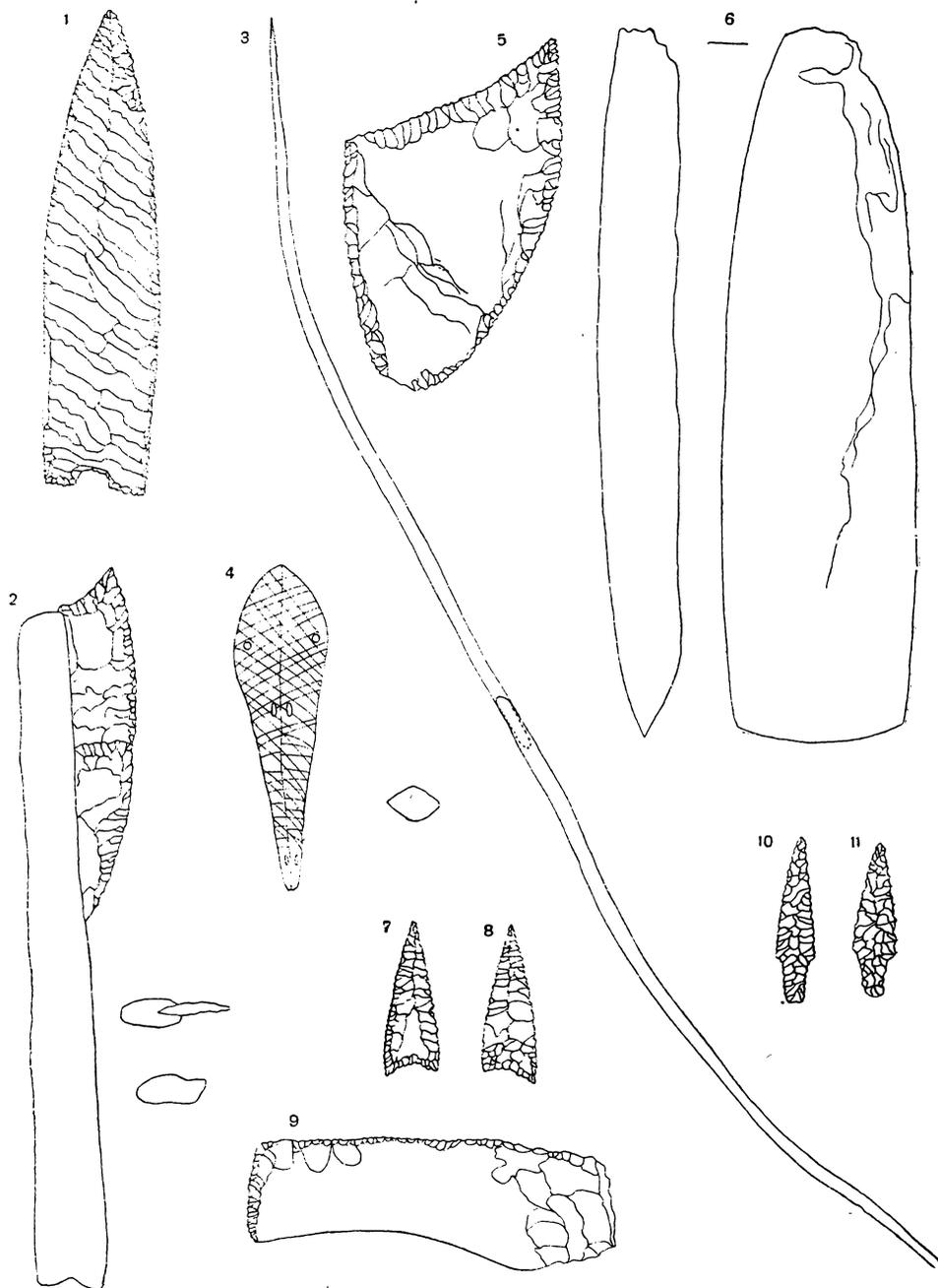

Рис. 5. СЕРОВСКИЙ КОМПЛЕКС. 1—нак. копья кремневый, 2—костяной нож с вкладным кремневым лезвием, 3—костяные обкладки лука (сильно уменьшены), 4—изображение рыбы, из мрамора, 5—вкладное лезвие (асимметрично-треугольный нож), 6—тесло из зеленого нефрита, 7, 8—кремневые нак. стрел, 9—нож из сланца, 10, 11—наконечники стрел из кремня.

№ 1, 7, 8 из Серовского могильника, погреб. 1-е. № 2—из Шишкинского мог-ка на Лене, № 3—из мог-ка у д. Бумажкино, погребение 2-е, № 4—Коркинский мог-к на Лене, № 5, 6, 10, 11 из Пономаревского мог-ка, погреб. 7-е, № 9 из Серово, погреб. 3-е

Прибайкалья и Нижней Тунгуски, ороси, алеуты, кереки, сидячие чукчи, обские остяки в XVIII в., эскимосы, алгонкины), рыболовными приманками.

Среди украшений появляются впервые раковинные бусы-кружочки типа «раковинных денег» Океании и Северной Америки, служившие для нашивания на одежду и обувь. Особо должны быть отмечены образцы искусства: скупой и сдержанный геометрический орнамент на бытовых вещах (игольники, шилья, керамические изделия), скульптуры из рога и мягких, легко обрабатываемых пород камня. Чаще встречаются изображения рыб: бычков (широколобок) или налимов, реже костистых рыб

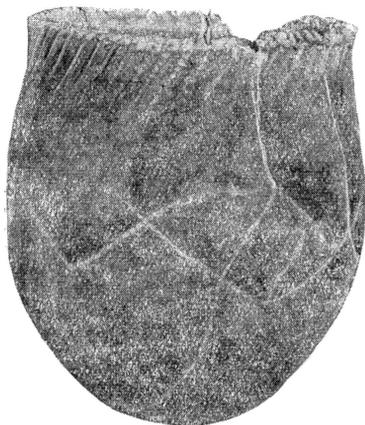

Рис. 6. Сосуд серовского типа.
Мозг «Городище», погр. 1-е

(омуль, сиг), а также осетра и стерляди. Каменные фигуры рыб в точности повторяют действительные пропорции тела рыб. Столь же удачно бывают схвачены главные детали—жабры, плавники, иногда даже чешуя, переданная ромбической сеткой или насечками. Поразительны скульптурные изображения лосей из Базаихи, датируемые серовскими вещами. Звери изображены с полной правдивостью и в совершенно реалистической манере. Один из них лежит, подогнув ноги. Он вытянул морду и открыл пасть, как бы издавая призывный рев. Другой, лосенок, стоит, опустя голову вниз, и, подняв уши вверх, «прислушивается». Художником выразительно переданы признаки сохатинного тела: крутой горб у передних лопаток, массивное брюхо и длинная морда

с мягко очерченной верхней и отвислой нижней губой. Так точно и жизненно передать вид зверя мог только охотник.

Впрочем печать совершенства лежит не только на образцах искусства в собственном смысле слова.

Общая черта серовских изделий—исключительное техническое совершенство и особое их изящество, даже изысканность, в отделке, форме и самом материале (лучшие по прочности, редкие и наиболее красивые породы камня, например нефрит, различные сланцы, халцедон, яшмы и пр.).

Вместе с тем весь ассортимент этих изделий имеет попрежнему охотничий характер. Даже столь оригинальная принадлежность рыболовства, как «каменные рыбы», служила, по сути, для охоты с помощью гарпуна за водной дичью—рыбой.

В серовском комплексе погребений и одновременных им поселений отражается предельно развитая культура таежных охотников неолитического времени, достигших высокого мастерства в своем основном производстве и в течение тысячелетий максимально приспособившихся к своеобразным естественным условиям тайги.

«Серовская культура» принадлежала людям материнского рода в эпоху его расцвета, как бы отраженного совершенством каменных и костяных изделий этих людей, изяществом первобытно-реалистических произведений их искусства.

Следы коллективных жилищ матриархально-родовых групп тайги имеются в виде больших постоянных очагов из камня и кое-где в виде малоизученных еще остатков прочных домов-землянок.

Строй материнского рода с характерными для него общественным равенством и коммунистическим производством, с высоким и почетным положением женщины, обусловил многие, весьма показательные черты погребальных обычаев.

«Бедных» и «богатых» могил нет. Наоборот, существует своего рода «стандарт» погребального инвентаря, почти обязательный для всех могил, в том числе женских. О прочности общинного быта свидетельствует и облик могильников, частые коллективные захоронения. О почетном положении женщин свидетельствуют их особенно обильные вещами захоронения. О том, что дети принадлежали женщинам, говорят детские погребения, сопровождающие женщин. Женские захоронения с луками и стрелами, с вооружением охотника и воина, по аналогии, живо напоминают о женщинах-воительницах и участницах общинных охот в недавнем, сравнительно, прошлом у бурят, у северных якутов и эвенков; они наглядно показывают, что в конкретных условиях тайги влияние женщин часто покоилось на их активном участии во всех отраслях общественной жизни древнего материнского рода. Столь специфический источник, как погребения, в сочетании с этнографическим материалом позволяет особенно близко подойти к пониманию наиболее сложного вопроса об идеологии древних охотников тайги.

Культовые действия и религиозные представления, связанные с животными, обусловили естественное преобладание звериных сюжетов в искусстве, амулеты и украшения из костей и зубов зверей; ими объясняется наличие целых костяков соболя и челюстей бобра в могилах. Находки медвежьих черепов и оленьих лопаток на Илимских стоянках, очевидно, связаны с обрядовыми действиями, вроде «медвежьего праздника» таежных племен или «праздника воскрешения зверей» у арктических племен. Прямая связь этих звериных образов и сюжетов эпохи неолита с идеологией именно материнского рода становится вполне осязаемой в свете этнографических данных о «праматерях и хозяйках», «владычицах и подательницах всех благ», предстающих всегда в зверином облике.

С первобытно-идеалистической идеологией материнского рода тесно связан и матриархальный в корне (как показывает сибирская этнография) культ огня, значение которого в ритуале и семантике неолитического погребения не может быть переоценено (полное и частичное трупосожжение, угли в могилах и т. д.).

Ориентировка погребений по солнцу и по стране мертвых (север, восток) раскрывает, в связи со следами древних воззрений, пережиточно сохранившихся, например, в фольклоре эвенков, сложную картину представлений людей материнского рода о загробном мире, как «стране сна», «временной обители», откуда души сородичей снова возвращаются самым своим рождением—«воскресением», в среду живых, продолжая вечный круговорот жизни.

К и т о й с к а я   с т а д и я

Погребения китойского типа выделяются такой яркой чертой погребального обряда, как ритуальное засыпание тел умерших кровавиком (охрой). Им свойственно также наличие некоторых своеобразных изделий, в первую очередь стерженьков для рыболовных крючков («китойские подвески», «рыбовидные амулеты»).

Ассортимент китойских изделий, наиболее полно представленный еще

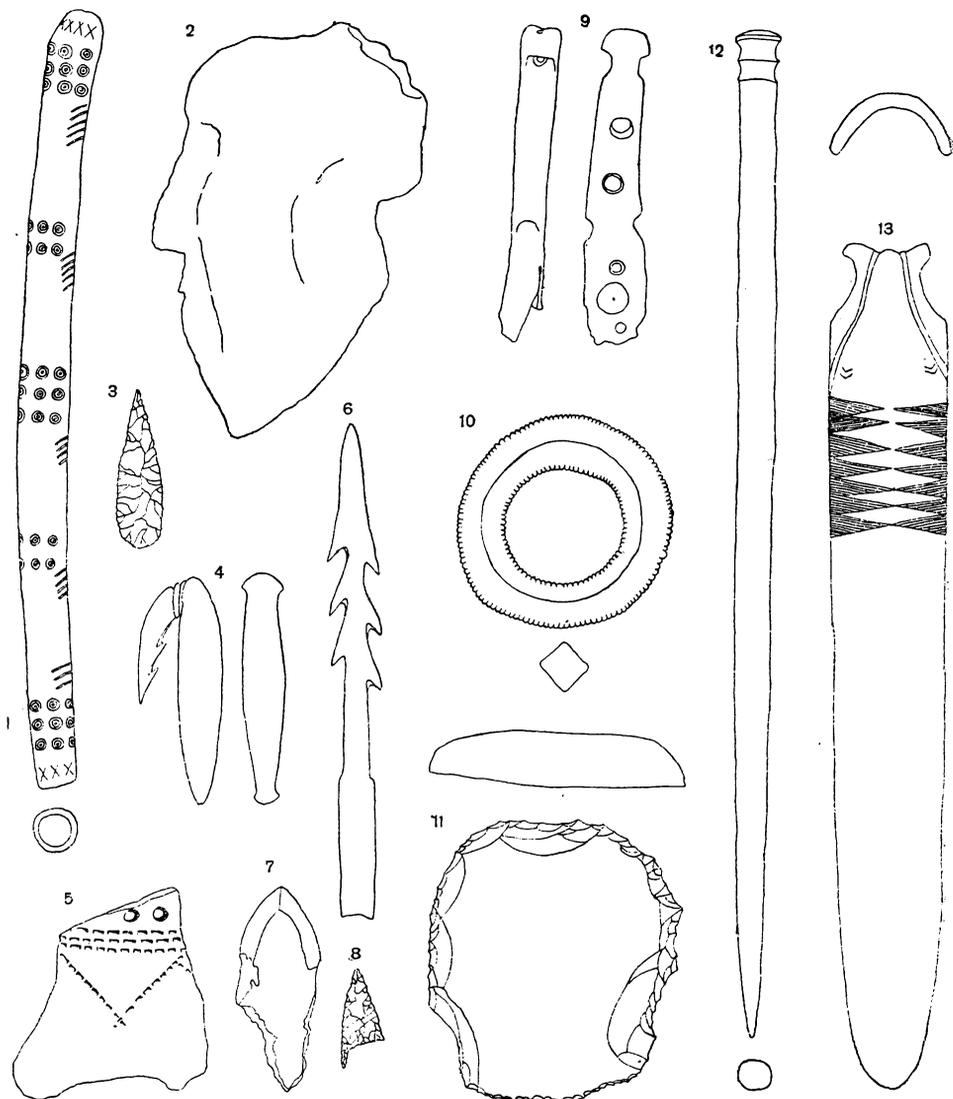

Рис. 7. КИТАЙСКИЙ КОМПЛЕКС. 1—игольник из кости, 2—изображение головы человека, 3—нак. стрелы из кремня, 4—рыболовный крючок китайского типа, 5—фрагмент сосуда, 6—гарпун из кости, 7—нож из нефрита, 8—нак. стрелы из кремня, 9—mundштук флейты (маньшика), из рога, 10—«браслет» из мрамора, 11—скребло из кварцита, 12—острие из кости, 13—совковидный кинжал из кости.

№ 1—из могильника «циклодром», № 2, 12, 6—могильник около д. Распутино, № 3, 4, 5, 7, 8, 9, 11, 13—Китайский могильник (Ярки), № 10—с. Янды (случайная находка)

классическими находками Витковского, в основном сходен с ассортиментом, характеризующим предшествующие комплексы, но вместе с тем обладает и резко выраженными особенностями и, по сравнению с ними, показывает дальнейшее обогащение и развитие техники, усложнение быта. Охоту обслуживали крупные рогатины из рога, вкладышевые

наконечники копий из кости (плоские как в Серове, в отличие от ранних—округлых в сечении), наконечники стрел из камня, а также костяные, в том числе шиловидные с односторонне скошенной базой. Исключительно хороши по отделке круглые в сечении стержни, в одном случае с верхушкой в виде двух скульптурных головок животных, кинжаловидные плоские острия, одно из которых богато орнаментировано и имеет рукоять, также украшенную парными головками животных.

В рыболовном снаряжении на первом месте—сложные «китайские крючки», исключительно разнообразные по размерам и материалу, но совершенно одинаковые по форме. Много гарпунов хорошо выработанной формы.

Имеются мотыги из рога, тесла и топоры из нефрита (в том числе белого), ножи древних типов и новых (нефритовые в виде узких пластин с треугольным острием), крупные скребки, двойные бруски для выглаживания древков стрел, иглы и игольники, палетки для растирания красок, «бирки» из кости. Много украшений из клыков кабана, зубов животных, раковин (кружочки-бусы), костяные и каменные (белый мрамор) браслеты. Уникальной является костяная флейта (мундштук), найденная в Китайском могильнике.

Китайским временем датируется замечательная скульптура, изображающая голову человека с характерным «индейским» профилем, с клиновидной бородой и косой (могильник около дер. Распутино). К тому же времени, очевидно, принадлежат схематизированные человеческие фигурки из Глазкова в виде длинных стержней, покрытых резным геометрическим узором. В орнаменте показательно развитие геометрических мотивов и преобладание впервые появившихся «глазчатых» мотивов (кружки с точкой внутри), ромбов и шевронов.

Обилие рыболовных крючков в погребениях, совпадающее с исчезновением прежних совершенных луков серовского типа, с некоторым отеснением охотничьего инвентаря на задний план, дает представление о сдвигах в производстве, о возросшем значении и качественном улучшении способов рыболовства.

Относительно большое количество погребений в Китайских могильниках («Ярки»—классический могильник в устье Китоа, Глазково), возможно, стоит в связи с этим фактом и отражает общий рост населения.

В связь со сдвигами в производстве следует поставить, очевидно, и отмеченную еще Витковским явную дифференциацию погребений и их неоднородность, особенно резкую по сравнению с более ранними погребениями. «Сопровождающие» мужские костяки при мужских же погребениях (циклодром), всего вероятнее, принадлежат рабам-военнопленным. Обращают внимание находки единичных мужских погребений, отличающихся богатством инвентаря; возможно, это были вожди (могильник у села Распутино, циклодром).

Общезвестно, какие трудности представляет анализ первобытной идеологии, тем более по отрывочным данным, тем более отдельных ее элементов, прямая связь которых с целым, с жизнью общества, не может быть выяснена. Скажем, чем объяснить, что только в китайских погребениях (всюду, где они есть) мертвых *сплошь* засыпают охрой, тогда как ранее здесь—с палеолита, и позже—в эпоху металлов, только изредка и понемногу в могилу клали охру. При отсутствии иных объяснений тем более интересны указания Н. Я. Марра на символическое значение в языке термина «кровь», как выражения родства по отцу, сменяющего перво-

начальное родство по матери, символизировавшееся «молоком»; на одновременную смену луны солнцем. Эти указания, возможно, бросают свет одновременно на появление охры, как известно, прямого аналога «крови» в погребениях, и на браслеты, на глазчатый орнамент, семантически тождественные солнцу.

Конкретные условия, в которых происходил процесс формирования отцовского рода, дополнительно выясняются фактами, показывающими рост и усложнение обмена.

Рис. 8. Скорченный костяк энеолитического времени. Низовья Ангары, о-в Сизовский

Классический могильник на Китою принадлежал людям, настолько богатым нефритом, что они снабжали покойников не только прекрасными вещами из местного китойского нефрита, но и заготовками, полуфабрикатами, сырьем. Распространение местного зеленого нефрита показывает силу междуобщинного «этапного» обмена, базировавшегося на естественных различиях соседних областей, а «заготовки» китойцев наглядно показывают, в каком виде происходил экспорт ценного камня.

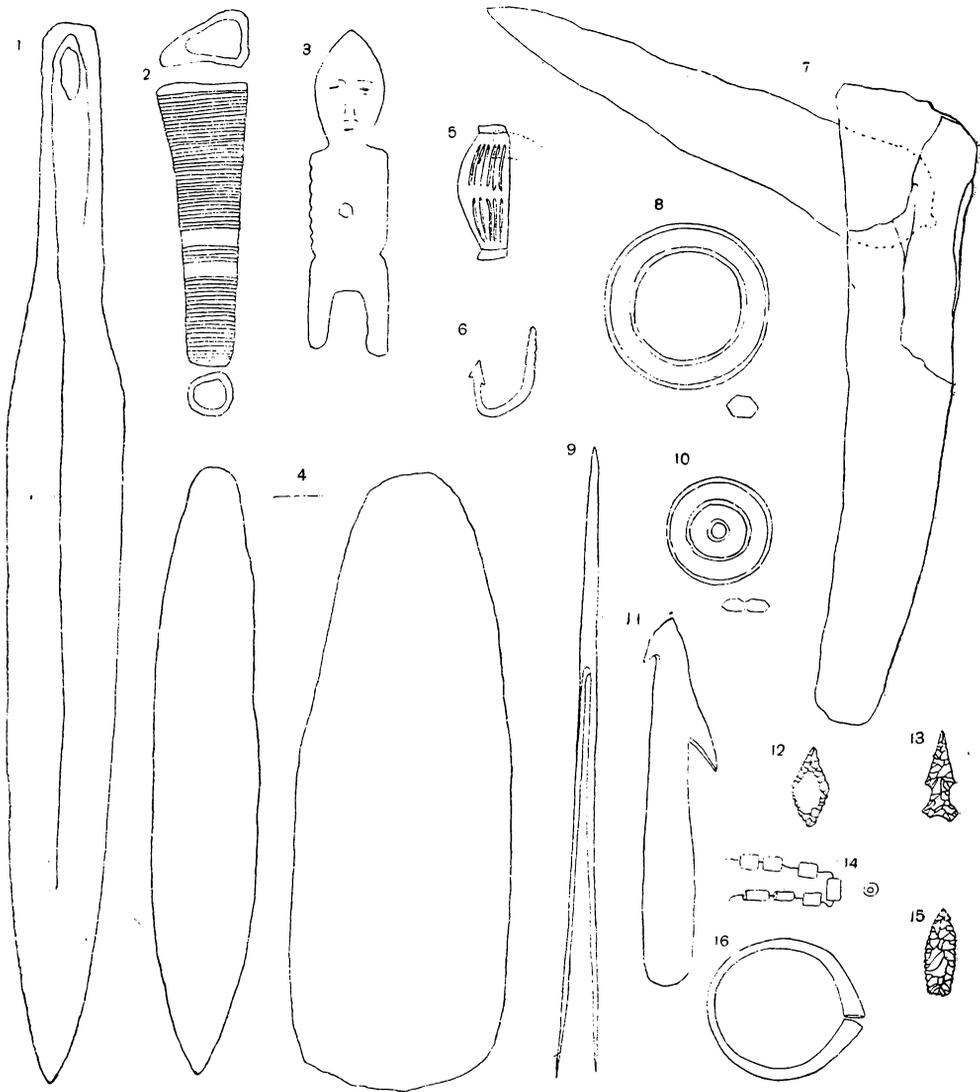
Организационные черты такого раннего обмена, в том числе охрой, хорошо разъясняются и фольклором эвенков, сохранявших раньше и в быту, и тем более в фольклоре, много черт древнего быта своих предков.

Глазковская стадия

«Глазковские» погребения в Прибайкалье—самая многочисленная группа. Их отличает общая ориентировка, на первый взгляд беспорядочная, лишенная какой бы то ни было системы, но на самом деле строго соответствующая направлению речной долины и капризам русла реки. Есть скорченные костяки и сидячие, найдено одно частичное захоронение—череп. Любопытная и постоянная их черта—расположение сопровождающих покойников вещей отдельными скоплениями, как бы заключенных «в сумки». Инвентарь охотничьего назначения представлен очень немногочисленными наконечниками копий «лавровиственной» формы; есть наконечник стрел из камня, причем последние обычно мелкие и очень разнообразные по форме (есть и «американоидные») — с боковыми выемками у базы). Специфичны костяные наконечники стрел с расщепленной базой.

Рыболовство обслуживали гарпуны, использовавшиеся, судя по их положению в могилах, уже в составе настоящей остроги.

Хорошо представлены рыболовные сложные крючки из кости, камня и простые—из металла, в том числе очень крупные крючья. В это время

Рис. 9. ГЛАЗКОВСКИЙ КОМПЛЕКС. 1—кинжал из кости, 2—игольник из кости, 3—скульптурное изображение человека, из мамонтовой кости, 4—нефритовый топор, 5—стерженек рыболовного крючка из кости, 6—рыболовный крючок из бронзы, 7—бронзовый нож с костяной ручкой, 8—«браслет» из белого нефрита, 9—наконечник стрелы с расщепом, кость, 10—диск с желобками незаконченного распила, белый нефрит, 11—гарпун из кости (малый), 12—13—нак. стрелы из кремня, 14—бусы цилиндрические из «белой пасты», 15—нак. стрелы из кремня, 16—«браслет» из бронзы.

№ 1, 9 из погреб. на ключе Цакюр в долине речки Манзурки, № 2, 4 из пади Нохай, погреб. 3-е; № 3—братский камень, погреб. 1-е; № 5, 6—Усть-Уда, погреб. 8-е; № 7—11—Ленковка, погреб. 1-е; № 8—Аносово, погреб. 2-е; № 10—д. Семеново, погреб. 1-е; № 12, 14—Пономарево, погреб. 3-е; № 13, 15—д. Коркино на Лене; 16—«Сухая падь», мог. 1-й, погреб. 3-е

наблюдаются уже двусторонне-выпуклые топоры из нефрита и других пород камня; в могилах есть и топоры с «ушками». Очень разнообразен и обилён мелкий домашний инвентарь (скребки, ножи, отжимники из кости, листовидные ножи из металла с коленчатыми прорезными рукоятками из рога, точила, иглы, игольники и пр.).

Среди украшений на первом месте по красоте стоят эффектные «браслеты», «кольца» и диски из белого нефрита; чаще всего встречаются кружочки-бусы из белого мрамора и бусы из речного перламутра. Встречаются медные и бронзовые кольца и браслеты. Керамика представлена остродонными сосудами с штампованным орнаментом (прямой лопаточкой), резным—линейным, с штрихованной поверхностью.

Замечательны образцы искусства, носящие печать схемы и стилизации (изображения людей, в том числе вырезанные из мамонтовой кости), очень близкие к современным культовым изображениям таежных племен.

Общий уровень технического развития определяется наличием медных и бронзовых изделий, кованных и литых; причем, судя по своеобразию и архаичности их, следует предполагать местное металлургическое производство (рыболовные крючки, листовидные ножи, браслеты, бляшки).

Вместе с обогащением ассортимента изделий множеством новых форм исчезает много старых, также заметно снижается технический уровень в обработке камня, чувствуется вообще некоторое пренебрежение камнем, зато улучшается обработка кости, что связано, возможно, с широким применением металла. В хозяйстве обращает на себя внимание дальнейшее, по сравнению с Китоём, повышение удельного веса рыболовства и соответственно некоторое снижение роли охоты. Если в серовское время типичны погребения охотников, то в могилах глазковского времени самые характерные комплексы принадлежат рыбакам, снабженным обычно настоящей рыбацкой сумкой, где в строгом порядке сложена мелкая промысловая снасть. Из многих десятков энеолитических могил нельзя зато указать ни одной, которая по набору предметов охотничьего инвентаря могла бы итти в сравнение с любой серовской.

Столь характерная черта погребального обряда, как ориентировка мертвецов соответственно направлению реки, свидетельствует также об исключительном значении реки в жизни глазковцев. Даже в украшениях, в тысячах перламутровых кружочков, изготовленных из речных раковин, раскрывается все та же многосторонняя и повседневная связь людей глазковского времени с реками, на которых располагались их поселки, связь, о которой свидетельствуют и другие факты (вплоть до формы могильных сооружений, часто лодкообразных).

Погребальная обрядность энеолита отражает не только известные перемены в хозяйстве, но и далеко идущие сдвиги в жизни общества той поры. Намечается новая планировка могильников. Известны повторяющиеся случаи сочетания могил в определенном порядке, расположение их небольшими коллективными группами, которые могут соответствовать возникающей патриархальной семье.

Вполне закономерно, очевидно, впервые наблюдающееся в столь отчетливых формах, различие между мужскими и женскими захоронениями, окончателная дифференциация их по ассортименту погребальных вещей, обусловленная, несомненно, тем, что теперь труд мужчин стал «всем», а работа женщины становится «ничем».

Закономерно и наличие в таких «коллективах» «второсортных» и явно сопровождающих погребений, которые могли принадлежать рабам.

Теперь и в больших могильниках различаются, с одной стороны, массовые бедные могилы и, с другой—отдельные богатые, т. е. особенно обильные вещами, с дорогими украшениями и металлом. Часто могилы «богачей» одновременно были могилами «воинов».

В устье реки Илги, притока р. Лены, был найден, например, костяк юноши-воина, вооруженного замечательным по форме и величине боевым нефритовым топором и снабженного латами типа палеоазиатского панциря из костяных пластин, причем рядом лежал второй костяк—без вещей. Не менее интересная могила «глазковца» была обнаружена около села Нижняя Буреть, в местности Сухая Падь. Этот человек был богачом, хотя и лежал рядом со своими сородичами-бедняками на одном и том же кладбище. Он имел наилучшие вещи и в большом количестве. Это были костяные гарпуны-остроги, каменные наконечники стрел, ножи, копья и другие изделия. Его одежду щедро украшали блестящие бусы из перламутра и даже литые браслеты из золотистой бронзы. Однако «богачу» явно не повезло в жизни. В ребре и лопатке у него торчали каменные острия стрел². Он, очевидно, пал жертвой межродовой борьбы, кровавой мести. Теперь было из-за чего враждовать и нападать на соседей: появился «двуногий скот»—рабы, богатства в виде драгоценных украшений и вещей из металла.

Отмеченные факты, несомненно, стоят в связи с изменениями в экономике. Само по себе дальнейшее развитие столь трудоемкого производства, как рыболовство, могло, по аналогии с северо-западными индейцами Америки (хойда, тлинкиты, чимшиан), гиляками и обскими остяками, вести к применению в более широких масштабах рабского труда внутри отцовского рода. Одного рыболовства было бы, однако, еще мало. Несравненно важнее для понимания корней социальных сдвигов, отраженных в смене старых погребальных обычаев новыми, еще одно обстоятельство.

Археологи, занятые картографическими сводками находок бронзовых вещей, останавливаются в недоумении перед странным фактом: чисто степные по типу архаические изделия «карасукского» времени в тайге встречаются местами чуть ли не чаще, чем в самих степях. Любопытно, что даже самая изумительная по техническому совершенству вещь, приписываемая карасукским степным литейщикам, огромный и вместе с тем изящный меч (описанный Д. Н. Анучиным) был найден не в Минусинских и не в Забайкальских степях, а его нашли на Вилюе.

Предполагают иногда, что все карасукские находки отмечают направление «карасукской экспансии»; говорят, что вглубь тайги продвигалась орда степняков, рассеивая по пути мечи, ножи и прочие вещи, вывезенные из родных степей. Но совершенно такое же положение дела наблюдается в иной хронологической обстановке далеко на западе от Байкала, в лесном Приуралье. Было бы странно объяснить обилие камского серебра, наличие там изысканных произведений византийских и сасанидских мастеров «экспансией» персов или нашествием византийцев.

Очевидно, и наличие карасукских вещей в тайге может быть объяснено, если эти вещи действительно «степные», обменом. Соседство лесных племен со степняками-скотоводами не могло не иметь весьма глубокого значения, ибо сам по себе факт такого соседства был вызван выделением скотоводов

² Следует отметить аналогичную находку Передельского на Енисее в погребении близкого к неолиту Прибайкалья времени; Передельский нашел и «латы» из костяных пластин, сходные с усть-илгинскими. На Алтае в позвонке одного костяка Афанасьевского времени также был найден наконечник стрелы из кремня.

из остальной массы варваров. Обмен между соседними племенами степей и тайги был прямым следствием и выражением первого великого общественного разделения труда. Влияние обмена между «андроновцами» и «карасукцами», с одной стороны, «глазковцами» — энеолитическими людьми тайги — с другой, на жизнь последних было поэтому гораздо могущественнее и глубже, чем влияние былого ограниченного обмена китойского времени. Обмен разлагал первобытное равенство сородичей; «самые низменные интересы — элементарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная алчность, эгоистический грабеж общего достояния» — начали подкапываться под устои старого родового коммунистического строя. Одновременно намечалось расслоение, хозяйственно-этническое расщепление неолитических территориальных групп. На Селенге, например, энеолитические находки носят уже свой особый отпечаток (плоскодонные сосуды наравне с остродонными и т. д.). Обмен пушниной со степными скотоводами мог стимулировать и выделение оленеводов — бродячих охотников — из массы сидячих речных родов — собаководов, «пеших» людей. Произошли сдвиги и в идеологии. Интересно появление особых шаманских, судя по инвентарю, захоронений. Смена ориентировки указывает, в свете этнографических данных, на перелом в представлениях о загробном мире, в космогонических воззрениях. Можно предполагать, что именно смена материнского права отцовским, это всемирно-историческое по значению поражение женского пола, привела к созданию представлений о загробной стране, как обители бед и напастей; сама ее матриархальная владычица окружается ужасом, а обитатели страны мертвых также становятся объектом страха³.

Глазковский комплекс неразрывно связан со следующим, шиверским, целиком относящимся, однако, уже к «развитой бронзе» по техническому уровню, но пока еще слабо выявленным. Шиверский комплекс сменяется, повидимому, иными памятниками, из которых мы знаем пока лишь памятники «раннего железа», т. е. около начала н. э. (находки на Ангарских островах выше г. Иркутска и погребение у д. Белоусово на р. Лене; новые находки на Ангаре от Братска до стрелки).

Неолитические памятники Приангарья, взятые в качестве наиболее изученных и выразительных, обнаруживают много общего с неолитическими памятниками соседних областей Сибири. Сходные с ними находки известны в долине Енисея, на Лене, по Селенге, вплоть до Гоби. Зато от них во многом отличаются амурские неолитические находки, выделяющиеся среди других памятников неолита Азии в совершенно самостоятельную группу по характеру керамики, отчасти каменного инвентаря, по устройству жилищ и т. д. Отличны от ангарских и памятники «лесного неолита» Европейской части СССР.

Сравнение ангарских находок с неолитическими материалами Европейской части СССР и Запада, а также Амура и Восточной Азии, позволяет, однако, сделать, вопреки вульгарно-миграционистским теориям, вывод не только о самостоятельности и глубокой древности ангарского неолита, но и о некоторых общих для неолита закономерностях в развитии материальной культуры (например в смене форм керамики). Сравнение ангарской, или, точнее, байкальской, неолитической культуры с другими позволяет

³ Особо интересны легенды о «грехопадении», в результате которого мужское божество завладевает небом, а женщина-праматерь падает на землю и уходит вглубь вод преисподней, становящейся страной мертвых (ненцы, кеты и другие племена с патриархальным строем).

увидеть в ее некоторых особенностях, в конечном счете, и закономерное отражение своеобразной географической и исторической обстановки, в которых она складывалась и развивалась, в первую очередь—условий сибирской тайги.

Эта специфическая культура принадлежала жителям тайги, лесным охотникам и затем рыболовам, максимально приспособившимся в условиях того времени к окружающей их среде, но не остановившимся на достигнутом ими вначале уровне, а развивавшим свою материальную культуру, изменявшим свою жизнь и общественный строй на протяжении тысячелетий, как это показывает анализ последовательно сменявшихся групп памятников.

И тем поразительнее, на первый взгляд, что анализ этнографических и антропологических вспомогательных данных дает основания ставить в связь эту древнюю культуру с определенными реликтами в быту современных обитателей тайги (религия, одежда, рыболовство и охота, украшения и т. д.). Приведем хотя бы такой пример. В конце неолита таежники создали устойчиво повторяющийся во многих находках оригинальный костюм. Они носили не мешковатую неуклюжую одежду вроде чукотской или эскимосской, а легкую, не стеснявшую движений и скроенную в виде «фрака» с характерным нагрудником или передником, расшитым полосами перламутровых бляшек. На ногах у них была столь же легкая и мягкая обувь типа унтов; на голове маленькая, плотно облегающая темя шапочка, украшенная бусами и крупными бляхами из белого нефрита. Стоит взглянуть на изображение «тунгуса» в любом старинном описании, чтобы узнать в нем точное подобие основным чертам того костюма, который мы реконструируем по могильным находкам первого и отчасти начала второго тысячелетия до нашей эры. Даже идолов, украшавших, по словам Георги, «тунгусские» нагрудники XVII—XVIII вв., и тех удалось обнаружить в Усть-Уде; даже серебряные круги, «их, тунгусское дело», о которых писали казаки в XVII в. как об обычных украшениях одежды и шапок у «тунгусов», и те имеют своих предшественников в драгоценных дисках и массивных «браслетах» глазковского времени. Следует отметить также, что искусство энеолита тайги стилистически может быть рассматриваемо как бы в качестве материнской почвы, на которой могло вырасти современное (этнографическое) искусство эвенков с характерной для него прямолинейно-геометрической орнаментикой и тяготением к схеме, к стилизации в скульптуре. Более того, антропологические исследования подтверждают подобные сближения искусства, быта, материальной культуры и, по мнению антропологов, свидетельствуют не только об упомянутой генетической преемственности всей культуры, но и о прямом антропологическом кровном родстве с древним неолитическим ее населением современных коренных насельников тайги, в первую очередь пока эвенков, предания и легенды которых раскрывают в основном ту же картину их прошлого, что и вещественные памятники. Могут ли быть просто отброшены все эти факты, все эти совпадения? Очевидно, нет. Они требуют объяснения, которое следует искать в условиях местного исторического развития. Мы, к сожалению, еще далеки от полного представления относительно этих условий и самого исторического хода развития в тайге. Можно только предполагать, что на огромной территории, занятой тайгой, в силу ее малодступности слабее сказывались политические перемены и перемещения этнических групп, устойчивее было ее население, долго сохранявшее свой родовой быт.

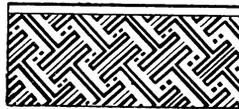
В ходе развития культуры длительно удерживались также и некоторые ее черты, именно те, которые соответствовали оставшимся неизменными естественным и производственно-трудовым условиям (одежда, лодки и пр.), а вместе с ними и другие частные особенности в виде, например, излюбленных украшений. Учитывая эти отдельные устойчивые черты, возможно проследить какую-то связь между древним населением, носителем своеобразной культуры, и его отдаленными потомками, прошедшими с тех пор длительный путь развития, оставившими позади сложную историю.

Но в быту одних ли только эвенков можно искать эти отдельные пережиточные черты? Очевидно, нет. Круг поисков должен быть расширен. С этой стороны также представляет бесспорный интерес совпадение криволинейной «ленточной» орнаментики (спираль простая и удвоенная, меандр и его вариации, мотив «плетенки») неолитических памятников Амура с народным орнаментом ряда местных племен, который раньше выводили из Китая, связывали с предполагаемым китайским влиянием. Совпадение элементов искусства подкрепляется здесь бесспорным сходством производственного быта и материальной культуры древних и новых обитателей Амура—рыболовов и охотников, у которых существовало это сходное и по-своему глубоко изощренное искусство.

Естественно поставить вопрос, не говорит ли и здесь такое совпадение, при наличии в относительно недавнем прошлом элементов патриархально-родового строя, о возможности проследить какие-то генетические связи между древним населением, достигшим столь высокого развития культуры в условиях матриархата, и его возможными отдаленными потомками, проделавшими тоже длительный путь развития.

Неизбежен для будущих исследований и другой вопрос—не указывает ли различие неолитических памятников Западного Прибайкалья, с одной стороны, Амура—с другой, на конечную стадию неолита, как время, когда впервые, быть может, дают себя знать существенные особенности крупных племенных групп и складываются соответствующие им этнические образования.

Отмеченные обстоятельства, требующие дальнейших детальных исследований и еще более широкого размаха раскопок, ставят нас, следовательно, перед задачей пересмотра всего «наследства» по неолиту Сибири, традиционных взглядов на него и, особенно, вульгарно-миграционных схем, столь модных у реакционно настроенных археологов и этнологов Запада. Новые факты и открытия настойчиво напоминают и о возможности, быть может, в недалеком будущем сомкнуть в какой-то мере исследования столь далекого прошлого Сибири, как неолит, с историей конкретных народностей и племенных групп.

Т. С. ПАСЕК

ИССЛЕДОВАНИЯ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В УССР ЗА 20 ЛЕТ

Культура древнейшего на территории СССР земледелия, так называемая «Трипольская», была открыта в 90-х годах прошлого столетия В. В. Хвойко близ с. Триполье на Днестре и вошла в научный обиход с XI Археологического съезда, на котором В. В. Хвойко в докладе «Каменный век Среднего Приднепровья»¹ впервые поставил вопрос о «Триполье», как особом культурно-историческом явлении.

Вслед за открытием В. В. Хвойко внимание историков привлекла работа Э. Р. Штерна о памятниках «доисторической греческой культуры на юге России»².

Э. Р. Штерн в связи с новыми добытыми вещественными памятниками в Петренах (Бессарабия) привлек в своих работах огромное количество сравнительного западноевропейского материала так называемой «культуры архаической крашеной керамики», в частности, данные стратиграфии Димини и Сескло в Фессалии. Он сопоставил тем самым находки «Триполья» с памятниками догреческой культуры в Средиземноморье.

Изучение Трипольской культуры представляет большой интерес для понимания процессов развития родового общества, существовавшего во втором тысячелетии, в эпоху раннего металла, в бассейне Днестра, Буга и Днепра.

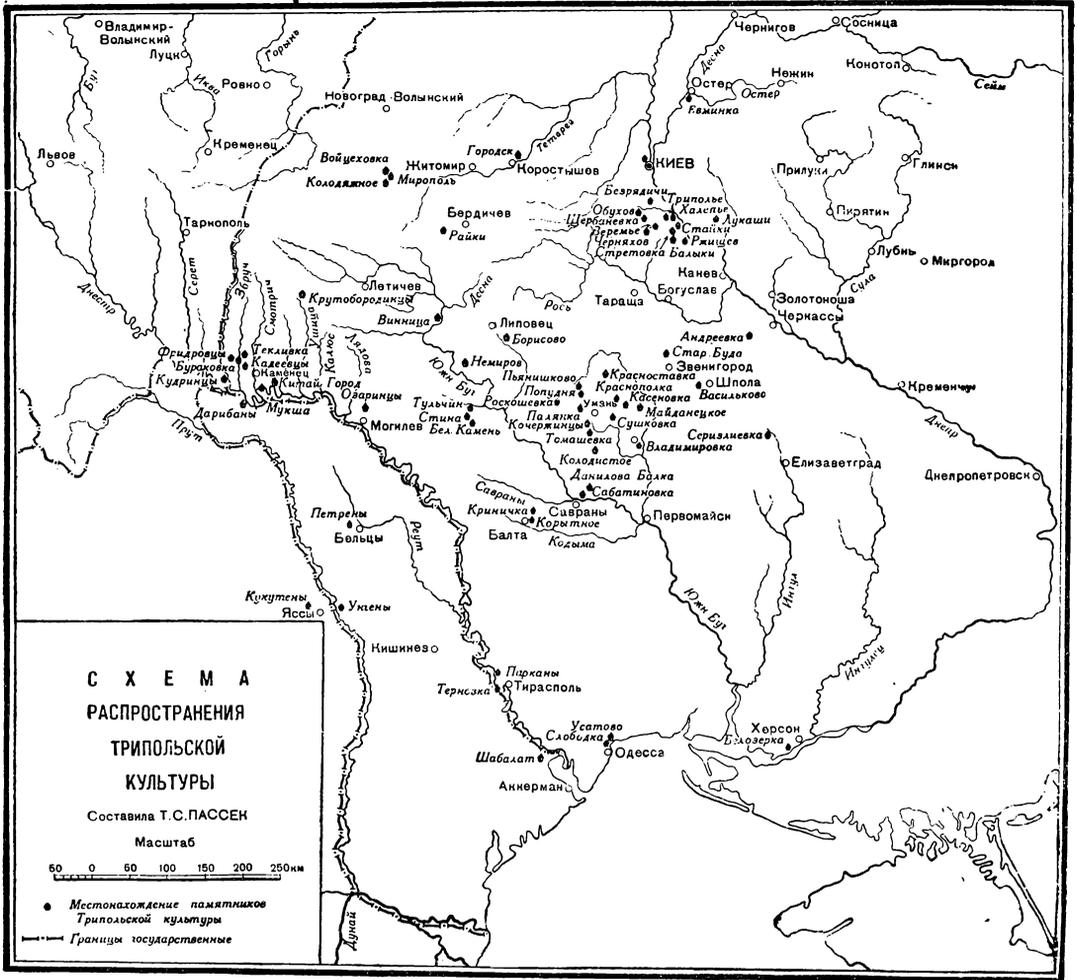
С начала XX в. вопрос о «Триполье» прочно включается в исторические исследования как в России (Спицын, Городцов), так и на Западе (Гернес, Эберт, Айлио, Шухардт, затем Менгин и Чайльд).

Однако раскопки до революции в своем большинстве были проведены далеко не удовлетворительно, а именно—не было точной фиксации самого процесса раскопок, не было описания памятников и залегания вещевого инвентаря и часто не было даже точного обозначения пункта находок.

Неудовлетворительностью методики раскопок объясняется, повидимому, то обстоятельство, что, несмотря на несколько сот раскопанных до революции трипольских «площадок», ученым не удалось решить тогда вопрос, что собою представляют эти типичные памятники Трипольской культуры, каково их назначение.

¹ В. В. Хвойко, Каменный век Среднего Приднепровья. «Труды XI Археологического съезда», т. I.

² Э. Р. Штерн, Доисторическая греческая культура на юге России. «Труды XIII Археологического съезда», т. I.

Так, ряд ученых—Хвойко, Штерн (на Западе—Оссовский)—пришли к заключению, что «площадки» представляют собой остатки памятников ритуального характера, что это родовые усыпальницы—«дома мертвых», в которых сохранились урны с остатками сожжения. Другие ученые (Спицын, Городцов, Беляшевский, Гамченко и др.) доказывали несомненную принадлежность этой категории открытых памятников к жилищам. И, наконец, третьи (Антонович, Маевский) выдвигали мнение о том, что глиняные «площадки»—это остатки керамических мастерских.

Несколько позднее начали появляться уже гипотезы о возникновении Трипольской культуры, причем все они с совершенно тождественной точки зрения рассматривают явление: культура где-то зарождается в одном месте и затем начинает распространяться в том или ином направлении, причем направление этих миграций стоит в зависимости не от анализа конкретного материала, а обусловлено теми или иными научными «симпатиями» автора. Создателей трипольских «площадок» с расписной керамикой на Днестре, Днестре и Дунае искали в Анау, в Китае, в Микенах,

на Крите; и, наоборот, выдвигали теории, будто обитатели Центральной Европы в процессе своей миграции на юг создали эгейскую культуру. Каждый раз новое открытие где-либо архаической расписной керамики давало толчок возникновению гипотез о генезисе «Триполья», соединявших происхождение этой культуры с новым очагом расписной керамики. Вместе с тем основная масса материала оставалась неизданной, т. е. предварительная работа, которая должна быть положена в основу научного исследования, оставалась незаконченной. В результате в музеях оказалось накопленным громадное количество находок, часто не связанных ни с дневником раскопок, ни с определенным памятником и снабженных иногда только указанием о происхождении из раскопок такого-то лица, в таком-то районе.

Новые раскопки, проводившиеся часто лишь с целью добычи для музейных собраний «красивых вещей», вовсе и не ставили исторических вопросов; археологи не пытались, например, проследить различные этапы в развитии Трипольской культуры, соотношение ее с хронологически предшествующими и последующими памятниками и т. п.

Поэтому очередной задачей, вставшей перед советскими археологами, изучающими «Триполье», явилось: 1) проработка в музейных собраниях нашего Союза огромного материала, добытого раскопками прежних лет, и 2) новые систематические раскопки для получения фактического материала и научно проверенных наблюдений.

По этим двум направлениям и складывалась в основном вся работа советских археологов по «Триполью» за истекшие 20 лет после Октября.

Освоению трипольского керамического материала, накопленного раскопками прежних лет, посвящена изданная за эти годы на французском языке монография Т. С. Пассек «La céramique tripolienne»³, дающая систематизацию трипольской керамики. На основе этой систематизации и учета стратиграфических данных автор прослеживает процесс развития керамики «Триполья» по четырем различным ступеням—А, В, С и γ, протекавших каждая в определенном географическом районе на территории УССР. В эту работу вошла и керамика, открытая в УССР в первое десятилетие после Октября.

Технологическому анализу трипольской керамики посвящена работа А. П. Красникова, вышедшая в 1931 г.⁴

Вопрос об орнаментации сосудов «Триполья» затрагивается в статье Л. А. Динцеса⁵ и в заметке Т. С. Пассек по поводу материалов из Петрен⁶.

В ряде работ за эти годы затронуты вопросы о трипольских статуэтках⁷. Специальной теме о земледелии, скотоводстве, рыболовстве и ткачестве в «Триполье» посвящены работы, появившиеся в киевских археологических журналах за 1934 и 1935 гг.⁸

³ Т. П а с с е к, *La céramique tripolienne*. «Известия ГАИМК», Л., 1935, вып. 122.

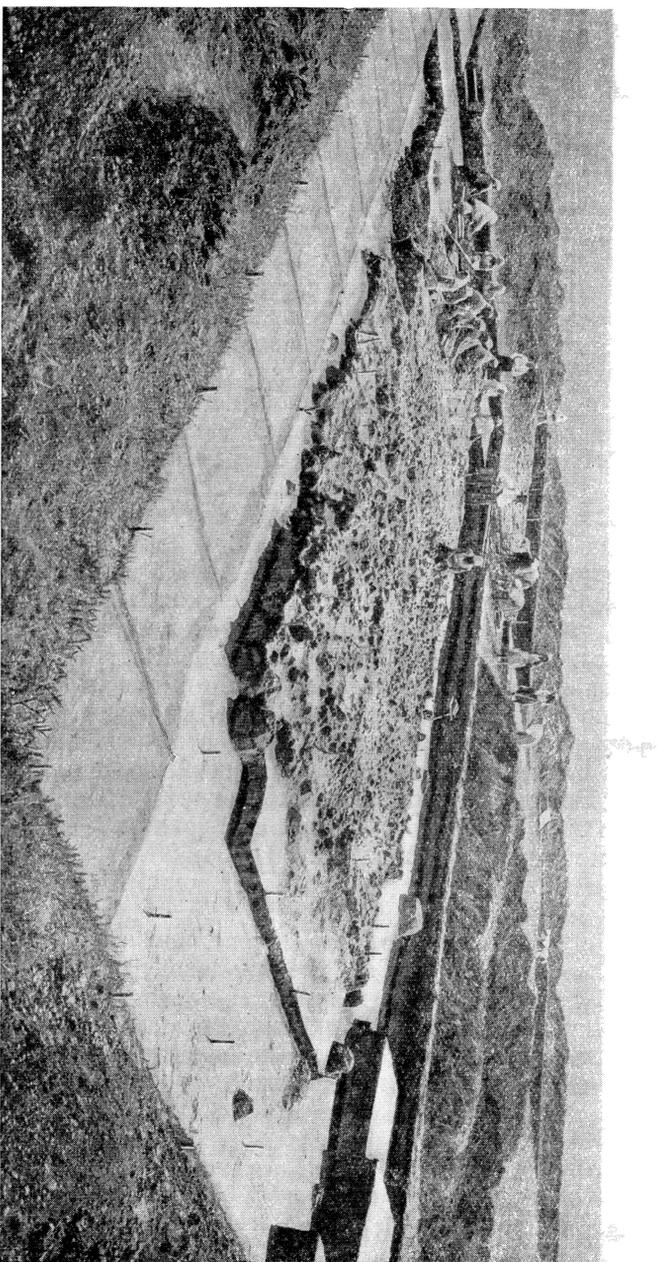
⁴ А. П. К р а с н и к о в, Трипольская керамика (технологический этюд). «Сообщения ГАИМК» № 1, Л., 1931, стр. 20.

⁵ Л. А. Д и н ц е с, Прочерченный трипольский орнамент культуры. «Аспирантский сборник ГАИМК», Л., 1929, вып. 1.

⁶ Т. С. П а с с е к. Спостереження мотивів орнаментациі посуду с Петрен. «Вестник Одесской комиссии краеведения», Одесса, 1925, № 2—3, стр. 3.

⁷ Сб. «Трипольська культура на Україні» Київ, 1926, вып. 1, стр. 165; «Jahrbuch für prähistorische Ethnogr. Kunst», Leipzig, 1927, S. 119.

⁸ Сб. «Трипольська культура на Україні», Київ, 1926, вып. 1, стр. 97; «Наукові записки ИИМК Академії наук УССР», Київ, 1934, кн. 1; там же, Київ, 1935, кн. 5—6.

Рис. 1. Ур. Коломийщина. Общий вид раскопок 1935 г. Вид с северной стороны на остатки жилищ № 3, 4, 5

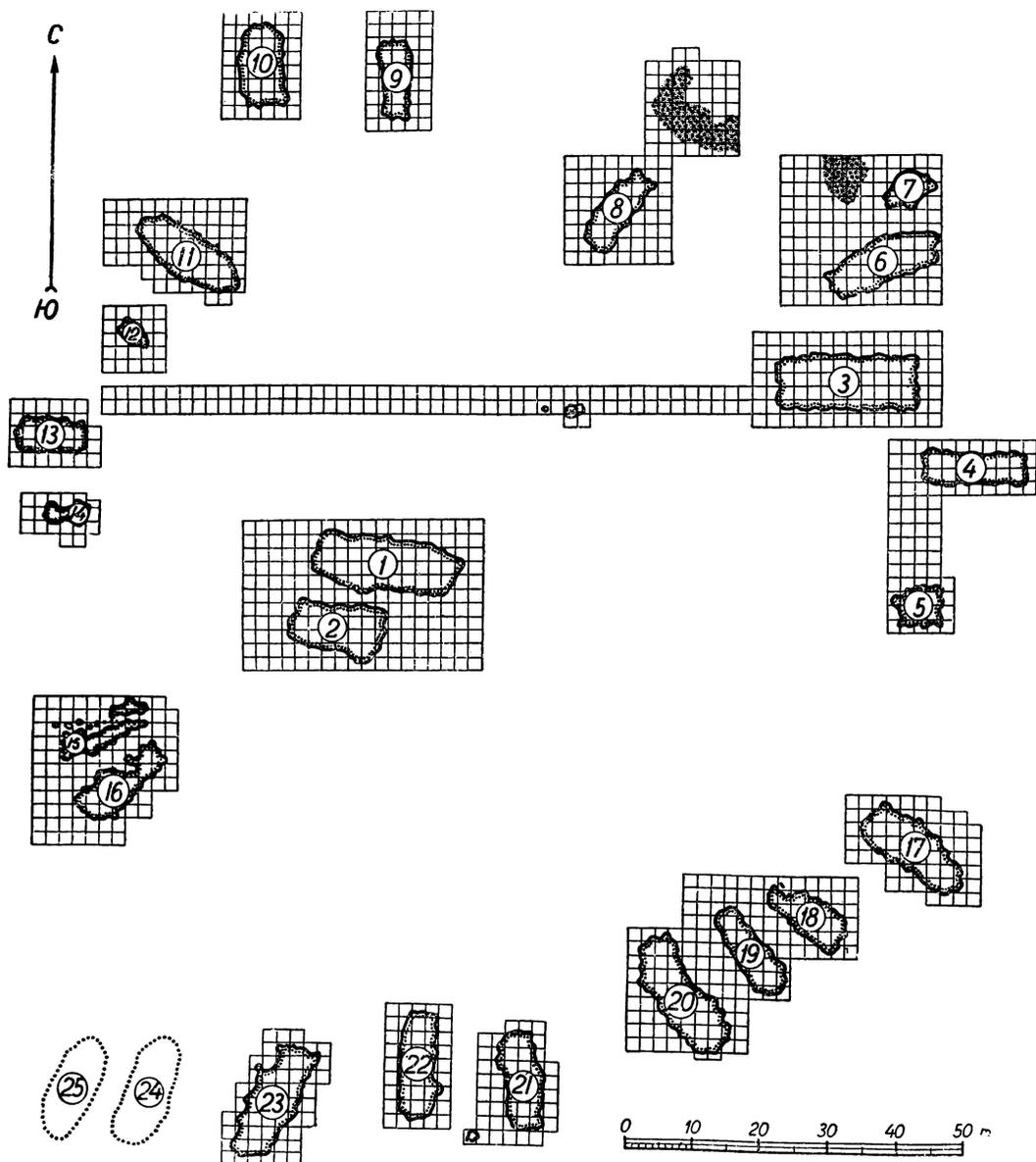

Рис. 2. Ур. Коломишчина. Схематический план поселения (раскопки 1934—1937 гг.). Обозначения: сплошной линией — раскопанные жилища; точками — «ракушечные кучи»; пунктиром — нераскопанные еще жилища

Из палеонтологов посвящает проблеме «Триполья» свои исследования В. И. Громова⁹ и изображению лошади посвящает статью Б. Л. Богаевский¹⁰. В 1937 г. появились две статьи И. Г. Пидопличка, посвященные анализу остатков фауны и геологическим наблюдениям, полученным в ре-

⁹ В. И. Громова, Материалы к познанию фауны Трипольской культуры. «Ежегодник Зоол. музея Академии наук СССР», 1927.

¹⁰ Б. Л. Богаевский, Изображение лошади в позднеродовом обществе Днепро-Днестровского района. «Сообщения ГАИМК», Л., 1931, № 1, стр. 20.

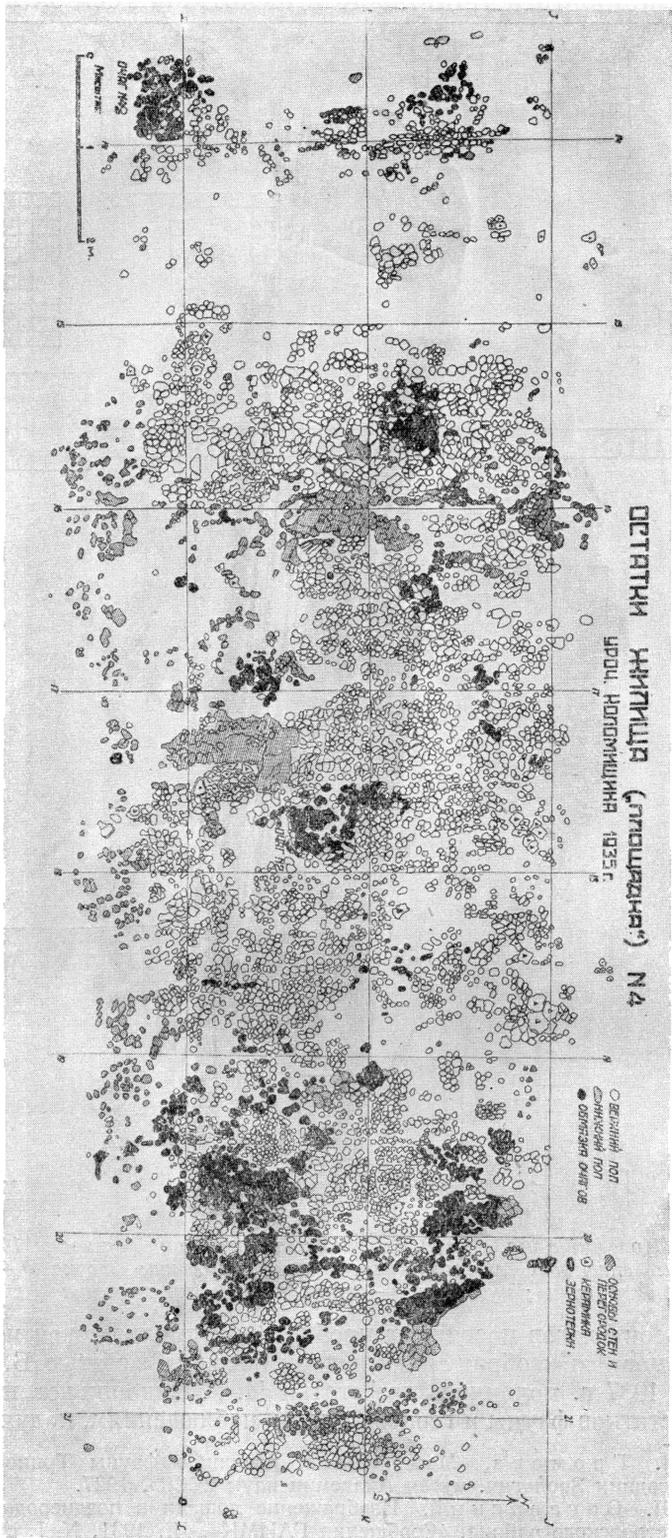

Рис. 3. Ур. Коломийщина. План остатков жилища № 4 (1935 г.)

зультате Трипольской экспедиции 1934 г.¹¹ В 1937 г. вышла книга Б. Л. Богаевского, представляющая переработку трех его докладов, прочитанных автором за время 1931—1933 гг.¹² Делая попытку показать развитие Трипольской культуры, автор, однако, при этом не учел большого добытого на территории СССР нового конкретного археологического материала, что в значительной мере обесценивает это исследование.

Достижением советской полевой раскопчной археологии за 20 лет явилось открытие памятников Трипольской культуры в совершенно новых районах, отстоящих от с. Триполье на сотни километров (рис. 1). Одним из таких районов является Одесский, где впервые были найдены погребения позднего «Триполья», относящиеся к эпохе металла. Здесь, начиная с 1921 г., Одесским музеем были произведены раскопки поселения у с. Усатово, близ Одессы. Культурный слой поселения дал интереснейший комплекс находок расписной керамики и грубой керамики серой массы с веревочным орнаментом, а также большое количество костяных и кремневых орудий, остатков костей домашних животных. Это открытое поселение не было при предварительном издании нового материала признано как принадлежащее к Трипольской культуре,—ближайшие аналогии ему искали на Востоке и в Средиземноморье. Однако позднее усатовские материалы со всей определенностью отнесены исследователями к поздним этапам развития Трипольской культуры¹³.

Одновременно с находками в Усатове было обращено внимание на ряд аналогий с ними среди памятников курганного типа в Причерноморье. Так, удалось сблизить керамику из Усатова с расписным сосудом, обнаруженным в кургане у Слободки-Романовки, близ Одессы, и также со всей группой находок в курганах с погребениями в скорченном положении в бассейне нижнего и среднего течения Днестра, с находками из курганов у с. Шабалат, близ Аккермана (Самоквасов), у с. Парканы, Терновка, в районе Тирасполя (Стемпковский), у с. Белозерка (Скадовский) на Нижнем Днестре¹⁴.

Таким образом, было установлено, что район распространения Трипольской культуры на поздней ступени своего развития доходит до берегов Черного моря, причем и поселение в Усатове и курганные погребения дают здесь иную стадию развития «Триполья», чем аналогичные памятники, открытые в более северных районах по Днепру и Бугу. На это указывает целый ряд признаков, в частности, и новый обряд погребения в курганах в скорченном положении, и анализ состава стада животных (преобладают бык, лошадь, овца, и ничтожное количество падает на кости свиньи, в отличие от района киевского «Триполья»), и степень развития керамического производства и т. п.

Огромный интерес представляют с этой точки зрения проводившиеся за эти годы раскопки курганов, расположенных в непосредственной близости к древнему поселению в Усатове. Наиболее интересным представля-

¹¹ И. Г. Пидопличка, Основні риси розвитку ландшафту сучасного трипільського плато. «Наукові записки ІІІМФ Академії наук УРСР», Київ, 1937, кн. 2, стр. 67; Его же—До питання про свійські тварини Трипільських поселен, там же, стр. III.

¹² Б. Л. Богаевский, Орудия производства и домашние животные Триполья, ГАИМК, 1937.

¹³ «Вестник Одесской комиссии краеведения», Одесса, 1925, № 2—3, стр. 4; сб. «Трипільська культура на Україні», Київ, 1926, т. I, стр. 8; И. И. Мещанинов, Кромлехи, «Известия ГАИМК», Л., 1930, т. VI, вып. 3, стр. 8—9.

¹⁴ Т. P a s s e k, ук. соч., стр. 73—76 и табл. XVIII, 1; XVIII, 2; XVIII, 3.

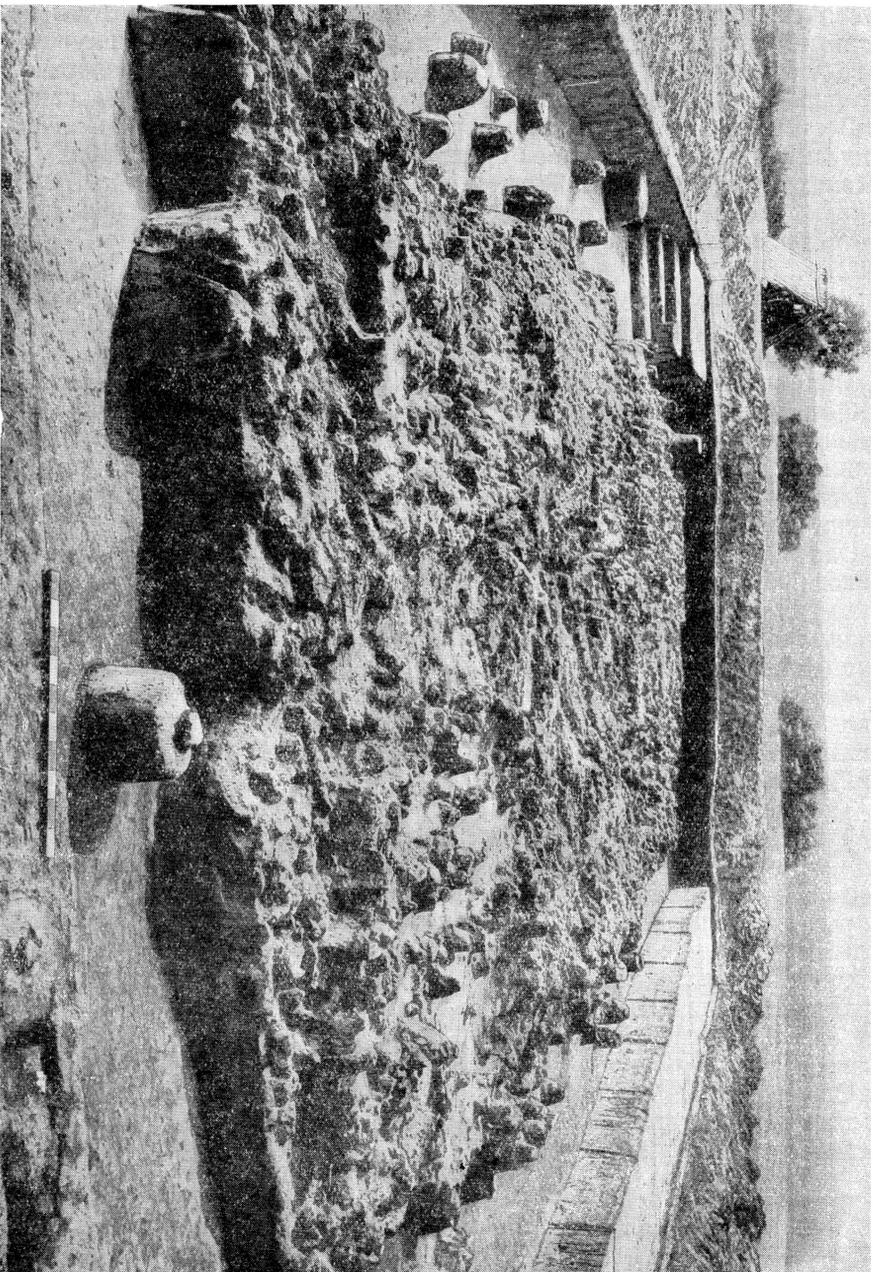

Рис. 4. Ур. Коломбитциша. Остатки эгилица № 4. Вид с восточной стороны (1935 г.)

ется наличие у основания кургана кромлеха с выходами по странам света и присутствие в таком кургане парного погребения (мужского и женского) в скорченном положении, находки керамики с черной росписью наряду с грубой керамикой, с оттисками веревочки и орудий из меди (плоский нож, медная мотыга). Здесь же были сделаны находки антропоморфных статуэток и каменного изображения быка. Этим кратким перечнем находок в Усатове, а также из курганов по Днестру, далеко не исчерпывается весь материал, который в корне меняет основные представления о границах распространения Трипольской культуры, о соотношении ее с культурой так называемых «скорченных костяков», а находки предметов из меди ставят снова, после работ В. В. Хвойко, вопрос о необходимости пересмотреть хронологические рамки существования Трипольской культуры на территории УССР и выделения различных этапов в ее развитии.

Вторым районом, где за последние 20 лет была сосредоточена археологическая работа, является район Каменец-Подольска и Могилева по среднему течению Днестра и его притоков Збруча, Жванца, Смотрича, Ушицы и др. Этот район обогатил советскую археологию поселениями Трипольской культуры с полихромной керамикой (спиральная роспись в три краски), находящей себе аналогию в известных, мирового значения, памятниках из Кукутен (Румыния), давших науке стратиграфию культуры западно-европейской архаической крашеной кермики¹⁵.

Именно в этом районе, на Подолии, после революции и ставятся археологические разведки, а позднее и раскопки трипольских памятников.

Отсюда еще во время мировой войны в 1915 г. была доставлена в Музей антропологии и этнографии Академии наук в Ленинград интереснейшая коллекция, главным образом, керамическая, собранная П. В. Сюзевым из окрестностей сс. Кудринцы и Дарибаны на Днестре¹⁶.

В 1926—1927 гг. археологические обследования и собирание подъемного материала проводилось в районе сс. Китай-Город, Деревляна, Фридривцы, Кадиевцы (ур. Бавки и ур. Бураковка), Текливка, Чернокозинцы, Липники, Вел. Мукша; раскопки же произведены у с. Кадиевцы (ур. Бавки), где была открыта трипольская «площадка» — глинобитная жилища постройка с остатками глиняных полов и печи. Кроме орудий из кремня (нож, наконечник стрелы), костей домашних животных, здесь обнаружено большое количество сосудов с черной росписью и с росписью в три краски, а также глиняные антропоморфные статуэтки и фигурки животных¹⁷.

Исследования различных пунктов указанного района после анализа открытых находок установили длительность существования здесь хронологически разновременных памятников «Триполья», сопоставляемых с находками из Румынии и Семиградья. Кроме этих пунктов, раскопки были проведены в районе Могилева Подольского, по р. Немии, в ур. Попов-Город, у с. Озаринцы¹⁸, где обнаружены материалы, аналогичные ранее известным с Борисовского городища.

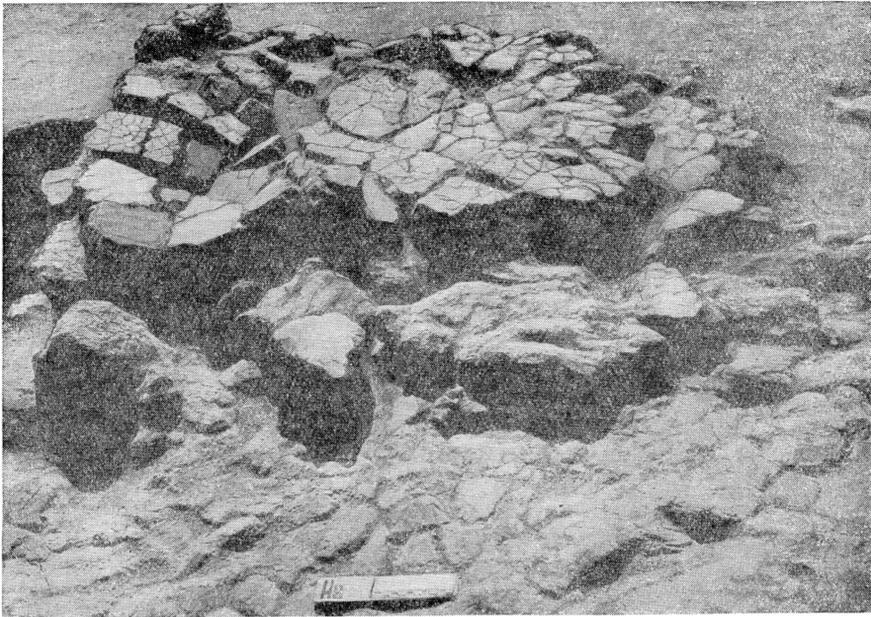
Третьим районом, где Трипольская культура оставалась почти вовсе неизученной в дореволюционные годы, является среднее течение р. Буга (Первомайск, Балта и выше по Бугу и его притокам). Открытиями, сделанными здесь, связываются между собой разные районы «Триполья», давая в памятниках переходные формы.

¹⁵ Н. Schmidt, Cucuteni. Berlin, 1932.

¹⁶ Т. Passек, ук. соч., стр. 44—49, табл. IV и V; красочн. табл. 2—4.

¹⁷ «Коротке звідомлення» за 1926 р. Київ, 1927, стр. 123.

¹⁸ «Антропология», Київ, 1929, ч. III, стр. 179.

Рис. 5. Ур. Коломыйщина. Остатки «пода» печи № 1 в жилище № 4; ниже—подстилка из «вальков» и пол жилища. Вид с северной стороны

Начало изысканий было положено еще в 1909 и 1913 гг. С. С. Гамченко, который продолжал вести их и в 1928—1929 гг. Им раскопаны здесь несколько пунктов в Тульчинском и Чечельницком районах у с. Белый Камень и у с. Стина¹⁹. У с. Белый Камень С. С. Гамченко обнаружил поселение Трипольской культуры, на котором им было раскопано 6 «площадок» с печами, остатками глиняного пола и стен. С. С. Гамченко, высказывавший еще и раньше свое мнение о характере и назначении трипольской «площадки», как жилища, после своих раскопок у с. Белый Камень получил еще одно подтверждение этому своему положению, шедшему вразрез с установившимся мнением В. В. Хвойко о ритуальном характере этого типа памятников. Наряду с большим количеством находок сосудов с черной росписью здесь обнаружены орудия из кости и рога, прекрасной сохранности мотыга с округлым отверстием на обушной части.

Кроме того, в с. Белый Камень выше уровня залегания остатков трипольских жилищ в промежутках между ними открыто 6 погребений в скорченном положении, с украшениями из бронзы—браслеты, кольца, спиральные подвески и т. п. Эти чрезвычайно интересные погребения в скорченном положении, без курганной насыпи, дают находки предметов эпохи бронзы, хронологически сменившей «Триполье» на территории УССР.

В 1932 г. на территории строительства Бугской электростанции было раскопано поселение у с. Сабатиновка на р. Синице, недалеко от места раскопок у Даниловой балки и Саврани, где вел свои работы в 1909 и 1913 гг. С. С. Гамченко. На поселении был открыт мощный культурный слой с многочисленными остатками орудий из кремня, кости и рога—проколки,

¹⁹ Материалы этих находок печатаются в издании ИИМК Академии наук УССР, Киев.

мотыги и керамика. Следует указать на находку костяной стеки с зубцами по краю—инструмент, употреблявшийся для нанесения штампов углубленного орнамента. Многочисленные фрагменты сосудов с таким орнаментом, найденные у села Сабатиновки, известны были ранее по находкам из Попова-Города (с. Озаринцы) и с Борисовского городища. На этом последнем за эти годы Н. Ф. Беляшевским также были поставлены раскопки, давшие аналогичный материал, что и ранее известный из его раскопок в 1904 г.²⁰

Наиболее систематически изученным районом за последние 20 лет следует считать окрестности г. Умани, где раскопки производились, начиная с 1924 по 1930 г.²¹, и возобновились в 1935 г. Этот район замечателен большой насыщенностью памятников Трипольской культуры разных этапов ее существования, а также открытием в последнее время здесь поселения необычайно больших размеров (Владимировка), где найдена модель жилища и где можно ожидать в будущем исключительных научных открытий. До октября Трипольская культура была известна в районе Умани лишь в единичных пунктах по раскопкам в Сушковке (1916 г.)²² и у сс. Попудня и Пьянишково (1915 г.)²³, в Звенигородском районе по раскопкам у с. Старая Буда (1906—1907 гг.) и у с. Колодистое на Гнилом Тикиче.

С 1925 г. возобновились систематические раскопки в нескольких пунктах около Умани, давшие за последние годы огромный новый материал по Трипольской культуре.

За эти годы вновь исследовано поселение у с. Сушковка²⁴, открыты новые у сс. Томашовка²⁵, Майданецкое, Владимировка, Красноставка²⁶, Колодистое на Синице, Паланка.

Помимо этого, в Уманском музее хранится богатое собрание материала «Триполья» из случайных находок у сс. Касеновка²⁷, Кочержинцы, Роскошешка и др. В итоге археологическая карта района Умани значительно дополнена памятниками культуры «Триполья», а раскопки на таких поселениях, как Владимировка²⁸, совершенно заново поставили вопрос о трипольском родовом поселении, его размерах, взаимном расположении отдельных жилищ («площадок»), их конструктивных особенностях и т. п. Путем сопоставления находок, происходящих из различных мест на Уманщине, прослежены также (как для района Каменец-Подольска) хронологически разновременные поселения «Триполья»²⁹.

В раскопках у с. Владимировки (1926 г.) обнаружено большое количество керамики, расписных сосудов, орудий из кремня, рога и кости. Тогда же здесь были открыты остатки жилища с печью прекрасной сохранности. В 1936 г. Трипольской экспедицией были произведены здесь разведочного характера работы. Поселение Владимировка находится на юг

²⁰ Сб. «Трипольська культура на Україні», Київ, 1926, вып. 1, стр. 1; «Коротке звітання» за 1925 р., Київ, 1926, стр. 67.

²¹ «Коротке звітання» за 1925 р., Київ, 1926, стр. 54. Там же, за 1926 р., стр. 45 и 54.

²² Сб. «Трипольська культура на Україні», Київ, 1926, вып. 1, стр. 43.

²³ M. Himmér, Étude sur la civilisation prémycénienne dans le bassin de la mer Noire, d'après des fouilles personnelles. Swiatowit, Warszawa, 1933, vol. XIV, p. 26.

²⁴ «Коротке звітання» за 1926 р., Київ, 1927, стр. 45.

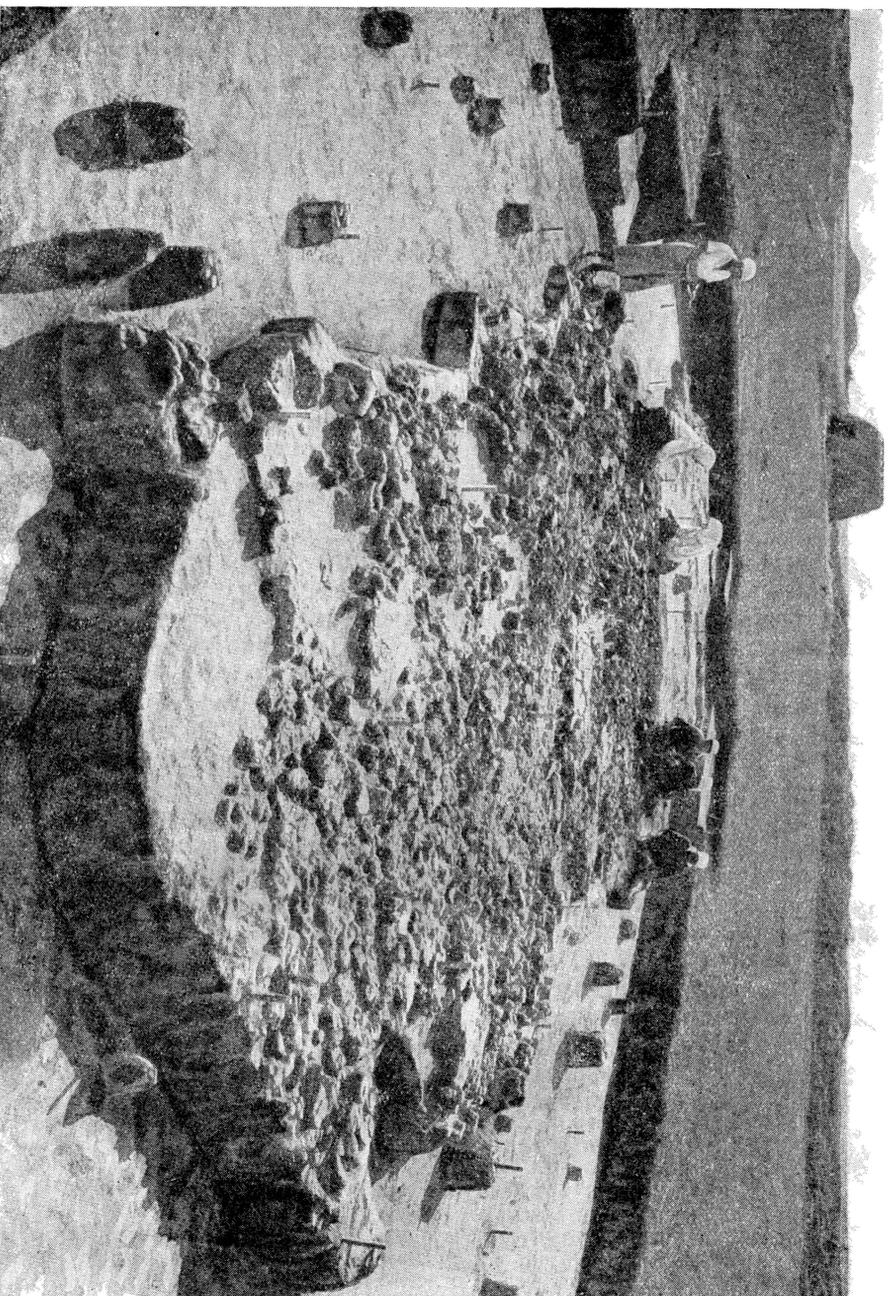
²⁵ Там же, стр. 54.

²⁶ Т. P a s s e k, ук. соч., стр. 90, табл. VI, рис. 1—4.

²⁷ Там же, стр. 72, табл. XV, рис. 5—11.

²⁸ Там же, стр. 49—58, табл. VIII; рис. 1—3 и 7.

²⁹ «Коротке звітання» за 1926 р., Київ, 1927, стр. 63.

Рис. 6. Ур. Коломийщина. Остатки жилища № 11. Вид с северо-западной стороны (1936 г.)

от с. Владимировки, на полях, непосредственно примыкающих к постройкам современного села, на берегу р. Синюхи (приток Буга). Площадь древнего поселения занимает здесь, в отличие от других, ранее известных (Попудня, Пьянишково, Халепье-Триполье и др.), территорию свыше 50 га распаханного в настоящее время поля. В процессе разведки 1936 г. были замечены на вспаханном поле располагающиеся в нескольких рядах остатки разрушенных 45 «площадок». Они занимали пространство у ската к реке, тогда как основная часть жилищ лежит выше, на плато, в черноземе, на глубине до 1 м, и осталась незатронутой при вспашке. Во время разведки собрано большое количество фрагментов сосудов, каменных зернотерок, интересная орнаментированная обмозка свода печи.

При исследовании одной из «площадок» (№ 17) была обнаружена глиняная модель жилища, как уже сказано выше, одна из замечательнейших находок за последние 20 лет в археологии. Эта модель, так же как и другие, найденные в том же Уманском районе (Сушковка, Попудня), — на ножках, но без печки: пол и стенки ее, в отличие от ранее известных, с внутренней и наружной стороны покрыты полихромной росписью. Кроме этой замечательной находки, на поселении Владимировка раскопано одно жилище (№ 1) с остатками глиняного пола, печи; на двух концах этого жилища были открыты крестообразные возвышения, видимо, ритуального характера, подобно тому возвышению, которое имеется на модели, обнаруженной в с. Попудня³⁰. Раскопки на поселении у с. Владимировки, давшие науке и сейчас немало уникального материала, лишь начаты и в ближайшие годы будут продолжаться.

В соседних с Уманью районах, в Звенигородском и Черкасском, производились раскопки в 1930 г. С. С. Гамченко у с. Андреевка; в 1937 г. Уманским музеем возобновлены раскопки у с. Старая Буда.

За последние 20 лет в области изучения Трипольской культуры совершенно по-новому выявлена северная граница распространения «Триполья» в переходном географическом районе (от лесостепной полосы к лесной). Этот район нужно считать заново открытым советскими археологами и заслуживающим особого внимания своими переходными, пограничными формами Трипольской культуры и особым типом трипольского жилища (землянки).

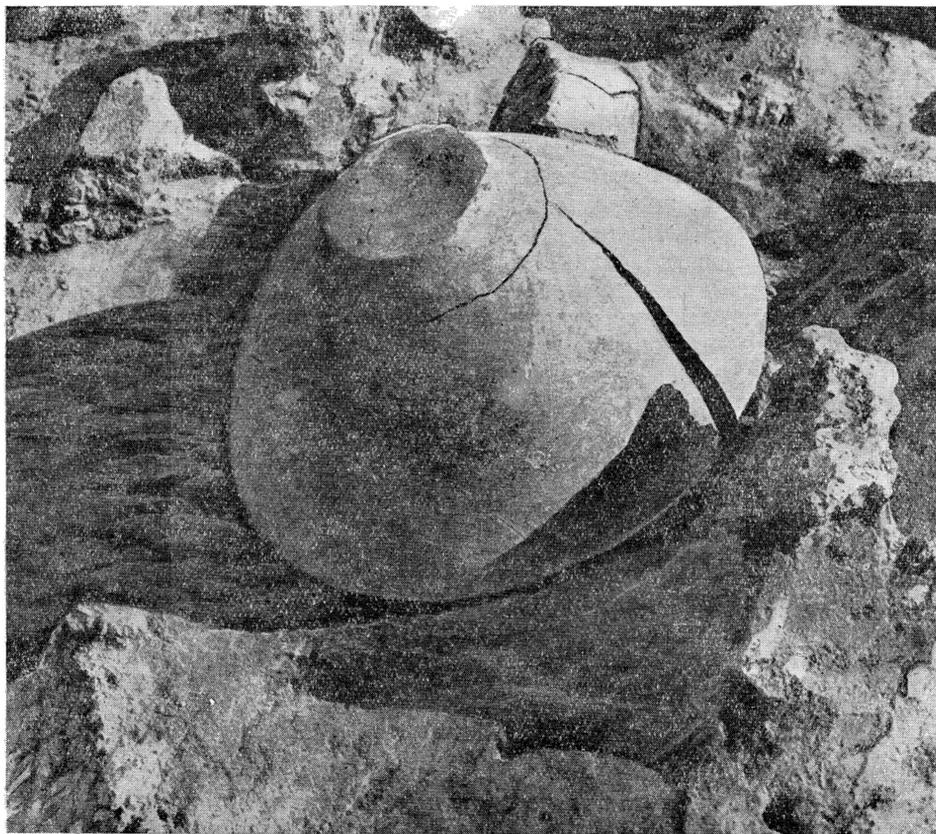
Так, на Волини, в Полесье, С. С. Гамченко в 1924 г. произвел раскопки курганов у с. Войцеховка, близ Житомира, где раскопанные курганы со скорченными костяками перекрывали культурный слой с остатками «Триполья». Здесь же С. С. Гамченко открыл места поселений с находками характерных фрагментов глиняных статуэток, пряслиц и керамикой с веревочным орнаментом и небольшим количеством расписных сосудов. Кроме этого, в 1926 г. С. С. Гамченко раскопал жилище («площадку») у с. Колодяжное (долина р. Тюхтеревки) с интересным комплексом находок орудий из кремня, расписной керамикой позднего «Триполья», фрагментов глиняных статуэток; здесь же была сделана находка медного топора, заслуживающего особого внимания, как и предметы из меди, обнаруженные в курганах у Усатова, также относящиеся к поздним ступеням развития «Триполья»³¹.

³⁰ М. Н i m e r, ук. соч., Swiatowit, Warszawa, 1933, vol. XIV, tabl. XVII и XVIII.

³¹ Материалы печатаются в изданиях ИИМК Академии наук УССР в Киеве.

Несколько северо-восточнее, по Десне, у Остра, на Черниговщине, производились раскопки в 1924—1926 гг. поселения у с. Евминка³². Это селение и находки, известные ранее у сс. Бортники и Гнедин (1912 г.)³³, а также у селения Лукаши (1916 г.), на Полтавщине, являются одними из наиболее северных пунктов обнаружения Трипольской культуры; они располагаются на левом берегу Днепра, в отличие от основной массы находок «Триполья», известных на Правобережье.

Следы «Триполья» в культурном слое у с. Евминка с этой точки зрения заслуживают особого внимания, причем в евминском комплексе залегают совместно и фрагменты трипольской расписной керамики и керамики

Рис. 7. Ур. Коломийщина. Большая чаша на полу жилища № 11

культуры так называемого «медного века» лесостепной полосы Восточной Европы. Пока в этом районе неизвестны «трипольские площадки», а, как и в Киеве, на Кирилловской горе, здесь обнаружены лишь землянки (Бортники) или залегание находок в песчаном золисто-гумусовом культурном слое, как в Евминке.

³² «Коротке звітлення» за 1925 р., Київ, 1926, стр. 61; там же за 1926 р., ст. р 81.

³³ Сб. «Чернигів і Північне Лівобережжя», Київ, 1928, стр. 42.

Аналогичная картина местонахождения памятников «Триполья» открыта в 1936 и 1937 гг. на Правобережье, на север от Коростышева, на городище «Червона гора» (на левом берегу р. Тетерева). Остатки «Триполья» залегают здесь под довольно мощным слоем раннефеодального периода³⁴.

Раскопки 1936—1937 гг. установили на «Червоний горі» наличие землянок с очагами. Культурный слой дал богатое собрание кремневых орудий (наконечники стрел, ножевидные пластинки, проколки и т. п.). В керамическом комплексе встречены совместно типы сосудов с сильно песчанистой массой, так называемой культуры «медного века», с веревочным орнаментом, и фрагменты расписных сосудов поздней стадии «Триполья» днестровского типа.

Таким образом, на городище «Червона гора» открыт еще один пункт местонахождения Трипольской культуры на границе лесостепи, составляющий вместе с находками Левобережья на Черниговщине и Полтавщине наиболее северный из известных в настоящее время.

Следы «Триполья» наблюдаются за последние годы в районе Бердичева на известном Райковецком городище, верхние слои которого относятся к средневековью. В 1926 г. в Райках же раскопано также погребение культуры «скорченных костяков», находившееся выше культурного слоя с находками «Триполья»³⁵.

Последним из районов, в котором наиболее интенсивно производились археологические раскопки советских археологов, является район окрестностей с. Триполья, где впервые были обнаружены В. В. Хвойко в конце XIX в. находки изучаемой культуры.

После Хвойко в этом районе в 1925—1926 гг. велись раскопки у сс. Халепье, Веремье и Балыки, которые, однако, не прибавили ничего нового к концепции Хвойко. Все же основные утверждения В. В. Хвойко (о ритуальном характере «площадок») требовали проверки, а его положения о стратегической памяти памятников—уточнения. Наконец, требовалось проверить приводимые им описания планов поселений и расположения в них отдельных построек.

Все это могло быть осуществлено лишь путем проведения новых раскопок, и именно в том районе, где вел их Хвойко.

Таким образом, объединенными силами археологов Киева, Москвы и Ленинграда (Трипольская экспедиция) были начаты систематические исследования именно здесь. Раскопки Трипольской экспедиции³⁶, начиная с 1934 г. и по 1937 г., были сосредоточены на вновь открытом поселении Трипольской культуры близ с. Халепье, на Днестре, Киевской области, Обуховского района, в ур. Коломийщина-Кринички. Эти стационарные, из года в год проводившиеся раскопки в одном и том же пункте дали возможность впервые в археологической практике раскопать древнее поселение целиком.

Постепенное вскрытие большими площадями позволило выявить границы поселения, установить план расположения на нем по определенной системе, по кругу, отдельных глинобитных построек, выяснить их функциональное значение, как жилищ, установить размеры, конструктивные

³⁴ Материалы печатаются в издании ИИМК Академии наук УССР в Киеве.

³⁵ «Юротке звідомлення» за 1926 р., Київ, 1927, стр. 71.

³⁶ Трипольская экспедиция была организована Гос. Академией истории материальной культуры им. Н. Я. Марра и ее Московским отделением совместно с Институтом истории материальной культуры Академии наук УССР.

особенности постройки, охарактеризовать культурный слой на поселении и выяснить стратиграфию залегания памятников (рис. 2).

Исследуемое поселение расположено на высокой части плато (правый берег Днепра), прорезанного с двух сторон небольшими балками. Оно находится на юго-восток от с. Халепье, в 5 км от Днепра, по дороге в с. Стайки. За четыре года раскопок на этом поселении Трипольской экспедицией вскрыто свыше 6 тыс. кв. м и раскопано 24 жилища. К 1937 г. выяснено, что обнаруженные 23 жилища (№ 3—25) располагались по определенной системе, по кругу, будучи ориентированы по радиусам. Как показали раскопки 1937 г. центральной части поселения, три жилища (№ 1, 2 и 26) находились внутри круга (рис. 3).

В глинобитных жилищах этих, прямоугольных в плане и значительных по площади (большие от 70 кв. м до 140 кв. м; малые—20—30 кв. м и даже меньше), изучены остатки основ глинобитных стен; пола, перегородок и возвышений внутри такого дома. Перегородки эти делили дом на несколько ячеек, связанных, видимо, с расположением отдельных печей (рис. 4—7)³⁷.

Все эти наблюдения дали в руки советских археологов огромного значения материал по трипольскому родовому поселению периода раннего земледелия на Днепре. Помимо жилищ, в процессе раскопок которых особое внимание было обращено на способы их сооружения из различного строительного керамического материала (глиняные плитки пола, обмазка глиняная в форме «вальков» и т. д.), экспедицией изучалась конструкция печей, сделанных разнообразными приемами на деревянном каркасе (из плах и жердей), обмазанном глиной. Наружная часть свода такой печи бывала окрашена красной краской.

Непосредственно за пределами жилищ открыты две так называемые «ракушечные кучи» (кухонные отбросы с мощным слоем, содержащим остатки раковин *Unio*, костей домашних животных, рыб, щитов черепахи, фрагментов керамики и т. п.). Кроме этого, значительное количество костей диких и домашних животных собрано в культурном слое поселения³⁸.

В дополнение к ранее открытым В. В. Хвойко остаткам обугленных зерен пшеницы, ячменя и проса экспедицией обнаружены, как показал анализ угля, остатки дуба и следы отпечатков желудей в глиняной обмазке на поселении в ур. Коломийщина-Кринички.

Кроме этого, Трипольской экспедицией сделан ряд интересных находок орудий из кости и рога—мотыги, топоры; кремневые орудия—ножи, скребки и известные ранее лишь в единичных экземплярах кремневые стрелки. Во всех жилищах найдены также каменные зернотерки. Наибольшее количество находок падает на керамику. Несколько сот сосудов различной формы, техники и разнообразного хозяйственного назначения—сосуды для хранения зерна, для приготовления лепешек, для варки пищи, для хранения красок и т. п.—обнаружены на поселении. Исключительный интерес представляют открытые в жилищах глиняные статуэтки (женские и мужские) культового характера. Экспедиция установила залегание памятников «Триполья» в слое чернозема, опровергнув этим

³⁷ Т. С. Пассек—Новые исследования в области Трипольской культуры. «Советская археология», Л., 1937, Академия наук СССР, вып. III, стр. 223.

³⁸ Т. И. Пидопличка—До питання про свійскі тварини Трипольських поселень. «Наукові записки ІИМК Академії наук УРСР», Київ, 1937, кн. 2, стр. 67.

высказанное ранее некоторыми исследователями мнение о расположении «площадок» непосредственно на лёссе.

В целом работы Трипольской экспедиции за последние годы заметно обогатили те материалы, которые вошли в общий фонд исторических источников по древнейшей истории СССР³⁹.

Краткий обзор изучения «Триполья» показал значительные сдвиги, достигнутые советскими археологами за 20 лет. В настоящее время подготовлен к печати ряд археологических отчетов о раскопках последних лет, увеличивших не менее чем в 10 раз количество трипольских памятников по сравнению с тем, что было известно в дореволюционные годы. Значительно пополнены за это время музейные собрания Киева, Одессы, возникли новые собрания в Умани, Житомире, Бердичеве, Каменец-Подольске, Тульчине, Чернигове, Первомайске и др.

За 20 лет советские археологи достигли в изучении Трипольской культуры, в основном, следующих результатов:

1. Область распространения «Триполья» на Украине установлена во много раз бóльшая по сравнению с той, которая была известна до революции.
2. Количество памятников Трипольской культуры достигло тысячи.
3. Установлены географические районы Трипольской культуры и получена характеристика ее исторических этапов.
4. Целиком изучено трипольское родовое поселение и точно установлено, что «площадки» являются остатками жилищ, конструктивные особенности которых известны теперь во всех деталях.
5. Добыт громадный фактический материал для решения основных культурно-исторических вопросов, в частности, о процессе развития «Триполья» на территории СССР, начиная с самых ранних его этапов и до самых поздних. Эти новые положения, установленные советскими археологами, окончательно разоблачают расово-миграционные построения фашистских «ученых», пытающихся объяснить возникновение поселений с расписной керамикой в Днепровско-Днестровском бассейне проникновением индогерманцев еще в неолитическое время в район Поднепровья.

Заканчивая краткий обзор сделанного советскими археологами за 20 лет в области исследования Трипольской культуры, необходимо выделить те моменты, по которым должно развиваться дальнейшее изучение проблемы «Триполья». Прежде всего следует продолжать раскопки памятников Трипольской культуры, систематически ведущиеся Трипольской экспедицией на поселении ур. Коломийщина-Кринички, и там же, поблизости от поселения, поставить поиски места могильника.

Если в настоящее время вопрос о «площадках» решен бесповоротно в пользу жилища, то одновременно с этим встает задача выяснить характер трипольского погребального обряда. Остаются ли в силе предположения ученых о существовании в этот отдаленный период обряда сожжения и сохранения «урн с пеплом» или же мы имеем в «Триполье» какие-то иные формы погребения? За последние годы уже выяснилось, что для поздней ступени развития Трипольской культуры (курганы в Усатове, Белозерке и по нижнему течению Днестра) характерными являются захоронения в скорченном положении в курганах. Однако это далеко еще

³⁹ Первый том археологических отчетов Трипольской экспедиции в настоящее время готовится к изданию Академии наук УССР.

не решает вопроса в целом, в частности, для других районов распространения культуры.

Если предположить, что на ранних ступенях развития практиковалось сжигание трупов, то где тогда устанавливались эти «урны с пеплом» — в специальном ли помещении, как думал Э. Р. Штерн («дома мертвых», открытые им в Петренах), или же прах покойного хранился в жилом доме, в особой его части.

Следующим, не менее интересным заданием, которое стоит перед исследователем Трипольской культуры, является проведение в районе, где идут стационарные раскопки, широкой археологической разведки, направленной на поиски новых трипольских поселений и на прослеживание взаимоотношений их друг с другом в одном географически связанном районе. В итоге такой разведки получится археологическая карта трипольских поселений, и совершенно по-новому представится историческая картина жизни древнейших земледельцев на территории СССР.

Новые материалы Трипольской культуры, открытые у нас в Союзе на территории Украины, освещают интересную страницу из истории Северного Причерноморья и дают тем самым возможность прослеживать историю этого края с древнейших времен.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>д.р.ф. А. Мишулин</i> , Советская историография и задачи древней истории (передовая)	3
<i>Акад. В. В. Струве</i> , Изучение истории древнего Востока в СССР за период 1917—1937 гг.	13
<i>Проф. Б. Грозный</i> (Прага), Об одной интересной «хеттской» иероглифической надписи	23
<i>Акад. Н. М. Никольский</i> , Проблемы критики Библии в советской науке	30
<i>Проф. В. И. Авдиев</i> , Военная политика Египта в эпоху архаики и Древнего Царства	45
<i>А. П. Ковалевский</i> , Новооткрытый текст Ибн-Фадлана	57
<i>С. П. Толстов</i> , К истории древнетюркской социальной терминологии	72
<i>Н. А. Машкин</i> , Агонистики, или циркумцеллионы, в кодексе Феодосия	82
<i>Проф. А. В. Мишулин</i> , Миф об Антее у древних авторов	93
<i>М. Шангин</i> , Аттическая свинцовая табличка	101
<i>Л. И. Якунина</i> , Древняя иранская ткань из собрания Государственного Исторического музея	104

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

<i>И. И. Умняков</i> , «История» Фахрэддина Мубаракшаха	108
<i>Н. А. Машкин</i> , Из литературы о принципате	116
<i>Проф. А. Мишулин</i> , Открытие древнейшей цивилизации в долине Инда	121
<i>Проф. В. И. Авдиев</i> , Г. Р а н к е—Египетские личные имена	123
<i>Н. М.</i> , Новая работа по истории религии	125
<i>Т. С. Пассек</i> , О дилетантизме в науке	129
Обзор иностранных журналов	131

ХРОНИКА

<i>Д. Н. Эдинг</i> , Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г.	138
--	-----

МАТЕРИАЛЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР

<i>Акад. С. А. Жебелев</i> , Народы Северного Причерноморья в античную эпоху	149
Под ред. <i>акад. Н. М. Никольского</i> , Проблемы древней истории Белоруссии	164
<i>С. П. Толстов</i> , Основные вопросы древней истории Средней Азии	176
<i>А. И. Теренозкин</i> , К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии	204
<i>С. А. Токарев</i> , Из истории якутского народа	216
<i>С. В. Киселев</i> , Советская археология Сибири периода металла	228
<i>А. П. Окладников</i> , Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья	244
<i>Т. С. Пассек</i> , Исследования Трипольской культуры в УССР за 20 лет	261

SOMMAIRE

Page

<i>Prof. A. V. Michoulin</i> , Historiographie soviétique et problèmes d'histoire ancienne (Editorial)	3
<i>V. V. Strouvé</i> , de l'Académie des Sciences de l'URSS, L'étude de l'histoire de l'ancien Orient en URSS (1917—1937)	13
<i>Prof. B. Hrozný</i> (Prague), Une Inscription curieuse hiéroglyphique «hittite»	23
<i>N. M. Nikolsky</i> , de l'Académie des Sciences de l'URSS, Problèmes de critique de la Bible par la science soviétique	30
<i>Prof. V. I. Avdieff</i> , Politique militaire en Egypte en époque archaïque et Royaume Ancien	45
<i>A. P. Kovalevsky</i> , Découverte récente du texte d'Ibn-Fadlan	57
<i>S. P. Tolstoff</i> , Histoire de la terminologie sociale en ancien turk	72
<i>N. A. Machkin</i> , Agonistiques ou «circoncussions» dans le Code de Théodose . .	82
<i>Prof. A. V. Michoulin</i> , Le mythe d'Antée chez les auteurs anciens	93
<i>M. Changuin</i> , Une tablette de plomb attique	101
<i>L. I. Yakounina</i> , Une tissu d'Iran (collection du Musée Historique d'Etat) . .	104

CRITIQUE et BIBLIOGRAPHIE

<i>I. I. Oumniakoff</i> , «L'histoire» de Fakhru'd Din Mubarakshah	108
<i>N. A. Machkin</i> , Aperçu de la littérature sur le principat	116
<i>Prof. A. Michoulin</i> , Découverte d'une civilisation ancienne dans la vallée de l'Indus	121
<i>Prof. V. I. Avdieff</i> , H. R a n k e—Die ägyptischen Personennamen	123
<i>N. M.</i> , Oeuvre nouvelle d'histoire de la religion	125
<i>T. S. Passek</i> , Dilettantisme en science	129
Revue des journaux étrangers	131

CHRONIQUE

<i>D. N. Eding</i> , Travail expéditionnaire des archéologues de Moscou en 1937 . . .	138
---	-----

CONTRIBUTIONS A L'HISTOIRE ANCIENNE DES PEUPLES DE L'URSS

<i>S. A. Gebeleff</i> , de l'Académie des Sciences de l'URSS, Peuples du pays du Nord de la Mer Noire en époque antique	149
<i>N. M. Nikolsky</i> , Redacteur, Problèmes d'histoire ancienne de la Russie Blanche	164
<i>S. P. Tolstoff</i> , Questions principales d'histoire ancienne d'Asie Centrale	176
<i>A. I. Terenojkin</i> , Etude historique et archéologique du Kazakhstan et de la Kirghizie	204
<i>S. A. Tokareff</i> , Précis de l'histoire du peuple des yakouts	216
<i>S. V. Kisseleff</i> , Archéologie soviétique de la Sibérie à l'époque du métal	228
<i>A. P. Okladnikoff</i> , Données archéologiques d'histoire ancienne de la Région du Baikal	244
<i>T. S. Passek</i> Exploration de la culture de Tripolye en RSSU depuis vingt ans	261

Цена 10 руб.

ОГИЗ

СОЦЭКГИЗ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 2-е полугодие 1938 г.

на журнал

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

4 номера в год

ЦЕЛЬ ЖУРНАЛА—марксистско-ленинская постановка и освещение проблем древней истории, в первую очередь—истории народов СССР.

ЖУРНАЛ ПОМЕЩАЕТ—научно-исследовательские статьи по древней истории народов СССР, а также по всеобщей истории древнего мира и по истории Византии.

ЖУРНАЛ ПУБЛИКУЕТ—новейшие археологические открытия и освещает достижения советской и западноевропейской исторической науки.

В ЖУРНАЛЕ ПОМЕЩАЕТСЯ—обзор иностранных журналов по вопросам древней истории, рецензии на книги, выходящие за границу и в СССР.

В ЖУРНАЛЕ УЧАСТВУЮТ—крупнейшие научные силы Института истории, Института истории материальной культуры и Института востоковедения Академии наук СССР, а также научные силы Московского и Ленинградского университетов и научных учреждений Союзных республик СССР.

Кроме советских ученых, в журнале принимают участие крупнейшие передовые представители западноевропейской исторической науки.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН на научных работников, аспирантов, преподавателей истории, студентов, научные кабинеты и библиотеки.

К каждому номеру журнала, как правило, дается приложение, содержащее статьи и материалы по древней истории СССР или законченные специальные монографии по отдельным вопросам древней истории.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес. . . . . 40 руб.
на 6 мес. . . . . 20 руб.
на 3 мес. . . . . 10 руб.

Цена отдельного номера 10 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ отделениями, магазинами, киосками, уполномоченными Когиза, на почте, в Главной конторе подписных и периодических изданий Когиза, Москва, Маросейка, д. 7.

О П Е Ч А Т К И

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Надо читать</i>
12	2 снизу	1937	1936
27	21 снизу	стр. 22	стр. 23
103	3 снизу	δτω	οβτω
136	9 сверху	Раскопками	Раскопкам
В оглавлении 9 сверху		Royome	Royame

Вестник древней истории № 1(2).

Henker